XXIV 3/26
т. I
1906 ч. 2

С 57/28 XXIV 3/26

ЗАПИСКИ

КРАСНОЯРСКАГО ПОДЪОТДѢЛА

Восточно-Сибирскаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

ПО ЭТНОГРАФІИ.

Томъ I.

Выпускъ II.

Изданъ подъ редакціею Г. Н. Потанина.

ТОМСКЪ

Паровая типографія Н. И. Орловой.

1906.

Изданіе Подъотдѣла и ихъ содержаніе.

Извѣстія.

Томъ 1, выпускъ 1. 1901 г. Протоколъ торжественнаго публичнаго засѣданія Красноярскаго Подъотдѣла В.-С. О. ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества 28 Января 1901 г. (Открытіе Подъотдѣла).

Томъ 1, выпускъ 2, 1901 г. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета Красноярскаго Подъотдѣла В.-С. О. ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества по 4 Мая 1901 г. (Протоколы касаются организаціи дѣятельности Подъотдѣла).

Томъ 1, выпускъ 3. 1902 г. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета съ 20 сентября по 23 декабря 1901 г. и общаго собранія 10 декабря *Е. К. Яковлевъ.* Этнографическія замѣтки о Сойотахъ—Урянхайцахъ (повѣсти. легенды, пословицы). *А. В. Вознесенскій.* Записка объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій.

Томъ 1, выпускъ 4, 1902 г. *В. Ю. Григорьевъ.* О значеніи мѣстныхъ музеевъ вообще и Минусинскаго въ частности. *С. В. Востротинъ.* Адольфъ Эрикъ Норденшильдъ, біографическій очеркъ. *Я. А. Макеровъ.* Иванъ Васильевичъ Чушкетовъ, біографическій очеркъ. *А. В. Адріановъ.* Нахожденіе костей мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ въ окрестностяхъ с. Сухобузимскаго. Приложенія. 1. Программа для собиранія свѣдѣній о деревенскомъ бытѣ. 2. Записка. *Е. Г. Шольца* о статистическомъ изслѣдованіи о числѣ лицъ въ Енисейской губерніи, удовлетворяющихъ цензу, установленному закономъ для присяжныхъ повѣренныхъ. 3. Инструкція для руководства членамъ библіографической коммиссіи при занятіи ихъ регистраціей библіографическаго матеріала. 4. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета съ 1 Января по 27 Мая 1902 г. 5. Отчетъ Красноярскаго Подъотдѣла за 1901 годъ. Списокъ учрежденій и лицъ, съ которыми велись сношенія и обмѣнъ изданіями.

Томъ 1. выпускъ 5, 1903. Професс. *А. М. Зайцевъ.* Въ поискахъ за рудным золотомъ (изъ недавнихъ поѣздокъ по Сибири). *П. Е. Островскихъ.* О положеніи женщины у инородцевъ Туруханскаго края. *В. Ю. Григорьевъ.* Замѣтки объ Ивановскомъ свеклосахарномъ заводѣ г-жи Гусевой. *П. Е. Островскихъ.* Мангазейская книга. Протоколы Засѣданій Распорядительнаго Комитета и общихъ собраній во вторую половину 1903 года. Отчетъ Красноярскаго Подъотдѣла за 1903 годъ.

Томъ 1, выпускъ 6, 1904 г. *В. Ю Григорьевъ.* Красноярское Географическое Общество на исходѣ трехъ лѣтъ своего существованія. *В. Ю. Григорьевъ.* С. Каратузское и проживающее въ немъ постороннее населеніе. *П. Островскихъ.* Поѣздка на о. Ессей. *П. Островскихъ.* Къ маршрутной картѣ о. Ессей въ Туруханскомъ краѣ. *В. Анучинъ.* Матеріалы къ областному словарю Сибирскаго нарѣчія. *Я. Прейнъ.* Дополнительныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи липы въ окрестностяхъ Красноярска. *Я. Прейнъ.* Списокъ растеній, собранныхъ лѣтомъ 1902 г. въ долинѣ р. Хормы Бирюсинской золотоносной системы. *Я Прейнъ.* Списокъ растеній, собранныхъ въ окрестностяхъ с. Алтатъ Ачинскаго уѣзда. Енисейск. губ. лѣтомъ 1902 г. *В. Анучинъ.* Работы по обслѣдованію волостныхъ и церковныхъ архивовъ Енисейской губ. (краткое предварит. сообщеніе). *А. Кауфманъ* Нѣмецкій экономистъ о колонизаціи Сибири. Протоколы Засѣданій Распорядительнаго Комитета и общихъ собраній съ 18 мая по 18 декабря 1903 г. Отчетъ Красноярскаго Подъотдѣла за 1903 г. Списокъ членовъ Красноярскаго Подъотдѣла. Положеніе о преміи имени поч. почетн. гражд. Л. Н. Кузнецова при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Томскомъ Университетѣ. *В. Анучинъ.* Замѣтка по поводу печатанія „Матеріаловъ къ областному словарю сибирскихъ нарѣчій". Схематическая маршрутная карта путешествія на оз. Ессей.

С 57/28. XXIV 3/26

ЗАПИСКИ

Красноярскаго Подъотдѣла

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

По этнографіи.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ II.

Изданъ подъ редакціею Г. Н. Потанина.

ТОМСКЪ.
Паровая типографія Н. И. Орловой.
1906.

Печатается по постановленію Распорядительнаго Комитета Красноярска Подъотдѣла И. Р. Географическаго Общества.

40565-41

57/28 XXIV 3/26

РУССКІЯ и ИНОРОДЧЕСКІЯ

СКАЗКИ

Енисейской и Томской губерній.

MITTHEILUNGEN

der Krassnojarsker Unter-Abtheilung der Kaiserlichen Russischen Geographischen Gesellschaft.

Russische und fremdstämmige Märchen in Enisseier und Tomsker gouvernements.

Band I.

Lieferung II.

Tomsk.

1906.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . I.

Русскія сказки Енисейской и Томской губерній.

Сказки, записаныя Григ. Бондаремъ у русскаго населѣнія въ низовьяхъ Ангары.

1. Безручка . . . . . 1.
2. Попъ . . . . . 5.
3. Пѣтушокъ . . . . . 6.
4. Иванъ дуракъ . . . . . 9.
5. Медвѣдь царевичъ . . . . . 12.
6. Козликъ золоты рожки . . . . . 15.
7. Иванъ дуракъ . . . . . 18.
8. Марьюшка . . . . . 22.

Сказки, записанныя Н. Адріановой.

9. Два брата . . . . . 31.
10. Копылокъ . . . . . 33.
11. Коза . . . . . 36.

Сказки, записанныя М. И. Ермоленко въ с. Гляденъ.

12. О комарѣ и паутѣ . . . . . 41.
13. О комарахъ и мошкахъ . . . . . —

Сказка, записанная г. Гнетневымъ А. Д. Мысовой.

13. Тархъ Тараховичъ . . . . . 45.

Преданія и сказки, записанныя въ Томской губерніи. Преданіе, записанное Е. Ф. Карбышевой въ Томскѣ.

14. Преданіе о Софійской звонницѣ въ Кіевѣ . . . . . 55.

Сказки, записанныя В. Г. Булгаковымъ въ 1904 г. (въ с. Коуракъ Томск. губ.).

15. О Иванѣ царевичѣ и Русой Русѣ . . . . . 59.
16. О Василіи, солдатскомъ сынѣ . . . . . 64.
117. О бабушкѣ Домнѣ . . . . . 68.
18. О волкѣ и двухъ сестрахъ (не плюй въ колодецъ—пригодится воды напиться] . . . . . 70.

19. О любопытномъ мужикѣ . . . . . 72.
20. О разбойникахъ и крестьянской дочери . . . . . 73.
21. О дьяволовомъ сынѣ . . . . . 74.
22. Настасья золота-коса и Иванъ царевичъ . . . . . 75.
23. О свикѣ, буркѣ и вѣщей коуркѣ . . . . . 79.
24. Иванъ дуракъ и баба-Яга . . . . . 81.

Сказки, записанныя Вал. Ѳ. Булгаковымъ. въ 1905 г. въ с. Бердскомъ.

25. О мальчикѣ, купеческомъ сынѣ . . . . . 85.
26. О Вавилонскомъ государствѣ . . . . . 94.
27. О Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ . . . . . 98.
28. О Невидимомъ государствѣ . . . . . 108.
29. Объ Идолищѣ и о Иванѣ, царскомъ сынѣ . . . . . 115.
30. Про Ванюшку, майорскаго сына . . . . . 129.
31. О Воронѣ Вороневичѣ, Вихрѣ Вихревичѣ, сильномъ могучемъ богатырѣ . . . . . 132.
32. О царской дочери и о Ванюшкѣ, купеческомъ сынѣ . . . . 136.
33. О Марфидѣ-царевнѣ и о мальчикѣ, солдатскомъ сынѣ . . . . 140.
34. О Маркѣ Скоробогатомъ . . . . . 144.
35. О львицѣ и двухъ царскихъ сыновьяхъ . . . . . 146.
36. О двѣнадцати братьяхъ, по локти руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ . . . . . 149.
37. О двойнѣ-сестрѣ съ братомъ и объ ея охотѣ . . . . . 153.
38. О Кривомъ Ерахтѣ и объ отцѣ-дьяконѣ . . . . . 159.
39. О Настасѣѣ Прекрасной . . . . . 167.
40. О солдатѣ, царской дочери и объ Идолищѣ . . . . . 173.
41. О трехъ братьяхъ—двухъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ и о третьемъ-простомъ . . . . . 175.
42. О томъ, какъ два царя на одной женѣ женились . . . . . 179.

Преданія, записанныя Г. Потанинымъ въ д. Уймонъ.

43. Преданіе о томъ, что прежде цари доставлялись чортомъ съ востока . . . . . 187.
44. Царица Романа и царь Скарида . . . . . 188.
45. Папа римскій, Миконъ и Арсентій . . . . . 189.
46. Давидъ и Голіафъ . . . . . 191.
47. Каликарская земля . . . . . 192.

Сказки инородцевъ Енисейской и Томской губерній.

Татарская сказка, записанная Вал. Булгаковымъ въ Камляжской волости.

48. Шаньжура . . . . . 195.

Тунгузская сказка, записанная Григ. Бондаремъ.

49 Кирундышъ . . . . . 203.

Сказки, записанныя экспедиціей г. Швецова по изслѣдованію быта инородцевъ въ 1900 г. въ Кузнецкомъ районѣ.

50. Алтынъ Арыхъ . . . . . 209.
51. Алатай богатырь . . . . . 214.
52. Байгокъ-Ратылъ-Паралегонъ . . . . . 218.
53. Три брата . . . . . 226.
54. Алтынъ-ханъ . . . . . 231.
55. Сказка о синемъ богатырѣ. . . . . 234.
56. Золотой конь . . . . . 236.
57. Лежачій богатырь . . . . . 240.
Примѣчанія . . . . . 246.

Указатели къ 1 и 2 выпускамъ II тома Записокъ Красноярскаго Подъотдѣла И. Р. Географическаго Общества.

Указатели къ 1 выпуску.

Указатель собственныхъ именъ 267
Предметный указатель 268

Указатели къ 2 выпуску.

Къ русскимъ сказкамъ.

Указатель собственныхъ именъ 273
Предметный указатель 276

Къ инородческимъ сказкамъ.

Указатель собственныхъ именъ 282
Предметный указатель 283

Предисловіе.

Часть матеріала для этого выпуска доставлена Красноярскимъ подъ-отдѣломъ Имп. Русск. Географическаго Общества, а именно русскія сказки, записанныя въ енисейской губерніи гг. Бондаремъ, Ермолевко, Гнетневымъ и г-жей Адріановой, и тунгузская сказка, записанная г. Бондаремъ. Другая часть добыта мною въ Томскѣ, какъ то русскія сказки, записанныя г. Булгаковымъ въ селахъ томской губ. Бердскомъ и Кураѣ и преданія, записанныя въ Томской губерніи г-жей Карбышевой (въ Томскѣ) и мною (въ д. Уймонъ, въ бійск. у.), и сказки черневыхъ татаръ, живущихъ въ кузнецкомъ у. томск. губ., переданныя мнѣ С. Ѳ. Швецовымъ.

О сказкѣ „Тархъ Тараховичъ“ (у г. Гнетнева Тархъ Тарховичъ) слышалъ г. Макаренко въ с. Мысахъ, отъ крестьянина Алексѣя Мысовского, но не успѣлъ записать ее; въ 1 выпускѣ Записокъ отдѣла по этнографіи, въ числѣ записей г. Макаренко помѣщены только начальныя строки этой сказки; я обратился съ просьбой къ Вл. М. Крутовскому, бывшему секретарю Подъотдѣла, разыскать сказочника, знающаго эту сказку; благодаря его хлопотамъ сказка записана г. Гнетневымъ въ томъ же селѣ Мысахъ и можетъ быть отъ того же сказочника, на котораго указалъ г. Макаренко, хотя г. Гнетневъ даетъ ему имя Алексѣй Афанасьевичъ Шадринъ, а г. Макаренко своего называетъ Алексѣемъ Мысовскимъ; та ли это сказка, начинъ которой слышалъ г. Макаренко въ с. Мысахъ, не извѣстно; начальныя строки этихъ двухъ записей не сходны.

Примѣчанія я былъ намѣренъ помѣщать непосредственно подъ каждой соотвѣтствующей сказкой, что было бы удобнѣе для читателя; такой порядокъ и былъ начатъ, но я перепуталъ примѣчанія къ сказкамъ „Безручка“ и „Марьюшка“, полагая, что введенныя въ нихъ оговорки не устраняютъ для читателя затрудненія въ возстановленіи правильнаго чтенія, я счелъ за лучшее всѣ примѣчанія перенести въ конецъ книги, повторивъ тѣ, которыя уже были напечатаны; примѣчанія къ сказкамъ „Безручка“ и „Марьюшка“ читатель найдетъ въ концѣ книги въ исправленномъ видѣ.

Читатель можетъ примѣчанія, помѣщенныя непосредственно подъ сказками оставить совсѣмъ безъ вниманія.

На стр. 248 по ошибкѣ приведено имя: Иванъ крестьянскій сынъ, слѣдовало поставить только: крестянскій сынъ.

При печатаніи этого сборника пришлось бороться съ бѣдностью типографскихъ средствъ въ провинціи: въ шрифтѣ недоставало литеръ *а*, *о* и *и* съ знаками ударенія; пришлось замѣнить ихъ литерами изъ французскаго шрифта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось на ударенія указывать въ подстрочномъ примѣчаніи; удареніе на *е* совсѣмъ не было возможности отмѣчать.

Г. Булгаковъ къ записаннымъ имъ сказкамъ приложилъ небольшое предисловіе, которое здѣсь и помѣщается

Г. Потанинъ.

Вполнѣ признавая важность сохраненія сказки въ той особой оболочкѣ языка, въ какой она существуетъ въ каждой отдѣльной мѣстности, я откинулъ лишь мелкія особенности—не того или другого мѣстнаго говора, а вообще устной рѣчи (направѣдаю, какого вм. каково, подвигатца вм. подвигаться и пр.). Отчасти я пользовался, какъ руководителемъ, „программой для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ," изданной въ 1896 г. Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Такъ обстоитъ въ этомъ сборникѣ съ фонетическской стороной. Что касается другой стороны—вѣрности слогу сказателей, то эта вѣрность—буквальна. Небольшое количество сказокъ не вызвало необходимости располагать ихъ въ систематическомъ порядкѣ; да въ этомъ случаѣ и трудно принять какую-нибудь систему. Хотя кругъ сопоставленій и сличеній, въ который введены собранныя здесь русскія сказки не великъ, но я осмѣливаюсь льстить себя надеждой, что, быть можетъ, и мои примѣчанія будутъ служить слабымъ огонькомъ въ послѣдующихъ работахъ по изслѣдованію.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о сказателяхъ, отъ которыхъ записаны помѣщенныя въ настоящемъ сборникѣ сказки.

1) Шаринъ, Степанъ Никитичъ, разсказавшій 1—11, 14—18 сказки Крестьянинъ с. Бердскаго, Барнаульск. у. Томск. губ. Лѣтъ 45 отъ роду Холостъ, живетъ уже 16 лѣтъ на квартирѣ у другого семейнаго крестьянина и занимается ремеслами бондаря и плотника. Очень часто уходитъ на работу въ окрестныя села и деревни. Плодомъ этой скитальческой жизни явился его запасъ сказокъ. которыя, впрочемъ, Шаринъ по его словамъ, началъ уже забывать. Онъ неграмотенъ и очень жалѣетъ объ этомъ:

иначе записалъ бы самъ всѣ сказки. Къ сожалѣнію, я не могу сообщить о мѣстѣ его рожденія, но кажется, что онъ сибирякъ.

2) Ручкинъ, Афанасій Осиповичъ, сказатель 12-й и 13-й сказокъ. Это крестьянинъ того же с. Берсвато, но урожденецъ Европейской Россіи; онъ переселился лѣтъ 20 тому назадъ изъ Казанской губерніи, гдѣ служилъ у одного помѣщика. Женился онъ уже въ Сибири, имѣетъ дѣтей. Теперь ему также около 45 лѣтъ. По профессіи онъ—плотникъ и столяръ, имѣетъ очень много работы, почему и разсказалъ мнѣ такъ мало сказокъ. Отличаясь болѣе живымъ характеромъ, чѣмъ основательный Шариновъ, будучи склоненъ къ шуткамъ и прибауткамъ, Ручкинъ въ то же время очень хвастливъ. Заявивъ при первомъ знакомствѣ, что знаетъ сказокъ «до двухсотъ, трехсотъ», онъ разсказалъ мнѣ лишь двѣ сказки и попросилъ отсрочки, чтобы „припомнить“ другія. Быть можетъ, дѣйствительно сказки забываются, но я сужу по Шарину, у котораго всегда матеріалъ на готовѣ. Какъ и Шариновъ, Ручкинъ неграмотенъ.

Вал. Булгаковъ.

Сказки,

записанныя Григ. Бондаремъ у русскаго населенія въ низовьяхъ Ангары.

1. Безручка.

Жилъ былъ царь да царица. У нихъ были сынъ да дочь. Старики стали помирать и стали дѣтямъ наказывать: «Вы живите и почитайте— ты братъ сестру—какъ мать родну; ты сестра брата—какъ отца роднаго». Вотъ живутъ они. Сколь тамъ жили, братъ и говоритъ: «что же, сестрица родимая, я хочу жениться».

—«Женись, брателко родимый»! Женился братъ и взялъ Ягинишну. Жили сколько они. Ягинишна не взлюбила его сестру. Онъ ей далъ отдѣльну комнатку и сестра живетъ въ этой комнаткѣ. Братъ ходитъ на охоту. Идетъ на охоту—заходитъ къ сестрѣ; приходитъ и съ охоты—тоже къ сестрѣ заходитъ. Ягинишнѣ это не здравилось. Она не могла такого горя перетерпѣть; была у братца сучка баклашка, она ее взяла, зарѣзала. Пришелъ братъ съ охоты, жена и говоритъ: «Почитай ее (сестру)! Одна любезна сучка баклашка была, она и ту зарѣзала».—«Ну только бы я живой былъ»—говоритъ братъ. Онять ходитъ къ сестрѣ по прежнему. Ягинишна не могла горя перетерпѣть; мужъ ушелъ на охоту, а она, одинъ былъ конь сѣрапѣгій, она и того зарѣзала. Пришелъ братъ съ охоты. „Почитай сестру-то“, говоритъ хозяйка: „и любезного коня сѣрапѣгого зарѣзала“.—„Ну только бы я живой былъ“. И онять идетъ на охоту и съ охоты, все къ сестрѣ заходитъ. Ушелъ онъ на охоту. Ягинишна взяла, посуду всю прихрянала, притоптала. Пришелъ братъ съ охоты.—„Ну почитай тамъ свою-то сестру, смотри-ка всю она посуду [illegible]тала“.—«Ну только бы я живой былъ“. Онять по [illegible] сестрѣ. Ягинишна не могла горя перетерпѣть; мужъ [illegible] взяла и сына зарѣзала. Приходитъ онъ съ охоты. [illegible]безный, твоя сестра и того зарѣзала, окровенила, [illegible]тала наговаривать мужу: „никто—отъ ночче тебя [illegible] тебя не встрѣтитъ“. Братъ къ сестрѣ недѣлю [illegible]етъ: «что же у меня брателко родимый ночче не [illegible]»? Позвалъ ее братъ на обѣдъ. «Начто же браменя»? думаетъ сестра; „никогда онъ не звалъ [illegible]шла. Пообѣдали. Братъ коня запрегъ въ саночки [illegible] Ну, сестрица, поѣдемъ, разгуляемся». Поѣхали.

Ѣхали, ѣхали. Сестра спрашиваетъ: „куда же ты, брателко родимый, меня везешь?—„Сиди"—говоритъ. Ѣхали, ѣхали, стало темнѣть. Она въ другорядъ осиѣлилась: «куда же ты, брателко родимый, меня везешь»? —„Сиди, говоритъ, докуля жива". Ѣдутъ—пень стоитъ. «Ну выходи, говоритъ братъ, клади руки на пень". Положила она руки на пень: онъ по кистямъ обсѣкъ. Обумѣлася она и пошла, куда глаза глядятъ. Шла, шла лѣсомъ, вся оборвалась. Увидѣла садъ. Въ саду стоитъ яблоня: оголодалась, оборвалась. «О, хотябы Небёсный вѣтерокъ послалъ, хотя бы уронилъ яблочко.» Не откуль вѣтерокъ подулъ; яблочко упало. Поѣла она то яблочко и спрягалась подъ яблоню. Царскій сынъ по саду ходитъ. Увидѣлъ, что на яблони нѣтъ яблока, спрашиваетъ: «Кто есть подъ яблоней?—ежели въ пожилыхъ лѣтахъ будешь мнѣ дядей; ежели въ моихъ лѣтахъ,—будь мой родной братъ; ежели дѣвица—будь моя родна сестрица».—«Я бы рада, Иванъ царевичъ, вышла, да я наги-боса и безъ рукъ». Онъ скинулъ съ себя лопотину. Она надѣла на себя и вышла. Онъ ее въ свою комнату посадилъ и кормитъ тамъ ее; отецъ-мать не знаютъ. Она забрюхатѣла у него. Онъ сталъ отцу-матери говорить: «батюшка-матушка, я жениться хочу". Они стали думать, на комъ свататься: толи къ королю итти, толи къ царю? «Мнѣ не надо никуды. У меня есть невѣста». Они спрашиваютъ, гдѣ она. Онъ привелъ.—„Куды же ты на ней женишься: она безъ рукъ".—„На ней не жените—уйду, куды мои глаза глядятъ". Взяли, женили на ней. Она уже стала грузненька. Ему надо ѣхать въ друго царство. Онъ уѣхалъ. Она принесла безъ него сына: по локоть руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ, по косинамъ часты звѣзды, во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ. Царь и царица написали письмо сыну, что экой сынъ у него родился и послали съ посланникомъ ему. На хватерѣ они стояли у ея брата, гдѣ была Ягишишна. Ягишишна догадалась, о чемъ письмо. Она была вѣщица. —«Мнѣ, говоритъ посланнику, недосугъ. Иванъ царевичъ (мужъ ея) одинъ въ баню не ходитъ, иди съ нимъ въ баню. Тѣло-то поди за дорогу перебыгало. Письмецо положи на божничку; никто не возьметъ, вѣки вѣдь стоите у насъ». Положилъ онъ письмо на божничку, самъ пошелъ въ баню. Она это письмецо посмотрѣла. „Охъ, говоритъ, еще она жива". Взяла письмо, переписала: „родился, говоритъ, кобелекъ черненькій" и положила на божничку. Посланникъ переночевалъ. Назавтра взялъ письмо. Догаживаетъ Ивана царевича. Иванъ царевичъ посмотрѣлъ: «кобелька черненькаго жена родила». Онъ отписалъ: „ктобы не родился, до меня чтобъ держали". Поѣхалъ посланникъ домой. Опять

заѣхалъ на ту же хватеру. Ягишишна напоила пьянымъ его, а письмо заставила положить на божничку: „изомнешь, говоритъ, либо что". Онъ уснулъ. Она взяла, переписала письмо: «кто бы ни родился, чтобы до меня убирали. Я пріѣду—мой мечь, голова съ плечъ и женѣ и сыну». На завтра посланный всталъ утромъ; поѣхалъ; передалъ письмо царю и царицѣ. «Что же, говорятъ, онъ это надѣлалъ, написалъ эдакъ». Столь имя ее не жалко, сколь этого внучка жалко. Плакали, плакали—привязали его ей ко грудѣ; харча наклали, благословили и отправили ее. Пошла она, куда глаза глядятъ. Шла, долго ли, коротко. Бѣжитъ рѣчушка быстрая. Ей пить захотѣлось. Наклонилась она въ ту рѣчку пить. Ребенокъ-отъ и выпалъ въ рѣчку. Крутитъ ребенка, носитъ. Господь и прогласилъ: „молодица! имай младенца, утонетъ". Потомъ въ другорядъ и въ третій тоже: «молодица! имай младенца, утонетъ».—«Рада бы я имать, рукъ нѣтъ»—говоритъ она. —«Имай!» Она протянула руки и у ней руки сразу выросли. Она поймала ребенка. Мальчикъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Сталъ ужъ ногами ходить. Она его научила про себя сказку сказывать; какъ она жила, какъ ей руки отрубили, какъ онѣ опять выросли.

Ходили они, ходили. Пришли въ тотъ городъ, гдѣ ея братъ живетъ. Стали они проситься у брата подъ окошко на хватеру. Тутъ и ея мужъ Иванъ царевичъ заѣхалъ на хватеру.

Ягишишна не пускать на хватеру, отсылать въ другу избу. „Да ни у кого огня-то нѣту, у васъ только огонекъ". Хозяинъ ее (т. е. ея мужъ Иванъ царевичъ) узналъ по голосу и сталъ говорить: „Пустите ихъ. Сказки не знаете ли?".—„А вотъ у меня мальчишка знаетъ"—говоритъ она. „Пустите же, говоритъ Иванъ царевичъ, хоть для меня". Она этого мальчика завязала. Вошли въ избу. Иванъ царевичъ (т. е. профѣжій) сталъ сказку заставлять сказывать: „я тебѣ, мальчикъ, возьму сапожки, да на рубашку, только сказывай". Хозяинъ ея (мужъ) узналъ ее по лицу, да не зналъ какъ у нее руки стали Мальчикъ сталъ сказку сказывать. Ягишишна не даетъ: «мнѣ надо покою дать, я и такъ умориласъ».—«Ну, да что, хозяинъ хватеры говоритъ, ложись, спи». Сталъ мальчикъ сказывать: „Жилъ былъ царь да царица. У нихъ были сынъ да дочь. Стали они помирать. Стали дѣтямъ наказывать: ты, сынъ, почитай сестру, какъ мать родну; ты сестра братца—какъ отца роднаго. Вотъ братъ говоритъ сестрѣ: «я хочу сестрица, жениться».—«Женись, брателко родимый». Онъ женился на Ягишишнѣ. Тутъ Ягишишна опять закричала: «будетъ со сказками-то; мнѣ спокою нѣтъ ни день,

ни ночь». Братъ на жену на свою заревѣлъ: «Молчать! докуль жива!» Мальчикъ дальше сталъ разсказывать. Все разсказалъ. Разсказалъ, какъ они подъ окно на хватеру выросились. Тутъ мальчикъ раскинулъ самъ себя: въ избѣ засвѣтилъ мѣсяцъ. Тутъ отецъ схватилъ сына и жену, обнималъ, а братъ схатилъ Ягишишну, на воротахъ повѣсилъ и разстрѣлялъ.

Поѣхали они къ Ивану царевичу жить.

Зап. отъ крестьянки Аѳимьи Каверзиной.

Этногр. Збірникъ у Львові, IV, 117—121; кромѣ указанной тамъ литературы: Эт. Збірникъ, XIV, 181, № 25; Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 304, № 102 «Злая сноха»; Зап. Красн. подъотд. Геогр. Общ. по эт., т. I, в. 1, стр. 14, № 2 «Братъ и сестра» и стр. 74, № 39 «Безручка».

Сюжетъ этой сказки т. е. разсказъ о гонимой матери, которую злое существо разлучаетъ съ ея тремя сыновьями поочередно, по мѣрѣ того, какъ они рождаются, а также и съ мужемъ, но которая потомъ находитъ своихъ сыновъ и соединяется съ мужемъ, болѣе распространенъ въ редакціи, извѣстной подъ названіемъ «По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ» (Аѳанас., Н. Р. Ск., II, 188, № 159; см. также Зап. Красноярск. Подъотдѣла Геогр. Общества по этногр., т. I, в. 1, стр. 21, 63, 103 и 117, №№ 5 «О царевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ», 35 «Кероста», 53 «Иванъ, крестьянскій сынъ» и 59 «Кузнеченокъ»). Какъ въ сказкѣ «По колѣна ноги въ золотѣ», такъ и въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, есть жизнь злополучной матери съ тремя сыновьями въ уединеніи, и божественная сбывчивость желаній, и троекратные рейсы корабельщиковъ; въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, даже есть у дѣтей одна диковинка та же самая, какъ и въ № 35: котъ, который ходитъ по дубу, но въ сказкѣ г. Бондаря нѣтъ бочки, въ которой мать дѣтей была брошена въ воду.

Отдѣльно отъ сюжета «По колѣна ноги въ золотѣ» стоитъ сюжетъ, извѣстный подъ названіемъ «Безручка», но оба сюжета роднитъ сходство трагической судьбы героини. Безручка тоже несправедливо гонимая женщина; она тоже имѣетъ злого врага клеветника, тоже изгнанница изъ дома (брата или мужа), тоже нѣкоторое время живетъ въ пустынѣ, и тоже наконецъ реабилитируетъ себя, а враждебное лицо несетъ кару. Въ сказкѣ «Безручка» нѣтъ подмѣны дѣтей щенятами, нѣтъ бочки; Безручка брошена въ лѣсу съ отрубленными руками.

Одинаковая трагическая судьба этихъ двухъ героинь невольно соблазняетъ слить ихъ въ одно лицо. Сказка «Злая сноха» у Садовникова, на которую указано въ примѣчаніи къ № 3 этого собранія, представляетъ примѣръ такого сліянія; въ этомъ самарскомъ варіантѣ отдается приказъ засмолить Безручку въ бочку и пустить ее въ море. Исполнители пожалѣли ее и только изгнали изъ дома ея мужа; она въ лодкѣ переѣхала на другой берегъ моря. Здѣсь она встрѣтила разбойника Раха; имя Раха встрѣчается въ апокрифическихъ разсказахъ о Христѣ и такимъ образомъ ставитъ сказку о Безручкѣ въ связь съ новозавѣтными событіями такъ же, какъ сказку о Марьюшкѣ (см. ниже) связываетъ съ тѣми же событіями появленіе въ ней Матери Пресвятой Богородицы.

Будущему изслѣдованію предстоитъ опредѣлить, какъ понимать эти вторженія въ народную сказку новозавѣтныхъ именъ. Господствующее въ наукѣ мнѣніе принимаетъ подобные факты за позднѣйшія похристіанскія воспріятія народной сказкой; это случайныя, отрывочныя включенія; каждое включеніе оправдывалось содержаніемъ данной сказки, въ которой нашлось что-нибудь наводящее для разсказщика; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ отдѣльный поводъ для вторженія новозавѣтнаго отрывка и нѣтъ основанія объединять сказки, въ которыхъ замѣчены подобныя вторженія, въ особую группу и искать объясненія новозавѣтныхъ заимствованій общимъ происхожденіемъ сказокъ, входящихъ въ эту группу. Но не мѣшаетъ, однако, въ ожиданіи новыхъ открытій, отъ которыхъ можетъ зависѣть окончательное рѣшеніе вопроса, имѣть въ запасѣ и другое мнѣніе, которое въ этихъ отрывочныхъ вставкахъ можетъ видѣть указаніе на то, что сказки, въ которыхъ эти вставки встрѣчаются, дѣйствительно составляли обособленную группу, объединенную центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ; можетъ быть это было собраніе дохристіанскихъ культовыхъ легендъ, которое вошло своимъ полнымъ составомъ въ апокрифическую литературу о новозавѣтныхъ лицахъ; значительная часть этого матеріала исчезла изъ памяти народной, связь между отдѣльными членами группы стала не замѣтной и имя Раха въ самарской сказкѣ явилось не случайно, а обусловлено генетической связью преданія о Рахѣ со сказками о Безручкѣ и о мальчикѣ по колѣно въ золотѣ.

Имя матери золотоногого ребенка упоминается только въ двухъ варіантахъ у Афанасьева: въ № 159, b—это Мароа Прекрасная; въ № 159, c—Марья Дедоновна. Отецъ въ варіантахъ Афанасьева называется Иванъ царевичъ. Сынъ гонимой матери въ сказкахъ, записанныхъ въ Сибири, въ одной—Короста, въ другой—Иванъ крестьянскій сынъ (Записки Подъотдѣла по этн., т. I, в. 1, стр. 63 и 103).

Въ сказкѣ „Марьюшка“ (см. ниже) Мать Пресвятая Богородица на мѣстѣ какого-то строгого божества, въ варіантахъ сказки «По колѣна ноги въ золотѣ» обратившагося въ бабу-ягу или вѣдьму.

На культовой характеръ сказки «По колѣни ноги въ золотѣ» указываетъ металлическая природа мальчика; основой фантазіи какъ будто послужила статуя, слитая изъ золота и серебра. У Безручки сынъ тоже необыкновенный; у него на затылкѣ звѣзда и на спинѣ звѣзда.

Попъ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У него жена была очень красивая. Пришелъ Великій постъ. Стали постовать. Попъ сколь ни читатъ, все на нее глядитъ, такъ погляпулась. Пришли на исповѣдь. Попъ ее не исповѣдываетъ, а спрашиватъ: «нельзя ли съ тобой ознакомиться?»—«Вотъ, отвѣчаетъ она, схожу домой: хозяинъ куда не уѣдетъ ли? Приду причащаться—перекажу». Пришла домой и говоритъ хозяину (мужу): „ты, хозяинъ, нагреби сажи въ бочку и тулку (донышко) наладь; такъ и такъ, говоритъ, попъ спрашивалъ“. Нагребъ онъ сажи и тулку наладилъ.

Пошли причащаться. Попъ спрашиваетъ про мужа. Та говоритъ: «уѣдетъ сегодня по дрова почевать». Вотъ вечеръ. Попъ пришелъ, а у ней хозяинъ будто по дрова уѣхалъ. Она самоварчикъ поставила. Бутылку вина принесла. Стали они чай пить. Попъ ее торопитъ. Она говоритъ: «ночь наша, время хватитъ». Слышатъ—хозяинъ ѣдетъ: топоръ забылъ. Хозяйка какъ бы испугалась. бѣгаетъ: куда попа дѣвать, пока мужъ войдетъ.—«Лѣзь въ бочку»! говоритъ. Попъ залѣзъ. Мужикъ пришелъ и бочку заколотилъ. Утромъ выкатилъ, поставилъ на сани и повезъ по городу. Его спрашиваютъ: «кого, мужикъ, везешь?»

— Черта.

— Покажи намъ его.

— Опустите!

— Покажи, не опустимъ.

— Ежели опустите, такъ 300 рублей!

Тѣ согласились. Мужикъ тулку отколотилъ. Попъ выскочилъ: весь въ сажѣ, волосы роскосматились, полукафтанье раздувается. Всѣ испугались и отскочили; закричали: «чертъ! чертъ!» Попъ выскочилъ и домой. Всѣ кричатъ: «держи, держи черта», а попъ былъ, да нѣтъ. Прибѣжалъ домой, да прямо въ баню. Попадья увидала, кричитъ: «оёшеньки, черти ко мнѣ въ баню бѣгутъ». Собрала она поповъ и дьяковъ; призвала благочиннаго—молебенъ кругъ бани служить, чертей изъ бани выживать. Сколь ни служили, не могли выжить черта изъ бани. Этотъ же крестьянинъ получилъ 300 р. съ. городскихъ, пришелъ къ попадьѣ и выхвалился: «матушка, дай 300 р., сейчасъ выживу черта изъ бани". Отдала попадья 300 р. Мужикъ соломы натаскалъ кругъ бани и зажегъ. Попъ выскочилъ, да прямо къ попадьѣ. Попадья кричитъ: «оёшеньки, черти-то ко мнѣ бѣгутъ". А попъ бѣжитъ и кричитъ:—Попадья! я, я, я!...

Потомъ вытопили слуги баню и вымыли попа.

Зап. отъ крестьянки Агрипены Каверзиной.

№ 3. Пѣтушокъ.

Жилъ былъ старичекъ. У него хозяйства было—одинъ пѣтушокъ. Вотъ старичокъ собирается въ лѣсъ и говоритъ: «Ты, пѣтушокъ, у меня не выглядывай, лиса придетъ, тебя утащитъ она». Старичекъ ушелъ. Лиса пришла: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, ѣхали бояре, горохъ

чросыпали: всѣ ребята горохъ собираютъ, тебя одного нѣтъ». Пѣтушокъ выглянулъ; лиса и потащила. Пѣтушокъ кричитъ:

Куты, куты,
Понесла меня лиса
За темные лѣса.

Старичекъ услышалъ. Настигъ лису. Пѣтушка отобралъ; лисицу набилъ. Посадилъ пѣтушка въ шесточекъ: «не выглядывай, говоритъ, лиса хоть какъ станетъ манить».

Старичекъ ушелъ; лиса пришла.

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Выгляни въ окошко!
Принесла я тебѣ
Блинъ съ масличкомъ.
Ѣхали бояре,
Горохъ разсыпали,
Всѣ ребята горохъ собираютъ,
Тебя одного нѣтъ».

Пѣтушокъ выглянулъ, лиса и потащила.

Пѣтушокъ кричитъ:

Куты, куты,
Понесла меня лиса
За темные лѣса.

Старичекъ услышалъ.. Настигъ лису. Пѣтушка отобралъ; лисицу набилъ. Принесъ домой; посадилъ въ шесточекъ. «Ну, поиче, пѣтушокъ, не выглядывай, я далеко уйду, мнѣ ужъ не услыхать». Онъ ушелъ. Лиса опять пришла.

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ!
«Золотой гребешокъ!
«Выгляни въ окошко:
«Принесла я тебѣ рубашенку и штанишки».

Пѣтушокъ опять выглянулъ. Лиса схватила, понесла. Онъ кричитъ:

«Куты, куты!
«Понесла меня лиса
«За темные лѣса.

А самъ ощипатъ перья, по дорогѣ бросатъ. Старикъ пришелъ домой, нѣтъ пѣтушка. Онъ пошелъ по слѣду. Пришелъ къ ворѣ. Наладилъ колотушку. Сталъ играть:

Трень, трень, гусельцы,
Золотыя струночки!
Каково то Лиса Ивановна
Съ малымъ дѣтушкамъ живетъ?
Перва дочъ Суселка,
Друга Палателка,
Третья дочъ Челночекъ
Поклонись кулачекъ".

Лиса услыхала. Наклала старшей дочери на сковородку блиновъ.—«Полеси у меня, да не заигрывайся, не заглядывайся» Она пошла. Сковородку подаетъ напередъ, сама выглядываетъ. Мужикъ колотушкой щелкъ и за спину бросилъ. Опять заигралъ:

Трень, трень, гусельцы. (Повторяется).

Лиса услыхала. «Ахъ, заигралася старша дочь; иди, средня дочь, торопи ее». Посылаетъ среднюю дочь. Наклала на тарелку. Та пошла. Тарелку впередъ суетъ, сама выглядываетъ. Онъ опять колотушкой щелкъ ее въ лобъ, за спину бросилъ.

Другу лисичку добылъ. Опять заигралъ:

«Трень, трень, гусельцы... (повт.).

Лиса услыхала. «Охъ заглядѣлись, заигралися. Меньша дочь, поди, туровѝ ихъ». Наклала на тарелку ей. Меньша дочь пошла. Тарелку впередъ суетъ, сама выглядываетъ. Мужикъ щелкъ ее въ лобъ, за спину бросилъ. Опять заигралъ.

«Трень, трень, гусельцы» и т. д.

Лисичка услыхала, ругаетъ: «охъ, говоритъ, заигралися, заглядѣлися. Ужо пойду сама». Пошла. Наклала закуски. Тарелку напередъ пихатъ. Мужикъ опять щелкъ колотушкой. Четыре лисички добылъ. Тожно старичекъ самъ въ пору полѣзъ. Пѣтушокъ въ горшкѣ варится ужъ, переворачивается. Вынялъ пѣтушка, сталъ перышко по перышку складывать. Пошелъ искать. Нашелъ живой воды и мертвой. Прыснулъ мертвой—всѣ перья приросли. Живой водой прыснулъ—пѣтушокъ скукурекалъ. «Отъ, говоритъ, кабы не дѣдушка, вѣчно бы спалъ». Вышли изъ норы. Дѣдушка взялъ и лисицъ потащилъ. Стали они съ пѣтушкомъ жить*).

Зап. отъ крестьянки Агафьи Каверзиной.

Афан., Н. Р. Ск., 1, 25, № 17: «Котъ, пѣтухъ и лиса».

*) По разсказу Семена Каверзина въ этой сказкѣ вмѣсто старичка фигурируетъ котъ. Къ норѣ лисы онъ ходилъ съ молоткомъ. Вмѣсто: „третья дочь Челночекъ, поклонись кулачекъ" онъ игралъ: „третья Мужъ бурнисъ, объ одномъ глазку".

№ 4. Иванъ дуракъ.

Жилъ былъ хрестьянинъ. У хрестьянина было три сына. Большой Ѳедоръ, средній Василій, третій Иванъ-дуракъ. Старшіе двое были женаты. Ходятъ они за охотою, палениичаютъ тамъ; Иванъ дуракъ за братьями гоняется, не даетъ промышлять.

Вотъ Иванъ дуракъ на полатяхъ лежитъ. Братья думаютъ, онъ спитъ и говорятъ: „Вы, бабы, накладите въ мѣшки хлѣба, на вышку*) запихайте". Бабы наклали мѣшки. Запихали на подволоку. Иванъ дуракъ это все слышалъ. Пошелъ, изъ одного мѣшка хлѣбъ выбросалъ и заползъ самъ. Братья уснули и не слыхали, какъ онъ ушелъ съ полатей. Проснулись и пошли въ лѣсъ. Мѣшки схватили и понесли на плечахъ. Одинъ-отъ Василій и говоритъ:

— Братъ, у меня чё то тяжело!

— Нѣтъ, у меня, братъ, легко! говоритъ другой.

А Иванъ дуракъ въ мѣшкѣ кричитъ тихонько:

— Братцы! дожидайте!

— О, буть ты проклятой, говорятъ братья; гонится.

Пошли еще шибче.

— Охъ, говоритъ Василій, я надѣлся!

— Нѣтъ, я ничего!

А Иванъ дуракъ въ мѣшкѣ уже погромче:

— Братцы! дожидайте!

— Ахъ, говорятъ братья, недалеко онять.

Иванъ дуракъ опять заревѣлъ еще громче:

— Братцы! дожидайте!

Братья подошли еще. Изморились и бросили мѣшки.

— Ахъ, братцы, ушибли меня! говоритъ Иванъ.

— О, будь ты проклятой, дуракъ!

— Братцы, не ругайте. Пойдемте къ Ягой бабѣ на рѣку. У нее рѣка большая.

Пошли они.

— Только тихонько, не ревите! говорятъ братья.

Иванъ дуракъ вырвалъ рѣку.

— Охъ, братцы, у Ягой бабы и рѣка!

— Иванъ дуракъ! не реви, Яга баба услышитъ.

---

*) Мѣстное названіе чердака, также подволока.

Онъ другу вырвалъ, пуще того заревѣлъ.

— Иванъ дуракъ, не реви! Яга баба пріѣдетъ, насъ увезетъ.

Онъ третью рѣпу вырвалъ, пуще того заревѣлъ. Видитъ, Яга баба ѣдетъ на ступѣ. Пестомъ понужаетъ. Помеломъ слѣдъ замѣтаетъ. Посадила, взяла ихъ на ступу и увезла всѣхъ троихъ домой. Дома посадила ихъ въ подполье. Большой дочери велѣла большого брата на обѣдъ жарить. Больша дочь воды нагрѣла—промывать.

— Выходи, говоритъ, Оедоръ!

Иванъ дуракъ говоритъ братьямъ: «нѣтъ, братцы, я пойду». Вымыла Ягинишна этого Ивана дурака. Стала на лопату въ печь садить. Онъ руки—ноги расширилъ.

— Ты пошто, Оедоръ, эдакъ? поокуратнѣе лягъ.

— Я не умѣю! Поучи-ка ты меня!

Она прилегла на лопату. Онъ мотырнулъ ее въ печь. Жарилъ, жарилъ, вытащилъ; положилъ на столъ. Самъ ушелъ въ подполье назадъ. Яга пришла, стала исть.

— Не вымыла, говоритъ Яга, не выщелочила, сама замужъ выскочила.

Наказываетъ средней дочерѣ: «середняго брата, говоритъ, мой!» Сама ушла опять рѣпу карауллить. Средняя дочь нагрѣла воды и говоритъ:

— Ну, выходи, Василій!

Иванъ дуракъ говоритъ братьямъ:

— Я, братцы, опять пойду!

Вымыла Ягинишна его. Стала въ печь садить. Онъ руки-ноги расширилъ.

— Ты пошто, Василій, эдакъ? поокуратнѣе лягъ!

— Я не умѣю. Поучи ты меня!

Она прилегла на лопату. Онъ мотырнулъ ее въ печь. Жарилъ, жарилъ, вытащилъ, на столъ положилъ. Самъ опять ушелъ въ подполье. Яга пришла, стала исть.

— О, сука, не вымыла, не выхулила, сама, замужъ выскочила.

Яга баба другу дочь наказывать: „ты, говоритъ, мой Ивана дурака мнѣ обѣдъ свари съ него». Она воды нагрѣла: „Иванъ дуракъ, выходи! Онъ вышелъ. Она вымыла. Чанъ ужъ кипитъ: каменьями паритъ*). Стала она его пихать, не можетъ улегчись.

— Ты, говоритъ Ягинишна, почто эдакъ-то? Надо эдакъ!—сама прилегла на чанъ.

---

*) Способъ нагрѣвать въ деревянномъ чану воду при помощи раскаленныхъ камне

Онъ за ноги схватилъ и въ чанъ. Испарилъ опять дочь въ чану, самъ спрятался недалеко. Яга баба пришла, кричитъ:

— Опять не вымыла, не выхулила, сама замужъ выскочила!

Стала въ чану локать. Иванъ дуракъ подскочилъ да ее въ чанъ.

Варилъ, варилъ, околѣла!

— Ну, братцы, выходите поиче изъ поиолья.

Тѣ вышли. У Яги и зло*) и серебро.

— Братья, говоритъ Иванъ дуракъ, нагребайте по мѣшку зла и серебра. Братья нагребли. Иванъ дуракъ говоритъ: „я, братцы, Ягу свою поганцу». Его ругаютъ: «куды тебѣ съ нею»? — «Нѣтъ, я не разстануся съ нею».

Они санки надѣлали. Братья на нихъ положили зло и серебро, а Иванъ дуракъ Ягу положилъ. Поиди домой. Ночь пристигла ихъ. Стоитъ дубъ. Они на этого дуба зашли почевать и взяли съ собою все. Иванъ дуракъ свою Ягу занесъ. Братья говорятъ:

— Куды тебѣ ее?

— Да! Я какъ безъ нее ночую!

Идетъ обозъ купцовъ. Тутъ же у дуба стали почевать. Стали варить. Иванъ дуракъ на дубу говоритъ:

— Братцы, мнѣ мочиться охота!

— На, у меня рукавица цѣла, говоритъ одинъ.

— Возьми у меня, цѣла, говоритъ другой.

— Нѣтъ, я, братцы, прямо!

И сталъ прямо въ котелъ. Купцы говорятъ:

— О Бозя милость! съ дубу потока бѣжитъ!

Иванъ дуракъ опять говоритъ:

— Братцы! мнѣ калиться охота!

— Иванъ дуракъ! у меня шапку на! говоритъ одинъ братъ.

— Мою на! говоритъ другой.

— Нѣтъ, я прямо!

Онъ опять съ дубу зачалъ. Купцы увидѣли.

— О Бозя милость! съ дубу шишки летятъ.

Иванъ дуракъ, не много погодя говоритъ:

— Ахъ, братцы, я надсѣлся! брошу Ягу!

— Дай, я подержу!

— Дай, я подержу! говорятъ братья.

*) На вопросъ «какое зло?» разсказчица сказала, что это золото, тѣмъ не менѣе продолжала говорить «зло», а не золото.

— Нѣтъ, я тамъ брошу ее!

Взялъ, бросилъ; только земля отдалась.

Купцы безъ ума убѣжали: „откуль, говорятъ, тѣло упало“? И конямъ поступились и товаромъ. Одинъ замѣтилъ, будто люди де бунчали и воротился. Иванъ дуракъ соскочилъ съ дубу, да у него языкъ отрѣзалъ и онъ за имя (за товарищами) ударился, кричитъ безъ языка: бля, бля, бля, бля!

Онъ бѣжитъ, лепечетъ, тѣ бѣгутъ отъ него. Онъ за имя. Такъ и убѣжали. Братья сяли на коней и уѣхали домой.

Зап. отъ крестьянки Агафьи Каверзиной.

Ср. у Афан., Н. Р. ск., *I*, 89—98, №№ 62—63; посрамитель злого существа или бабы-яги называется въ померахъ Афанасьева Жихарькой, Чуфиль—Филюшкой, Чуфилюшкой (въ одномъ варіантѣ Чувилихой, на оборотъ, называется баба-яга), Фалеюшкой, Лутонюшкой, Терешичкой и Ивашкой.—Разбѣжавшіеся купцы изъ подъ дуба у Афан., Н. Р. С. *II*, № 233 «Удалой батракъ».

№ 5. Медвѣдь-царевичъ.

Жилъ былъ царь. У царя дѣтей не было. Царица забрюхатѣла. Принесла она медвѣженка. Онъ ростетъ, медвѣженокъ этотъ, не по днямъ, а по часамъ. Выросъ, изъ пополья вышелъ. «Батюшка, матушка! жените меня! не жените—васъ всѣхъ и все царство выѣмъ». Они думу думали: куды итти свататься. Ко князю пошли свататься и посватались, а нашъ женихъ до столовъ не кажется. Ну тамъ сколь онѣ пировали; отпировали, жена говоритъ: «гдѣ батюшко, мой суженый-ряженый“? Говоритъ: «въ полѣ». Она наклала напитковъ, наѣдковъ разныхъ и пошла въ пополье. «Гдѣ мое сужено-ряжено?» А мудвѣдь идетъ къ ней: «мно, мно, мно!»—„Ахъ, говоритъ, мудвѣдь, мудвѣдь!“ Бранными словами заругалась. Все перетолтала. Вылѣзла изъ пополья. «Гдѣ, говоритъ, мой суженый-ряженый?“—„Дитя, говоритъ отецъ, этотъ и есть твой суженый“. Ну вотъ мудвѣдь выскочилъ изъ пополья и въ клѣть. „Ахъ, говоритъ отецъ, злодѣй съѣстъ тебя. Ниче, поди къ нему“. Она пошла. Онъ съѣлъ и костки на порогъ склалъ, а самъ побѣжалъ въ пополье. Отецъ и мать взяли костки, похоронили и пришли домой. А мудвѣдь опять изъ пополья: „батюшка, матушка! жените! не жените -васъ всѣхъ и все царство выѣмъ». Они стали думу думать: «куда итти свататься?» Придумали—къ царю. Посватались, а нашъ женихъ до столовъ не кажется. Ну тамъ сколь они пировали. Отпировали, жена и говоритъ:

„гдѣ, батюшка, мой суженый-ряженый?“ Говоритъ: —«въ пополье». Она наклала напитковъ, наѣдковъ разныхъ и пошла въ пополье.—„Гдѣ мой суженый-ряженый?“ А онъ идетъ къ ней: „мно, мно!“—„Охъ, говоритъ, мудвѣдь, мудвѣдь!“ Бранными словами заругалась. Все перетоптала и вылѣзла изъ пополья.—«Гдѣ, говоритъ, мой суженый?“—Дитя, говоритъ отецъ, этотъ и есть твой суженый.

Мудвѣдь выскочилъ изъ пополья и въ клѣть. «Охъ, дитя, злодѣй съѣстъ тебя,» говоритъ отецъ: «ниче, иди!» Она пошла въ клѣть. Мудвѣдь съѣлъ и костки на порогъ склалъ, а самъ побѣжалъ въ пополье. Отецъ и мать взяли костки, похоронили и пришли домой, а мудвѣдь изъ пополья: «батюшка, матушка, женито меня, не жените—васъ всѣхъ, все царство выѣмъ.“ Они думу думали: куды итти свататься? Пошли. Живетъ старушка. Худенькая избушка мохомъ заросла. Пришли, свататься стали. «У, дитятко, не то, что свататься, можно самой отвести.» Посватались. До стола женихъ не кажется. Отпировали сколь тамъ, жена и говоритъ: «гдѣ, батюшка, мой суженый-ряженый?»—„Въ пополье“—говоритъ. Она наклала напитковъ, наѣдковъ разныхъ и пошла въ пополѣ. «Гдѣ мой суженый, ряженый?» Онъ идетъ къ ней: «мно, мно!»—«Мнюшенька! мы станемъ съ тобой вѣкъ коротать, лихо избывать, да добра наживать, да дѣтей приживать.» Онъ все у ней съѣлъ и вино выпилъ. Вышла она изъ пополья. Малость погодѣ*), выскочилъ и мудвѣдь изъ пополья и въ клѣть убѣжалъ. Отецъ, мать плакали, плакали, благословили ее. Пошла она; отворила клѣть—лежитъ богатырь: все бы на него зрилъ бы, глядѣлъ бы и очей не сносилъ. Зашла она къ нему въ клѣть. Они стали говорить. Кольцами перемѣнились и легли спать. Онъ сталъ ей наказывать: «Не будите меня трое сутокъ. Разбудите вы меня, столь и видѣли меня. Тогда ищите меня на десятомъ царствѣ. Тогда сходи ты на базаръ; возьми ты трое чирки желѣзны, три булки желѣзны и три туёвона (бадажка) желѣзны.» Онъ и уснулъ. Отецъ, мать ждали, ждали какъ долго робятъ нѣтъ. Пошли въ клѣть, отворили. Спятъ—увидѣли. Стали его будить. Жена говоритъ: «тятенька, маменька, не будите его; онъ мнѣ такъ-то наказывалъ». Мать не могла терпѣть, стала будить. Будила, будила и раскачала какъ-то. Онъ былъ да нѣтъ. Только и видѣли—улетѣлъ. Жена плакала: «говорила вѣдь я—не будите!»

Пошла на базаръ; взяла трое чирки желѣзны, три булки желѣзны и три туевона желѣзны и пошла искать. Чирки износила, булку изгрызла

*) Удареніе на послѣдней гласной «ѣ».

и тусвонъ истерла. Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ и повертыватца.—„Избушка, избушка, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“! Избушка повернулась. Заходитъ она въ избушку; сидитъ старушка. «Фу, фу, фу, куды ты руска кость подиялась?» -«Не напоила, не накормила, стала голодныхъ вещей спрашивать!» Старушка нерднула—столъ подернула; бздиула—щей хлѣбнула; на карачки стала -каланчиковъ достала; титьками потрясла -чашки, ложки принесла; с..... свищетъ—солонку ищетъ. Накормила, напоила, стала вещей спрашивать: «куды же ты, дитятко, подиялася?» -«Бабушка, вотъ, говоритъ, такъ и такъ, богатыря тутъ не видала ли?»—«О, дитятко, годъ какъ пролетѣлъ богатырь». Она опять простилась и пошла. Шла, шла, чярки износила, булку изгрызла и тусвонъ истерла.

Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ и повертыватца.—«Избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ»! Избушка повернулась. Заходитъ въ избушку; сидитъ старушка. «Фу, фу, фу, куды ты руска кость подиялась?» -«Не напоила, не накормила, стала голодныхъ вещей спрашивать!» Старушка п.....ла—столъ подернула; бз...ла—щей плеснула; на карачки стала—каланчиковъ достала; титьками потрясла—чашки, ложки принесла; с...ль свищетъ—солонку ищетъ. Накормила, напоила, стала вещей спрашивать: «куды же ты, дитятко, подиялася?»—«Бабушка, вотъ, говоритъ, такъ и такъ, богатыря тутъ не видала ли?»—«О, дитя, другой годъ какъ пролетѣлъ“. Бабушка указала то царство, гдѣ онъ, и сказала: «въ крайній домъ заходи, тутъ моя же сестра живетъ». Она опять пошла. Шла, шла, третьи чярки износила, булку изгрызла, и тусвонъ истерля. Пришла въ крайну избушку, спрашиваетъ: «гдѣ такой то богатырь?» «Дитя, говоритъ, женится уже онъ». Ей некогды: въ мущинску лопоть нарядилась и пошла въ тотъ домъ, гдѣ отдача и стала къ казеночкѣ (заборочка). Она держитъ на виду руку съ перстнемъ. Онъ на обисья (лицо) взглянулъ и перстень увидалъ, узналъ ее и сказалъ: «ну ка, говоритъ, батюшко, матушка нареченные, приходящимъ по чаркѣ поднеста». Сталъ онъ приклыкать всѣхъ. До нее дошло. Она перстень въ ротъ взяла. Онъ подалъ ей (вина). Она стала пить и перстень опустила въ стаканъ. Онъ опитки допилъ и перстень въ карманъ запихалъ и говоритъ: «У, мнѣ что то слышило»*). На улку вышелъ и она тутъ. «Сейчасъ, говоритъ, кони налаживайте». Самъ пошелъ въ избу, сѣлъ за столъ и говоритъ: „Что то мнѣ слышило“! Вы-

*) Лихо, «тошно», «тошнитъ».

шелъ на улицу, сѣлъ со старухой и кони угнали. Невѣста за столомъ тутъ осталась. Пріѣзжаютъ домой. Царь да царица уже состарились. Они стали жить да поживать, да добра наживать.

Зап. отъ крестьянки Агафьи Каверзиной.

№ 6. Козликъ—золоты рожки.

Жилъ былъ старикъ да старуха. У нихъ было три дочери: перва Марья, друга Дарья, третья Оздосья. Онѣ стали уже большія, скоро уже надо замужъ отдавать.

Посылать отецъ большу дочь на теремъ спать. «Кого, говоритъ, во снѣ увидишь, за того и замужъ отдамъ".

Она столь не спитъ, сколь у окошечка сидитъ. Идетъ по улочкѣ удалый добрый молодецъ. Подворотилъ къ окошечку. «Дѣвица красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена»?—«Я, говоритъ, твоя сужена, я твоя ряжена». Поцаловались, перстнямъ промѣнялись. На завтра пиръ пиркомъ и свадебкой. Отдали большу дочь.

Потомъ посылатъ отецъ другу дочь на теремъ спать. «Кого, говоритъ во снѣ увидишь, за того и замужъ отдамъ».

Она столь не спитъ, сколь у окошечка сидитъ. Глядитъ — идетъ, по улочкѣ удалый добрый молодецъ. Подворотилъ къ окошечку.

— Дѣвица красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?

— Я твоя сужена, я твоя ряжена!

Поцѣловались, перстнямъ промѣнялись, на завтра пиръ пиркомъ и свадебкой. Отдали среднюю дочь.

Потомъ посылаетъ отецъ меньшу дочь на теремъ спать: «кого, говоритъ, во снѣ увидишь, за того и замужъ отдамъ». Она столь не спитъ, сколь у окошка сидитъ.

Бѣжитъ по улочкѣ козликъ, золоты рожки, иглины глазки.

— Дѣвица красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?

— Нѣтъ, не я твоя сужена, не я твоя ряжена!

— Ну, врешь, моя будешь.

Утромъ приходитъ къ отцу.

— Че, видѣла, Оленюшка во снѣ?

— Ни чего, мой батюшка, не видала!

— Седни опять поди на теремъ спать, говоритъ отецъ.

Она столь не спитъ, сколь у окошечка сидитъ. Бѣжитъ по улочкѣ козликъ, золоты рожки, игляны глазки. Подворачиваетъ къ окошку.

— Дѣвица красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?

— Нѣтъ, не я твоя сужена, не я твоя ряжена!

— Ну да врешь, моя же будешь.

На утро приходитъ къ отцу.

— Че, говоритъ, видѣла Оенюшка во снѣ?

— Нѣтъ, ничего, мой батюшка, не видала!

— Какъ такъ, мерзавка, ничего не видала? Знать не знаю. Вотъ тебѣ послѣдняя ночь; ежели теперь не скажешь, мой мечъ—твоя голова съ плечъ!

Пошла она опять на теремъ спать. Столь не спитъ, сколь у окошка сидитъ, а сама вестъ,—не охота ей за козлика итти.

Опять бѣжитъ козликъ, золоты рожки, игляны глазки. Подворачиваетъ къ окошку.

— Дѣвица красна, не ты ли моя сужена, не ты ли моя ряжена?

— Я твоя сужена, я твоя ряжена.

Промѣнялись они перстнями. Онъ опять убѣжалъ.

Приходитъ къ отцу. Отецъ спрашиваетъ:

— Че, видѣла, Оедосьюшка, во снѣ?

— Видѣла, батюшка, козлика.

— Стало быть судьба така, чего же не сказывала!

На завтра пиръ пиркомъ и свадебкой. Козликъ подъѣхалъ и увезъ ее домой. У козлика и бабка и мамки; пить—есть есть чего, всяка благодать, только спать не съ кѣмъ. Она спитъ одна на кровати, а онъ на печкѣ. Пришелъ праздникъ. Она вздохнула: «Оеценьки—тошнешенько! У батюшки сегодни хлѣбенка (съѣжій праздникъ). Всѣ сестры съѣдутся, меня одной нѣту». Козликъ ей говоритъ: «Кто же тебя, Оенюшка унимаетъ! Подите, слуги, запрягите пару коней!» Запрягли пару коней и поѣхала она къ отцу въ гости. Видѣла какъ садилась, не видала, какъ долетѣла.

Потомъ онъ снимаетъ съ себя кожучекъ, кладетъ подъ шестокъ и такой сталъ молодецъ, что и красивѣе его нѣтъ. Сѣлъ на коня и поѣхалъ доглядывать свою хозяйку, какъ она гулятъ тамъ. Пріѣхалъ къ тестю. Тѣ сестры сидятъ съ мужевьями обѣ и Оенюшка его тутъ. Онъ Богу помолился на всѣ стороны, поздоровался. Тѣ спрашиваютъ:

— Какой ты, откуль молодецъ?

— Я, говоритъ, съ дальнихъ земель, дальній.

Посадили и его за столъ, тутъ же потчиваютъ. Тѣ сестры пьяны напились, поютъ, а Оедосья только плачетъ. Ей забѣдно, что тѣ сестры съ мужьями, а она какъ сирота. Погуляли они нѣсколько, стали домой собираться. Онъ пошелъ будто довѣтру и погналъ домой; надѣлъ на себя кожучекъ и опять такимъ сталъ. Залѣзъ на печку и лежитъ.

Пріѣзжаетъ его хозяйка, онъ спрашиваетъ:

— Каково, Оенюшка, погуляла?

— Какая моя гуляика? всѣ сестры съ мужьями, я одна какъ горька сирота.

— Какъ же, Оенюшка, быть то?

Потомъ опять стали жить. Приходитъ праздникъ. Она вздохнула.

(Идетъ повтореніе, какъ гостила, другой разъ).

Опять жили долго ли, коротко ли.

Приходитъ праздникъ (3-й уже). Она вздохнула:

— Оёшеньки, тошнешенько. У батюшки сегодня хлѣбенка. Всѣ сестры съѣдутся, меня одной нѣту-ка.

— А кто же тебя, Оенюшка, унимаетъ?

— Подите, слуги, запрягите пару коней въ ту карету, въ которой я по христовымъ-то днямъ ѣзжу!

Запрягли въ карету въ золоту. Слуги и говорятъ хозяйкѣ:

— Онъ за тобой доглядатъ. Онъ снимаетъ свой кожучекъ и ѣдетъ. Ты какъ можно раньше домой пріѣзжай, кожучекъ сожжемъ. Мы бы сами сожгли, да онъ насъ сказнитъ.

Оенюшка видѣла какъ садилась, не видала, какъ прилетѣла. Потомъ онъ снимаетъ кожучекъ, кладетъ подъ шестокъ и такой сталъ молодецъ, что и красивѣе его нѣтъ. Сѣлъ на коня и поѣхалъ доглядывать свою хозяйку. Пріѣхалъ къ тестю. Тѣ сестры съ мужьями обѣ и Оенюшка его тутъ. Онъ Богу помолился, на всѣ стороны поздоровался. Тѣ спрашиваютъ: «какой ты? откуль молодецъ?» —«Я, говоритъ, съ дальнихъ земель, дальній». Посадили его за столъ. Тѣ сестры пьяны напились, поютъ, и Оедосья плачетъ только. Потомъ она пошла будто довѣтру, пала на коней, и была да нѣтъ. Пріѣзжаетъ, у слуговъ ужъ жаръ разгребеный, готовый. Бросила кожучекъ этотъ въ печь, изъ него поползли змѣи, лягушки и всякій гадъ. Она крыломъ заметаетъ и въ жаръ загоняетъ. Потомъ сила на коней и прилетѣла къ отцу, какъ будто довѣтру сходила. Тѣ сестры поютъ пѣсни и Оедосья веселѣе стала, тоже полѣла и поплясала. Погуляли. Стали домой собираться. Онъ опять на передъ пріѣзжать, а кожучка нѣтъ. Онъ сталъ слуговъ допирать.

Они говорятъ: «хозяйка твоя пріѣзжала, сожгла». Некуды ему дѣваться. Легъ во всемъ нарядѣ на печку. Пріѣзжаетъ хозяйка, зашла въ избу. Похаживаетъ по избѣ, посмѣивается. А онъ лежитъ на печкѣ:

— «Ай да Осипушка, ай да Осдосьюшка, хорошо доспѣла».

Она подошла къ нему, поймалась за него, поцѣловала и говоритъ:

— Небось, хорошо доспѣла, тогда былъ козликъ, а нонче мужикъ.

Съ тѣхъ поръ стала спать вмѣстѣ съ нимъ.

Зап. отъ крестьянки Дукеры Каверзиной.

Аѳан., Н. Р. Ск., II, 179, сказка № 156: «Сопливой козелъ», записанная въ Нижегородской губ.

№ 7. Иванъ дуранъ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У него было три сына. Большой Осдоръ, средній Василій и меньшій Иванъ дуракъ.

Братья ходятъ бѣлочить, наленичать, а его не берутъ съ собою. Забѣдно стало Ивану дураку и онъ пошелъ петелку поставилъ. На утро пошелъ смотрѣть, пальникъ*) попалъ.

— Охъ ты лѣшевъ поповскихъ пѣтухъ!

Билъ его, билъ. Опустилъ и онъ улетѣлъ.

Идетъ мимо поповскихъ; поповскихъ ругать, что ихъ пѣтухъ попалъ. Тѣ отвѣчаютъ:

— Да нашъ пѣтухъ дома!

— Ну да я ему наклалъ!

Приходитъ домой. Братья спрашиваютъ:

— Че, добылъ кого?

— Кого добудешь, поповскихъ пѣтухъ попалъ.

— Какой онъ?

— Черный.

— Да это пальникъ!

— Будто я не знаю. Вы только одни промышлены!

Назавтра пошелъ—ушканъ попалъ!

— Охъ ты лѣшевъ поповскихъ бѣлко!

Вырубилъ дубину, дралъ, дралъ! Онъ куналъ, куналъ! Опустилъ. Идетъ мимо поповскихъ, ругатца:

— Не даютъ петлѣ постоять, бѣлко попалъ!

— Да что ты, бѣлко эвотъ лежитъ!

*) Пальникъ—косачъ.

— Ну да и ему наклалъ.
Пришелъ домой. Братья спрашиваютъ:
— Че, кого добылъ?
— Кого добудешь? поповскихъ бѣлко попалъ.
— Какой онъ?
— Хвостикъ коротенькій.
— Да это ушканъ!
— Какой ушканъ! вы одни промышлены, я будто не знаю.
Потомъ на завтра—коза попала.
— Охъ ты, лѣшева поповскихъ телка!
Вырубилъ дубину, дралъ, дралъ! Опустилъ.
Идетъ мимо поповскихъ и ругатца:
— Не даютъ петлѣ постоять, поповскихъ телка попала.
До что ты! телка эво въ загонѣ.
— Ну да я ей наклалъ.
Пришелъ домой. Братьи спрашиваютъ:
— Че, добылъ кого?
— Кого добудешь? поповскихъ телка попала!
— Кака она?
— Холочка желтенькая.
— Да это коза!
— Кака коза! вы одни промышлены, я будто не знаю.
Пошелъ на завтра—попалъ сахатый.
— Охъ ты лѣшевъ поповскихъ сивко попалъ.
Вырубилъ дубину, дралъ, дралъ! Опустилъ.
Идетъ мимо поповскихъ, бранными словами заругался:
— Не даютъ петлѣ постоять, поповскихъ сивко попалъ.
— Да нашъ сивко во дворѣ, поиче попли!
— Ну, не знаю! ну да я ему наклалъ.
Пришелъ, братья спрашиваютъ:
— Че, добылъ кого?
— Дастъ ли поповско стадо добять? Поповскихъ сивко попалъ.
— Да какой онъ?
— Да загривокъ большой, хвостъ коротенькій.
— Да это сахатый?
— Не знаю будто я! Вы будто одинѣ промышлены, а я нѣтъ.
На завтра пошелъ—мудвѣдь попалъ.
— У, лѣшева поповскихъ корова!

Давай его лупить. Медвѣдь сгребъ его, давай его мять, паспу вырвался. Идетъ плачетъ, весь въ крови. Идетъ мимо поповскихъ, ругатца:

— Ваша корова чуть меня не съѣла!

— Да что ты? наша чернуха звонъ въ пригонѣ.

— Ну, не знаю я, что ваша чернуха!

Домой пришелъ, плачетъ.

— Да что ты, Иванъ дуракъ?

— Поповска корова чуть меня не съѣла.

— Да это медвѣдь!

— Ну, не знаю будто я, что это поповскихъ корова.

— Пойду же, поставлю петелку, гдѣ матушка ходитъ довѣтру.

Утромъ приходитъ, матушка въ петлѣ поспѣла и околѣла уже.

Пришелъ и говоритъ:

— Матушку добылъ.

— Охъ, куды мы поичѣ се дѣвамъ?

— Нѣтъ, я братцы не дамъ вамъ хоронить; я поѣду, продамъ.

Положилъ въ пошевни и повезъ. Встрѣтилъ, купцовъ обозъ идетъ.

— Иванъ дуракъ, сворачивай!

— У меня матушка худа. Везу къ церкви причастить-исповѣдать.

— Да что съ нимъ разговаривать! Спѣхивайте его съ дороги!

Взяли, спихнули его въ сторону. Онъ заревѣлъ:

— Осшеньки, матушку мою убили!

— Иванъ дуракъ, не реви! На тебѣ сто рублей.

Онъ деньги взялъ. Опять поѣхалъ. Ѣдутъ на встрѣчу купцы -обозъ идетъ.

— Иванъ дуракъ, сворачивай!

— У меня матушка худа. Везу къ церкви причастить-исповѣдать.

— Да что съ нимъ разговаривать!

Взяли, спихнули его съ кобылой съ дороги. Онъ заревѣлъ.

— Осшеньки, матушку мою убили!

— Иванъ дуракъ, не реви! На тебѣ 200 рублей.

Онъ деньги взялъ, поѣхалъ дальше.

Ѣдутъ опять купцы.

— Иванъ дуракъ, сворачивай!

— У меня матушка худа. Везу къ церкви причастить-исповѣдать.

— Да что съ нимъ разговаривать!

Взяли его, спихнули съ кобылой вмѣстѣ.

Онъ заревѣлъ.

— Ошеньки, матушку мою убили!

— Иванъ дуракъ, не реви! На тебѣ 300 рублёй.

Онъ деньги взялъ. Матушку въ забой бросилъ, самъ поѣхалъ домой.

Пріѣхалъ. На столъ деньги положилъ.

— Вотъ, говоритъ, я ѣду по городу, кричу: не надо ли людей живыхъ и мертвыхъ? Сбѣжались люди, купили у меня матушку.

Братья подумали, подумали: сколь мы денегъ за хозяекъ возьмемъ! Взяли да хозяекъ убили. Положили въ кошеву и повезли по городу.

— Не надо ли людей живыхъ и мертвыхъ?

Люди сбѣжались, посмотрѣли въ кошеву — мертвецы. Побили братьевъ плетьми, тѣ домой прибѣжали.

— Куды мы нонче его злодѣя дѣвамъ?

Въ мѣшокъ, да въ прорубь злодѣя!

Завязали въ мѣшокъ, притащили къ проруби—въ прорубь не входитъ. Одинъ говоритъ къ другому:

— Иди по пѣшню!

— Нѣтъ, ты иди!

Перепирались, перепирались, да оба и пошли.

Ѣдетъ купецъ и спрашиваетъ:

— Иванъ дуракъ, куда ты?

— Я по бурыхъ, по коурыхъ, по разны товары.

— Запихай меня!

— Ну скорѣе развязывай, полѣзай въ мѣшокъ.

Тотъ полѣзъ.

— Ну, сиди, ничего не говори, тутъ придутъ къ тебѣ.

Самъ сѣлъ на коней и уѣхалъ.

Братья прибѣжали, разрубили прорубь и мѣшокъ съ купцомъ бросили.

— Вотъ тебѣ, злодѣй! раззорилъ нонче насъ.

Иванъ немного объѣхалъ и пріѣхалъ къ братьямъ подъ окошко.

— Ты откуля?

— Я тамъ былъ! тамъ буры, коуры и всяки товары.

— Иванъ дуракъ, запихай насъ!

Сталъ Иванъ говорить имъ:

— Ахъ вы, братья, братья! Вы меня дуракомъ считали, а сами то что? Вѣдь я матушку въ забой бросилъ.

Все имъ разсказалъ.

— Вы вѣдь купца въ забой запихали.

Стали послѣ того жить дружно. Братья думали, думали,—надо жениться. Послали Ивана на базаръ купить горшковъ, хмелю, масла и

соли. Пошелъ Иванъ, всего накупилъ, идетъ домой. Съ нимъ была сучка Баклашка. Идетъ, да горшкомъ одинъ о другой тукъ, тукъ, тукъ.

— Охъ вы... Вы меня убить хотите. Я вамъ самъ головы сломлю!

Взялъ да побилъ ихъ и ногами растоптал.

Вѣтеръ подулъ; подхватилъ немного хмелю.

— Ой баско, баско, баско!

Взялъ да весь хмель вытрясъ.

Идетъ по льду, а на льду щель.

— Охъ, кабы не утонуть!

Взялъ да щель масломъ замазалъ.

Сучка подбѣжала къ проруби, стала водичку хлебать.

— Ты что, моя Баклашка, безъ соли хлебаешъ?

Взялъ да соль высыпалъ въ прорубь.

Пришелъ домой. Братья спрашиваютъ, гдѣ покупка. Онъ имъ все разсказалъ. Братья разсердились, перестали посылать его за покупками.

Наварили пива. Оставили Ивана чаны съ пивомъ карауллить, а сами на базаръ, брать, чего надо.

Онъ взялъ, чаны выпустилъ, курицъ выпустилъ, а самъ въ корытѣ плаваетъ по избѣ, курицъ вмѣсто утокъ стрѣляетъ.

Братья пришли.

— Иванъ, отворяй!

— Мнѣ нѣкогда, утокъ добываю.

Тѣ дверь отворили—черезъ порогъ пиво побѣжало. Заругали Ивана.

— О будь ты проклятой свѣтомъ, ничего поиче не родилось (не удалось).

Записана отъ крестьянки Агафьи Каверзиной.

Аѳан. Н. Р. Ск., II, 354, № 222 «Мертвое тѣло» и 356, № 223: «Шутъ».

№ 8. Марьюшка.

Жилъ былъ мужикъ. У него робятъ страсть было людно. Хозяйка опять принесла дѣвченку. Ему ужъ завернуть не въ че и положить некуда. Мужикъ взялъ, завертѣлъ эту дѣвочку въ берестище, унесъ въ лѣсъ и положилъ подъ колоду. Мать Пресвята Богородица взяла ту дѣвочку и унесла къ себѣ въ церкву, подымать ее, ростить, кормить. Она растетъ не по годамъ, а по часамъ. Выросла большенька Дала Она ей имя Марьюшка; и говоритъ:—«Ну, Марьюшка, ходи этта по церкви, а въ алтарь не заглядывай». Сама пошла въ алтарь. Она ходила, ходи-

ла, заглянула въ алтарь—Мать Пресвята Богородица Христа принесла. Потомъ ходила, ходила, заглянула въ алтарь—Мать Пресвята Богородица Христа пеленатъ. Опять ходила, ходила, заглянула въ алтарь—Мать Пресвята Богородица Христа на престолъ садитъ. Потомъ вышла изъ алтаря, спрашиватъ:

— Че, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала.

— Ой, Марьюшка, скажи, а то худо тебѣ будетъ.

— Хоть худо, будетъ, Матушка, не заглядывала!

Мать Пресвята Богородица увела опять Марьюшку въ лѣсъ-трещобы и опустила.

Она ходила, ходила по лѣсу, вышла въ садъ. Изъ саду вышла въ городъ. А въ городѣ никто не можетъ на царя лоноть сшить. То сошьютъ—коротка, то долга, то узка, то широка. Марьюшка выхвалилась: «А я бы сшила на вашего царя лоноть». Царю живо доложили. Царь позвалъ ее. Принесъ ей матерію. Она скроила и сшила лоноть на царя. Царь надѣлъ. Лоноть ни узка, ни широка, ни долга, ни коротка,—какъ тутъ была! Сталъ царь на Марьюшкѣ свататься, замужъ взялъ ее за себя. Она забременѣла, принесла парнишка. Послалъ ее царь въ баню съ нянькамъ, съ мамкамъ и бабушкамъ. Пришла она въ баню. Няньки и мамки всѣ уснули. Потолочина открылятца, Мать Пресвята Богородица являтца.

— Че, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала, Марьюшка, въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала.

— Скажи, а то у ребенка руку, али ногу оторву!

— Хоть руку или ногу оторвешь, а не заглядывала.

Она оторвала у ребенка руку, запихала Марьюшкѣ въ ротъ, а сама дитя съ собой унесла.

Няньки и мамки пробудились, царю доложили, что его жена ребенка съѣла.

— Первà вина прощена, говоритъ царь.

Потомъ они жили долго-ли, коротко-ли, царица опять забрюхатѣла; принесла парнишка.

Послалъ царь ее въ баню съ нянькамъ, съ мамкамъ, съ бабушкамъ.

Пришла она въ баню: Няньки и мамки всѣ уснули: Потолочина открыватца, Мать Пресвята Богородица являтца.

— Что, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала.

— Скажи, а то у ребенка ногу оторву.

— Хоть и оторвешь, а не заглядывала.

Она оторвала у ребенка ногу, запихала Марьюшкѣ въ ротъ, а сама дитя съ собой унесла. Няньки и мамки пробудились, царю доложили:

— Твоя жена ребенка съѣла. Одна ножка въ ротѣ.

— Ну друга вина прощена, говоритъ царь.

Опять они жили съ годъ. Царица принесла парнишка. Царь послалъ опять ее въ баню съ нянькамъ, съ мамкамъ, съ бабкамъ. Няньки и мамки всѣ уснули. Потолочина открыватца, Мать Пресвята Богородица являтца.

— Что, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Нѣтъ, Матушка, не заглядывала!

— Скажи, а то у ребенка голову оторву.

— Хоть и голову оторвешь, а не заглядывала.

Она оторвала у ребенка голову и запихала Марьюшкѣ въ ротъ. Няньки и мамки пробудились, царю доложили.

— Твоя жена ребенка съѣла, одна головка въ ротѣ.

— Возьмите ее, привяжите камень и середь рѣки опустите, сказалъ царь.

Привязали къ ней камень, повезли и средь рѣки опустили. Думали, что она утопула, а Мать Пресвята Богородица ее выдернула.

Потомъ увидѣли ее, что она ходитъ по берегу. Доложили царю. «Возмите ее, накладите пламя и положите туда». Наклали пламя, бросили ее туда, а Мать Пресвята Богородица не допустила, выдернула ее. Она опять ходитъ. Сказали царю. Онъ сказалъ:

— Возьмите ее, глаза выкопайте и отвезите въ трущобу.

Ее взяли, глаза выкопали и отвезли въ трущобу. Къ ней приходитъ Мать Пресвята Богородица и говоритъ:

— Что, ходила, Марьюшка, по церкви?

— Ходила!

— Не заглядывала въ алтарь?

— Заглядывала, Матушка, виновата.

— То-то, Марьюшка, давно бы тебѣ сказать, не приняла бы ты этой муки.

Вложила ей видѣньё, стала Марьюшка видѣть. Мать Пресвята Богородица принесла всѣхъ трехъ сыновей. Всѣ они были здоровы. Мать Пресвята Богородица только видъ показывала, что отрывала руку, либо ногу. Они стали уже большими. То была Марьюшка въ лѣсу, а то стала на чистомъ мѣстѣ; и домъ для нее оказался. Живетъ она въ этой избушкѣ. Стали разъ Богу молиться. Старшій и говоритъ:

— Что, кабы у насъ, мама, эта рѣка была и корабли ходили!

Средній говоритъ:

— Что, кабы этта степь была, и хлѣба у насъ амбары полны.

А меньшій-отъ говоритъ:

— Что, кабы у насъ-отъ, маменька, у крыльца-отъ стоялъ дубъ на дубу, а на немъ котъ. Впередъ-отъ шелъ—сказки сказывалъ, а назадъ—присказки.

Переночевали ночь. Чего дѣти съ вечера говорили—все родилось: и рѣка тутъ, и амбары полны хлѣба, и все.

Прибѣгаютъ корабли. Она спрашиваетъ: «Какіе вы, откуль корабельщики?»—«А вотъ изъ того-то царства». Они сказали царство, гдѣ Марьюшка была царицею. Корабли погостили и стали обратно собираться, и корабельщики говорятъ: «Ты, баушка, отпусти съ нами большенькаго-отъ парнишка. Онъ съѣздитъ, царство посмотритъ». Она отпустила. Завязала въ платочекъ гостинчикъ царю и онъ поѣхалъ. Прибѣгаютъ на корабляхъ къ царю. Корабельщики приносятъ ему гостинцы. Царь не столь гостинцамъ обрадовался, какъ этому парнишку. Спрашиваетъ—гдѣ взяли? Тѣ разсказали, что въ такомъ то мѣстѣ домъ стоитъ. Въ немъ живетъ старушка и три сына съ нею. Царь долго любовался парнишкомъ. Корабельщики поѣхали опять и царь отпустилъ его къ матери. Просится меньшій сынъ: «Мамко, братка-то былъ у царя; и меня отпусти, сбѣгаю, царя погляжу. Корабельщики поѣхали, она отпустила и другого сына; завязала въ платочекъ гостинчикъ царю. Царь не столь обрадовался гостинцу, какъ этому парнишку. Погостилъ много ли, мало, пріѣхалъ къ матери. Отправлятся третій:

— «Братья-то были, только я не ѣздилъ». Отпустила она и третьяго сына. Завязала въ платочекъ гостинчикъ царю и наказала царя къ

себѣ въ гости позвать. Царь не такъ радъ гостинцу, какъ парнишку. По нему у царя серце обмираетъ.

Погостилъ и третій сынъ у царя, собирается домой, и говоритъ: — «Ну, царь, вольный человѣкъ, мама велѣла тебя въ гости звать». — «Мнѣ сегодня некогда, говоритъ царь, развѣ завтра!» Пріѣхалъ младшій сынъ домой. Мать спрашиваетъ: — «Что, царя звалъ?» — «Звалъ. Завтра сулился». На завтра мать велѣла всю ограду и всю дорогу, гдѣ корабли пристаютъ, до воротъ краснымъ сукномъ устлать.

Они устлали. Глядятъ, царь бѣжитъ на кораблѣ. «Какъ же мы, мамка, его встрѣчать будемъ?» говоритъ дѣти. «А какъ встрѣчать? Онъ придетъ—такъ въ ноги падать: это не царь вамъ, а отецъ».

Царь прибѣгаетъ. Они всѣ въ ноги кланяются и она кланяется. Онъ ее сразу узналъ.

— «Не кланяйся, говоритъ царь, я передъ тобой виноватъ!»

— Нѣтъ я виновата! Тѣмъ я виновата, что не каялась Матери Пресвятой Богородицѣ. Тутъ она все про себя разсказала.

Царь сильно обрадовался. Онъ забралъ ихъ всѣхъ и все имущество на корабли. Только что изъ избы они вышли, и избы нѣтъ. Мать Пресвята Богородица убрала.

Зап. со слов. кр. д. Кондратьевской Лукерьи Каверзиной.

Ср. у Афанасьева II. 322, сказка № 206 «Упырь». Женщина Маруся троекратно отказывается сказать, что ходила къ церкви и разсказать, что въ церкви видѣла. Вопросы задаетъ не Мать Пресвята Богородица, а упырь. Тайна, которую она видѣла, не рожденіе и пеленаніе Христа и сажаніе его на престолъ, а погребеніе упыремъ тѣла покойника. Маруся за свое упорство теряетъ не троихъ дѣтей, а отца, мать и сама умираетъ; на ея могилѣ вырастаетъ цвѣтокъ, который ночью обращается въ дѣвицу; баричъ женится на дѣвицѣ. Упырь разсыпается прахомъ, когда дѣвица на повторенный въ четвертый разъ вопросъ о церкви, отвѣтила утвердительно, что была и видѣла. Жизнь Марьюшки съ тремя дѣтьми, корабельщики, обычливость желаній, диковинка конь, который ходитъ по дубу, отожествляетъ Марьюшку съ женщиной въ русской сказкѣ «По колѣна ноги въ золотѣ»; обвиненіе, будто она съѣдаетъ (своихъ) дѣтей, сближаетъ ее съ Безручкой, которая будто зарѣзала любимую собаку, любимаго коня и сына. Въ одной ламайской легендѣ на женское божество Цаганъ-Дару клевещутъ, будто она зарѣзала любимыхъ царскихъ животныхъ; по другой той же богинѣ приписывается убійство собственнаго сына (см. мои Очерки с.-з. Монголіи, IV, 319: Тангуто-тиб. окр. Китая, II, 271). Въ сказкѣ «Упырь» на мѣстѣ тѣла покойника не стояло ли тѣло младенца? и самое дѣйствіе упыря не было ли только кажущимся, какъ въ сказкѣ «Марьюшка» только казалось, будто Мать Пресвята Богородица отрываетъ дѣтямъ руки, ноги и голову и какъ въ апокрифической легендѣ царю Анфилогу кажется, будто пресвитеръ во время евхаристіи закалаетъ младенца

(А. Веселовскій, Разысканія въ области дух. стиховъ, XVII, стр. 331—349). Появленіе церкви въ обѣихъ сказкахъ и у Афанасьева и у Вондыря указываетъ на древній культовой характеръ сказанія. Сказка «Упырь» пріурочена ко дню св. Андрея Первозваннаго (см. мои Вост. Мотивы въ средневѣк. эпосѣ, 529).

Къ этой же сказкѣ относится текстъ примѣчанія, помѣщенный подъ сказкой «Безручка», отъ словъ: «Сюжетъ этой сказки, т. е. разсказъ о гонимой матери»... до конца примѣчанія; подъ № 1-мъ этотъ текстъ напечатанъ по ошибкѣ.

II.

СКАЗКИ,

записанныя отъ крестьянина Краснояр-
скаго у., Енисейской губ.

Ниной Адріановой.

9. Два брата.

Жили были два брата. Одинъ былъ братъ богатый, другой бѣдный; у бѣднаго былъ сынъ, у богатаго не было никого. Богатый купилъ корабль и сталъ нагружать разными товарами. Приходилъ къ бѣдному старый старичекъ и говорилъ Ванюшкѣ—сыну: Проснись у дяди, чтобы взялъ онъ въ чужое царство. Пошелъ Ваня проситься у дяди: Возьми меня, дядя, въ чужое царство.—Куды ты поѣдешь, необразованный чалдонъ? Да и посадить-то тебя некуда, да и ѣхать то тебѣ не зачѣмъ.—Ну, дядя, я гдѣ-нибудь въ уголокъ.—Ну, поѣдемъ. Вотъ пришелъ онъ назадъ домой радой, что взялъ его дядя съ собой. Спросилъ старикъ: Ну что, выпросился ѣхать въ чужое царство? Отвѣчалъ Ваня: Выпросился. Когда отправляешься?—Завтра поутру, отвѣтилъ Ваня. Ну съ Богомъ! сказалъ старикъ. Плыли они,—долго-ли, коротко-ли, приплыли въ чужое царство и понесли царю подарки: дядя понесъ шелку штучку, приказчикъ понесъ золота, а Ванѣ не съ чѣмъ итти къ царю. Не откуль взялся тотъ же самый старичекъ, который дома былъ и даетъ какой то кошелекъ, и въ двухъ узелкахъ чё-то зашито было, Ваня и самъ не зналъ.—Ну, иди теперь къ царю, дари этотъ кошелёкъ. Пошли они всѣ трое къ царю. Подарилъ дядя штучку шелку, подарилъ приказчикъ золота. Поблагодарилъ ихъ царь и пригласилъ на обѣдъ. А Ваня всё боится, не смѣетъ царю ничего сказать. Думаетъ: сказать, такъ сказнитъ меня царь. Насмѣлился Ваня: подалъ кошелекъ царю. Разрѣзалъ царь первой узелъ, въ первомъ узлу было кольцо, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; разрѣзалъ царь второй узелъ: освѣтило всѣ комнаты у царя, ровно солнышко взошло. Поблагодарилъ Ваню царь и на обѣдъ пригласилъ. Налили имя въ тарелки серебряны, а Ванѣ въ золоту. Налили тѣмямъ въ серебряны чары, а Ванѣ въ золоту. Выпили, поблагодарили царя и стали просить, можно-ли у него торговать. Царь отвѣчалъ на это: У насъ есть такая церква и тамъ заклята моя дочь. Лежитъ въ желѣзномъ гробѣ, закована тремъ обручамъ. Кто къ моей дочери сходитъ три ночи, тотъ и можетъ торговать въ этой землѣ. Впередъ назначилъ дядя Ваню. Ваня задумался. Не откуль взялся тотъ же самый старичекъ, говоритъ: Не думай, Ваня, вотъ на́ тебѣ огарокъ Божьей свѣчки, вотъ на́ тебѣ отъ лучины огарокъ. Когда придешь въ церкву, назадъ не оглядывайся; вставай къ столу напротивъ гроба; обчертись лучиновымъ огаркомъ кругъ себя, зажги Божій огарокъ и читай книгу Божью. Пришло 12 часовъ ночи. Слетаютъ съ гроба три обруча, открывается гробъ,

стаетъ растрепанная дѣушка съ черными волосами, съ красными глазами. Стала подходить, дошла до круга, хотѣла было далѣ, да кругъ не пускаетъ, хотѣла было рукамъ схватить, да руки не достаютъ. Скрикнула тутъ царская дочь: Зачѣмъ ты тутъ пришелъ! и чё тебѣ надо? Перекрестился тутъ Ваня, досталъ изъ кармана пять гумажекъ иголокъ и бро́силъ ни́-отмашь среди церкви; схватила царская дочь, съѣла одну гумажку иголокъ. Ваня только и твердилъ: Врешь, подавишься. Так она одну по одной гумажки стала ѣсть. Только хотѣла послѣднюю съисть, запѣлъ пѣтухъ. Заскочила царская дочь въ гробъ, мигомъ легла, закрылся гробъ, надѣлись три обруча. Приходятъ по утру, отмыкаютъ церкву два какихъ то молодые мущины, межъ собою разговариваютъ: Ну, навѣрно ужъ теперь не живой. Сколько народу туды ходило, всё позаль не ворочаются. Какъ увидѣли Ваню, такъ и ужахнулись и стали выспрашивать, какъ чё было? Ваня разсказалъ, чё съ имъ было и чё случилось. На вторую ночь надо итти дядѣ. Сталъ просить дядя Ваню. Ваня говоритъ: што тебѣ не жалко?—Если только ты пойдешь, я тебѣ половину корабля отдамъ. Пошелъ Ваня и на вторую ночь. Опеть такъ же и сдѣлалъ. Пришло 12 часовъ почи. Раскрывается гробъ, соскакиваетъ царская дочь, закричала сильнымъ голосомъ: Што тебѣ тутъ надо? Што ты блудишь кажду ночь? Уйди вонъ! Не то тебя съѣмъ. Ваня отвѣтилъ: Врешь, подавишься. Бросилъ десять кусочковъ раскаленнаго желѣза. Схватила царская дочь, съѣла одинъ и такъ она одинъ за другимъ такъ и ѣла. Осталось только два. Пропѣлъ пѣтухъ. Вскочила царская дочь въ гробъ и легла, закрылся гробъ, надѣлись три обруча. Пришли по-утру, видятъ—живой. Повели Ваню къ царю. Сталъ царь выспрашивать, што съ нимъ было. Пришла третья ночь—надо итти прикашшику. Сталъ прикашшикъ Ваню просить: Ваня, будь братъ родной, сходи за меня. Я человѣкъ не богатый, платить у меня много нечѣмъ. Вотъ, если хочешь итти, такъ вотъ бери 500.—Ну, я и на то согласенъ. Пошелъ Ваня. Не откуль взялся настрѣчу тотъ же самый старикъ.—Возьми, Ваня и меня съ собой, а то тебѣ одному не спастись. Ну и пошли. Заходятъ въ церкву. Стали коло стола и противъ гроба. Очеркнулъ старикъ какимъ-то огаркомъ, во всѣхъ углахъ завыло: вой, шумъ... плачь... Пришло 12 часовъ. Соскакиваетъ царская дочь изъ гроба, забѣгала изъ угла въ уголъ, застонала, закричала; полѣзли змѣи семиглавыя, лютыя, рты разѣваютъ, тово и гляди, што съѣдятъ. Доползутъ до круга, а въ кругъ не можутъ вползти. Подбѣжала царевна и стала просить прошшенья: Уйдите отседа, а то меня змѣи съѣдятъ. Только

сказала царевна эти слова, Ваня мигомъ накинулъ на её крестъ и чичасъ пошёлъ пѣтухъ. Тотъ же часъ не стало въ церкви никого: ни воя, ни плачу, ни змѣевъ семиглавыхъ, только царевна съ Ваней, какъ дикая по всѣмъ угламъ глядитъ. Приходятъ на утро, видятъ: сидитъ Ваня съ царевной, у царевны лицо измученное, глаза сквозь слёзы глядятъ. Всѣ боятся зайти въ церковь: Поѣстъ, думаютъ. Доложили царю, что сидитъ дочь съ Ваней. Прибѣжала коляска къ церквѣ и остановилась. Зашелъ царь въ церкву, обнялъ свою дочь и заплакалъ. Вывели ихъ изъ церкви. Сдѣлали веселую свадьбу, женили Ваню на царевнѣ, и стали они жить да поживать да добра наживать.

Разсказывается въ с. Еловки, Погорѣльской волости

Аѳан., Нар. Русск. Сказки, т. II, № 207 и 208, b и с. Нижегородскій варіантъ («Николай Чудотворецъ и отрокъ») помѣщенъ мною въ «Этногр. Обозр.», LIII, стр. 12. Курганскій варіантъ «Чудо Николая Святителя» въ Записк. Красноярск. Подъ-отдѣла Геогр. Общ. по Эти., т. I, в. 1, № 63, стр. 125.

10. Копылокъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ былъ царь. У него было дѣтей Копылокъ да Елена Прекрасная. Въ году была заклятая секунда, въ тое минуту змѣй всегда уносилъ дѣвушекъ. Въ тое же самую минуту въ одно прекрасное время вышла Елена Прекрасная погулять. Не успѣла выйти въ садикъ, не откуль взялся лютый змѣй и схватилъ Елену царевну и утащилъ. Разослали письма и телеграммы по всѣмъ селамъ и городамъ и по деревнямъ—нигдѣ Елены не могли найти. Вышелъ Копылокъ-царевичъ въ тотъ же самый садъ. Не откуль взялась старуха. И спросилъ царевичъ старушку: Бабушка, не видала-ли здѣсь такую дѣвушку? Отвѣтила старуха: Если хотишь, такъ я тебѣ скажу, гдѣ она. Обрадовался царевичъ: Хочу, хочу, бабушка! Скажи пожалуйста. Сказала старуха: Твоя сестра за тридевять земель, въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ.—Какъ же, бабушка, до ее добраться?—Ступай въ темный лѣсъ, попадетъ тебѣ тропинка, и иди по ней; попадетъ тебѣ избушка на куричьихъ ножкахъ. Тамъ сестра моя живетъ и скажи ей, что меня сестра твоя послала изъ волшебнаво лѣсу. Выслушалъ царевичъ у старухи, поблагодарилъ и пошелъ къ родителямъ, благословиться. Благосло-

вили родители Копылка, своево сына; пошелъ въ путь-дорожку и такъ и сдѣлалъ, какъ старуха говорила. Шелъ, шелъ тропинкой, близко-ли далеко, низко-ли высоко, увидѣлъ избушку на куричьихъ ножкахъ. Избушка повертывается.—Избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ—передомъ. Избушка такъ и сдѣлала: стала къ лѣсу задомъ, а къ Копылку передомъ. Зашелъ онъ въ избушку и видитъ—старуха сидитъ сѣдая-присѣда, длинноубли.—Фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Зачѣмъ ты сюда зашелъ?—Бабушка не напоила и не накормила, вздумала спрашивать. Старуха накормила, напоила, выспросила. Царевичъ все разсказалъ: зачѣмъ и че пошелъ. Ну, старуха дала ему клубочекъ.—Вотъ на тебѣ клубочекъ, отпусти этотъ клубочекъ и куды этотъ клубочекъ покатится, туды и ты за имъ иди. Вышелъ царевичъ изъ избушки, опустилъ клубочекъ, клубочекъ покатился, царевичъ за имъ пошелъ. Клубочекъ катится, царевичъ все за имъ идетъ. Шелъ, шелъ, близко-ли далеко, низко-ли высоко, увидѣлъ—избушка на куричьихъ ножкахъ повертывается.—Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ. Избушка такъ и сдѣлала: стала къ лѣсу задомъ, къ Копылку передомъ. Зашелъ онъ въ избушку. Сидитъ старуха старая—старая, зубы вострые. Подумалъ царевичъ: должно быть той мать.—Фу, фу, фу, русскимъ духомъ пахнетъ! Отвуда, добрый молодецъ зашелъ и куды идешь?—Бабушка не напоила, не накормила, вздумала спрашивать. Напоила старуха, накормила и выспросила. Разсказалъ царевичъ: куды пошелъ и зачѣмъ. Старуха дала царевичу ширинку. Бери ширинку и клубочекъ и ступай по дорогѣ далѣ; попадетъ тебѣ ешшо избушка, въ этой избушкѣ мать моя живетъ; она тебя спроситъ, сразу сказывайся. Ну, царевичъ пошелъ, пошелъ за клубочкамъ. Шелъ, шелъ, близко-ли далеко, низко-ли высоко, видитъ—избушка на куричьихъ ножкахъ повертывается.—Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ—передомъ. Избушка такъ и сдѣлала: стала къ лѣсу задомъ, а къ Копылку передомъ. Зашелъ въ избушку царевичъ, видитъ: сидитъ старуха, сѣдая—присѣдая, глаза большіе, зубы востры.—Фу, фу, фу, русскимъ духомъ пахлетъ! Откель, молодецъ, идешь? Откель и куды и зачѣмъ сюды зашелъ? Здѣсь не то что люди, и звѣри то не ходятъ, и птицы не летаютъ. Царевичъ разсказалъ, какъ онъ пошелъ и куды пошелъ и зачѣмъ. Старуха дала ему веретено.—Вотъ, на тебѣ веретешко, иди съ этимъ веретешкомъ; и попадутъ тебѣ горы высокія, и на горахъ три цѣпи повѣшены и у каждой цѣпи надпись, какъ по имя залѣзти и котора куда; залѣзешь ты по этимъ цѣпимъ на горы, увидишь ты царскій дворецъ, зайдешь ты въ

царскій дворецъ, доложишь служанкамъ, мамкамъ, нянькамъ; зайдешь на высокую большую лѣстницу, увидишь двѣнадцать оконъ и въ каждое окно погляди. У котораго окна увидишь свою сестру и бери ее скорѣе и бѣгите по той же по самой дорогѣ. Выходитъ царевичъ изъ избушки, видитъ: клубочекъ впереди его покатился. Царевичъ шелъ за клубочкомъ. Шелъ, шелъ, близко-ли далеко, низко ли высоко, дошелъ до горъ, видитъ: висятъ три цѣпи и у каждой цѣпи надпись. Взлѣзъ по середней цѣпи царевичъ. Только взлѣзъ на гору, видитъ дворецъ: высокой-то превысокой. Подошелъ къ дворцу. Нашелъ ворота, растворилъ ворота. Доложилъ мамкамъ, нянькамъ, служанкамъ; зашелъ онъ на большую лѣстницу, видитъ 12 оконъ. Во всѣ окна глядѣлъ. На одномъ окнѣ видитъ—сидитъ его сестра. Поскорѣе Копылокъ-царевичъ схватилъ свою сестру и пошелъ обратно за клубкомъ по той же по самой дорогѣ. Шли, шли, шли, близко-ли далеко, низко-ли высоко, подошли къ горамъ—къ тѣмъ же самымъ, по которымъ залѣзъ царевичъ. Цѣпи оборваны... Не по чему было лѣзти царевичу, и воротился царевичъ назадъ къ дворцу, подошелъ онъ къ воротамъ, доложилъ онъ служанкамъ, какое ихне горе. Служанки говорили: надо двѣ штуки—ширинку и веретено. Царевичъ сказалъ, что у меня есть. Ступай же къ тѣмъ самымъ горамъ, разломи напополамъ это веретено. Выскочитъ чертенокъ изъ этого веретена, спроситъ тебя: Че тебѣ, Копылокъ-царевичъ надо.—Мнѣ нужно вотъ съ горы съ этой слѣзти.—Ну, садись на меня поскорѣе и завязывай себѣ глаза. Копылокъ-царевичъ и Елена-царевна завязали себѣ глаза и сѣли на чертенка. Мигомъ сомчалъ съ горы чертенокъ. Поблагодарили чертенка и пошли. Заходятъ въ первую въ избушку. Старуха увидѣла царевича, выспросила, че съ нимъ было и какъ онъ могъ слѣзти съ той горы. Копылокъ разсказалъ, какъ онъ слѣзъ съ той горы. – Ну, ступай далѣ, сказала старуха. Дошли они такъ до другой избушки. Зашли къ старухѣ. Старуха выспросила, какъ сестру могъ выручить. Царевичъ разсказалъ. – Ну, иди себѣ далѣ да береги мою ширинку. Васъ, вотъ не доходя до той избушки, догонитъ мушшина на конѣ. Это не мушшина, а чортъ будетъ на дьяволѣ. Ты, какъ услышишь топотъ, и вверитесь въ эту ширинку: царевна сдѣлается худенькой, прехуденькой избушкой, а ты сдѣлаесся въ избушкѣ старикомъ. Такъ Копылокъ-царевичъ и сдѣлалъ: сестра сдѣлалась избушкой, а онъ сдѣлался въ избушкѣ старикомъ. Зашелъ мушшина въ избушку. Видитъ—старикъ старой сидитъ въ избушкѣ. Спросилъ тутъ мушшина старика: Не видѣлъ ли двухъ молодыхъ людей?—Какихъ двухъ молодыхъ людей? спросилъ старикъ.—Царевича съ царев-

ной — отвѣтилъ мушшина.—Нѣтъ, не видѣлъ. Я ужъ третій день изъ избушки не выхожу. Сказалъ мушшина: до свиданья, старикъ.—Съ Богомъ, сказалъ старикъ. Чортъ такъ и исчезъ, какъ не было. Перекрестился старикъ, вышелъ изъ избушки и думаетъ: какъ же перебраться назадъ мнѣ въ царевича. Не откуль взялся тотъ же самый чертенокъ, который сводилъ ихъ съ горы.—Не плачь, Копылокъ-царевичъ. Вынулъ чертенокъ изъ кармана какой-то пузырекъ съ желтой водой, спрыснулъ: сдѣлался опять Копылокъ царевичъ и Елена царевной. Сказалъ чертенокъ: Идите и не опасайтесь. Теперь никакой бѣды впередъ не будетъ. Шли, шли они, близко-ли далеко, низко-ли высоко, подходятъ къ послѣдней избушкѣ. Заходятъ въ избушку, видятъ—старуха сидитъ. Стала старуха выспрашивать. Царевичъ разсказалъ. Старуха выслушала разсказъ, взяла клубочекъ назадъ. Царевичъ поблагодарилъ, и пошли они по лѣсу, по тропинкѣ. Шли, шли, вышли въ тотъ же самый садъ, въ которомъ уташилъ царевну змѣй. Подходятъ къ своему дворцу, зашли во дворецъ, доложили царю; царь обрадовался своимъ дѣтямъ (мать была уже не жива) и разсказалъ, че съ имъ было и кого онъ назначилъ на свое мѣсто въ цари. Распросилъ сынъ отца, изъ-за че и за что. Изъ-за того, что въ безъизвѣстности пропалъ, а Елену Прекрасную змѣй уташилъ. Погоревали, погоревали объ матери да и сдѣлали большой пиръ. Царь сдѣлалъ Копылка на свое мѣсто царемъ, Елену выдалъ замужъ въ чужую землю, самъ померъ. Елена съ Копылкомъ стали жить да поживать да добра наживать.

Афан., II. P Ск., I, № 74 «Покатигорошекъ», стр. 141. Этногр. Збірникъ, у Львові, XII, 213, № 30 «Про Котигорошка»: Чубинскій, II, 229—239; Драгомановъ, 260.

11. Коза.

Пошла коза съ козломъ мохъ драть. Козелъ надралъ два куля, а козлиха полъ куля. Вотъ козелъ на козлуху разсердился и говоритъ волкамъ: «Волки, волки, идите козлуху ѣсть». —«Нѣтъ, не пойдемъ».—«Погоди, волки, я на васъ охотниковъ нашлю».—«Охотники, охотники, идите волковъ стрѣлять!»—«Нѣтъ, не пойдемъ».—Погодите, я на васъ, охотники, веревокъ нашлю».— «Веревки, веревки, идите, охотниковъ вязать».—«Нѣтъ, не пойдемъ».—«Погодите, на васъ, веревки, огня нашлю.—«Огонь, огонь, иди веревки жечь».—«Нѣтъ, не пойду».—Погоди, огонь, я на тебя воды

пошлю".—„Вода, вода, иди огонь заливать"!—„Нѣтъ, не пойду".—„Погоди, вода! я на тебя быковъ нашлю. Быки, быки, идите воду пить". „Нѣтъ, не пойдемъ".—„Погодите, быки, я на васъ червей нашлю. Черви, черви идите быковъ точить".—Нѣтъ, не пойдемъ".—„Погодите, черви, я на васъ курей нашлю. Куры, куры, идите червей клевать".—„Нѣтъ, не пойдемъ".—«Погодите, куры, я на васъ утокъ нашлю. Утки, утки, идите курей бить".—„Нѣтъ, не пойдемъ".—„Погодите, утки, я на васъ гусей нашлю. Гуси, гуси, идите утокъ клевать".—„Нѣтъ, не пойдемъ".—„Погодите, гуси, я на васъ жалну (дятла) нашлю. Жална, жална, иди гусей долбить".—„Нѣтъ,не пойду".—„Погоди, жална, я на тебя орла нашлю. Орелъ, орелъ, иди жалну бить". Орелъ пошелъ жалну бить; жална гошла гусей долбить; гуси пошли утокъ бить; утки пошли куръ бить; куры пошли червей клевать; черви пошли быковъ точить; быки пошли воду пить; вода пошла огонь тушить; огонь пошелъ веревки жечь; веревки пошли охотниковъ вязать; охотники пошли волковъ бить; волки пошли козу есть. Вотъ коза подъ мостокъ, а волкъ ее за хвостокъ: хамъ, хамъ, да и съѣлъ.

II.

Сказки,

записанныя М. И. Ермоленко въ селѣ Гляденъ Енисейск. губ.

12. О комарѣ и паутѣ.

Паукъ и комаръ давно слышали про матушку Москву и про чудные терема и церковищи. Имъ сильно хотѣлось посмотрѣть на все это.

Они сошлись для переговоровъ насчетъ путешествія въ Москву.

„Такъ значитъ летимъ"? спрашиваетъ комаръ паука. „Да, летимъ", отвѣчаетъ паукъ.

„Ну такъ вотъ завтра ранешько утромъ полетимъ"! говоритъ окончательно комаръ. „О, нѣтъ! утромъ рано я не могу летѣть, а вотъ днемъ, какъ будетъ жарко и сухо, полетимъ»! отвѣчаетъ паукъ.

«Нѣтъ!... въ жаркую погоду я не могу летать», сказалъ комаръ.

Друзья увидѣли, что они не могутъ вмѣстѣ летать, оставили попытку увидать Москву и разлетѣлись.

О комарахъ и мошкахъ.

Комары и мошки, изъ за обладанія людьми и животными, завели между собою споръ; каждому изъ нихъ хотѣлось одному пользоваться наслажденіемъ, безъ помѣхи другихъ. Ни одна сторона не хотѣла уступить другой. Для разрѣшенія спора они отправились къ Богу. Явились. Ангелъ доложилъ о нихъ Богу. Богъ вышелъ къ нимъ.

„Что вамъ нужно"? —спросилъ Онъ ихъ. „Раздѣли насъ, Боже, кому изъ насъ и когда быть на землѣ, чтобы мы не мѣшали одинъ другому", сказали явившіеся.

Богъ, помолчавъ, сказалъ:

„Мнѣ сейчасъ некогда, а вотъ послѣ Покрова Я васъ раздѣлю"!

„О! послѣ Покрова насъ небудетъ"! зажужжали комары и мошки и недовольные, улетѣли опять на землю и еще злѣй, еще сильнѣй стали нападать на людей и животныхъ.

III.

Сказка,

записанная г. Гнетневымъ въ Казачинской волости.

13. Тархъ Тараховичъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь. У этого царя было три сына: старшій Степанъ, другой Димитрій, а младшаго звали Иванъ царевичъ. Дѣти подросли, отецъ и мать предлагаютъ старшимъ жениться, они же говорятъ: „батюшка и матушка, не охотно намъ еще жениться". Тогда они призываютъ младшаго и предлагаютъ ему; онъ отвѣчаетъ: „да, батюшка съ матушкой, мнѣ охотно жениться". Конечно, этотъ государь ѣздилъ по всѣмъ городамъ и нигдѣ не могъ для Ивана царевича невѣсты изобрать. Хорошо; пріѣзжаетъ домой и обказываетъ своему сыну, что „я, Иванъ царевичъ, по васъ не могъ невѣсты изобрать". Иванъ царевичъ выслушалъ, всталъ на ноги и говоритъ: „что же это такое"? Потомъ вышелъ изъ своихъ комнатахъ и запечалился, и пошелъ по славному городу Петербургу прогуляться; идетъ себѣ изъ улочки въ переулочекъ и попадается ему навстрѣчу старушка, остановила его и говоритъ: „Ты Ивачь царевичъ, я знаю, зачѣмъ вы ходите". „Да бабушка, вотъ зачѣмъ я хожу, нужно мнѣ невѣсту. Батюшка ѣздилъ по всѣмъ городамъ и землямъ и не могъ невѣсты мнѣ изобрать". „Вотъ что вамъ скажу, говоритъ старушка: встаньте утромъ пораньше и пойдите подлѣ рѣчку, а тамъ будутъ дѣвицы бѣлье мыть. Одна изъ трехъ вамъ взглянется, вы и возьмите замужъ за себя". Всталъ на утру рано, обулся, пріодѣлся и пошелъ подлѣ рѣчку, какъ-бы для охоты. Идетъ, моютъ на мосточку дѣвицы бѣлье, изъ этихъ дѣвицъ одна поглянулась, понравилась. Приходитъ домой и докладываетъ батюшѣ и матушѣ: „Вотъ у такого-то купца прислуга мнѣ очень поглянулась". Затѣмъ, конечно, государь говоритъ: „я вони не знаю". Какъ у нихъ в много времени продолжалось, поѣхали, посватали прислугу у купца, послѣ сватанья и свадьбу сыграли, а зять-то молодую Василиса Протопопьешна. Затѣмъ, когда повѣнчались, пошли въ свою комнату спать. Хорошо; приходитъ время часовъ десять, она-же Василиса, его хозяйка, взяла шелковый поясокъ, стегнула Ивана царевича три раза, и сказала: „не тебѣ мною владѣть, а Тарху Тарховичу"! Взорилась объ полъ, сдѣлалась сорокой и улетѣла въ окно. Спѣли пѣтухи, прилетаетъ она, вдарилась объ полъ, сдѣлалась снова молодицей, прямо къ нему на постель, обнимаетъ его и говоритъ: „что, ты осерчалъ на меня? я пошутила съ вами". Настало утро, нянька и мамки умыли его и пріодѣли. Пошелъ онъ къ своему батюшѣ запечаленный и задуманный; они его спрашиваютъ. „Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка съ

мамашенькой"! Прошелъ день, снова пошли въ свою комнату спать; пришла она, обернула его полотенцемъ, сѣла на окошко, обернулась сорокой и говоритъ: „не тебѣ владѣть, а Тархъ Тарховичу"! и улетѣла. Свили пѣтухи, прилетѣла снова она, ударилась объ полъ, сдѣлалась молодицей и легла на кровать. Начала обнимать его и говоритъ ему: „Вы осерчались на меня; я вѣдь пошутила съ вами". У него сердце каменное, отвернулся онъ отъ нея. Затѣмъ всталъ по утру, обулся; нянька, мамки изготовили воды, умылся; приходитъ къ своему папашѣ и мамашѣ и поздравляетъ съ добрымъ утромъ. Государь и государыня, его отецъ съ матерью, спрашиваютъ: „что ты, нашъ сынъ, такой печальный, заботливый"? Онъ имъ ничего не отвѣтилъ. Выпилъ одинъ стаканъ чаю безъ всякой закуски, затѣмъ вышелъ на терассу, постоялъ, подумалъ и пошелъ по городу Петербургу прогуляться съ печали. Шелъ изъ улочки въ переулочекъ, встрѣчается ему старушка; не замѣтилъ онъ ее въ печали, даже ткнулъ; она полетѣла отъ него. Идетъ по другой улочкѣ, она опять ему настрѣчу попалается, останавливаетъ его и говоритъ: „знаю я, затѣмъ вы гуляете". „Да бабушка, мнѣ нужно богатырскаго коня. Гдѣ-бы подъискать"? „Иванъ царевичъ, въ вашемъ прекрасномъ саду есть конь хорошій; онъ въ подвалѣ стоитъ, за девятью дверями на двѣнадцати цѣпяхъ, запертый вашимъ прадѣдомъ тридцать тысячъ лѣтъ назадъ". Пошелъ въ свой садъ и увидалъ соточку *) заросшую. Помолился, поклонился на четыре стороны и ударилъ правымъ кулакомъ; выходитъ подвалъ на верхъ. Затѣмъ подходитъ къ подвалу, разбилъ первую дверь, затѣмъ вторую и всѣ остальныя, а конь цѣпи порвалъ; выскочилъ изъ подвалу, положилъ передніе ноги на плечи и говоритъ Ивану царевичу: „долго я объ васъ скучалъ". „И я долго объ тебѣ, добрый конь, скучалъ". „Пойди въ подвалъ и забери богатырскіе доспѣхи: палицу, булавицу, мечъ и булатное копье, сѣделечко черкасское и уздечку серебряную". Осѣдлалъ коня, забралъ богатырскіе доспѣхи, а конь ему опять говоритъ: „теперь, Иванъ царевичъ, лѣзь въ правое ухо, а вылѣзай въ лѣвое"! Такъ и сдѣлалъ Иванъ царевичъ и сталъ онъ такимъ молодцемъ, что все-бы смотрѣлъ и очей не сводилъ бы съ него. Сѣлъ на коня и поѣхалъ къ своему папашенькѣ. Пріѣхалъ, упалъ передъ папашенькой и мамашенькой на колѣни и говоритъ: „благословите меня поѣхать! благословите, поѣду, не благословите, поѣду". Затѣмъ отецъ и мать его благословили и онъ

*) Соточка—горочка, холмикъ.

отправился въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли онъ ѣздилъ, далеко-ли, близко ли, замѣчаетъ онъ на горѣ теремъ златомъ, серебромъ пріукрашенный; подъѣзжаетъ къ терему, у терема стоитъ столбъ, у столба три кольца: одно золотое, другое серебряное и третье мѣдное. За мѣдное богатыришки привязываютъ, за серебряное средніе богатыри, а за золотое Тархъ Тарховичъ; кромѣ его никто не смѣлъ привязывать коня за золотое кольцо. Иванъ царевичъ привязалъ коня за мѣдное; прочитавши надпись, подумалъ: „да, должно-быть Тархъ Тарховичъ сильнѣ богатырь", и зашелъ потомъ въ теремъ и видитъ бабу Ягу. „Ахъ, Иванъ царевичъ"! говоритъ ему баба Яга. Зачѣмъ ты зашелъ сюда; вѣдь я тебя похитю". «Ахъ, Ягая-бабица! я не затѣмъ пріѣхалъ, чтобъ—ты меня похитила, а чтобъ и повидаться и посовѣтываться съ вами». Приготовила она поѣсть; онъ покушалъ и говоритъ: «теперь мнѣ бы нужно отдохнуть». Затѣмъ сколько времени онъ тамъ отдыхалъ, неизвѣстно. И говоритъ ему баба Яга: «да Иванъ царевичъ! побѣдишь ты, побѣдишь, но не добѣдешь до Тархъ Тарховича; онъ тебя похититъ». «Ахъ Ягая-бабица! можетъ быть я пропду, а онъ не увидитъ меня». Распрощался съ нею, сѣлъ на добраго коня и отправился въ путь-дорогу. Долго ли, коротко-ли, близко-ли, высоко-ли ѣхалъ, видитъ, стоитъ теремъ златомъ, серебромъ пріукрашенный. Подъѣзжаетъ къ терему, привязалъ коня за серебряное кольцо и заходитъ въ этотъ теремъ; видитъ, сидятъ Ягая-бабица и говорятъ ему: «Зачѣмъ Иванъ царевичъ зашелъ ко мнѣ въ комнату»? а онъ ей отвѣчаетъ: „Яга-бабица! мнѣ нужно пріискать мѣста, гдѣ бы отдохнуть; ѣхалъ далеко, притомился". Она ему ничего на это не сказала, но поставила ему пообѣдать; кончилъ онъ и легъ отдыхать. Немного отдыхалъ, всталъ и говоритъ: „мнѣ пора отправиться въ дорожечку". Она-жъ ему наказываетъ: „Иванъ царевичъ, ты его матери больше ухлопывай, а то она тебя похититъ". Поѣхалъ; близко ли далеко-ли, низко-ли, высоко-ли, подъѣзжаетъ къ этому терему. Слѣзъ съ коня, привязалъ за серебряное кольцо его поводами, заходитъ онъ въ теремъ; вдругъ мать Тархъ Тарховича вскочила на ноги; сидѣла она на стульчикѣ. И говоритъ ему: „Ахъ, прекрасный Иванъ царевичъ! зачѣмъ ты зашелъ безъ всякаго спроса въ нашъ теремъ"? Палъ на колѣнки передъ ней Иванъ царевичъ и сталъ прощенья просить. „Я говоритъ, прощу тебя, какъ-то мой сынъ Тархъ Тарховичъ проститъ тебя, я его дожидаюсь; сейчасъ мой сынъ будетъ въ домашности. Тебѣ нужно спрятаться подальше". И заперла его въ сундучекъ. Сейчасъ только она заперла, прилетаетъ Тархъ Тарховичъ, ударился объ полъ и сталъ молодцемъ.

„Здравствуй, мамашенька, а зачѣмъ вы впустили русскаго человѣ Ивана царевича“? Она ему ничего не отвѣтила, приготовила куша „Ну-ка, выводите-ка гостя“! Она же говоритъ ему: „ты его похитишь Тархъ Тарховичъ молвитъ-же ей: „очи выше бровей не бываютъ; простили и я прощу“. Вывела она Ивана царевича; поздоровались за ручку, сѣли за столъ, начали выпивать и закусывать. Затѣмъ побратались и Тархъ Тарховичъ говоритъ: „ты будешь, Иванъ царевич младшій братъ, а я старшой“. Посидѣли они тутъ, покушали, Тар Тарховичъ и говоритъ: „мнѣ пора отправиться, родимый родной бр тецъ“. И говоритъ Иванъ царевичъ: „возьми меня съ собою“. „Нѣ никакъ нельзя: ты лучше, братецъ, иди прогуляйся по городу, толь въ одно мѣсто не ходи: тамъ есть садъ, въ саду подвалъ, въ подва конь нашего дѣда; никто изъ богатырей не можетъ на немъ ѣздить: силенъ богатырь и то не могу, а ты и совсѣмъ не можешь“. Ходи вездѣ Иванъ царевичъ по городу, выпивалъ въ лавочкахъ разныя вин „Дай я въ этотъ садъ схожу, что въ этомъ саду производиться“. Затѣм заходитъ въ садъ, подходитъ къ подвалу, двинулъ ногой, разбилъ п стеро дверей, а конь разбилъ другихъ шестеро дверей. Выскочилъ к изъ подвала, положилъ Ивану царевичу на плечи переднія ноги и гов ритъ: „никто не могъ ѣздить на мнѣ, силенъ богатырь Тархъ Тар ничъ и тотъ не могъ, а ты, Иванъ царевичъ, можешь“. Спустился подвалъ Иванъ царевичъ, взялъ палицу, а палица тридцать тысячъ п довъ, — она и то ему легко показалась, — сѣдельцо черкасское и серебря ную уздечку. Осѣдлалъ коня, только сталъ на него садиться, лети Тархъ Тарховичъ и хотѣлъ его сожрать. Конь Ивану царевичу говорит „ты присядь, а я копытомъ заступлю тебя“. Тархъ Тарховичъ поз жился около коня и улетѣлъ. Отправляется Иванъ царевичъ къ Та Тарховичу и привязываетъ коня за золотое кольцо. Тархъ Тархови увидалъ его и сестры его увидали, встрѣтили его съ трепетомъ, та какъ онъ сталъ сильнѣе Тархъ Тарховича. Вошелъ въ теремъ, сѣли столъ, стали выпивать и закусывать; Тархъ Тарховичъ говоритъ: „слу мои, пойдите, осѣдлайте коня родимому моему братцу Ивану царевичу“ Пошли двѣнадцать человѣкъ слугъ, положили коверъ на коня, сѣдло могли поднять; выбѣжалъ Тархъ Тарховичъ самъ и едва обѣими рук подвалъ сѣдло, подпругу не могъ подтянуть. Иванъ царевичъ увида это, вышелъ изъ терема, взялъ одной ручкой, подтянулъ ее. Ног отправились въ чистое поле: пріѣхали въ чистыя поля, на заповѣд луга, на платъ-парадъ на мѣсто. Остановились, Тархъ Тарховичъ гов

рять: „вотъ что, братецъ; я усну, нѣсколько ночей не спалъ; если будетъ тучка подходить, это войско; ты тогда меня разбуди; ужъ нѣсколько лѣтъ я воюю съ бабой-Ягой". Тархъ Тарховичъ заспался крѣпко богатырскимъ сномъ; долго сидѣлъ Иванъ царевичъ, видитъ, тучка надходитъ; тогда онъ подбѣжалъ и ударилъ Тархъ Тарховича по носу щелчкомъ. Проснулся побѣжала у него кровь изъ носу. „Да здорово ты ударилъ меня, родимый братецъ"! Затѣмъ поѣхали сражаться съ бабой-Ягой; какъ ударитъ Иванъ царевичъ палицей, такъ цѣлый стогъ людей валятся и какъ-то онъ Тархъ Тарховича засѣкъ. Побѣжала баба-Яга; Иванъ царевичъ бросилъ доспѣхи и за нею; она въ провалье, онъ за ней. Спустился онъ туда, нѣсколько времени прошелъ, видитъ, мужики молотятъ. „Что вы дѣлаете"? „Да бабѣ-Ягѣ силу копимъ". „Вотъ у насъ на Руси, какъ ударятъ разъ молотиломъ, такъ три солдата съ ружьемъ на войну готовы; вотъ я васъ научу. Становитесь рядомъ"! И отсѣкъ заразъ всѣмъ головы мечемъ. Идетъ дальше; ребятишки шарикомъ играютъ. „Что вы дѣлаете"? „Бабѣ Ягѣ силу копимъ". „У насъ на Руси какъ шарикомъ разъ чальнутъ, два, три солдата на войну съ ружьемъ готовы". Они же говорятъ ему: „научи насъ"! „Хорошо, становитесь рядомъ, научу всегда". Махнулъ своимъ мечемъ, слетѣли всѣ головы. Идетъ дальше, видитъ избушка; входитъ въ нее, сидятъ дѣвицы въ двои крестны такуть. „Что вы дѣлаете"? „Да бабѣ-Ягѣ силу копимъ". „У насъ, говорятъ Иванъ царевичъ, на Руси не такъ силу гонятъ, а бросятъ челнокомъ, два, три солдата съ ружьемъ на войну готовы". „Научи насъ"! „Вставайте, становитесь рядомъ! всѣхъ даромъ научу". Стали рядомъ, махнулъ мечемъ, слетѣли всѣ головы. Отправился дальше въ путь дорогу, нѣсколько прошелъ, стоитъ огромный домъ; заходитъ и видитъ, сидитъ эта дѣвица, бабы-Яги дочь. „Да, Иванъ царевичъ, ты пришелъ, но мать на тебя сильно сердита. Теперь ты отсюда не уйдешь"! „Пустое, что я не уйду". Сбѣгала, повѣстила мать; борутся двое за него. Затѣмъ они дубасили его до безконечности, что онъ сталъ плохъ съ ними бороться; вдругъ онъ выпилъ, у него бывшей, здравой сильной воды и силы у него прибыло вдвое. Забилъ онъ потомъ и мать и дочь. Взялъ, зажегъ всю домашность и ихъ бросилъ въ огонь. Отправляется отсюда и думаетъ, какъ бы мнѣ попасть на тотъ свѣтъ низъ-подъ земли и выходитъ онъ какъ-то отпули и заявляется къ названной матери и сестрамъ; они его спрашиваютъ: „Гдѣ нашъ родимый братецъ Тархъ Тарховичъ"? Иванъ царевичъ отвѣчаетъ: „я думалъ, что онъ пріѣхалъ домой". „Нѣтъ, онъ нѣтъ въ домашней бытности". А мать

Тархъ Тарховича была очень хитрая; она хорошо знатъ, что онъ засѣкъ. Настряпали на утро булочекъ и отправили его по нищимъ разносить. Хорошо; пошелъ онъ разносить булочки и провалился сквозь землю; летѣлъ двѣнадцать дней и ночей, палъ на землю и вздухи отшибъ у себя. Затѣмъ онъ выходитъ на Сіянскую гору, завидѣлъ онъ дворецъ; этотъ дворецъ топится, изъ него дымокъ идетъ; заходитъ онъ во дворецъ, въ немъ жалъ слѣпой богатырь. Сидитъ онъ, кашку хлебаетъ; Иванъ царевичъ взялъ ложку, вмѣстѣ началъ хлебать; выхлебали они кашку, слѣпой и говоритъ: „По тѣ времена не могъ выхлебать, теперь-же выхлебалъ". Слѣпой богатырь собирается пасти своихъ коровъ, Иванъ царевичъ говоритъ ему: „дай, я погоню"? „Куда тебѣ гнать, я посильнѣе тебя и то баба-Яга выколала мнѣ глаза за то, что я въ пшеницу загналъ коровъ". Погналъ Иванъ царевичъ коровъ и загналъ въ самую средину пшеницы. Баба-Яга въ подзорную трубу глядитъ и сама съ собой говоритъ: „Вотъ ему неймется! я выколала глаза, а всетаки онъ гонитъ коровъ въ пшеницу". Сѣла на своего коня и ѣдетъ, а Иванъ царевичъ за лѣсину какъ бы спрятался отъ нея. „Куда ты прячешься? отъ меня вѣдь не спрячешься". Только она поравнялась съ лѣсиною, онъ ударилъ ее палицей, слетѣли у нея девять головъ; взялъ туловище ее и разрубилъ, а потомъ и коровокъ погналъ къ слѣпому богатырю. Пригоняетъ. „Что такъ скоро, прекрасный царевичъ"? „Будетъ, накормилъ ихъ; я бабѣ-Ягѣ всѣ головы срубилъ, я искоренилъ ее". Слѣпой богатырь наварилъ кашки, сѣли хлебать ее, похлебали ее; Иванъ царевичъ и говоритъ: „можешь ли ты предоставить меня на тотъ свѣтъ"? „Я бы тебя предоставилъ, да у меня глазъ нѣтъ". „А у меня есть лекарство: ложись на лавку, одѣвайся во все бѣлое, вылѣчу глаза". Лягъ на лавку. Иванъ царевичъ прыснулъ ему въ глаза, стали глаза лучше прежнихъ. Былъ у богатыря шестокрылый конь; сѣли они на него и отправились; пріѣзжаютъ на то мѣсто, гдѣ Иванъ царевичъ убилъ Тархъ Тарховича; нашли его, стали они кости его собирать; собрали, склеили; Иванъ царевичъ спрыснулъ ихъ живой водой и всталъ Тархъ Тарховичъ. „Родимый братецъ, долго я спалъ"! „Ну, и я черезъ тебя много пострадалъ; вотъ только черезъ этого человѣка и попалъ сюда". Иванъ царевичъ свистнулъ, гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, прибѣжалъ къ нему его конь. Тархъ Тарховичъ тоже потребовалъ своего коня; садятся на добрыхъ коней и отправляются въ домашнію бытность. „Да, Тархъ Тарховичъ, говоритъ Иванъ царевичъ, вотъ за этого человѣка нужно отдать младшую сестру замужъ". Глядитъ мать, глядятъ

сестры, что такое, развѣ Тархъ Тарховичъ гдѣ въ отлучкѣ былъ? „Да Иванъ царевичъ, какъ онъ попалъ оттуда? Мы не такихъ туда отправляли“. Пріѣзжаетъ, мать и сестры обрадовались. Очень хорошо. Заходятъ; мать и спрашиваютъ: „а это кто“? „А это малой сестрѣ женихъ“. Она согласилась выйти за богатыря замужъ; сыграли свадьбу, погостилъ тутъ малое время богатырь и отправился съ молодой женой домой. Тархъ Тарховичъ говоритъ Иванъ царевичу: „пойди въ мою старую спальню, можетъ быть тебѣ непривидится-ли какая невѣста“? Пришелъ Иванъ царевичъ въ спальню; лягъ на койку, вдругъ прилетаетъ его старая жена; ударилась объ полъ, сдѣлалась женщиной прямо къ нему, думая, что это Тархъ Тарховичъ, и говоритъ ему: „Ты теперь не подпускаешь меня къ себѣ“? Веталъ Иванъ царевичъ, изломалъ руку и ногу ей; она же обернулась сорокой и улетѣла въ окно. Веталъ утромъ. „Ну что, спрашиваетъ Тархъ Тарховичъ, непривидѣлось невѣсты“? „Нѣтъ, ни какой“. Тархъ Тарховичъ опять говоритъ: „теперь нужно кому нибудь изъ насъ искать невѣсту“. Иванъ царевичъ говоритъ: „тебѣ нужно искать невѣсту, родимый братецъ“. Тархъ Тарховичъ говоритъ: „есть невѣста въ тридевятомъ царствѣ Плеешна Помошна; ее нужно достать“. Набрали они народу, на пароходѣ Иванъ царевичъ отправился за нею; приплываетъ туда, остановился пароходъ на пристани. Пошелъ въ это государство, приходитъ во дворецъ въ комнату, она приняла его, угощала его разной водкою; посидѣли, погостили, и онъ Иванъ царевичъ приглашаетъ Плеешну Помошну погостить къ себѣ на пароходъ. Приходитъ на пароходъ, стали выпивать и закусывать; подалъ онъ ей въ водкѣ сонныхъ капель, она крѣпко и заснула. Паруса натянули, отправился пароходъ; спала она долгое время, проснулась, ударилась объ полъ, сдѣлалась уткою и вылетѣла изъ каюты; онъ ударился, сдѣлался ястребомъ, за нею полетѣлъ. Гонялъ ее, гонялъ, догналъ ее; она обернулась щукой, онъ же ершомъ да въ море и началъ гонять опять. „Ты, говоритъ, щука востра, такъ я ерша съ хвоста“. Выжилъ ее изъ моря; она ударилась о берегъ, сдѣлалась кольцомъ, а онъ ударился, сдѣлался молодцомъ. Взялъ кольцо съ собой на пароходъ, положилъ передъ собою и говоритъ: „за мною расти бѣлая береза, а передо мною красная дѣвица“. Приплываетъ онъ въ теремъ къ Тархъ Тарховичу. „Вотъ тебѣ я привезъ и невѣсту“. Плеешна Помошна говоритъ имъ: „не увидите меня, если не предоставите мои вѣнчальные ботинки и мое вѣнчальное платье“. Иванъ царевичъ черезъ сутки отправился за этими вещами, пріѣхалъ къ тому государству и

остановился пароходъ на пристани. Съ матросами Иванъ царевичъ отправился во дворецъ за платьемъ и ботинками; черезъ недолгое время выручили ботинки и платье. Пришли на пароходъ, немного закусили и и отправились; вдругъ на мачту сѣлъ воронъ и началъ каркать. Иванъ царевичъ спрашиваетъ его: „чего каркаешь“? „А ъ, Иванъ царевичъ! въ тотъ день, когда ты отдашь Плесневѣ Помоишиѣ платье и ботинки, получишь смерть, а ты не отдавай ихъ, а то какъ только она ихъ надѣнетъ, окаменѣешь“. Приплылъ къ Тархъ Тарховичу, отдалъ ему вещи, пошло веселье, сдѣлали свадьбу, и къ вѣнцу съѣздили, а Иванъ царевичъ платье и ботинки не даетъ надѣвать; Тархъ Тарховичъ обвидѣлся и говоритъ ему „если ты досталъ для себя, то и ее бери“! „Нѣтъ, я не хочу ее брать, а отдавать вещи нельзя“. Она надѣла все такі вещи, а Иванъ царевичъ окаменѣлъ. Отнесли его въ отдѣльную комнату и тамъ его положили. Ходили къ нему каждый день и много плакали, жаль имъ было его. Черезъ нѣкоторое время Тархъ Тарховичъ прижилъ дитя, а какъ родилось оно, такъ и побѣжало. Имъ во снѣ приснилось, что нужно разорвать дитя и помазать горячею кровью камень, въ который обратился Иванъ царевичъ и тогда онъ оживетъ. Разорвали дитя, помазали его кровью камень и ожилъ Иванъ царевичъ. Тархъ Тарховичъ говоритъ: „мамашенька! нужно за него старшую дочь замужъ выдать“. Состоялась свадьба. Погостили, погуляли, Иванъ царевичъ и говоритъ: „мнѣ пора въ свое государство отправляться, объявиться папашѣ и мамашѣ“. Распрощались и отправились въ путь дорогу, пріѣзжаютъ въ свое государство; отецъ у него слѣпъ; онъ доложилъ о себѣ и спросилъ, нельзя ли ему постоять нѣсколько сутокъ. Получилъ разрѣшеніе, пошелъ Иванъ царевичъ во дворецъ. Государь его началъ спрашивать: изъ какого царства, государства, по какому случаю ѣздитъ? Ивану царевичу сдѣлалось горько, что царь батюшка не узналъ его: въ свою очередь спросилъ его: „былъ ли у васъ сынъ, Иванъ царевичъ“? Царь отвѣтилъ: былъ. „Такъ гдѣ же онъ теперь“? „Безъ вѣсти гдѣ-то онъ находится“. „Папашенька! неужели вы меня не узнали? хотя вы теперь слѣпой, хотя-бы по голосу. Я вѣдь вашъ младшій сынъ Иванъ царевичъ. А жена гдѣ теперь моя, папашенька“? „Жена твоя гдѣ-то ходила, руку и ногу сломала“. „Папашенька, я ваши глаза вылечу, вы будете видѣть: пойдите въ свою комнатку, одѣньтесь во все бѣлое и ляжьте на свою койку“. Царь такъ и сдѣлалъ. Пришелъ къ нему Иванъ царевичъ, спрыскнулъ въ глаза живой воды и глаза ею стали лучше старыхъ. Сталъ онъ дѣлать свою свадьбу. Собралъ на весь городъ: королей, купцовъ и крестьянъ; гуляли сутокъ трое; жену же свою старую онъ приказалъ посадить на ворота и разстрѣляли ее солдаты въ двѣнадцать ружей.

IV.

Преданіе,

записанное г-жей Е. Ф. Карбышевой въ г. Томскѣ.

14. Преданіе о Софійской звонницѣ въ Кіевѣ.

Недалеко отъ Кіева спасались двѣнадцать братьевъ. Однажды они сговорились выстроить храмъ; приготовили все, что для этого требуется, и приступили къ постройкѣ. Выстроили стѣны, осталось вывести только куполъ, но Богъ не допустилъ довести до конца это дѣло: стѣны ушли въ землю.

Братья вновь начали постройку, опять-же случилось и такъ до трехъ разъ. Тогда братья поняли, что Богъ не допускаетъ ихъ кончить постройку потому, что они грѣшны.

Въ сильномъ горѣ они ушли дальше въ лѣсъ и стали молиться. Одинъ разъ они увидѣли, что къ нимъ идетъ какая-то женщина и, приблизившись, говоритъ: „Братья, если вы хотите, чтобъ былъ храмъ, идите и стройте верхъ его и за это получите награду“. Какъ-же мы будемъ строить верхъ, когда нѣтъ стѣнъ? отвѣчали братья. „Идите и стройте“! и женщина исчезла. Братья пришли на то мѣсто, гдѣ строили прежде храмъ и вывели куполъ. Когда они положили послѣдній камень, стѣны разомъ вышли изъ земли и получился готовый храмъ. Вскорѣ къ нимъ опять пришла та женщина, которая послала ихъ строить храмъ, и спросила: „что-же вы хотите получить: царство небесное или деньги?“ Одиннадцать братьевъ пожелали получить царство небесное, а двѣнадцатый братъ деньги. Тѣ, которые получили царство небесное, ушли въ лѣсъ, а просившій денегъ отправился туда, гдѣ онъ оставилъ свою семью предъ уходомъ спасаться.

Когда онъ подошелъ къ порогу своей избушки, его взяло раздумье, хорошо ли онъ сдѣлалъ, взявъ деньги. Онъ думалъ: «вѣдь я ужъ отвыкъ отъ семьи, она мнѣ кажется чужой, счастья въ ней я не найду, а отъ братьевъ отсталъ. Ахъ, зачѣмъ я не просилъ царства небеснаго». И вотъ онъ ушелъ обратно отъ роднаго порога, даже и не повидавшись съ родными. Шелъ онъ дорогой и думалъ: «гдѣ я найду эту женщину, я бы отдалъ ей деньги и попросилъ-бы царства небеснаго». Когда онъ вошелъ въ лѣсъ, передъ нимъ явилась женщина, которую онъ хотѣлъ такъ сильно увидѣть. Онъ отдалъ ей деньги и просилъ царства небеснаго. Женщина ему сказала: „Если братья тебя примутъ, тогда попадешь въ царство небесное, а если нѣтъ, пеняй на себя“. Онъ спрашиваетъ: Гдѣ-же мнѣ найти ихъ?

Женщина отвѣчала: «Ищи и найдешь» и скрылась. Долго ходилъ онъ по лѣсу и наконецъ, набрелъ на одну пещеру, вошелъ туда и

увидѣлъ, что одиннадцать братьевъ лежатъ на полу мертвые. Онъ сталъ просить ихъ подвинуться, чтобъ и ему можно было бы лечь съ ними. И вотъ два среднихъ брата раздвинулись и онъ легъ на это мѣсто, но когда онъ ложился, нога одна не вошла да такъ и осталась согнутой. Эта пещера есть и сейчасъ близъ Кіева вмѣстѣ съ двѣнадцатью братьями.

Запис. въ г. Томскѣ Евд. Фил. Карбышевой.

Сказки,

записанныя Валент. Өед. Булгаковымъ въ 1904 г.

---

15 О Иванѣ—царевичѣ, Русой—Русѣ и Кощеѣ Безсмертномъ.

16 О Василіи, солдатскомъ сынѣ.

17 О бабушкѣ Домаѣ.

18 О волкѣ и двухъ сестрахъ.

19 О любопытномъ мужикѣ.

20 О разбойникахъ и крестьянской дочери.

21 О дьяволовомъ сынѣ.

22) Настасья золота коса и Иванъ царевичъ

23) О сивкѣ, буркѣ, вѣщемъ коуркѣ

24) Иванъ дурачъ и баба—яга.

15. О Иванѣ—царевичѣ и Русой Русѣ*).

Жилъ царь. И не было у него ни сына, ни дочери. Сталъ онъ молиться Богу, чтобы хоть стряпка родила ему сына. Та забеременила, и скоро родился у нея сынъ, а царь призналъ его за своего. Но тутъ вдругъ забеременила и царица. И у нея родился сынъ. Родился и такъ загремѣлъ, закричалъ, что палаты съ углу на уголъ заходили и съ середки маковки посыпались. А царь беретъ пальцу въ три пуда и байкаетъ его: „Баю-баю, Иванъ-царевичъ! Вырастешь большой, возьмешь невѣсту Русу—Русу, черну косу, тридцати братовъ сестру, сорока баушекъ внучку, трехъ матерей дочку". Уснулъ, три года проспалъ, опять пробудился, опять закричалъ—такъ закричалъ, что палаты съ углу на уголъ заходили и съ середки маковки посыпались. Беретъ царь пальцу булатну въ шесть пудовъ.—„Баю-баю, Иванъ—царевичъ! Вырастешь большой, поѣдешь жениться, возьмешь невѣсту Русу-Русу, черну косу, тридцати братьевъ сестру, сорока баушекъ внучку, трехъ матерей дочку". Опять заснулъ. Три года проспалъ, пробудился, опять заревѣлъ,—такъ, что палаты съ углу на уголъ заходили и съ середки маковки посыпались. Царь беретъ пальцу булатну въ девять пудовъ. „Баю-баю, Иванъ—царевичъ! Большой будешь, возьмешь невѣсту Русу—Русу, черну косу" и т. д. Опять заснулъ, три года проспалъ.

Пробудился, всталъ и перекрестился. А царь всѣмъ запретилъ разговаривать про Русу—Русу. Вотъ одинъ разъ играли два брата вмѣстѣ. Большакъ и говоритъ младшему:—„Тебя, помнишь, тятенька байкалъ да приговаривалъ, что есть невѣста Руса—Руса.... и т. д. Тятенька запретилъ, чтобы разговаривали о ней". А младшій говоритъ: „О, да я все помню!" Сталъ онъ просить у отца благословенья.—„Поѣду жениться, искать невѣсту Русу—Русу, черну косу, тридцати братовъ сестру, сорока бабушекъ внучку, трехъ матерей дочку". Отецъ благословилъ Ивана—царевича, и онъ отправился. Попадаетъ ему навстрѣчу бабушка и спрашиваетъ: „Здраствуй, Иванъ—царевичъ! Куды Богъ понесъ?" А онъ на нее закричалъ: „Уйди ты, старушенка! Вотъ я тебя

*) Записана отъ крестьянина с. Чемала, Улалинской в., Бійскаго у., Томской губ., Алексѣя Макаровича Козлова (Тарханова). Въ парномъ имени Руса-Руса ударенiе въ первомъ членѣ на у, во второмъ на а.

ину подъ дыру, такъ улетишь подъ гору; тресну въ високъ, посыпется изъ ж.... песокъ". Старушенка была не сердита, забѣгаетъ опять впередъ.—„Здравствуй Иванъ—царевичъ! Куды пошелъ, куды Богъ понесъ?" Иванъ—царевичъ закричалъ: „Убирайся, старая! Ину тебя подъ дыру, такъ улетишь подъ гору".... и т. д. Старушенка была не сердита, опять впередъ забѣгаетъ и спрашиваетъ: „Куды пошелъ, куды Богъ понесъ, Иванъ—царевичъ?" Подумалъ Иванъ-царевичъ: „Что это я съ ней не поговорю!.. Вѣдь не даромъ старуха все впередъ забѣгаетъ". —Здравствуй, здравствуй, баушка! Не знаешь—ли ты, баушка—сударыня, про Русу—Русу, черну косу, тридцати братьевъ сестру, сорока баушекъ внучку, трехъ матерей дочку?"

— „Ахъ ты, Иванъ—царевичъ! Ты бы давно у меня спросилъ. Ты воротись домой и зайди въ конюшню. Среди конюшни стоитъ чугунный столпъ, подъ этимъ столбомъ лежитъ плита, подъ этой плитой стоитъ конь за двѣнадцатью дверьми, за двѣнадцатью замками и на двѣнадцати цѣпяхъ. Ты возьми его да съ нимъ ужь и доставай свою невѣсту". Иванъ—царевичъ воротился домой, входитъ въ конюшню, видитъ—дѣйствительно стоитъ чугунный столбъ. Онъ схватилъ его и вырвалъ такъ, что онъ изъ конюшни вылетѣлъ. Сталъ онъ замки ломать, а конь цѣпи рвать. Пошелъ къ нему Иванъ—царевичъ, а онъ какъ прыснетъ. Иванъ—царевичъ вылетѣлъ на улицу. Пришелъ онъ опять и говоритъ: „Что ты прыскаешь, не узналъ что-ли хозяина?" Вывелъ, сѣлъ на него. Видѣли, какъ сѣлъ, куды дѣлся—не видали. Долго-ли, коротко ли, видитъ Иванъ—царевичъ: стоитъ избушка, на курьей ножкѣ поворачивается. Вотъ онъ и говоритъ: „Избушка, избушка! Стань по-старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ". Избушка поворотилась. Вошелъ Иванъ—царевичъ, а тамъ баба-яга изъ угла въ уголъ скачетъ.—„Фу-фу! Раньше было русской костки слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нынче русская костка сама во дворъ пришла". —„Здравствуй, баушка!"—„Здравствуй, Иванъ—царевичъ! Чего тебѣ надо?" —„Ахъ ты, старая! Не напоила, не накормила, стала вѣсти выспрашивать". Старуха....., столъ поддернула,....., щей плеснула. Напоила его, накормила. Иванъ—царевичъ и говоритъ: „Ищу я себѣ невѣсту Русу—Русу".... и т. д. „А, знаю...—А вотъ подальше живетъ моя старшая сестра, такъ она еще лучше знаетъ. Ступай къ ней". Поѣхалъ Иванъ—царевичъ. Долго-ли, коротко-ли, видитъ—стоитъ избушка, на курьей ножкѣ повертывается. Говоритъ Иванъ царевичъ: „Избушка, избушка! Стань по старому, какъ мать

поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ". Повернулась избушка. Иванъ—царевичъ вошелъ. Баба яга кричитъ: „Фу-фу! Раньше было русской костки видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, нынче русская костка сама во дворѣ пришла. Чего тебѣ надо?" „Ахъ, старая! Не накормила, не напоила, стала вѣсти выспрашивать". Старушенка..., столъ подсернула,..... шей плеснула; накормила, напоила и спрашиваетъ: „Куды Богъ понесъ, Иванъ—царевичъ". „А вотъ не знаешь-ли ты чего про Русу—Русу, черну косу и т. д.?—„Знаю, а только моя старшая сестра еще лучше знаетъ." Поѣхалъ Иванъ—царевичъ. Долго-ли-коротко-ли, доѣзжаетъ до избушки: стоитъ она, на курьей ножкѣ поворачивается.—„Избушка, избушка! Стань по-старому, какъ мать поставила—къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ".

Вошелъ. Баба-яга изъ угла въ уголъ скачетъ:" Фу-фу! Раньше было русской костки слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; нынче русская костка сама во дворъ пришла. Чего тебѣ надо, Иванъ—царевичъ?"—„Ахъ ты старая! Не напоила, не накормила, стала вѣсти выспрашивать". Старушенка ....., столъ подсернула,..... щей плеснула; напоила, накормила Ивана царевича и спрашиваетъ: «Куды тебя Богъ понесъ?»

– „Ищу себѣ невѣсту Русу—Русу.... и т. д." „Знаю... Живетъ она во дворцѣ, вокругъ дворца желѣзный тынъ и на каждой тынинкѣ человѣчья голова: то ея женихи. Одна тынинка не занята,—не твоей-ли головушкѣ тамъ посѣсть?"—„Какъ Богъ, баушка!.. А гдѣ же бы ее можно увидать?"—„А вотъ придетъ она въ церковь, такъ тамъ и можно ее увидѣть".

Пошелъ Иванъ—царевичъ въ церковь, а тамъ у оградки стоятъ десять братьевъ Русой—Русы. Увидали Ивана—царевича и всѣ на него набросились.

Взялъ онъ палицу булатную въ три пуда, началъ ей помахивать—всѣхъ на мѣстѣ положилъ. Вошелъ въ церковь. Стоитъ Руса—Руса, посматриваетъ на него, удивляется: «Какъ это братья пропустили!» Руса—Руса впередъ его пришла изъ церкви. На другой день опять пошелъ Иванъ—царевичъ въ церковь. Приходитъ—другіе 10 братьевъ Русой Русы стоятъ у оградки. Набросились на Ивана—царевича. Онъ вынулъ палицу булатну въ 6 пудовъ, всѣхъ перебилъ. Вошелъ и сталъ около Русой—Русы. Она не можетъ надивиться: „Опять пропустили братья"!"

Кончилась служба. Разошлись Иванъ—царевичъ и Руса—Руса. На

третій день приходитъ въ церковь. Стоятъ послѣдніе десять братьевъ у оградки. Набросились на него. Онъ вынулъ палицу булатну въ десять пудовъ, перебилъ всѣхъ братьевъ. Вошелъ въ церковь.

Руса—Руса думаетъ: „Какъ они его пропустили!“ Иванъ—царевичъ подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ее за руку. Она въ двери, онъ—за ней. Побѣжали въ палаты. Она въ одну, въ другую дверь. Вѣгалъ, бѣгалъ Иванъ—царевичъ, потерялъ ее. Сталъ искать. Отворилъ одну дверь, и тамъ сидятъ сорокъ баушекъ Русой—Русы. Вотъ онѣ всѣ набросились на него, какъ шершни. Иванъ—царевичъ толкнулъ одну, схватилъ за ноги и началъ ею помахивать. Всѣхъ баушекъ положилъ на мѣстѣ. Смотритъ: три матери Русой—Русы несутъ большой ящикъ. Поставили къ нему ключемъ и ушли. Иванъ—царевичъ подумалъ, подумалъ и рѣшилъ отворить ящикъ. Отворилъ, а тамъ сидитъ Руса—Руса. Взялъ онъ ее и женился. Погуляли немножко и поѣхали къ Ивану—царевичу. Ѣхали, ѣхали, остановились отдохнуть. Заснулъ Иванъ—царевичъ. Вдругъ прилетаетъ Кощей безсмертный. А онъ ужъ не одинъ разъ пробовалъ утащить Русу—Русу. Братья отколотятъ его, а онъ отдохнетъ да опять за старое. Руса—Руса начала будить Ивана—царевича; нѣтъ, спитъ.

Утащилъ ее Кощей безсмертный. Мужъ проснулся, погнался за ними. Пріѣзжаетъ во дворецъ къ Кощею безсмертному. Тотъ по ночамъ былъ дома, а днемъ улеталъ на облака.

Иванъ—царевичъ пришелъ днемъ. Начали они совѣтоваться, какъ бы имъ убить Кощея.

— „Ты у него спроси, — говоритъ Иванъ—царевичъ,—гдѣ его смерть“. Прилетаетъ вечеромъ Кощей, а Руса—Руса къ нему на грудь кидается, ластится: „Кощей безсмертный, скажи мнѣ, гдѣ твоя смерточка?“ А онъ захотѣлъ ее испытать. „Вонъ, — говоритъ, — въ томъ голичкѣ“. Почевалъ и опять улетѣлъ.

Приходитъ Иванъ—царевичъ. — „Ну что онъ тебѣ сказалъ? гдѣ его смерть?“—Вонъ въ томъ голичкѣ.— „Гмъ... Такъ ты этотъ голичекъ вызолоти, поставь въ передній уголъ и молись, чтобы подольше прожилъ Кощей безсмертный“. Руса—Руса вызолотила голичекъ и поставила его въ передній уголъ, а какъ увидала, что Кощей безсмертный ворочается, стала передъ нимъ на колѣни и молится: „Батюшка голичекъ! Поживи подолѣ, чтобы Кощей безсмертный прожилъ подолѣ“. А тотъ изъ—за притолочки смотритъ и ухмыляется: „Баба такъ баба и есть! Волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Коли я—безсмертный, такъ чего же молиться,

чтобъ ее умеръ". Руса—Руса бросается къ нему: „Кощей безсмертный, скажи, гдѣ твоя смерточка?"—А вонъ, видишь, борзой—то привязанъ, такъ въ немъ". Улетѣлъ на завтра. Иванъ—царевичъ приходитъ и спрашиваетъ: „Ну, что онъ сказалъ?"—„Вонъ въ томъ борзомъ его смерть".—„А-а... Такъ ты этого борзого вызолоти, поставь въ передній уголъ и молись на него, чтобы Кощей прожилъ подолѣ". Она сдѣлала, какъ онъ сказалъ. А какъ увидѣла, что идетъ Кощей, стала передъ борзымъ на колѣни и молится. „Батюшка борзой! Поживи подолѣ, чтобы Кощей безсмертный прожилъ подолѣ!" А тотъ подсматриваетъ изъ—за притолочки и ухмыляется:—„Ахъ ты, баба... Волосъ дологъ, да умъ коротокъ".

Руса—Руса кинулась къ нему навстрѣчу, ластится и говоритъ: „Кощей безсмертный, скажи, гдѣ твоя смерточка"? Онъ подбочинился.—„Моя смерть?.. Развѣ сильный, могучій богатырь добудетъ мою смерть! Стоитъ море, возлѣ его дубъ, подъ тѣмъ дубомъ утка, въ уткѣ яичко, а въ томъ яичкѣ моя смерть". Разсказала объ этомъ на другой день Руса-Руса Ивану—царевичу. Тотъ призадумался:

—„Вотъ это подходитъ... Ну, надо добывать!" Отправился Иванъ—царевичъ. Шелъ, шелъ. Видитъ—море, а около него на берегу лежитъ щука. Онъ и думаетъ: „Хоть щука и сырая, но все таки рыба съѣдобная. Возьму ее и поѣмъ". А щука проситъ: „Отпусти меня, Иванъ—царевичъ въ море; будемъ друзьями".—„Правда, подумалъ опять онъ, съѣмъ я ее, все равно не наѣмся, а осквернится сырьемъ—скверняюсь". Взялъ, бросилъ щуку въ море. Скоро видитъ—стоитъ дубъ.

Онъ ударилъ по нему трехпудовой палицей и вышибъ съ корнемъ. Схватилъ утку, разорвалъ ее, вынулъ яичко. Подошелъ къ морю кровь смыть, а оно выскользнуло у него изъ рукъ и упало въ воду. Пригорюнился Иванъ—царевичъ, сѣлъ у моря и думаетъ, какъ ему быть. Смотритъ—щука носъ высунула изъ воды и яичко кверху толкаетъ. Обрадовался онъ, схватилъ его и поѣхалъ къ Кощею безсмертному. А тотъ захворалъ и легъ въ постель.

Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ, входитъ къ Кощею да и говоритъ: „Вотъ она гдѣ—твоя смерть, Кощей безсмертный!" Поднялъ руку, а яйцо упало на полъ и покатилось къ кровати кощеевой. Тотъ съ рукой то и тянется, хочетъ его схватить.

А Руса-Руса подскочила да ногой—то его и прихлопнула. Оно разбилось, и Кощей умеръ. Тутъ Иванъ—царевичъ взялъ Русу—Русу, и стали они жить счастливо.

16 О Василіи, солдатскомъ сынѣ.

Прежде у крестьянъ солдатъ выбирало общество. Вотъ разъ старики въ одной деревнѣ не хотятъ отдавать своихъ сыновей въ солдаты.

Спорили, спорили и порѣшили, чтобы итти въ солдаты бѣдному мужичку Ефиму; а у того беременная жена. Собрался онъ и уѣхалъ.

А у жены родился скоро сынъ. Какъ исполнилось ему шесть лѣтъ, отдала его мать грамотѣ учиться. И вотъ, что другому дается въ три мѣсяца, ему дается въ три дня; что другому въ три, четыре года, ему —въ три, четыре мѣсяца.

Сталъ онъ переходить изъ одного училища въ другое, изъ малаго въ высшее. Выучился и просится у матери въ самое высшее училище, гдѣ господскіе да царскіе дѣти учатся.—„Что ты, что ты! Куда ужъ намъ“, говоритъ она ему.

А тотъ плачетъ, просится: „можетъ возьмутъ“.

Нечего дѣлать, собралась мать, поѣхали въ городъ. Пришли къ училищу и ждутъ. Вотъ идетъ начальникъ надъ учителями, экзаменъ имъ дѣлать. Они оба бросились ему въ ноги.

— „Что вы, что вы! Чего вамъ надо?“ —Думаетъ, что ихъ обидѣлъ кто—нибудь. Мать начала, а сынъ еще скорѣй ея:—„Да вотъ хотѣлъ я поступить въ это училище. Обучался я тому-то и тому-то“. Начальникъ крикнулъ всѣхъ учителей и спрашиваетъ: „кто возьметъ его своей наукѣ обучать?“ Одинъ говоритъ: я, другой говоритъ: я... Всѣ согласились. Сталъ Василій учиться. У одного поучился, сталъ знать столько же, сколько самъ учитель зналъ. У другого сталъ другой наукѣ учиться и научился столько же, сколько самъ учитель зналъ. Такъ и у остальныхъ. Выучилъ все и сдѣлали его вродѣ надзирателя надъ учителями.

Василій построилъ себѣ домикъ и зажилъ съ матерью. А отецъ-то его въ это время въ Польшѣ службу кончилъ. Былъ у него товарищъ, тоже солдатъ и тоже службу кончалъ. Ефимъ и говоритъ: „Ты здѣсь останешься или на родину пойдешь?“ —„Какъ ты, а я останусь“. —„Ну, а я пойду“.

Пришелъ къ себѣ, видитъ—на мѣстѣ его избушечки стоитъ домъ. Сѣлъ онъ у воротъ и думаетъ: „Вѣрно старуха мѣсто продала, сломала избушку; а тутъ какой нибудь чиновникъ и построилъ домъ“. Идетъ мимо женщина. Онъ и спрашиваетъ:—„Кто здѣсь живетъ, тетушка?—„Да одна вдовица Анна съ сыномъ чиновникомъ“. Солдатъ дивится: жену его

тоже Анной звали. Спрашиваетъ другую женщину. Она ему тоже говоритъ. Вотъ онъ и пошелъ въ домъ. Выходитъ къ нему навстрѣчу жена. Она хоть и постарѣла, Ефимъ узналъ ее. Она же его не узнаетъ.— „Здравствуй, баушка", говоритъ онъ.—„Здравствуй, батюшка".—„Не узнала?" Смотритъ старуха:„Да неужто это ты?"—„Да я". Ну, поздоровались они какъ мужъ и жена. Тутъ и сынъ прибѣжалъ отца встрѣчать, услыхалъ, что пришелъ.

Сѣли за столъ. Старикъ подвыпилъ и говоритъ: „Здѣсь что за житье! Вотъ у насъ въ Польшѣ—ужъ какъ тамъ хорошо". И началъ онъ Польшу хвалить. Поговорилъ, послушали—и только.

А сынъ на—завтра вдругъ и просится: „Батюшка, благослови ты меня въ Польшу пойти".—Что ты,—говоритъ,—до сихъ поръ у меня, солдата, крылья болятъ: трудно тамъ жить". А сынъ все просится. Нечего дѣлать, благословилъ его отецъ. И мать благословила.

Начальство сначала не отпускало, а потомъ говоритъ: „Пускай ѣдетъ: можетъ онъ тамъ еще больше выучится". Поѣхалъ Василій, пріѣхалъ въ городъ. Остановился у одного старика. И выпросился онъ спать на балкончикѣ, на чистомъ воздухѣ. Вдругъ ночью по улицѣ какой то огонь мимо его пробѣжалъ. Василій такъ испугался, что обезумѣлъ. На утро старикъ ждетъ его внизъ, онъ не идетъ. Побѣжалъ старикъ на балкончикъ, спрашиваетъ:„чего ты?" Тотъ очнулся немного: „Да вотъ,—говоритъ,—огонь какой-то видѣлъ ночью, такъ испугался".

— „Ахъ я, дуракъ, дуракъ! забылъ сказать-то тебѣ! У насъ за городомъ живетъ, видишь-ли, змѣй. Вотъ онъ это и бѣгаетъ ночью-то. Изо рта у него пламя пышетъ, только безвредное. И онъ никакого вреда никому не дѣлаетъ. „Потомъ онъ самъ спать ложится и на грудь себѣ свѣчку ставитъ, она горитъ. А свѣчка-то эта не простая: кто ее будетъ имѣть, тотъ все можетъ сдѣлать и все достать себѣ". Выслушалъ Василій и сталъ думать, какъ бы ему достать эту свѣчку.

Когда ночь наступила и змѣй пробѣжалъ, онъ отправился за нимъ. Пришелъ къ его пещерѣ, видитъ—змѣй ужъ лежитъ и спитъ, а на груди у него горитъ свѣчка. Василій подкрался, схватилъ ее и побѣжалъ. Бѣжалъ, бѣжалъ, только слышитъ—змѣй его догоняетъ. Онъ отъ него убѣжать хочетъ, торопится. И вдругъ свалился въ колодецъ, а змѣй-то надъ нимъ пролетѣлъ. Вотъ, когда пламени не стало видно, Василій и хотѣлъ вылѣзти изъ колодца. Въ правой рукѣ у него была свѣчка. Лѣвой-то онъ и хватается за бревна. Бился, бился, не можетъ выбраться наверхъ. И рука устала. Онъ свѣчку то изъ правой руки въ лѣвую

и переложилъ. Только переложилъ, вдругъ передъ нимъ кучеръ и лакей: —„Что, баринъ, угодно?“—„А надо мнѣ,—говоритъ Василій,—изъ колодца выйти“. Тѣ сейчасъ подхватили его и вынесли наверхъ. Василій переложилъ свѣчку опять въ правую руку: кучеръ и лакей потерялись невѣдомо куда.

— „А, вотъ оно что,—подумалъ Василій: изъ правой руки въ лѣвую надо свѣчку перекладывать“. Пошелъ онъ домой, свѣчку привязалъ на грудь подъ рубашку и легъ. Просыпается на-завтра и говоритъ старику: „Пойду я теперь домой“. Тотъ проситъ его не уходить, остаться совсѣмъ: „Будь мнѣ сыномъ; послѣ меня имущество мое къ тебѣ перейдетъ“. Нѣтъ, не соглашается. Попрощались, отправился Василій. Только вышелъ за городъ, отвязалъ свѣчку, взялъ ее въ правую руку, переложилъ въ лѣвую. Сейчасъ передъ нимъ кучеръ и лакей: „Что, сударь, угодно?“—„Подайте мнѣ карету“. Живо подкатила карета на парѣ лошадей. Василій сѣлъ и поѣхалъ домой. Доѣхалъ до главнаго города, остановилъ кучера и пошелъ пѣшкомъ. Свѣчку переложилъ въ лѣвую руку, и карета исчезла. Вотъ идетъ онъ по улицѣ и слышитъ—кто-то русскую пѣсню поетъ. Оглядѣлся, а это чеботарь: у окошка сидитъ и поетъ. А чеботарь-то этотъ и былъ товарищъ Васильева отца, солдатъ бывшій. Подошелъ къ нему Василій и говоритъ: „Здравствуй, добрый человѣкъ! Богъ на помощь“. Тотъ вскочилъ, обрадовался, что русскаго увидалъ. Зазвалъ его къ себѣ, сѣли, разговорились. Разсказываетъ чеботарь, что у одного министра вечеръ и никакъ не могутъ утокъ достать. Василій говоритъ: „я достану“. Взялъ ружье, припасовъ и отправился въ поле. Вышелъ за городъ, отвязалъ свѣчку, переложилъ ее изъ правой руки въ лѣвую. Явились кучеръ и лакей: „Что, сударь, угодно?“—„Сдѣлайте, чтобы здѣсь было озеро и чтобы по нему утки плавали“. Все сейчасъ сдѣлали. Василій настрѣлялъ множество утокъ и принесъ ихъ къ министру. Тамъ обрадовались, наградили его и позвали тоже на гостп. Сдѣлался онъ у нихъ своимъ человѣкомъ. Одинъ разъ Василій спрашиваетъ чеботаря: „А какъ бы мнѣ вашего царя увидать?“ —„Ахъ, братъ,—нѣту у насъ царя“.—„Какъ такъ?“

— „А такъ... Царица его обманула: захотѣла царствовать три часа, а царствуетъ ужъ три года. Царя прогнала и всѣхъ совѣтниковъ его тоже“.—„Ну, а какъ же бы мнѣ царицу увидать“ „Какъ? Пойди, доложись ей: можетъ увидишь“. Василій пошелъ во дворецъ, и говоритъ тамъ, что ему къ царицѣ надо.

Доложили. Царица вышла, увидала его и—хлопъ! Дѣвъ подданныя дала Василій поклонился и пошелъ.

Приходитъ домой.—Ну, что, видѣлъ царицу?

„Видѣлъ, двѣ пощечины отъ нея получилъ“. Наступила ночь. Василій вынулъ свѣчку, переложилъ ее изъ правой руки въ лѣвую. Явились кучеръ и лакей: „Что, сударь, угодно?“ Онъ и говоритъ: „Сдѣлайте царицу чеботарицей, а чеботарицу царицей и переложите ихъ одну на мѣсто другой“. Тѣ мигомъ положили чеботарицу на царицину кровать, а царицу къ чеботарю. Вотъ просыпается утромъ чеботарица.—„Что это? гдѣ я“?

А тутъ къ ней служанки выбѣгаютъ: „Что прикажете?“ Она говоритъ: „Ничего мнѣ пока не надо“. Ушли служанки. Чеботарица и думаетъ: Вонъ я гдѣ! Въ царскихъ палатахъ... А вѣдь это все тотъ прохожій надѣлалъ, что у насъ остановился“. Погодила немного, позвала служанокъ и приказываетъ: „Позовите ко мнѣ царя!“ Доложили царю, что царица его видѣть желаетъ. Всѣ обрадовались: никогда она царя къ себѣ не допускала, а тутъ вдругъ сама зоветъ. Вѣрно, думаютъ, царство хочетъ назадъ отдать. Такъ и есть: пришелъ царь, царица ему все царство передала и сама отъ власти отказалась. Тутъ началось ликованье... Тѣмъ же утромъ проснулся чеботарь на своей постели и толкаетъ царицу: „Эй, старуха! Вставай“. Та соскочила: „Это что! Кто это тутъ?“ —„Что ты! Своего мужа не узнала?... Вставай, говорятъ тебѣ: поздно ужъ“.

Та закричала, заругалась: да что это, да какъ это, да я—царица.—«Какая ты, чортъ, царица?! Кто это тебя царицей сдѣлалъ?“ А она все свое.

Взялъ онъ плеть да и ну ее бить. Билъ, билъ. Она маленько присмирѣла. Онъ ей работать велитъ, а она ничего не знаетъ: ни кроить, ни шить, ничего. Старикъ дивится; разсказываетъ, что помѣшалась его чеботарица...

Когда Василій узналъ, что царица отдала царю государство, онъ самъ пошелъ на пиръ. Пришелъ, а царица потихоньку и говоритъ ему:—„какъ бы чеботаря сюда перевести?“ Вотъ они и условились. Царь спрашиваетъ Василія: „Давно ли вы въ вашемъ городѣ?“—„Да нѣтъ, недавно“.—„А гдѣ же вы остановились?“—„Да у одного чеботаря,—ужасно хорошо обувь шьетъ!“ Царица тутъ и вмѣшалась: „Ахъ, какъ бы это сдѣлать; мнѣ надо туфли сшить“. Царь тотчасъ велѣлъ во дворѣ построить избушку и перевести въ нее чеботаря. Заказала царица туфли. А потомъ и говоритъ Василію: „Прохоженькій! Сдѣлай-ка ты меня опять чеботарицей, а царицу поставь на мое мѣсто?“.. Василій

согласился. Пошелъ ночью въ поле, отвязалъ свѣчку, переложилъ изъ правой руки въ лѣвую и приказалъ кучеру съ лакеемъ царицу опять сдѣлать чеботарицей, а чеботарицу—царицей. Тѣ все сдѣлали. Вотъ старикъ на—утро только пошевелился на кровати, а старуха ужъ вскочила: „Чего тебѣ надо?“ Онъ обрадовался: „Вотъ, давно-бы такъ! А то затвердила: я—царица, я—царица... Да какой же ты,чортъ,царица?“..Она: „Да ну ужъ, да будетъ... Что старое поминать“.

— „Да вѣдь мнѣ теперь и жалко: я вѣдь билъ тебя... Все твердишь: царица да царица!“ „Да полно, будетъ тебѣ“. Сѣла, пряжу прясть начала.

Радуется старикъ, что старуха его опять поумнѣла, знакомымъ разсказываетъ... А царица такъ обрадовалась, что опять во дворецъ попала, что оставила царю царство и перестала съ нимъ ссориться. А Василій остался служить при дворцѣ, большимъ чиновникомъ сдѣлался.

Записана отъ крестьянина с. Чемала Улалинской вол. Бійск. у. Томск. губ. Алексѣя Марковича Коллова (Тарханова).

---

17. О бабушкѣ Домнѣ.

Въ одной деревнѣ жили старикъ со старухой, и не было у нихъ ничего поѣсть. Вотъ старуха, а звали ее бабушкой Домной, говоритъ старику: „Старикъ, поди сколоти сошники съ сохи у сосѣда да спрячь ихъ“. Старикъ пошелъ, сколотилъ сошники и запрягалъ ихъ. Вотъ въ понедѣльникъ надо сосѣдскимъ сыновьямъ на пашню ѣхать. Хватились, а сошниковъ-то нѣтъ. Они бѣгаютъ, ищутъ: отцу-то боятся сказать.

А бабушка Домна идетъ и спрашиваетъ: „Чего это вы ищите?“—„Да вотъ сошники съ сохи потерялись“.—„А ну-ка, давайте я вамъ поворожу, погрѣшу“.—„Ну, ворожи“. Вотъ ворожила, ворожила бабушка Домна и говоритъ: „А ну-ка, вотъ тамъ-то поищите“. Пошли братья, посмотрѣли и вправду—нашли сошники. Вотъ несутъ они старухѣ:одинъ—куль муки и другой—куль муки. Старикъ со старухой съѣли всю муку. Опять и говоритъ старуха: „Старикъ, ступай уведи сошного коня у сосѣда да привяжи его согоры къ колышку“.

Старикъ увелъ коня, привязалъ его къ колышку.

Вотъ бѣгутъ братья къ старухѣ: „Бабушка Домна, сдѣлай милость, поворожи: конь сошной, дорогой, каурка у насъ потерялся“.—«Ну, ладно». Поворожила и говоритъ: —„А вѣдь конь-то вашъ согоры къ

колышку привязанъ, поищите-ка". Братья побѣжали, нашли коня. Ташутъ къ бабушкѣ Домнѣ еще больше муки. Опять жуютъ они со старикомъ. Настала осень. Братья на десяти возахъ повезли въ городъ муку продавать. Вотъ приходитъ на базаръ посланный отъ губернатора, спрашиваетъ у нихъ: „Почемъ мука?"—Пятьдесятъ копеекъ".—„Берите сорокъ девять".—„Нѣтъ, пятьдесятъ. Что ужъ вамъ изъ-за копѣйки-то рядиться?"—Что рядиться! Нынче вонъ у нашего губернатора четырнадцать тысячъ рублей денегъ украли... Нѣтъ-ли у васъ въ деревнѣ ворожеи какой-нибудь—поворожить, кто укралъ?" Братья стоятъ, посмѣиваются да переглядываются.

— „Есть,—говорятъ. у насъ старушка одна, Домной звать: она можетъ поворожить". Сейчасъ обоихъ ихъ забрали къ губернатору, распросили какъ слѣдуетъ и казака въ деревню за Домной послали. Казакъ прискакалъ, кричитъ: „Сейчасъ собирайся, старуха, въ городъ, губернатору ворожить!" Старуха испугалась, заплакала, старикъ заплакалъ. А дѣлать всего, надо ѣхать. Привезъ казакъ Домну въ городъ, привели ее къ губернатору. „Ну, говоритъ губернаторъ, если ты выворожишь мнѣ, гдѣ деньги, большую награду получишь, а нѣтъ - велю тебѣ голову отрубить".

Старуха думаетъ: „Ну, попрошу у него отдѣльную комнату, а тамъ возьму повѣшусь". Говоритъ губернатору: „Надо мнѣ комнату отдѣльную, ворожить-то". Отвели ей тотчасъ комнату. Сидитъ старуха и говоритъ: „Ну, разстегаютъ мою спину и пузу!". А настоящіе-то воры около этой комнаты были, звали ихъ Климъ да Кузя. Не разслышали они, что Домна сказала и говорятъ: „Ну, отгадала старуха, бѣда намъ".

Прибѣжали къ ней: „Бабушка, не говори на насъ, что мы деньги украли, мы скажемъ, гдѣ онѣ: въ щепахъ зарыты". Старуха обрадовалась.—„Если правду вы говорите, что въ щепахъ, такъ не скажу, а не найдутъ тамъ, такъ скажу". Пошла къ губернатору и говоритъ: „Въ щепахъ надо поискать". Стали искать, нашли. Сейчасъ устроили балъ, старуху зовутъ. А губернаторъ велѣлъ на одинъ стулъ яицъ положить, а въ одинъ курникъ ворону запечь. Приходитъ старуха. Ей показываютъ на тотъ стулъ, гдѣ яйца были спрятаны: „Садитесь пожалуйста вотъ сюда, бабушка". А старуха крестится, хочетъ сѣсть и говоритъ: „Ну, Господи благослови. Сажусь какъ курица на яйца".

Всѣ дожу дались: „Отгадала старуха?" Подаютъ ей курникъ. А она оглядывается по сторонамъ, по стѣнамъ: убранство вездѣ хорошее. Он

и говоритъ:—„Залетѣла ворона въ высокія хоромы!“.—„Ахъ она, старуха,—опять отгадала“.

Тутъ стали они ѣсть и пить. На другой день наградилъ губернаторъ старуху и велѣлъ запречь карету везти ее въ деревню, а въ карету положить г....въ. Старуха садится въ карету да и говоритъ: „Домна съ двора и г....на за ней“. Удивились всѣ, что угадала опять старуха. Посадили ее въ другую карету, привезли ее къ старику въ деревню...

Такъ ужъ ей во всемъ пофартило!

Записана отъ крестьянина с. Коуракскаго Тарсминской вол. Кузн. у. Томск. губ. Доримена Михайловича Сизеса.

---

18. О волкѣ и двухъ сестрахъ.

(Не плюй въ колодецъ,—пригодится воды напиться),

Былъ старикъ со старухой. У старика была внучка и у старухи была внучка. Старуха дѣдушкину внучку не любила: „Ахъ ты, старый песъ, вези свою внучку куда хочешь“. Онъ повезъ свою внучку. Привезъ свою внучку въ лѣсъ. Въ лѣсу стоитъ на курьихъ ножкахъ избушка. Онъ и говоритъ: „Избушка, избушка, перевернись туды задкомъ, ко мнѣ—передкомъ“. Избушка перевернулась къ нему передкомъ, туды—задкомъ. Заходитъ онъ въ избушку, оставляетъ свою внучку, говоритъ: „Ты посиди здѣсь, а я поѣду дрова рубить“. Дуетъ вѣтерочекъ. Привязалъ къ березѣ колотушку старикъ, самъ уѣхалъ домой. Колотушка стучитъ—какъ дрова рубятъ. Приходитъ темная ночь. Внучка боится одна въ избушкѣ ночевать. Вышла она на крыльцо и говоритъ:

Кто въ лѣсѣ?
Кто въ темномъ?
Иди ко мнѣ ночевать,
На тесовую кровать“.

А волкъ говоритъ:

Я въ лѣсѣ,
Я въ темномъ,
Иду къ тебѣ ночевать,
На тесовую кровать“.

Волкъ пришелъ къ дѣвкѣ ночевать, говоритъ дѣвкѣ: „Дѣвка, дѣвка, отвори двери“.

Она говоритъ: „Самъ жиренъ, самъ гладокъ, — самъ отворишь“. Волкъ отворилъ двери, вошелъ и говоритъ: „Дѣвка, дѣвка, посади меня на лавку“.

А она ему: — „Самъ жиренъ, самъ гладокъ — самъ сядешь“. Волкъ сѣлъ на лавку. „Дѣвка, дѣвка, стряпай блины“. Дѣвка стала стряпать блины.

А мышка выходитъ: „Дѣвка, дѣвка, дай-ка блинокъ, а я тебѣ пригожуся“. Дѣвка дала мышкѣ блинокъ. Мышка съѣла и убѣжала.

Наѣлся волкъ блиновъ. „Дѣвка, дѣвка, давай играть. Ты надѣвай колокольчикъ, а я буду въ тебя стрѣлять“. Дѣвка сама подъ корыто легла, на мышку колокольчикъ надѣла. Волкъ стрѣляетъ въ дѣвку, не можетъ въ мышку попасть. Вотъ они поиграли. Жила много ли, мало-ли, нажилась эта дѣвка, наклала два ящика имущества отъ волка, — шелку всякаго разнаго: всего, чего было на свѣтѣ, того и наклала. Отправляетъ этого волка въ свое мѣсто. Пріѣзжаетъ ея батька, говоритъ: „Поѣдемъ, внучка, домой“. Вотъ наклала на лошаденку цѣлый возъ имущества и ѣдутъ домой. Старуха вышла. Обрадовалась, что дѣдушкина внучка пріѣхала богатая, говоритъ старику: „Ахъ ты, старый песъ, повези мою внучку туда, гдѣ твоя внучка нажилась“. Старикъ запрегъ лошадь, повезъ старухину внучку. Пріѣзжаетъ въ лѣсъ. Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. — „Избушка, избушка, повернись туды залкомъ, ко мнѣ передкомъ“. Избушка повернулась, какъ старикъ сказалъ. Старикъ къ дереву колотушку привязалъ, самъ уѣхалъ. Дѣвка боится одна ночевать, вышла на крыльцо и запѣла:

„Кто въ лѣсѣ?
Кто въ темномъ?
Иди ко мнѣ ночевать
На тесовую кровать“.

Волкъ отвѣчаетъ:

„Я въ лѣсѣ,
Я въ темномъ.
Иду къ тебѣ ночевать
На тесовую кровать“.

Приходитъ волкъ. — „Дѣвка, дѣвка, отвори двери“. Дѣвка отворила двери. Вошелъ волкъ.

— „Дѣвка, дѣвка, посади меня на лавку“. Дѣвка посадила волка на лавку. — „Дѣвка, дѣвка, стряпай блины“. Стала дѣвка блины стряпать.

Мышка выходитъ: „Дѣвка, дѣвка, дай мнѣ блиночекъ“. А она говоритъ: „Волкъ, а волкъ! Она у меня блиночекъ проситъ“. Волкъ говоритъ: „Щелкни ее въ лобъ“. Дѣвка щелкнула мышку въ лобъ, она убѣжала. Наѣлись они блиновъ, волкъ и говоритъ: „Дѣвка, дѣвка, давай играть: ты надѣвай колокольчикъ да бѣгай, а я буду въ тебя стрѣлять“. Дѣвка нацѣпила колокольчикъ, давай бѣгать. Волкъ сразу какъ ее торкнулъ, такъ и застрѣлилъ, убилъ. Онъ ея косточки обглодалъ, въ мѣшочекъ склалъ, на печку повѣсилъ. Старикъ пріѣзжаетъ. Дѣвкины косточки въ мѣшкѣ висятъ. Старикъ снялъ этотъ мѣшочекъ съ косточками, везетъ косточки старухѣ. А у старухи была собаченка маленькая Эта собаченка реветъ: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ, баушка! Дѣдушка старухину внучку везетъ, одинѣ косточки бречатъ. Тяфъ-тяфъ-тяфъ, баушка! Дѣдушка старухину внучку везетъ, одинѣ косточки бречатъ“. А старуха говоритъ: „Пошелъ, така-сяка!“ Пріѣзжаетъ дѣдушка, привезъ старухѣ одинѣ косточки внучкины. Старуха говоритъ: „Теперь нечѣмъ жить. Я отправила свою внучку. думала — побогатѣетъ, какъ твоя внучка. Какъ будемъ теперь жить?“

Старикъ старухѣ и говоритъ: „Теперь нечѣмъ намъ жить! А вотъ какъ будемъ жить. Ты меня замстала со своими внучками. Я полѣзу, старуха, на небеса“. Она говоритъ: „Ахъ, старикъ, старикъ, возьми меня съ собой“. Онъ говоритъ: „Садись въ мѣшокъ, а я на карточку возьму тебя и пойду на небеса“. Вотъ онъ ее несъ, несъ, половину неба донесъ и бросилъ свою старуху съ мѣшкомъ вмѣстѣ: она и зубы оскалила.

Записана черезъ кузнецкую мѣщанку Ванчукову отъ ея матери крестьянки с. Сосновскаго Кузнецк. вол. Кузнецк. у. Томск. губ.

19 О любопытномъ мужикѣ.

Жилъ одинъ старикъ и никого онъ не пускалъ ночевать, кто ему сказокъ не разсказывалъ. Вотъ разъ пріѣзжаетъ къ нему мужикъ, просится ночевать.—„Сказку разскажешь, говоритъ старикъ, такъ пущу“.—„Ну, ладно“. Вотъ пришли они въ избу. Пріѣзжій и говоритъ: „Ты ложись къ стѣнѣ на палати, а я съ краю“. Легли. Внизу старуха съ лучиной сидитъ, прядетъ. Вотъ началъ пріѣзжій разсказывать. Ты, говоритъ, будь волкъ, а я медвѣдь. И будто мы съ тобой будемъ всѣхъ давить. Вотъ пошли въ поле, лошадь стоитъ.

Медвѣдь и говоритъ волку: „Дави!“ А волкъ отвѣчаетъ: „это моя“.—„Ничего, дави“. Задавилъ волкъ лошадь. Идутъ дальше. Стоитъ корова.—„Дави“! говоритъ медвѣдь.—„Это моя“, опять волкъ отвѣчаетъ.—„Дави!“ Задавилъ волкъ свою корову. Опять шли, шли, нашли берлогу—„Давай влѣземъ въ берлогу,—говоритъ медвѣдь: ты къ стѣнѣ, а я съ краю. Какъ пріѣдутъ охотники, станутъ стрѣлять, они меня и убьютъ. А ты тогда не робѣй да черезъ меня и прыгай—души ихъ“. Охотники идутъ! Стрѣляютъ! Убили медвѣдя!—Старикъ услыхалъ да какъ прыгнетъ черезъ пріѣзжаго съ палатей прямо на старуху—и давай ее душить. Та заревѣла, закричала. Старикъ лобъ себѣ расшибъ, очухался, потираетъ его и говоритъ: „Ва, да это моя старуха, и палати, и изба“.. Онъ слетѣлъ съ палатей-то, чуть-чуть на свѣтецъ не угодилъ, а угодилъ—расшибся-бы...

Записанъ отъ крестьянина с. Кураженскаго Тарелинской вол. Кузнец. у. Томск. губ. Дорофеева Михайловича Сизова.

---

20 О разбойникахъ и крестьянской дочери.

Жилъ мужикъ съ женой. У нихъ была дочка.

Вотъ собрались они ѣхать къ празднику въ другую деревню. а дочку дома оставили. Она позвала подругу къ себѣ почевать. Вдругъ ночью пріѣзжаютъ разбойники. Они узнали, что мужикъ уѣхалъ къ празднику, и говорятъ дочкѣ: „Насъ прислали за тобой отецъ съ матерью—къ празднику ѣхать,—садись“. А та спрашиваетъ: „Ночью-то?“ „Ничего, что ночью“. Дѣвка отослала подругу домой, сѣла и поѣхала. Долго-ли, мало-ли они ѣдутъ, дѣвка и спрашиваетъ: „Отчего же мы все лѣсомъ да черезъ ѣдемъ?“ Скоро увидали огонекъ, пріѣхали. Стоитъ ихъ домъ, большой пребольшой и одинъ одинешенекъ. Изъ него старая старуха выходитъ. Разбойники заставили дѣвку носить воду, а сами опять уѣхали разбойничать. Дѣвка таскала, таскала воду и спрашиваетъ у старухи: „Куда это столько воды надо“?

— „Не надо бы тебѣ сказывать-то,—говоритъ старуха,—да жалко мнѣ тебя, молоденькую. Это они пріѣдутъ, рѣзать тебя будутъ“. Дѣвкѣ нечего дѣлать. Пошла она въ гумна, взяла тамъ снопъ соломы. Раздѣлась, нарядила его въ свое платье и поставила на мостки на рѣчкѣ, а на плечи ему коромысло съ ведрами надѣла. Сама въ одной рубашкѣ отправилась въ походъ. Вотъ разбойники пріѣхали, спрашиваютъ у ста-

рухи: „Гдѣ дѣвка?“ А та: „Да вотъ ужъ съ косой поры на рѣку ушла все не идетъ,—не знаю, чего она тамъ“. Одинъ разбойникъ побѣжалъ на рѣку, видитъ—стоитъ на мосткахъ дѣвка. Онъ подбѣжалъ, хлопъ ее кинжаломъ въ бокъ. А солома-то и осталась на кинжалѣ. Побѣжалъ онъ назадъ: „Хитрая дѣвка: спопъ въ свое платье нарядила, а сама убѣжала“. Сѣли всѣ разбойники на коней, погнались за дѣвкой. Она услыхала потопъ и спряталась въ траву. Они въ траву кинжалами тычутъ, дѣвку поранили. Кровь брызжетъ имъ въ глаза, а они и говорятъ: — „Божья роса, не с..ы въ глаза“. Сами дальше поѣхали. Ѣхали, ѣхали, не могли дѣвку догнать, воротились домой. Она увидала, что они воротились и преспокойно дальше пошла—домой пробирается. Видитъ—сидитъ баба-яга и въ ступѣ людей толчетъ. Дѣвку увидала и зубы оскалила: „Я тебя въ ступѣ истолку!“. Дѣвка махнула клубочкомъ: сдѣлались лѣсъ и горы.

Она преспокойно дальше пошла. А баба-яга горы раскопала, лѣсъ разломала, опять стала дѣвку догонять. Та махнула платочкомъ—вновь сдѣлались. Баба-яга не можетъ къ ней попасть. Тутъ дѣвка скоро и до дому добралась.

Записана отъ крестьянки с. Сосновскаго Кузнецк. вол. Кузнецк. уѣз. Томск. губ. Ванчуковой.

---

21. О дьяволовомъ сынѣ.

У одной бѣдной бабы не было дѣтей. Разъ она пошла на рѣку за водой да чорта и помянула. А онъ вылѣзъ изъ воды и говоритъ: „Я знаю, чего ты меня помянула“... Баба забеременила, дитя у нея заиграло. Родился скоро сынъ и росъ у нея до двѣнадцати годовъ. А чортъ все ходитъ и просятъ его къ себѣ въ воду. Тогда сынъ убѣжалъ изъ дому. „Хочу, говоритъ, все испытать и видѣть: и лѣса, и темныя ночи“... Ушелъ онъ и ходитъ до 23 лѣтъ. (Ворот ился домой и видитъ —материны косы на полу валяются. А она была гривная, безпутная, —ей косу-то выдернули. Стучится сынъ: „Маменька, отвори!“ А она думаетъ:—„Какой такой вдругъ у меня сынъ?“ Онъ во второй разъ: „Маменька, отвори!“ Она не отворяетъ. Онъ опять: „Маменька, отво

ри!“ Отворила она ему. Онъ и говоритъ: „Что это у тебя, у жирой, косы-то по-полу валяются“?.. А самъ золото да серебро на полъ сыпаетъ. Потомъ взялъ онъ себѣ невѣсту и сталъ жить хорошо). *)

Записана отъ кр—ки с. Ильинскаго Кузнецк. у. Томск. губ. Акулины Васильевны Тупицыной.

---

22 Настасья золота-коса и Иванъ царевичъ.

Ихъ тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы мылись, и бѣлились, и румянились на островѣ на Буянѣ. Выходитъ Иванъ-царевичъ. И сдивился онъ этимъ дѣвицамъ и задумалъ одну замужъ взять. А какъ увидалъ онъ Настасью золоту-косу, то отъ несмѣтной красоты ея съ ума съ разума упалъ и пошелъ къ баушкѣ въ задворенки. Баушка и сказала ему: „Ступай, мое дитятко, у ней рубашку укради“! Воротились тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы; мылись, и бѣлились, и румянились на островѣ на Буянѣ. Иванъ-царевичъ скрылъ рубашку у Настасьи золотой-косы. Баушка ему и посовѣтовала: „онѣ улетятъ, а ты съ рубашкой сядь за кустикомъ да Настасью золоту-косу жди“. Тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы мылись, и бѣлились, и румянились и улетѣли, а Настасья золота-коса осталась нагишкомъ. Подружки воротились, мылись, и бѣлились, и румянились, не могли ей рубашки найти и улетѣли, а Настасья золота-коса осталась и наказываетъ: „Если-бъ меня старая старушка подняла, то мнѣ бы свекровушка была, а если бы старый старичекъ поднялъ, то мнѣ бы свекоръ былъ, а еслибъ ровнюшка подняла, то мнѣ бы суженый-ряженый былъ“. Иванъ-царевичъ и выскочилъ, одѣлъ ее, обулъ и обручились тутъ они. Потомъ Настасья золота-коса вспорхнула сизымъ голубемъ и сказала: „Пріѣзжай въ наше государство, въ мой высокъ теремъ и проси меня у моего батюшки, и будешь ты мнѣ названный мужъ“. Вотъ и пошелъ Иванъ-царевичъ къ Настасьѣ золотой-косѣ. Намъ скоро сказывается, а ему долго дѣется. Пришелъ онъ въ высокъ теремъ. Въ высокомъ терему сидитъ старуха и спрашиваетъ: „Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошелъ“? Онъ говоритъ: „Меня баушки, нянюшки байкали, приговаривали: чтобъ

---

*) За вѣрность передачи смысла написаннаго въ скобкахъ не ручаюсь: я-то поняла такъ именно. Дѣло въ томъ, что разсказчица Тупицина—древняя старушка и кромѣ того выговоръ у нея не сибирскій (хотя изъ Россіи она уже 34 года), и понять ее часто трудно.

сужена рядена Настасья золота-коса". Бабушка ему и говоритъ: „Ступай къ его царскому величеству свататься". Иванъ-царевичъ пошелъ. Намъ скоро сказывается, а ему долго дѣется. Пришелъ Иванъ-царевичъ къ Настасьѣ золотой-косѣ въ государство, вошелъ во высокъ теремъ. Сидитъ тамъ самъ царь. Иванъ-царевичъ Богу помолился, во всѣ стороны поклонился. Царь ему говоритъ: „Садись, добрый человѣкъ, на лавочку". А Иванъ-царевичъ отвѣчаетъ: „Я пришелъ, Ваше царское величество, не столы столовать, не столы пировать, а за Настасью золоту-косу свататься". Царь и говоритъ: „О, какой это человѣкъ ко мнѣ заявился! А наложу-ка я на тебя службу: у меня стоитъ сорокой конь за тремя путами мѣдными, за тремя путами желѣзными, за тремя путами чугунными, палицей и плицей придавленный; изъ рту пламя пышетъ, а изъ ушей дымъ валитъ. Сядь ты на этого коня и выучи его тремя прутами мѣдными, тремя прутами желѣзными, тремя прутами булатными, и я тебѣ дочь отдамъ". Иванъ-царевичъ вышелъ запечалился, закручинился: „Какая-же мнѣ Настасья золота-коса, гдѣ же мнѣ ее получать"!.. А она выходитъ за нимъ на коридоръ и говоритъ ему: „Что ты печалишься, Иванъ-царевичъ? Не печалься, не кручинься: возьми прутья, сядь на коня и колоти его межъ ушами тремя прутами мѣдными, тремя прутами желѣзными, тремя прутами булатными". Иванъ-царевичъ пробѣжалъ три улицы и коня къ коновязу привязалъ. Пришелъ къ царю и говоритъ: „Ваше царское величество, примите мою службу". А царь отвѣчаетъ: „Садись, добрый молодецъ, на лавочку". Иванъ-царевичъ говоритъ: „Ваше царское величество, я пришелъ не столы столовать, не столы пировать, а за Настасью золоту-косу свататься". Царь и говоритъ: „А вотъ задамъ я тебѣ еще одну службу: стоитъ море-океанъ; сколько въ морѣ воды, ты море повыкуши; сколько песку — песокъ повытаскай. Тогда тамъ трава народится, ты траву повыкоси, сѣно скоси и остожья нагороди"! Иванъ-царевичъ все это сдѣлалъ и приходитъ къ царю. Богу помолился, во всѣ стороны поклонился, а Царь говоритъ ему: „Садись, добрый молодецъ, на лавочку".—„Я, Ваше царское величество, пришелъ не столы столовать, не столы пировать, а за Настасью золоту-косу свататься: я свою службу сдѣлалъ". Царь говоритъ: „Служба твоя хороша, а только дамъ я тебѣ еще службу: тебѣ надо Божій храмъ срубить, и озолотить, и иконы поставить, и все!.. А на морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ тридцать три дѣвицы, тридцать три колицы, онѣ мылись, и бѣлились, и румянились,—я ихъ соберу и оболоку, и всѣ онѣ въ одинъ лакъ, въ одинъ

ростъ будутъ. Если узнаешь ты межъ нихъ мою дочь, я ее отдамъ тебѣ, а если не узнаешь, такъ я тебя сказню".

Иванъ-царевичъ сдѣлалъ храмъ и запечалился: „Какъ мнѣ узнать Настасью золоту-косу. Не видать мнѣ ее"! А Настасья золота-коса вышла да и говоритъ ему: „Не печалься, не кручинься, а слушай: прилетитъ большая муха, сядетъ ко мнѣ на щеку и забунчитъ; ты и хватай меня за руку,—вотъ ты мнѣ и суженый-ряженый будешь". Прилетѣли тридцать три дѣвицы, тридцать три колпицы—и всѣ въ одинъ ликъ, въ одинъ ростъ; видитъ Иванъ-царевичъ—прилетѣла одной на щеку муха, взялъ ее за руку, и тутъ ихъ въ церкви повѣнчали, а царь его царствомъ надѣлилъ.

Иванъ-царевичъ сдѣлался промышленникомъ-ружейникомъ. Какъ повѣнчались они, Настасья золота-коса и говоритъ Ивану-царевичу: „На эту гору ходи, на эту гору ходи, а на эту не ходи"! Онъ день жилъ, два жилъ, на гору не ходилъ, а потомъ и думаетъ: „Почто это мнѣ Настасья золота-коса не велитъ на ту гору ходить"?.. Взялъ да и зашелъ на гору и увидалъ онъ тамъ свою родную сторону, и ему отецъ, мать и сестра навстрѣчу попали. Онъ и сталъ тосковать, сталъ тосковать. Настасья-то золота-коса и догадалась, что онъ на ту гору ходилъ, и говоритъ ему: „Поѣдемъ ужъ туда"! Жена приклонилась, вздумала мужа потѣшать. Насушили они сухарей и пошли. Шли, шли. Настасья золота-коса и говоритъ Ивану-царевичу: „Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, не бѣгутъ-ли за нами"? Иванъ-царевичъ приклонился, послушалъ.—„Нѣтъ, не бѣгутъ". Настасья золота-коса приклонилась, послушала.—„Ой, говоритъ,—узналъ батюшка, бѣгутъ за нами. Вотъ что, Иванъ-царевичъ, я буду бѣлой кудрявой березой, а ты будь шершнемъ. Какъ прибѣгутъ они, ты летай вокругъ меня да ихъ жаль".

Прибѣжали царскіе слуги, смотрятъ: стоитъ кудрявая береза, а вокругъ ея шершень летаетъ.

Вотъ кинулся шершень, жалитъ ихъ всѣхъ, а они его поймать не могутъ; жалилъ, жалилъ, у нихъ ужъ пузыри вскочили. Измаялись царскіе слуги и убѣжали обратно къ царю. „Нѣтъ,—говорятъ,—никого не могли найти; видѣли только березу да шершня, онъ насъ жалилъ, жалилъ, у насъ пузыри вонъ какіе вскочили". Царь разсердился: „Ахъ вы, дураки! Это она все, мудра; они это были. Ступайте опять, рубите, колите все, что ни увидите". Побѣжали слуги. А Настасья золота-коса съ Иваномъ-царевичемъ идутъ. Вотъ Настасья золота-коса и говоритъ: „Послушай-ка, Иванъ-царевичъ, не бѣгутъ-

ли за нами"? Иванъ-царевичъ послушалъ: „Нѣтъ, не бѣгутъ". Приклонилась Настасья золота-коса.—„Ахъ, Иванъ-царевичъ, бѣда! бѣгутъ за нами. Я буду берега и вода, а ты будь селезень; будутъ они въ тебя стрѣлять, да не убьютъ". Вотъ бѣгутъ царскіе слуги. Прибѣжали,—нигдѣ нѣтъ ни проѣзда, ни прохода: все болота да вода, а по водѣ селезень плаваетъ. Стали они въ него стрѣлять. Стрѣляли, стрѣляли, весь припасъ истратили, а не могли селезня убить. Воротились, разсказали царю. Царь еще пуще разсердился.—„Бѣгите, лупите все, что ни попадетъ"! Убѣжали опять слуги въ погоню.

Послушала Настасья золота-коса и говоритъ: „Я буду церковь, а ты будь попъ; служи да пой: „аллилуія"! Какъ станутъ они спрашивать тебя, ты все говори: „Господи, помилуй! Господи помилуй"! Прибѣжали слуги, забѣжали въ церковь, видятъ—попъ обѣдню служитъ да все „аллилуія" поетъ. Спрашиваютъ: „Эй, попъ! Не видалъ-ли ты тутъ, не проходили-ли тутъ бабенка съ мужичонкомъ"? А попъ: „Господи помилуй, Господи, помилуй! Господи, помилуй"! Ничего не добились слуги, разсердились и убѣжали къ царю. А Иванъ-царевичъ благополучно дошелъ вмѣстѣ съ Настасьей золотой-косой до своей родной стороны; оставилъ онъ Настасью золоту-косу у бабушки въ задворенкахъ, а самъ пошелъ отца съ матерью попровѣдывать. Настасья золота-коса и говоритъ ему: „Иванъ-царевичъ, у тебя родилась сестра Анна-красавица; придешь домой, такъ не бери ты ее на руки, а то и меня, и все, что было, забудешь". Отпустила она его, а онъ какъ увидалъ сестру, взялъ ее на руки и началъ ласкать. Тутъ онъ и забылъ Настасью золоту-косу, и что они съ ней обвѣнчались и все... Живетъ у отца съ матерью, а они ему невѣсту стали сватать. Просватали невѣсту, а Иванъ-царевичъ на все согласенъ и не помнитъ ничего. Тогда Настасья золота-коса и говоритъ бабушкѣ: „Поди, украдь у нихъ тѣсто, что къ свадьбѣ наготовлено".

Бабушка прибѣжала: „Я у васъ тѣсто украду, я у васъ тѣсто украду"!.. А тамъ хлопоты. —„Ай, да уйди ты, старушенка, чего ты суетишься то здѣсь!.. Ну, украдь, убирайся"! Бабушка тѣсто украла, принесла его къ Настасьѣ золотой-косѣ. Настасья золота-коса сдѣлала изъ тѣста пирогъ и запекла въ немъ голубя съ голубицей. Потомъ взяла надѣла платье: по колѣнъ въ золотѣ, по локоть къ серебрѣ, по косицамъ часты звѣзды,—и отъ этого платья лучи во всѣ стороны бредутъ. А молодыхъ хотѣли ужъ въ церковь провожать, какъ приходитъ бабушка съ Настасьей золотой-косой. Какъ онѣ пришли, всѣ такъ и удивились,

спрашиваютъ баушку: „Откуда это ты такую красавицу добыла“? Настасья золота-коса подаетъ пирожокъ дружкѣ. Дружка разрѣзалъ пирожокъ, голубь съ голубицей залетали, съ углу на уголъ заворковали. Тутъ Иванъ-царевичъ очувствовался и говоритъ: „Вотъ она, моя суженаряжена, Настасья золота-коса“! и посадилъ онъ съ собой Настасью золотукосу, а та невѣста осталась. Куды ее дѣть—отцу ее, матери. Наварили пива да вина: кому бочка, тому денегъ кочка, а кому камешокъ, тому денегъ мѣшокъ. А я тутъ же была, пиво пила, по носу бѣжало, да въ ротъ не попало.

Записана отъ кр—ки с. Коуракскаго Тарсминской вол. Кузн уѣз. Пелагеи Еремѣевой.

---

23 О сивкѣ, буркѣ и вѣщей кауркѣ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У нихъ было три сына: сынъ Василій да сынъ Николай, сынъ Иванъ-дуракъ.

Потомъ отецъ ихъ сталъ помирать и наказалъ своимъ сыновьямъ: „Когда я помру, вы всѣ по ночи у меня у могилы ночуйте“. Первая ночь приходитъ ночевать Василію. Онъ и говоритъ: „Иванъ-дуракъ, наймись ночевать“. „Наймите, братья“. Нанялся Иванъ и пошелъ на могилу. Ваня до ночи досидѣлъ Крестьянинъ выходитъ: „Ты, Васенька“? „Нѣтъ, я, Иванъ-дуракъ“. Ушелъ отецъ въ могилу. Вторая ночь приходитъ. Средній братъ говоритъ: „Иванъ-дуракъ, наймись ночевать“. —„Наймите, братья“. Нанялся, пошелъ на могилу ночевать. До полночи досидѣлъ, выходитъ крестьянинъ изъ могилы.—„Ты, Миколушка“? „Нѣтъ, я, Иванъ-дуракъ“. Ушелъ крестьянинъ. Приходитъ третья ночь. Пошелъ Иванъ за себя. Выходитъ крестьянинъ.—Ты, Иванушка? „Я, батюшка“. Крестьянинъ свистнулъ по-молодецки, взгайгнулъ по-богатырски: „Взвейтесь ко мнѣ: сивушка, бурушка, вѣщая каурушка“! Прибѣжали кони. Сталъ крестьянинъ наказывать: „Какъ мнѣ служили, такъ и сыну моему служите, Ивану-дураку“. Крестьянинъ коней на-время отпустилъ, ушелъ и гробомъ закрылся. У генерала дочь замужъ вздумала, зачала отца просить: „жениха надо выбрать“ Поставили столбъ въ пять саженей и надѣли на него ширинку. Ежли кто сорветъ эту ширинку, за того генеральская дочь замужъ пойдетъ.

Стали со всѣхъ мѣстъ собирать міръ. Вотъ женаты братья стали смотрѣть собираться. Иванъ-дуракъ просится:—„Повезите меня, братья“!

—„Куда тебѣ!.. Сиди себѣ за печкой“. Уѣхали братья. Иванъ-дуракъ вышелъ на поле, свистнулъ по-молодецки, взгайгнулъ по-богатырски. Сивушка прибѣжала. Онъ въ право ушко влѣзъ, въ лѣво вылѣзъ. Сѣдлалъ добра коня черкасскимъ сѣдломъ, подтягивалъ онъ двѣнадцать подпругъ. Подпруги не простыя—шелку камышловскаго. Былъ онъ своего добра коня. Конь осержался, отъ земли отдѣлялся, горы, долы межъ ногъ пускалъ, темны лѣсы межъ ногъ пускалъ, темны лѣсы проскакивалъ, быстры рѣки хвостомъ выстилалъ. Прибѣжалъ, скочилъ, не доскочилъ, былъ да нѣтъ, не видали кто и былъ. Разъѣхались всѣ. Иванъ-дуракъ пріѣхалъ, надѣлъ свою лукошку, обмотался своими соплями, пустилъ добра коня. Братья дома разсказываютъ: „И что это мы за молодца сегодня видѣли! И откуда это онъ только взялся“! А Иванъ и говоритъ: „Не я-ли, братья“?—„Ахъ ты, дуракъ! Сиди себѣ за печкой“.

Стали опять собирать міръ. Братья смотрѣть собираются. Иванъ-дуракъ просится: „Возьмите меня, братья“.—„Сиди себѣ, дуракъ, за печкой“. Братья уѣхали, а Иванъ-дуракъ ушелъ на поле, свистнулъ по-молодецки, взгайгнулъ по-богатырски. Прибѣжала бурушка.

Иванъ-дуракъ въ право ушко влѣзъ, въ лѣво вылѣзъ, сдѣлался молодцемъ, сѣлъ на коня. Бѣжитъ конь, земля прожитъ, изъ ушей пламя пышетъ. Прибѣжалъ, скочилъ, сорвалъ шарнику. Генеральская дочь успѣла только ему клеймо на лобъ положить.

Воротился, коня пустилъ, обмотался въ свои сопли и пришелъ домой. Братья разсказываютъ: „И что это за молодецъ тамъ былъ“! А Иванъ-дуракъ говоритъ: „Не я-ли это былъ, братья“? На третье воскресенье собираютъ опять народъ: генеральская дочь жениха своего отыскивать будетъ. Пришелъ туда Иванъ-дуракъ, принесъ лукошко съ сороками, съ кошками, самъ весь въ соплях,—и сталъ далеко. Генеральская дочь ходитъ съ рюмкой, ищетъ, кому она клеймо наложила, не можетъ найти.

Собрали думщиковъ и сенаторщиковъ; не могутъ они найти суженаго. А Ваня стоитъ. Вотъ и надумали они этого человѣка осмотрѣть.

Генеральская дочь подошла, шапку сняла: увидѣла клеймо. Испугалась и упала, ее тутъ подхватили. Собравшись думщики, сенаторщики: „сколько было молодцевъ, не могли сорвать ширинку, онъ сорвалъ: въ немъ что нибудь да есть,—какая-нибудь хитрость“. И наложили они на него службу: отъ генеральскаго дворца хрустальный мостъ сдѣлать, на немъ бы были маковки золотыя, на маковкахъ были бы птицы райскія

и пѣли бы онѣ пѣсни царскія. Иванъ-дуракъ вышелъ въ поле, кликнулъ вѣщу каурушку, ковь ему все сдѣлалъ. И по этому мосту поѣхалъ Иванъ вѣнчаться съ генеральской дочкой. Я тамъ же былъ и пиво пилъ.

Записана отъ крестьянина дер. Коневой Тарсминской вол. Кузн. уѣз. Ѳомы Фаддѣева.

---

24 Иванъ-дуракъ и баба-Яга.

У мужика было три сына: двое умныхъ, а третій Иванъ-дуракъ. Мужикъ былъ богатый; въ полѣ стояло у него сорокъ стоговъ сѣна. Только сѣно это все кто-то пакоститъ. Вотъ послалъ мужикъ своего старшаго сына сѣно караулить. Онъ пришелъ, легъ да и проспалъ всю ночь. А баба-яга пріѣхала, сѣна наклала да уѣхала опять. Утромъ приходятъ—убыло сѣна. На другой день послалъ мужикъ средняго сына. Онъ тоже проспалъ всю ночь. На третій день пошелъ Иванъ-дуракъ. Этотъ спать не сталъ.

Баба-яга пріѣхала, а онъ выскочилъ да и началъ ее лупить. А потомъ взялъ дерево, раскололъ его да и говоритъ: „Суй сюда руку“! Баба-яга всунула руку, а онъ клинъ-то выдернулъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ сѣна никто не воровалъ. А баба-яга такъ и осталась до зимы, пока сѣна не продали.

Записана отъ крестьянина дер. Коневой Тарсминской вол. Кузнецк. у. Ѳомы Фаддѣева.

Сказки,

записанныя Вал. Булгаковымъ

въ 1905 г.

25. О мальчикѣ, купеческомъ сынѣ. *)

Жили три брата-купца. Одинъ умеръ, и у вдовы его остался мальчикъ. И онъ бѣгалъ на пристань. Когда онъ прибѣжалъ на пристань, собираются дяди его въ иное королевство, нагружаютъ товаръ. И онъ спросилъ ихъ: Вы куды, дяди, собираетесь? „Мы собираемся въ иное королевство". Возьмите меня съ собой. „А куда же мы тебя возьмемъ, малаго юношу? Ступай у матери отпросись и возьми записку отъ неё,—тогда мы тебя возьмемъ съ собой". Когда онъ прибѣжалъ къ матери: „Маменька,—*гымъ* (говоритъ),—благословите меня съ дядями въ иное королевство". Тогда мать благословила его и даетъ записку ему. *Когда* онъ прибѣжалъ къ *дядямъ* и *дядямъ* записку эту подаетъ. Дяди приняли его къ себѣ и отправились на этомъ кораблѣ въ иное королевство! Бѣжали много-ли мало-ли *времи* этимъ *морямъ* (—емъ), и видятъ: съ двухъ сторонъ сходятся два корабля. И этотъ *иной*, корабль идетъ скорымъ ходомъ. *Устыгали* (поспѣшали) на корабельную пристань, на самое лучшее мѣсто. Стали на самое лучшее мѣсто, и эти корабли прибѣжали. И корабельщики *восштовали* (возроптали), что захватили самое лучшее мѣсто, и первый разъ корабль этотъ приходитъ „Что, господа, такъ озлились на насъ, *восштовали*? Господь кому дастъ *фарту* (т. е. удачи) въ торговлѣ, хоть вы куды станьте, и народъ пойдетъ. А если нѣтъ *фарту* въ торговлѣ, такъ и никто *ни* *пойдетъ*". *Когда* эти купцы *усмерѣли* (вм. усмирѣли; *когда* употреблено вм *тогда*, что будетъ встрѣчаться и ниже: манера сказочника) напротивъ этого и напротивъ этихъ купцовъ. И пошли купцы съ дарами къ *госудрю*, чтобъ было дозволено въ его землѣ торговать. Мальчикъ этотъ сошелъ съ корабля, ходилъ подлѣ *морю* (подлѣ и *возлѣ*, т. е. подлѣ и возлѣ употребляются съ дат. п. въ сказкѣ). Возлѣ *морю* стояла гора высочайша (усѣчен. окончанія здѣсь употребляются всѣми). Возлѣ *эту* *гору* нашелъ мальчикъ *амосвѣтный* (вм. самоцвѣтный) камень. Приходитъ къ морю, ополаскиваетъ въ морѣ камень и заходитъ въ корабль, въ темное мѣсто. Освѣчалъ (вм. освѣщалъ или освѣтилъ) *самосвѣтный* камень свѣтлѣе огня. Завертывалъ камень въ гумагу (вм. бумагу) и съ камнемъ клалъ записку, съ какого корабля. Дяди его приходятъ на этотъ корабль. Потомъ спросилъ своихъ дядьевъ (своеобразное образованіе вин. п. мн. ч., вм. *дя-*

*) Записана въ с. Бердскомъ, Барнаульскаго у. въ 1905 году.

дей): „Куда вы, дяди, ходили“? Мы ходили къ королю съ дарами.— „Нате несите мои дары этому королю, и ваши дары обратятся *собратно* (вм. обратно)“. Приносятъ эти дары, подаютъ королю по запискѣ, смотритъ: „Распечатать этотъ коробокъ въ свѣтломъ мѣстѣ и зайти въ темное мѣсто *съ (н)имъ*“. Распечатали коробокъ съ камнемъ въ свѣтломъ мѣстѣ, занесли въ темное мѣсто, освѣтилъ камень какъ огонь. Король обратилъ ныъ дары *вобратно*, далъ отъ себя документы, въ его землѣ торговать безданно, безпошлинно. Потомъ приходили дядьи (иногда употребляется) на этотъ корабль, благодарили своего племянника. А этотъ король собиралъ по всей своей *Андрôпіи* (исковерканное Европа?) народъ: „Кто можетъ ухи́триться зайти на эту гору“? Учинили плачъ по всей его *Андропіи*, что думаетъ всемірное воинство (собрать? или вм. открыть войну?). Въ собраньи когда они были, стояли у этой горы. *Во*ударь спрашивалъ ихъ: „Что, дѣти? Кто можетъ ухи́триться на эту гору зайти“? Никто не могъ ухитриться. Мальчикъ этотъ же съ корабля сошелъ и приходитъ къ имъ.

„Что, не могутъ ухи́триться на такую гору зайти? *Сколь* много васъ, а ухитриться не можете“! Спрашивалъ: „Ваше Император*ство* Величество, сработайте якорь и привяжите легкую снасть. Кто можетъ забросить этотъ якорь на эту гору“? Перебрали весь міръ, а якорь видали на гору. Никто не могъ закинуть. Мальчикъ подивился, усмѣхнулся, что не могутъ закинуть. «Ваше Император*ство* Величество, у васъ народъ плохой, что вотъ какую дрянь закинуть не можете», Беретъ мальчикъ якорь въ руки, закинулъ на гору, приказалъ лѣзти. «Ну, залѣзьте». Никто не могъ. Мальчикъ взялся за эту снасть и полѣзъ на гору, какъ *все-едино* по лѣстницѣ. Залѣзъ мальчикъ на гору, обошелъ по горѣ, нѣтъ ничего. Стоятъ три дуба, межъ дубами провалище. Мальчикъ подходилъ къ берегу, *скричалъ* (вскричалъ) *во*сударю, что „Ваше Император*ство* Величество, не держите безвинно народъ, на этой горѣ нѣтъ ничего“. Взялъ якорь, затащилъ на эту гору. Зацѣпилъ (зацѣпилъ) за дубовыя коренья. Спустилъ снасть въ эту провалищу. Начиналъ спускаться въ эту провалищу мальчикъ. Его снасти не хватило до полу. Былъ шолковый платокъ *на имъ* (вм. на немъ). Привязывалъ всякими хитростями *) платокъ ко снасти. Спускался на землю. Освѣчалъ себѣ огнемъ путь. Видитъ слѣдъ въ одну сторону. Слѣдъ-человѣчій. Шелъ этотъ слѣдъ и подходилъ ко дверямъ. Отворилъ двери. Сидятъ 30 мо-

*) Въ словѣ „хитростями“ удареніе на я.

лодцовъ, по сапогу шьютъ, 30 лѣтъ спить не могутъ. *Зъилали* и въ ладоши *схлопали*, и съ имъ *ничё***) не говорятъ. Проходилъ онъ ихъ. Сидятъ 30 дѣвицъ, по рукаву шьютъ, 30 лѣтъ тоже спить не могутъ. *Зъилали* онѣ, въ ладоши *схлопнули*, и *съ имъ* тоже ничего не говорятъ. Выходилъ мальчикъ *отъ ихъ*. Вышелъ *отъ ихъ* на луга къ морю. Шелъ лугами, стоитъ у горы кровать. На кровати спитъ старъ человѣкъ. У кровати стоитъ столъ, на столѣ лежатъ книги. Мальчикъ подошелъ, открылъ книгу, смотритъ, — книги волшебныя, закрылъ книгу *обратно*. Отошелъ отъ этого старика, видитъ въ гору двери, отворилъ двери. Сидятъ двѣ дѣвицы, пельмени дѣлаютъ. И *зъилали*, въ ладоши *схлопнули*. Первая дѣвица варила пельмени и кормила его. Накормила его, ведетъ въ особую комнату отдыхать. Выходитъ изъ этой комнаты съ дѣвицей. Вторая дѣвица варила пельмени и кормила его. Ведетъ въ особую комнату, ложится на *ложу* (ложе) съ нимъ. Когда онъ пошелъ *обратно* отъ этихъ дѣвицъ, идетъ *мимо* (вм. мимо) стараго человѣка. Старый человѣкъ его подзываетъ къ себѣ. «Поди, *сюда*, мальчикъ, сюда». Когда онъ подошелъ къ нему, и онъ сталъ говорить этому мальчику: „Ты, мальчикъ, плохо сдѣлалъ, негодно...—„А что, дѣдушка“? Ты сдѣлалъ очень негодно. „Какъ, почему“?—Такъ. А знаешь ли меня, кто я?—„Нѣтъ, не знаю“.—Я тебѣ дѣдушка, а ты мнѣ внучекъ. Когда ты мнѣ дѣдушка, а я тебѣ внучекъ, я желаю жениться.—А кого же ты желаешь взять? «А кого благословишь».—А я *тоё****) же (т. е. ту же) благословлю, съ которой ты *по первому разу* уходилъ въ комнату отдыхать. Тогда онъ ему благословилъ эту дѣвицу первую. „Иди же въ ту комнату, на которой кровати лежалъ. Въ этой кровати задвижной ящичекъ. Въ этомъ *ящичкѣ* стоитъ шкатулка. У шкатулки за скобку привязанъ ключикъ. Не *столь* шкатулку береги, какъ ключикъ“.

Когда онъ выходилъ, мальчикъ, къ дѣвицѣ, беретъ эту дѣвицу первую за руку, выводитъ её на улицу. Заходилъ въ эту комнату, въ которой отдыхалъ. У кровати выдвинулъ задвижной *ящичекъ*, бралъ эту шкатулку. Пошелъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка благословилъ ему корабль на корабельной пристани. — „Ступай, сыночекъ, въ свое мѣсто. Вотъ тебѣ Богъ благословилъ корабль, не надо тебѣ ни людей, ни парусовъ, ничего, —можетъ самъ собой орудовать“. *Когда* онъ вставалъ на этотъ корабль, корабль бѣжалъ *съ нимъ* въ домашнюю сторону, и корабль бѣжалъ какъ *все едино* птица крыломъ машетъ. Мать увидала его, что сынъ бѣ-

**) Удареніе на ё.
***) Удареніе на ё.

нжитъ на кораблѣ домой. Приказала кучеру лошадь *запрячи* и пошла (*в*)*стрѣчать* своего сына. *Стрѣтила* сына своего съ радостью и потомъ отъ дѣдушки низяйшій *) поклонъ.

— Я былъ у своего дѣдушки въ гостяхъ, женился, дѣдушка женилъ меня.—На радостяхъ когда учинили они гулянку. Уснулъ крѣпкимъ сномъ этотъ мальчикъ. Жена его не захотѣла жить *у его* тутъ и говоритъ своей головкѣ: Пойдемъ на корабельную пристань, разгуляться! Когда онѣ пришли на корабельную пристань, жена его бѣгомъ отъ головки побѣжала. Забѣжала на свой корабль. Корабль её (вин. п. вм. рд.) отправился неизвѣстно куда. Приходитъ, *обсказывать* своему брату: „Твоя жена убѣжала на корабль неизвѣстно куда". Братъ её отвѣчаетъ. Маменька, папеки мнѣ подорожников, и пойду свою жену искать: „А гдѣ-жъ ты её найдешь?" —А гдѣ не нашелъ бы, а всё, можетъ, я найду.

Когда онъ пошелъ искать, шелъ онъ много-ли мало-ли время, видитъ: въ полѣ стоитъ домъ огромѣйшій(—ѣйшій), и вокругъ дому ограда, загорожёна изъ желѣзомъ, и на всякой тычинкѣ по молодецкой головѣ, а одна тычинка стоитъ у воротъ, *на ей* головы нѣтъ. — Должно быть — говоритъ,—моей головѣ быть! Заходитъ въ крѣпость и проходитъ въ домъ, и въ дому сидитъ на стулѣ прекрасная дѣвица. «Любезный мой зятюшка, явился ко мнѣ въ гости». Когда я твой зятюшка, скажи про мою жену гдѣ моя жена? — «А сослужи мнѣ службу». — А какую же тебѣ сослужить нужно службу?—„На тебѣ сашку, вотъ западня,—отвори эту западню. Спустись въ эту западню, и увидишь на подсвѣчникѣ свѣча стоитъ". И подала ему свою зажженную свѣчу на подсвѣчникѣ. „На столѣ ложитъ мальчикъ и *здрѣлъ* бы, *гыть*, смотрѣлъ, и ясныхъ очей не сносилъ. И *сколь* онъ красивый, и жалко будетъ тебѣ его рубить. Пересѣки. Стоитъ подсвѣчникъ на столѣ, и свѣча загорится сама собой. Эту свою свѣчу, съ которой ты пошелъ, поставь тамъ, а которая сама собой загорится, принеси её мнѣ".

Спустился мальчикъ внизъ въ эту же западню, подходитъ къ столу, и на столѣ ложитъ мальчикъ. И *здрѣлъ* бы смотрѣлъ, и ясныхъ очей не сносилъ.—Жалко мнѣ его рубить, ну, самому себя жалчѣ.—Пересѣкъ этого мальчика, половиночки *стрепескались* и пали со стола. Свѣча сама собой загорѣлась и онъ думать сталъ:—„Возьму эту свѣчу погашу, положу себѣ въ карманъ, а съ которой уходилъ, её подамъ

*) *М. нижайшій.*

вобратно". Когда онъ эту свѣчу погасилъ, положилъ къ себѣ въ карманъ, а съ которой уходилъ, обратился *вобратно* съ ней. Обратился *вобратно*, подавалъ эту свѣчу съ подсвѣчникомъ *вобратно* ей. Она и говоритъ: Эта свѣча не та. Нѣтъ, *гыть*, эта свѣча та. Съ которой я уходилъ, осталась тамъ, а сама собой свѣча загорѣлась, я вотъ ее вынулъ и подаю *вобратно* вамъ". Она сказала напротивъ того, что „Ну хитрый"!—Ты скажи теперь мнѣ, гдѣ моя жена?—„А ты пойдешь, найдешь". Онъ вышелъ изъ крѣпости, изъ ея ограды, всячески ее обругалъ. И потомъ пошелъ *отъ сё*.

Шелъ онъ многое время и приходитъ во второе *возларство*. Выпросился къ мѣщанину на квартеру.—„Такъ что я вижу мѣщанина на всѣ руки: по мошенику мошенникъ, по вору воръ". Мѣщанина и спрашиваетъ: „Не найдется ли мнѣ какой-нибудь *сполюбовницы*"? Онъ ему сказалъ:—У насъ есть Марфида—царевна; ну, какъ *до ея* доберешься, противъ тебя нѣтъ больше ни кого красотой, потому что ты очень красивъ. А завтрашняго числа пойди въ *полусадъ*, встань въ скрытно мѣсто и высмотришь Марфиду царевну, какая она есть красавица "Когда онъ пошелъ на-завтра, сталъ въ скрытное мѣсто въ *полусадъ*. Пріѣхала Марфида царевна на гуляньe, и онъ запоздалъ, что *до полоза* пробылъ въ этомъ *полусадѣ*. Приходитъ къ хозяину къ своему. Хозяинъ спитъ. Онъ думаетъ: „Чѣмъ же мнѣ *освѣтиться* въ комнатѣ? Не попросилъ я у хозяина свѣчки либо *што* нибудь". Хватился у себя въ карманѣ, и лежитъ свѣчка съ подсвѣчникомъ: „Не нужно мнѣ будить хозяина". Зажегъ эту свѣчку. *Сѣченный* мальчись явился къ нему. И онъ испугался. „Что такое? Мальчикъ зарубленный сдѣлался живой и явился ко мнѣ". Этотъ мальчикъ отвѣчалъ: «Вы не убойтесь меня! Спасибо за то, что выручили меня; я 30 лѣтъ сидѣлъ *у ей* и 30 разъ меня рубили. Меня вы выручили. Я вос блю тебѣ твою жену розыскать». Онъ и говоритъ, мальчикъ-купеческій сынъ, этому мальчику: „Нельзя-ли мнѣ эту *фрелину* достать"?—Можно достать.

Когда приносятъ Марфиду—царевну, становятъ *серёдь* полу совсѣмъ съ кроватью. На разсвѣтѣ относятъ ее *вобратно*. Поутру *обсказываетъ* своему папашѣ: „Видѣла я" сонъ нехорошій: кто-то меня куда-то носилъ.—„Что сну вѣрить? Видится такъ сонъ, *здря* (простонар. выр.: безъ толку, напрасно), вѣрить сну нечего, сну". На вторую ночь зажегъ купеческій мальчикъ свѣчку и этотъ же *сѣченный* мальчикъ явился опять къ нему.—Нельзя ли какъ ее принести оттуда?

Нѣтъ нельзя». —А что нельзя? „У ей рѣжето подъ кроватью съ мукой подвязано, нести нельзя". – Пожалуста, какъ нельзя ли?

Ну, тогда онъ взялъ понесъ, просіелась *) мушная дорожка. На разсвѣтѣ отнесъ ее *вобратно* Мальчикъ подаялъ бурю погоду, разбилъ у короля магазины съ хлѣбомъ, муку по всему *восударству* разнесло, какъ все-равно надуло снѣгу. Бѣгали съ мѣшками и нагребали эту муку, таскали. *Восударь* сталъ и смотритъ «Гдѣ теперь искать, когда разбивали магазины съ хлѣбомъ и разнесло весь хлѣбъ? Теперь что будешь дѣлать? Заколоть быка, вынуть пузырь, напустить пузырь полный крови. Онъ понесетъ съ кроватью, и пузырь разобьется и потечетъ кровь и тогда мы съ *кро̀веной* дорожкой можемъ пойти и розыскать, кто тебя куды носитъ». *Когда* зарѣзали быка, напустили пузырь полный крови. *Ввечеру* этотъ купеческій мальчикъ зажегъ свѣчку, *свѣченный* мальчикъ явился къ нему. Онъ и говоритъ ему: «Принеси мнѣ эту опять *фрелину*».—Нѣтъ нельзя. „Пошто (т. е. почему)?"—У ей подъ кроватью пузырь съ кровью привязанъ; понесу кровать, онъ разобьется, кровь потечетъ и съ *кро̀веной* дорожкой насъ тогда найдутъ. Если понести, ты попадешь.

Не повѣрилъ ему, просилъ принести. Мальчикъ принесъ Марфиду-царевну и *диствительно* протекла *кро̀веная* дорожка; и потомъ на разсвѣтѣ опеть *вобратно* когда онъ ее отнесъ, и потомъ *обсказыватъ* своему папашѣ:—„Меня кто-то носилъ куда-то". Стали смотрѣть, *диствительно* ношено было. Пошли, берутъ солдатовъ, *жандаръ*, мѣщанъ, искать, и приходятъ этой же дорожкой къ ому на квартеру, берутъ его тутъ въ *фатирѣ* (впереди, какъ замѣтилъ, вѣроятно, читатель, это же слово записано [иначе, но такъ говорилъ сказочникъ). Посадили его въ тюремный за̀мокъ. Когда посадили въ тюремный за̀мокъ, часовой солдатъ ходитъ у его дверей. Онъ и говоритъ: Солдатъ, знаешь ты—меня гдѣ взяли? «Какъ же не знать? Я тутъ же былъ».—Принеси мнѣ съ *фатеры* подсвѣчникъ, коробокъ *сѣрянокъ* (народн. назв. спичекъ).

Даетъ ру*нь* денегъ этому солдату. Солдатъ смѣнился когда съ часовъ, у дядьки отпрашивался. Дядька дозволилъ ему на базаръ сходить. Нэтотъ солдатъ приходитъ какъ будто на базаръ, приходитъ на эту *фатеру*.— «Вашъ *фатерантъ* оставилъ свѣчку съ подсвѣчникомъ, коробокъ *сѣрянокъ*. Хозяинъ выдалъ ему свѣчку съ подсвѣчникомъ и коробокъ *сѣрянокъ*. Солдатъ ее къ себѣ клалъ въ карманъ. Доводится же этому опеть солда-

---

Въ словѣ „просіелась" удареніе на і.

ту, въ этотъ же опеть караулъ, перелать свѣчку съ подсвѣчникомъ и коробокъ *спрянокъ* купеческому мальчишку. Когда онъ во время вечера зажегъ эту свѣчку, *честенный* мальчикъ является къ нему.—Ну, что? я тебѣ не правдули сказалъ, что попадешь?„Ну, попалъ. Выручи меня *отсѣдовъ* (отсюда)".—Нѣтъ, выручить тебя *таперь* нельзя. „А какъ же нельзя?. Пожалуста выручи меня *отсѣдовъ*".—Нѣтъ, нельзя, а котъ выручу. Завтрашняго числа повезутъ тебя на судъ и осудятъ на *вѣсилицу* (вм. *висилицу*). Такъ ты пойдешь, когда осудятъ на *вѣсилицу*, *мимо* базару. Возьми два кал ча хлѣба, и возьми фунтъ табаку и большую трубку для себя. Одинъ калачъ подай въ милостыню, другой оставь для себя. Подведутъ къ *рѣлiи* (подъ этимъ словомъ разсказчикъ имѣлъ въ виду и съ снарядъ висилицы), на перву (усѣч. оконч.) ступень станешь, отпросись трубку табаку выкурить.

Когда на завтра его приходятъ солдаты, берутъ изъ замку, ведутъ его на судъ, присудили его на *вѣсилицу*. Когда повели его *мимо* базару, и онъ и говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ купить два калача хлѣба. «Купи». *Когда* онъ купилъ, онъ одинъ калачъ подалъ въ милостыню, а другой оставилъ себѣ.

Потомъ говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ купить табаку и трубку, покурить передъ послѣдне *жисть* время. «Возьми, возьми табаку»!Тогда взялъ онъ табаку фунтъ и трубку. Привели его къ *рѣлiи*, на перву ступень сталъ онъ, и онъ и говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ передъ послѣдне *жисть* —время выкурить трубку табаку.—«Кури, кури, сыновъ,ничего»!И *когда* онъ наклалъ трубку табаку, закурилъ и смотрѣлъ въ восточную сторону. Смотрѣлъ въ восточную сторону, всталъ на вторую ступеньку и дожидался къ себѣ мальчишка.—Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ еще трубку табаку выкурить?—«Ну,кури, кури, ничего»! Когда онъ се наклалъ трубку табаку и закурилъ и смотрѣлъ въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ *вси-едино* какъ мѣсяцъ зашелъ, свѣтло. И думать (ус. ок.) купеческій сынъ, что товарищъ его является скоро. Зашелъ на послѣднюю ступень, на третью, и говоритъ: Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ еще въ послѣдній разъ выкурить трубку табаку. И онъ ему дозволилъ, Когда выкурилъ трубку табаку и вытряхивалъ изъ твубки, съ востоку являлся какъ огненный [муж. р. вм. сред.] колесо и *прѣмежъ* ногъ его. И подняло кверху и опутался конь сивый *подъ имъ*; и летѣлъ по воздуху *съ имъ*, съ купеческимъ сыномъ, этотъ конь и улетѣлъ за море. Слустился на луга и говоритъ

ему человѣческимъ разговоромъ:— «Опусти меня, хозяинъ, я *тебѣ* хочу». Купеческій сынъ слѣзъ съ этого коня, опустилъ своего коня сиваго, легъ, уснулъ крѣпкимъ сномъ. Когда онъ *проснулся* „пойду я, *гыть*, своего коня искать". Искалъ своего коня, найти его не можетъ. Видитъ скрозь (сквозь) лѣсъ идетъ человѣкъ къ ему *настрѣчу* (вм. навстрѣчу; срв. „срѣтеніе"). Спрашиваетъ онъ того человѣка: „Дядюшка. ты не видалъ сиваго коня"?Онъ усмѣхнулся:— «Какой сивый твой конь, когда я тебя везъ»?Оборнулся (переходъ *б* въ *в*: оборнулся) конемъ и посадилъ мальчикъ купеческаго сына на себя и повезъ. Не доѣжжавши (дѣепр. наст. вр., вм. не доѣзжая) 30 верстъ до его жительства, гдѣ онъ ранше находился, и говоритъ ему:— «Слѣзай съ меня, пойдемъ теперь пѣшкомъ". И говоритъ мальчикъ купеческому сыну: „Когда придемъ ко мнѣ, у меня двѣнадцать сестеръ, тринадцата мать. Мать моя будетъ тебя выспрашивать,ты *обскажешь* свое похожденье;и будутъ выдавать мою сестру за тебя *взамужъ*, ты не бери. Я пособлю тебѣ твою жену розыскать. Ежели ты возьмешь мою сестру за себя *взамужъ*, то я осержусь. Когда онѣ увидали, его сестры, своего брата, 12 сестеръ, и выскочили, *стрѣтили* своего брата, подхватили подъ руки. Онъ говоритъ:—„Несите моего товарища, а не меня; товарищъ мой меня выручилъ". Подхватили онѣ ихъ обоихъ съ братомъ, занесли въ домъ на рукахъ. Мать обрадовалась своему сыну, наставили на столъ напитки, *напьки* (совершенно правильно, какъ напитокъ, образованное слово, но очень рѣдко употребляющееся), всякія кушанья. Начала выспрашивать купеческаго сына: „Куда ты пошелъ, куда побрелъ, куда Богъ понесъ"? Я пошелъ свою жену розыскивать.—„А гдѣ-жъ ты ее найдешь? У меня вотъ ихъ 12, и любую бери, котора тебѣ глянется (нравится), чѣмъ за вѣтромъ въ полѣ гоняться". И онъ *здумалъ* (т. е. вздумалъ) взять дѣвицу одну за себя *взамужъ* тутъ. Когда взялъ дѣвицу *взамужъ*, мальчикъ *сечченный* *) осерчалъ на купеческаго сына, удалились (мн. ч.) отъ него. Остался вдвоемъ съ женой только въ этомъ домѣ. И онъ жилъ мѣсяцъ въ этомъ домѣ, и жена сдала ключи ото всѣхъ садовъ, ото всѣхъ погребовъ.—„Гуляй по всѣмъ садамъ и по всѣмъ подваламъ; какъ (я) тебѣ нужно вина,—выпивай". Когда она наказала ему:— „Есть одинъ запечатанный,и не ходи *въ его*, не распечатывай его. *Не въ послушѣньи* онъ былъ (фраза эта значитъ: онъ ослушался) и распечаталъ этотъ подвалъ, заглянулъ: сидитъ львица, львица старая, на цѣпи (= ии). Когда онъ цѣпь сорвалъ со

*) Удареніе на ѣ.

львицы и львицу опустилъ въ поле. Львица убѣжала когда въ поле, и доводилось ему ночевать въ этомъ домѣ одному. Во время ночи прилетѣла его жена, кричитъ у окна:—„Мужъ, отвори мнѣ двери!" И онъ отворилъ двери и видитъ: зашла старая старуха, и онъ и думаетъ: Неужели моя жена состарилась въ одни сутки, такая старая? И она говоритъ ему:—„Мужъ, зачѣмъ же ты негодно дѣлалъ? Я, *гытъ*, не приказывала тебѣ въ этотъ подвалъ ходить, а ты пошелъ, *не въ ослушѐньи* былъ и львицу опустилъ. Мы жили *имя* **) (твор. п. мн. ч. мѣст. личн. 3 л.) хитрость и старость свою львицѣ передавали" Осерчалъ *сѐ* мужъ и потомъ поутру всталъ и ушелъ отъ своей жены, бросилъ сѐ. И шелъ онъ нѣсколько мѣста и много время, приходилъ въ городъ. Питаться ему нечѣмъ было, денегъ всѣхъ было одна копейка. Ходитъ по базару, просить хлѣба ради Христа совѣстно, купить не на что. Приходилъ къ мелешникамъ (торговцамъ мелочнымъ товаромъ), купилъ удочку за копейку.—„Пойду по морю, хоть рыбы наужу и *сѐ* наѣмся". До моря дойти не могъ. Зашелъ въ садъ, *середѝ* сада выкопанъ колодецъ, и видитъ въ колодцѣ булькается".—Хоть лягушку добуду, я сѐ съѣмъ, когда жрать хочется, отошшалъ". Закинулъ удочку въ колодецъ. Удочка заклевала, *все-едино* какъ рыбина. Потянулъ изъ колодца, какъ *рыбина*, попался *челпанъ* ему, неизвѣстно кто такой. И говоритъ человѣческимъ разговоромъ:—„Опусти меня въ скоро время *вобратно*".—Скажи,—я путешествую хожу, розыскиваю мою жену, скажи, гдѣ она находится?—„А пусти меня, такъ я скажу сѐ". Когда онъ опустилъ его *вобратно* въ этотъ колодецъ, она и говоритъ:—„Отъ этого же колодца иди вотъ этой дорожкой; стоитъ домъ и садъ и у воротъ сидитъ прекрасная дѣвица". Когда онъ пошелъ этой дорожкой и завидѣлъ домъ и видитъ, что садъ у дома и сидитъ дѣвица у воротъ. И думатъ самъ себѣ:—„Что же, чѣмъ домъ и садъ брать, мнѣ человѣка взять *пользѝтельнѣе* будетъ". Подошелъ къ этимъ воротамъ и смотритъ на эту дѣвицу, что призналъ онъ сѐ дѣйствительно, что жена его. Она приняла его какъ слѣдующимъ порядкомъ къ себѣ.

Удареніе на 2.

26. О Вавилонскомъ *государствѣ* *)

Когда поступилъ нашъ *государь* какъ будто на царство, и не было ни *колону*, и ни короны, и ни *челону* царскаго. *Долгалъ* онъ въ Вавилонскомъ *государствѣ* вкладеные въ крѣпость. Что Вавилонское государство повыѣли змѣи всѣ царство. *Государь* нашъ *призыскиваетъ* такихъ людей, что *оттудовъ* достань. *Призыскивали* изъ простыхъ людей — не *призыскалось*. Сталъ вызывать изъ военныхъ людей, одинъ солдатъ *призыскался*". — «Могу» я достать, Ваше Императорство Величество". — Можете? — Могу. Дайте мнѣ *бо́льшину* (старшинство). — *Когда* опредѣлили его, можетъ быть, какимъ-нибудь начальникомъ, прапорщикомъ, что-ли, и онъ: „Устройте мнѣ, *гыть* (сокращ. говоритъ), корабль, убейте котельнымъ желѣзомъ палубу". *Когда* устроили корабль, убили палубу котельнымъ желѣзомъ накрѣпко. — „Поставьте мнѣ полкъ солдатъ со всей *антиллеріей*!. *Когда* поставили полкъ солдатъ со всей *антиллеріей*, пушки, ружья и всѣ, что требуется; отправились въ Вавилонское *государство*. Вѣжали много-ли, мало-ля время этимъ моремъ, стали добѣгать до Вавилонскова *государства*. Остановились на пристани. Беретъ двухъ солдатъ, наказываетъ этимъ солдатамъ, что — „братцы, попадемъ въ эту крѣпость, и станьте напротивъ окна, подъ которымъ окномъ сидитъ дѣвица"! *Когда* они пошли, попали въ крѣпость, змѣй спалъ въ воротахъ огромнѣ*шшій*. Стали онѣ напротивъ окна, и онъ начиналъ крѣпость ломать. Онъ усмѣхнулись, и она спросила: „ Что вы, служивые, не надъ моимъ ли царствомъ, не надъ моимъ ли *государствомъ* смѣетесь"? Никакъ нѣтъ, *государыня*! не надъ твоимъ *государствомъ*, надъ своимъ товарищемъ. Сталъ на перву(ю) ступень, упалъ, *надъ* ними намъ смѣшно, кажись. — «Да, онъ это со страху». Второй разъ, когда опять *схохотали* онъ (жен. р вм. муж.), она спрашивала": Что вы, служивые, надъ чѣмъ смѣетесь? Не надъ моимъ ли царствомъ, не надъ моимъ ли *государствомъ*"? — Нѣтъ, *государыня*: не надъ твоимъ *государствомъ*, надъ своимъ товарищемъ. Сталъ на вторую ступень, оборвался, упалъ. — „Да, онъ со страху". Потомъ онъ добрался до *челону*, и до костыля, и до короны царской, и пошелъ онъ на побѣгъ, онъ въ третій разъ *схохотали*. Она спросила. „Что вы, служивые, не надъ моимъ ли царствомъ, не надъ моимъ ли *государствомъ*"? — Никакъ нѣтъ, *государыня*, надъ своимъ товарищемъ. Сталъ на третью ступень, оборвался, упалъ. — „Да, они это со страху".

*) Записана 1905 г. въ с. Бордскомъ, Барн. у.

Повернулись отъ окна на побѣгъ изъ этой крѣпости. Солдатъ скочилъ черезъ змѣя, змѣй *прочнулся*, ухватилъ солдата, *сглонулъ*. И когда засвистѣлъ отъ громко и послѣдняго солдата ухватилъ. Прапоршикъ прибѣжалъ на корабельную пристань, заскочилъ на корабль. По времю („время" склоняется такъ: и. п.—время, р.—время, д.—времю, в.—время, т.—времемъ, п.—времѣ; ми, ч. рѣдко употр.) знаетъ, что живыхъ нѣтъ солдатъ. Стряхнули паруса, отправились *вобратно*, бѣжали много-ли мало-ли время этимъ моремъ. Смотрѣлъ въ подзорную трубу и и видѣлъ: змѣй летитъ *всугонь* (въ погоню; можетъ быть образовалось изъ: во-всю-гонку) *за нимя*, какъ *все-едино* туча черный. Приказывалъ своимъ солдатамъ обобрать снасти, паруса. «Разсыпьте, *гыть*, братцы, по всему кораблю, по палубѣ, насыпьте пороху половину вершка". Люки заперли накрѣпко, чтобъ не могло оторвать. Когда они остановились, припрятались солдаты, змѣи стали садиться на этотъ корабль, *исносялли* (носѣли) на корабль, не затопивши корабля только три бруса. Зажегъ порохъ, прибило всѣхъ змѣй. Когда они скомандовалъ, прапоршикъ оснастилъ корабль, стряхнули паруса. Отправились моремъ, бѣжали много-ли, мало-ли время этимъ моремъ, летитъ змѣй опять *за нимя всугонь* и летитъ дѣвица и оборнулась *все-едино* змѣей. Прапоршикъ приказалъ обобрать снасти и паруса, насыпать на палубу порохъ. Обобрали снасти и паруса, насыпали порохъ на полвершка по всему палубу. И этотъ прапоршикъ дожидался ихъ, когда они всѣ *исносядутъ*. Когда они всѣ *исносялли*, змѣи, дѣвица-человѣкъ и она понимаетъ, что разсыпали порохъ, не садится на *этотъ* палубъ. Зажгли этотъ порохъ, ихъ прибило. Дѣвица спаслась вверху. Прапоршикъ приказалъ оснастить этотъ корабль и отправился опять на этомъ же кораблѣ. Отправляся когда этимъ моремъ, дѣвица могла погубить у него солдатъ. Оглянулся прапоршикъ назадъ, половина полку *передъ нимъ* солдатъ, половины нѣтъ. Бѣжали много ли, мало-ли этимъ моремъ, оглянулся опять: одна треть только осталась *передъ нимъ* солдатъ. Третій разъ оглянулся, *передъ нимъ* осталось только два солдата. Въ четвертый разъ оглянулся, *передъ нимъ* нѣтъ никого. Приставилъ корабль къ берегу, пошелъ онъ сухимъ путемъ.

Нападаетъ Оплетало, воткнулъ свой носъ, начинаетъ изъ (н) его кровь пить и говоритъ солдату: „Солдатъ, неси меня въ самое теплое мѣсто". А солдатъ занесъ въ самое низкое мѣсто, холодное. Занесъ въ холодное мѣсто, Оплетало оборвался, съ солдата упалъ. Потомъ солдатъ побѣжалъ на побѣгъ, добѣжалъ до Сайтановской грани и

завернулся за столбъ. И Оплетало явился къ нему. И тогда рычалъ Оплетало солдату: «Завидишь домъ большой, не заходи въ него».

Солдатъ *не въ ослушаньи*, подходитъ къ дому и заходитъ въ этотъ домъ. И лежитъ Сайтанъ Сайтанычъ средь полу, стонетъ. „Ты что, Сайтанъ Сайтанычъ, стонешь"?—Я бился съ дѣвицей-богатырицей, она стрѣлой глазъ мнѣ вышибла. Не знаешь-ли, солдатъ, глазъ мнѣ лѣчить? „А знаю я лѣчить". „А чѣмъ же"? „Свинецъ есть у тебя"? Есть. „Неси дровъ, затопляй печь, накладемъ свинца въ чугунъ. Когда раскипится свинецъ и будемъ этой пѣночкой мазать этотъ глазъ, тогда ты будешь здоровый". Когда принесли дровъ, затопили печь и наклали полонъ чугунъ свинца. И поставили его въ печь; раскипѣлся свинецъ въ жидкость. „*Напа̀ріи* (инструментъ для верченія дыръ) есть"?—Есть „Принеси ихъ. И снасти есть»?—Есть. „Провертимъ на полу дыру, я тебя привяжу къ полу на крѣпко". Когда онъ принесъ *напа̀ріи*, на полу провертѣлъ дыру; принесъ снасти, притянулъ и его къ полу накрѣпко. И говоритъ солдатъ Сайтану: —„Потянись ото всей правды, утерпятъ—нѣтъ снасти? Сайтанъ потянулся, снасти не вытерпѣли, лопнули. Принесъ другія снасти. Притянулъ солдатъ его къ полу накрѣпко —„Потянись, Сайтанъ, не лги". Сайтанъ потянулся, снасти пріослабли. Солдатъ притянулъ снасти *сызно̀въ* (снова), привязалъ ихъ накрѣпко. Взялъ солдатъ чугунъ изъ печки и *чебурахнулъ* ему на глаза и выжегъ послѣдній глазъ. Потомъ солдатъ бѣжалъ изъ дому, угодилъ къ *яманамъ* *) въ сарай, подвязался солдатъ къ *яманамъ* подъ брюхо". Потомъ Сайтанъ *нѐ смогатъ* сердца, потянулся, снасти лопнули, и половицы выворотилъ. Кинулся въ сарай къ этимъ *яманамъ* искать солдата. И потомъ по одиночкѣ онъ ихъ искалъ и по одиночкѣ выпускалъ *ямановъ* изъ сарая. Выпустилъ когда онъ ихъ въ крѣпость, въ крѣпостѣ искалъ солдата, найти не могъ.—„Дай, я у крѣпости ворота отворю, по одному *яману* буду опускать; навѣрно, подвязался у *ямана* подъ брюхо". Видитъ, что *на умалѐньи* ямановъ въ крѣпостѣ, пнулъ одного *ямана* подъ ж.., *яманъ* скочилъ и остальныхъ *сблазнилъ* съ собой, кинулись всѣ и Сайтана могли сбить (сбили; разсказчикъ употребляетъ часто вм. прош. вр. глагола глаголъ мочь съ неопр. накл. того же перваго глагола) съ ногъ въ воротахъ. Когда онъ отвязался отъ *ямана* за крѣпостью; Сайтанъ ворота заперъ и залѣзъ солдатъ на крѣпость. „Теперь тебѣ меня, Сайтанъ, не поймать". Сайтанъ ему сказалъ:—„Дарю я тебя перочиннымъ ножомъ"!

*) „Яманъ", козелъ. В. Б.

Вынулъ изъ кармана и бросилъ ножикъ; воткнулся ножикъ носкомъ въ столбъ. Подошелъ солдатъ и приткнулъ безымянный перстъ къ этому ножику, и прикипѣлъ его перстъ безымянный. Взялъ свой ножикъ, подрѣзалъ перстъ, свой безымянный, *скричалъ* Сайтану: —„Эхъ, Сайтанъ, поймалъ ты меня теперь". Сайтанъ скочилъ, поймался за ножикъ и обрѣзалъ у себя перстъ. Сайтанъ и говоритъ ему: „Но, солдатъ, пожалѣю я тебя; пойдешь, завидишь домъ огромнѣйшій, не заходи *въ его*; живетъ дѣвица-богатырица, съ которой я воевалъ.—„Ты мужчина не могъ меня похитить, а ужъ женщина не похититъ".

Заходилъ въ этотъ домъ, въ домѣ не было никого. Стоитъ столъ и на столѣ всякія разныя кушанья наставлены. Солдатъ промялся и сталъ кушать. Вдругъ на улицѣ слышитъ сильный вѣтеръ, вышелъ изъ-за стола, спрятался въ скрытное мѣсто, подъ кровать. Потомъ дѣвица заходитъ: —„Да, у насъ русскій духъ есть. Кто есть, выходи"! Когда онъ вышелъ изъ-подъ кровати, *поздравствовался* съ дѣвицей. Она и говоритъ ему: —„Солдатъ, живи ты у меня! работа тебѣ не *чи*желая, когда я съ воинства прилечу, рубашка сжели въ крови, вымоешь: баню согрѣешь, вымоешь меня". Солдатъ остался *у ей* жить. Прожилъ съ годъ время и прижилъ младенца ей. Когда годовой былъ мальчикъ, нагрѣтъ былъ въ 30 ведеръ чанъ теплой воды. Мальчикъ подползъ къ этому чану, захватилъ за дужку рукой, могъ перевернуть (перевернулъ; см. выше) его кверху рукой. Солдатъ могъ устрашиться [устрашился], взялъ на руки, занесъ его въ домъ, посадилъ *середь* полу. Беретъ топоръ, отправился къ морю солдатъ и дѣлалъ себѣ плотъ. Успѣлъ солдатъ отъ берега отплыть 20 саженъ, дѣвица явилась къ нему на берегъ. Беретъ мальчишка, кладетъ на землю, на праву ногу наступила, за лѣву взяла, раздернула. Бросила къ нему на плотъ, плотъ пошелъ ко дну. Спихнулъ ногу, оглянувши назадъ, видитъ—мальчикъ *ползатъ* живой на берегу. Кричѣла дѣвица ему: Воротись, солдатъ, не бойся! что ты испугался? «Какъ мнѣ не бояться, когда годовой мальчикъ въ 30 ведеръ чанъ перевернулъ? возмужаетъ до совершенныхъ лѣтъ, тогда мнѣ никогда нельзя ему ничего сказать: можетъ одн*ѣмъ* щелчкомъ убить". Не смотрѣлъ на то солдатъ, а отправился по морю въ свою сторону. *Скричала* послѣдній разъ она ему: „Когда удѐрнетъ тебя подъ землю, на небольшое разстояніе, ты не смотри". *К*огда удѐрнуло его подъ землю, и сдѣлалась ему темнота; и выбросило изъ-подъ земли. Сдѣлалось ему скучно.

Бросилъ плотикъ у берегу, самъ пошелъ сухимъ путемъ. Попадался левъ-звѣрь ему *встрѣчь*.- «Солдатъ, садись на меня, увезу я тебя». Солдатъ успѣлъ

сѣсть на льва. Левъ лошелъ фуражкапала съ солдата. Стой, левъ! моя фуражка спала. — „Твоя, *гытъ*, фуражка осталась въ 30 верстахъ". Когда онъ его привозитъ куда ему нужно и говорилъ солдату: — „Придешь домой, не хвастайся мной. *Во*сударь васъ уволитъ, будете гулять съ товарищами, но не хвастай; если схвас*таешь*, жизнь я тебѣ кончаю". Солдатъ явился, всѐ предоставилъ. *Во*сударь нашъ обрадовался, уволилъ его въ домашнюю сторону, далъ ему награду, и онъ и говоритъ: — „Ваше Императорство Величество, позвольте мнѣ съ товарищами погулять". Когда сталъ съ товарищами гулять, во хмѣлю могли они всѣ расхвастаться. Этотъ же солдатъ и говоритъ, прапор*щикъ*: „Да что вы! Я ѣхалъ сюда на львѣ-звѣрѣ". Левъ стоитъ у окна. „Солдатъ, выйди"! Солдатъ кольву вышелъ на улицу. — Ты что? *гытъ*. Я тебѣ наказывалъ, а ты *схвасталъ*. „А не я схвасталъ". — А кто? — «Хмѣль». — Какой же есть Хмѣль? — „А вамъ нужно его узнать"? — Да, нужно. — „Зайдите къ намъ въ казарму". Зашелъ въ казарму левъ. Товарищамъ далъ денегъ. — «Возьмите водки хорошенькой съ ведерко». Товарищи взяли ведро водки, вылили въ посудинку и напоили его *) [illegible]. Приказалъ товарищамъ опутать его тонкой проволокой. — «Привяжите его куда-нибудь на высокое мѣсто, чтобъ онъ не могъ пасть, но как*у* нибудь хоть козлину". Подняли товарищи на козлину высоко отъ земли и привязали высоко, чтобъ онъ не могъ пасть. Левъ *проснулся* отъ сна. — Я гдѣ? Солдатъ говоритъ: — Я не знаю гдѣ. „Да всѐ таки гдѣ"? Солдатъ взглянулъ вверху. — „Вонъ вы гдѣ! Вы какъ сюда попали"? — А я не знаю, какъ попалъ. — Потомъ сняли его *оттудовъ*. Сняли льва. — Вы — упутаны тонкой проволокой: это васъ хмѣль *у*путалъ; вы не вѣрили мнѣ; а теперь, можетъ, повѣрите? — «Да, солдатъ, я повѣрю, что не ты хвасталъ, а Хмѣль». Левъ могъ уйти [т. е. ушелъ], и покончилась вся наша присутствія.

---

27. О Иванѣ Крестьянскомъ сынѣ. *)

Жилъ онъ у крестьянина три года въ работникахъ. Онъ его женилъ. Поставилъ ему избенку, далъ ему лошадь, корову, Отдѣлилъ его *въ особ*ю (вм. нарѣч. особо) въ эту избенку. Во время весны выпускалъ скотину на волю. Лошадь пошла въ степь, ее похитилъ звѣрь. Корова его пошла по мосту, пала съ мосту, убилась. Ч*и*ризъ (вм. черезъ) полгода

*) Льва
*) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ, Барн, у.

померла его жена. Обратился Иванъ назадъ къ хозяину къ старому, у котораго жилъ. Въ годъ жалованья получалъ 100 цѣлковыхъ. Вырядилъ изъ трехъ табуновъ себѣ самаго лучшаго коня и двойную *одёжу* *): одна праздничная, друга будничная. Годъ прожилъ онъ, *поймѣлъ* себѣ расчетъ. Приказалъ хозяину пригнать первый табунъ. Пошелъ къ себѣ [т. е. себѣ] коня выбирать. На котораго коня руку накинетъ, не можетъ устоять, падаетъ себѣ на колѣни. Второй табунъ пригнали. Шелъ по табуну, выбрать тоже не могъ: на котораго коня руку накинетъ, падаетъ себѣ на колѣни. Третій табунъ пригнали. Пошелъ выбирать. Выбралъ себѣ коня бураго, ударилъ рукой, и конь не *здрожалъ* подъ его рукой. Выводилъ коня, надѣвалъ *тесмёную* уздечку, накидывалъ *пòтники* на *пóтники*, сверхъ *потниковъ* сорочинскіе ковры. Накидывалъ черкацкое сѣдло, подтягалъ 12 подпругъ шелковыхъ. Не ради *басы* **) (красоты,- рѣдко употребляющееся существительное; того же корня обиходное прилагательное -баскій, басче, т. е. красивый,-ѣе), а ради богатырской крѣпости. Съ хозяиномъ распростился, а на коня садился. Отправился въ поле Иванъ-Крестьянскій сынъ.

Ѣздилъ по полю, ѣзжалъ въ тайгу.

Серѐдь тайги стоитъ *слань*, середи *слани* горитъ огонь. Въ огнѣ ходитъ человѣкъ. Не допускало Ивана-Крестьянскаго сына за 3 версты къ этому огню. *Скричалъ* человѣкъ Ивану-Крестьянскому сыну: „Выручи меня изъ огня"!—Какъ я тебя выручу, когда меня за три версты не подпускаетъ къ нему. „Ты мнѣ руку протяни". Когда онъ руку протянулъ ему, онъ поймался черезъ три версты за руку. Овернулся змѣей, обвился ***). вокругъ Ивана Крестьянскаго сына шеи. Иванъ-Крестьянскій сынъ сказалъ: «Господь не велитъ мнѣ въ поле ѣздить, шататься». Обратился онъ *оттубовъ*. Поѣхалъ изъ тайги. Запутавши дорогами, уѣхалъ не ладно, не той дорогой. Завидѣлъ домъ огромнѣ*шшій* и вокругъ дому крѣпость. Подъѣхалъ къ воротамъ, въ воротахъ пробои, виситъ замокъ въ два пуда. Спустился Иванъ-Крестьянскій сынъ со своего коня, подошелъ къ воротамъ, повернулся на всѣ четыре стороны—какъ попасть въ эту крѣпость. Повернулся къ воротамъ, замка не стало, отворилъ ворота. Зашелъ въ крѣпость, стоитъ дубовый столбъ, и въ немъ златое кольцо; у столба стоитъ дубовая колода, полнáя бѣлáй *рыбишины* ****)

---

*) Удареніе на ѐ.
**) Удареніе на ы.
***) Удареніе на я.
***) Удареніе на ы. Бѣлояраго пшена?

«Я, *гыть*, никому не спрашивалъ и никому не приказывалъ, своего добраго коня привязывалъ". и *Забы*" *) мой добрый конь, сколько въ тебя влѣзетъ"! Подошелъ ко крыльцу, двери зачерты, виситъ въ полтора пуда замокъ. На всѣ четыре стороны повернулся, смотрѣлъ, какъ въ эти двери попасть. Какъ обратился опять къ этимъ дверямъ, замка нѣтъ. Зашелъ въ эту комнату, обошелъ, сѣлъ въ комнатѣ. Сидѣлъ много время, не могъ дождаться къ себѣ никого. Пошелъ по комнатамъ. Въ каждомъ этажу ихъ 24 комнаты. Обошелъ всѣ комнаты, себѣ пищи не могъ найти. Зашелъ во второй этажъ, обошелъ всѣ 24 комнаты, но тоже себѣ не нашелъ пищи и ничего не видалъ. Обратился назадъ въ ту же комнату, въ которую по первому разу зашелъ. Сѣлъ на лавку, задумавши повѣсилъ свою буйную голову ниже могучихъ своихъ плечъ. Сказалъ: «Господи! Что я буду *есь*»? Глянувъ въ передній уголъ, стоитъ столъ дубовый, на столѣ шелковый *настольникъ* и всякія разныя кушанія наставлены. И думалъ самъ себѣ—гдѣ руки умыть? Взглянулъ когда подъ порогъ, виситъ златая рукомойка, подъ рукомойкой серебряный тазъ. Подошелъ къ рукомойкѣ, умылъ руки.—«Чѣмъ же я утру»? Взглянулъ впередъ, виситъ шелковое полотенце. И онъ:—«Жалко мнѣ этимъ полотенцемъ руки утирать». Вынималъ изъ кармана платокъ, утиралъ свои руки. Въ тотъ разъ человѣкъ проговорилъ ему:—„Для тебя повѣшено полотенце, утирай имъ руки". Никого онъ не видалъ. Садился Иванъ-Крестьянскій сынъ за столъ хлѣбъ-соль кушать, въ половинѣ выйти, увидалъ подъ порогъ, лежитъ человѣкъ на дубовой кровати, подъ соболинымъ одѣяломъ. Вышелъ Иванъ-Крестьянскій сынъ изъ за стола.—Извините, господинъ *хозяинушка* я безъ спроси сѣлъ за столъ, хлѣба-соли кушать.—«Кушай, Иванъ-Крестьянскій сынъ! для тебя поставлено и для тебя приготовлено». Хозяинъ сталъ говорить Ивану-Крестьянскому сыну: „Наймись ко мнѣ въ работники. Знаю: у такого крестьянина жилъ ты три года, дѣлалъ ты вѣрно, и честно, и хорошо". *Дакъ* что? Можно нанятся". Сколько жалованья возмете въ годъ? Работа моя *ни чежёла*: во время вечера въ три комнаты дровъ принести, поутру на дворѣ вымести, гусей поутру на улицу выпустить изъ крѣпости. Сколько же ты возьмешь въ годъ"? Возьму я 90 рублей. «Я и хлопотать не буду, дамъ и 90 рублей». Нанялся Иванъ-Крестьянскій сынъ въ работники, не увидалъ своего хозяина, неизвѣстно куды дѣвался. Жилъ Иванъ-Крестьянскій сынъ цѣлый годъ, никого онъ себѣ не видѣлъ изъ хозяевъ. Пища была готовая, по-

---

Ударение на и В. Б. „Зобить", жевать. Г. П.

стеля для него была постлана, никого онъ не видѣлъ. И потомъ было ему скучно цѣльный годъ. Годъ его покончился. Сидѣлъ за столомъ Иванъ-Крестьянскій сынъ и думалъ себѣ:—„Хозяинъ бы явился, я бы расчитался *съ нимъ*, не сталъ больше жить". *Взглянулъ* же подъ порогъ: на той же кровати подъ соболинымъ одѣяломъ лежитъ его хозяинъ.— Господинъ хозяинъ, подайте мнѣ расчетъ, больше жить я не желаю, мнѣ жить у васъ скучно, я одинъ.—„Живи ты второй годъ".—Нѣтъ, мнѣ скучно у васъ жить второй годъ: я не вижу никого.—„Какъ не видишь? У меня семейство большое. Наймись во второй годъ, прикажу своему семейству одинъ разъ въ годъ оказываться тебѣ, тебѣ будетъ жить у меня веселѣе". Нанялся Иванъ-Крестьянскій сынъ во второй годъ у его. Когда онъ жилъ второй годъ и не видѣлъ передъ собой никого изъ хозяевъ Было ему скучно. При окончаніи его года сидѣлъ за столомъ, обѣдалъ и думалъ:—«Былъ бы у меня хозяинъ, расчитался бы я съ нимъ и жить бы у него не сталъ, мнѣ жить у него скучно". Появился хозяинъ на той же кровати, на какой раньше былъ, подъ соболинымъ одѣяломъ.—«Господинъ хозяинъ, подайте мнѣ расчетъ, больше жить я у васъ не хочу». Хозяинъ повелъ его въ кладовую, отворилъ *ящикъ*, подалъ ему розову ситцу [род. п.] рубашку.—«Надѣвай эту рубашку, будешь хитрый и сильный, и никакой съ тобой богатырь не можетъ состоять". Подастъ ему сашку (шашку.)» —„На, вотъ сашку. Сашка хитрая: воткни её въ землю, всякій звѣрь соберется и будетъ весь покорный. И подарю я тебѣ сумку, безпрожитный капиталъ: сколько тебѣ нужно, трясешь эту сумку, и столько выпадетъ изъ её капиталу. Поѣдешь въ Грузію, будешь жениться, помяни меня". Иванъ заѣдлывалъ коня и отправлялся отъ своего хозяина.

Пріѣзжалъ въ Грузію, выпросился къ мѣщанину на квартиру. Поутру слышитъ: въ барабаны пробили, изъ пушекъ выпалили, и онъ спрашиваетъ своего хозяина: Это что у васъ за трелога (тревога)?—„Стоитъ въ полѣ *рай-сила* [очевидно, рать-сила], Кощей Безсмѣртный. Кощей Безсмѣртный пишетъ нашему Грузинцу письма: Отдай, *гыть*, свою дочь за меня *взамужъ*. Ежели ты ге отдашь за меня свою дочь *взамужъ*, весь городъ спалю, а народъ побью и тебя въ полонъ возьму. Изъ-за того нашъ Грузинецъ въ барабаны пробилъ, изъ пушекъ выпалилъ: *призыскивать* себѣ *защитника*. Кто можетъ насъ защитить"? Иванъ-Крестьянскій сынъ заѣдлалъ коня, накидывалъ *потники* на *потники* и коврики на коврики, сверхъ ковровъ сорочинскіе. Накидывалъ сѣдло черкацкое, подтягалъ 12 подпругъ шелковыхъ, не ради *басы* *), а ради богатырской крѣпости. Садился на коня, ударялъ ко-

*) Удареніе на ы.

ня по бедрамъ. Конь осерчалъ (осердился; срв.: съ сердцовъ), подбѣгалъ къ царскому дворцу, во крѣпости, перескакивалъ черезъ его крѣпость. Перескочилъ черезъ крѣпость къ парадному крыльцу. Государь стоялъ на балконѣ, увидалъ, спустился съ балкону, подходитъ къ Ивану-Крестьянскому сыну. „*Откуль* вы есть, какихъ родовъ, какихъ городовъ? *Откудовъ* ты взялся сюда"? Иванъ-крестьянскій сынъ спрашивалъ его, Грузинца:—Что есть у васъ за тревога, Ваше Императорство Величество?— „Да напираетъ Кощшей Безсмѣртный на меня, стоитъ его рай-сила въ полѣ. Беретъ мою дочь силомъ за себя взамужъ, я не отдаю. Кощшей Безсмѣртный пишетъ мнѣ-ка записку: Отдай, гнусь, свою дочь за меня взамужъ. Ежели ты не отдашь за меня свою дочь взамужъ, весь городъ прижгу, народъ побью, а тебя въ полонъ возьму. Отсего я и въ барабаны пробилъ, изъ пушекъ выпалилъ,—призыскиваю, кто можетъ меня защищитить, Если изъ холостыхъ людей, хочетъ жениться, я за того мою дочь отдамъ, но не желаю отдать за Кощшея Безсмѣртнаго. Выдамъ дочь взамужъ, половину своего царства, при смерти на всѣ царство". Иванъ-Крестьянскій сынъ соглашался его защищщать и говоритъ Грузинцу: „Пойдемъ въ сенатъ, сдѣламъ документы*), безъ денегъ я не согласенъ». Отправлялись въ сенатъ, собирали сенаторовъ, министровъ и думщщиковъ (вездѣ *щ* произносится какъ двойное *ш*)—совѣтниковъ. Думы думали и совѣты совѣтовали, что отдать твою дочь за него взамужъ, за Ивана-Крестьянскаго сына. Бралъ Иванъ-Крестьянскій сынъ себѣ документъ, садился на коня и отправился въ поле, гдѣ стоялъ Кощшей Безсмѣртный и его рай-сила.

Отправлялся Иванъ-Крестьянскій сынъ къ нему. Конь бѣжалъ грядущей спуньо. Кощшей Безсмертный говорилъ:—«Посланника послалъ Грузинецъ, вздумалъ свою дочь за меня взамужъ отдавать». *Скричалъ* Иванъ-Крестьянскій сынъ громкимъ голосомъ: «Я вамъ дамъ посланецъ»! У Кощшея Безсмѣртнаго стоитъ богатырь въ его рай-силѣ. Его глава, какъ пивной котелъ, его трупъ какъ 25 коцѣнъ, стогъ сѣна. Выступалъ его богатырь впередъ рай-силы, защищщить свою силу. Иванъ-Крестьянскій сынъ *скричалъ* громкимъ голосомъ ему, его богатырю: Пойдемъ на поединокъ мы съ тобой.— «*Насколь* ты согласенъ разбѣжаться»? Иванъ Крестьянскій сынъ рычалъ»: „Разбѣжимся мы съ тобой на 25 верстъ, на половинѣ чтобъ намъ съ тобой сбѣжаться". Не могъ переспонить Кощшея Безсмѣртнаго богатырь Ивана-Крестьянскаго сына. Разбѣжались на 25 верстъ другъ отъ друга, сбѣжались на половинѣ, ударились между собой; ударъ сдѣ-

*) удареніе на у.

лался между *имя* **) какъ при сильномъ громѣ. Иванъ-Крестьянскій сынъ поднялъ сашку кверху, ударилъ Кошшея Безсмѐртнаго богатыря сверху до низу, развалилъ какъ двѣ сумы. Поѣхалъ Иванъ-Крестьянскій сынъ въ его силу. Не столько Иванъ-Крестьянскій сынъ билъ ихъ армію, какъ конь ихъ топталъ. Побилъ всю силу. Кошшея Безсмѐртнаго бралъ себѣ онъ въ *полòнъ*, привязывалъ къ себѣ въ *тороки* Пріѣзжалъ ко Грузинцу. Грузинецъ сидѣлъ на балхонѣ, смотрѣлъ на (н)ихъ въ подзорную трубу. Грузинецъ спустился къ Ивану-Крестьянскому сыну на полъ, бралъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ его въ уста. «Вѣчный ты, *гытъ*, будешь нашъ зашшитчикъ». Спрашивалъ Иванъ-Крестьянскій сынъ:—Ваше Императорство Величество, куда его прикажете дѣвать—Кошшея Безсмёртнаго? Прикажете сказнить *али* въ тюрьму посадить или на волю опустить?— „А власть-воля ваша: вы взяли въ *полонъ* и куды хотите, его дѣвайте". Иванъ-Крестьянскій сынъ говоритъ:—«Посадить его въ тюрьму». Посадили Кошшея Безсмертнаго въ тюрьму. Выдавалъ Грузинецъ свою дочь за Ивана-Крестьянскаго сына взамужъ. Всѣ мы пиры—бесѣды отвели съ Иваномъ-Крестьянскимъ сыномъ. Сдалъ Иванъ-Крестьянскій сынъ Грузинцу половину государства. Черезъ годъ время Грузинецъ сдѣлался нездоровъ. Сталъ помирать Грузинецъ, на все царство его опредѣлилъ.

Когда Иванъ-Крестьянскій сынъ завѣдывалъ полками, арміями и ѣздилъ смотрѣть ихъ, въ тотъ разъ выпускала Кошшея Безсмертнаго Ивана-Крестьянскаго сына жена къ себѣ въ комнату. Кошшей Безсмёртный улешшáлъ (вм. улещалъ) его жену:— „Узнай, кака(я) хитрость и кака(я) мудрость *въ ѐмъ* и велúка, нѣтъ его сила"? Какъ же я узнаю *въ имъ*, когда онъ не сказываетъ вправды? Водки онъ не пьетъ.—„Вы сварите пьяное пиво, угостите его пьянымъ пивомъ, можетъ вамъ всю правду разсказать". Когда она устроила пьяное пиво, пріѣхалъ домой онъ. Стала говорить ему: —«Милочка ты мой, выпой стаканчикъ пивца; васъ, *гытъ*, растрясло, когда вы ѣздили, *съ устатку*». И онъ выпилъ стаканъ пива, распустило его. Навѐливала (вм. навяливала) она другой. И начинала его выспрашивать: Скажи мнѣ всю истинную правду: кака въ тебѣ сила, кака въ тебѣ мудрость? Полки, арміи пропитываешь, изъ Банки денегъ не берешь. Гдѣ ты берешь эту сумму? „Ахъ ты, дура! Волосы долгú, умъ коротòкъ. У меня вотъ есть сумочка, и я тряхну сколько мнѣ надо, столько и выпадетъ; сашка такая, что воткни ее въ землю, всякій звѣрь соберется и

**) Удареніе на я.

будетъ весь покорный; рубашка моя такая, что никакой со мной богатырь не можетъ состоять. А если рубашку скинуть мнѣ, трехлѣтній мальчишка оборетъ". Та и думать сама себѣ:—„Постой, ты такой, будешь мой". Заказала мастерамъ сшить такую рубашку подъ низъ этой, что котора(я) на имъ. Мастерамъ заказывала сашку отработать, подъ низъ той, котора(я) была *на гимъ*. Сумочку тоже поддѣлать подъ низъ такой же. Когда онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, она снимала съ него рубашку и сашку, и сумку, надѣвала все поддѣльное. Когда онъ *проснулся* ото сна, задумалъ на гулянье. Въ собраньи много было купечества и много было начальства, и было много нищиеты. „Проспи милостыню у Ивана Крестьянскаго сынона" Падѣялся на свою сумку, тряхнулъ, изъ ее *ничё* *) не выпало. Было 20 копеекъ въ брюкахъ, только ихъ подалъ. Смогадался когда Иванъ Крестьянскій сынъ, что дѣло выходитъ у насъ худо. Задумался, обратился онъ съ гулянья обратно назадъ. Заходилъ въ комнату; Кощшей Безсмѣртный сидитъ съ его женой рядомъ. Она ему приказывала: «Руби его»! Кощшей отвѣтилъ напротивъ ей: „Когда онъ меня не зарубилъ, и я его не согласенъ". Ухватила сашку, пересѣкла своего мужа *напополамъ*. Приказала она ему, своему дворепкому, приложить его трупа въ сумы и привязать къ коню, опустить его въ поле. Конь ходилъ въ полѣ много время. Червь завелся, источилъ мясо, остались одни кости.

Коню пало на умъ, что «отправлюсь, *гыть*, къ старому хозяину, у котораго жили». Прибѣжалъ къ хозяину во время вечера къ воротамъ, стучалъ у воротъ. Хозяинъ выходилъ на улицу, не призналъ этого коня, взялъ за поводъ, заводилъ во дворъ, ставилъ его на конюшню. Сумы занесъ, положилъ въ кладову(ю). Что въ ихъ *бречи́ть*? Откудова конь бѣжалъ? Помѣшкалъ до утра, утромъ пошелъ смотрѣть эти сумы, приносилъ себѣ въ комнату. Тряхнулъ сумы, выпали кости. «Что онъ плохо сдѣлалъ? Я ему наказывалъ: Поѣдешь въ Грузію, будешь жениться, что помяни, *гыть*, ты меня, а онъ не помянулъ. Глупо онъ сдѣлалъ, *али* онъ обрадовался, что царскую дочь беру за себя взамужъ»? Подбиралъ кости, косточка къ кости, а суставъ къ суставу, исцѣлялъ Ивача-Крестьянскаго сына. Выводилъ его коня за ворота, за крѣпость, распарывалъ его брюхо, вывалпвалъ его (в)нутренно ть. Прилеталъ воровъ съ воронятами, садились на эту *уноть* **). Воронъ говоритъ: «Обманъ». А воронята: «Харчъ». Не обробѣлъ хозяинъ, поймалъ

*) Удареніе на ѣ.
**) Падь, падаль. Г. П.

вороненка къ себѣ въ руки. Воронъ отвѣчалъ: «Опусти ты, добрый человѣкъ, мое дитя».—А что тебѣ жалко развѣ его? «Какъ же мнѣ не жалко свое дитя»? А если жалко, принеси мнѣ живой воды. «А дай мнѣ пузырь, привяжи, а сроку мнѣ дай на трое сутокъ». Подалъ онъ ему пузырь, воронъ отправился неизвѣстно куда за живой водой. Принесъ ему живой воды. Этотъ же хозяинъ беретъ вороненка, разрываетъ, (в)спрыснулъ этой водой вороненка. Вороненокъ (в)спорхнулъ, полетѣлъ. Хозяинъ сказалъ, что это, *гытъ*, правда. Валилъ (в)нутренность въ коня, сложилъ какъ слѣдующимъ порядкомъ, (в)спрыснулъ по трехъ разъ этого коня: конь соскочилъ на ноги. Заводилъ коня на конюшню, припускаетъ коня къ бѣлоярой пшенѣ. Заходилъ въ комнату, гдѣ работниковы кости *) лежатъ, начиналъ водой (в)спрыскивать. (В)спрыснулъ первый разъ водой—кости начали срастаться, во второй разъ (в)спрыснулъ—стало мясо *на гмъ* нарастать, въ третій разъ (в)спрыснулъ—сдѣлался онъ исцѣленый. Въ четвертый разъ (в)спрыснулъ—сѣлъ на ж..., перекрестился.—О, я сколь долго спалъ! „А ежели не я, ты бы вѣчно спалъ. Теперь поѣдешь въ Грузію, во второй разъ будешь жениться, помяни меня". Заводилъ его въ кладову, отворялъ *яшшикъ*, подавалъ рубаху розов*у* ситц*у*, подавалъ *сашку* еще хитр*еня* и мудр*еня* **) той, подавалъ сумку еще хитр*еня* и мудр*еня* же той. Работникъ распро*шшался* со своимъ хозяиномъ, отправился въ Грузію *вобратно*, гдѣ былъ.

Пріѣзжалъ въ Грузію, выпро*шшался* ко старымъ людямъ на квартиру. Старичекъ выспрашивалъ его: откуловъ какой? правды онъ ему не сказывалъ.—Какимъ ремесломъ занимаешься? «Я, *гытъ*, сапожникъ. *Призыскиваю* себѣ мѣсто; кто бы меня принялъ, я бы до смерти старыхъ людей доволилъ, докормилъ». Старикъ ему говоритъ: „Ты, дитя, живи у меня: доноишь и докормишь ты насъ до самой смерти". Остановился онъ у нихъ жить. Пошелъ на базаръ, купилъ себѣ товару шить сапоги. Отводили ему комнату *особливо* ***). Сидѣлъ онъ въ комнатѣ, шилъ себѣ сапоги, но только товаръ изрѣзалъ, бросилъ неизвѣстно куда. На базаръ пошелъ, купилъ въ 15 рублей готовы сапоги. Передаетъ своему отцу названому: „Неси, тятенька, эти сапоги въ базаръ, продай, на *пишшу* намъ будетъ". Назначилъ цѣну онъ ему 15 рублей. Когда онъ понесъ въ базаръ и продалъ эти сапоги. Старикъ былъ радехонекъ, что добыли денегъ: „На *пишшу* намъ хватитъ". Потомъ сынъ говоритъ названому сво-

*) Т. е. кости Ивана-Крестьянскаго сына.
**) Ударе́ніе на я.
***) Ударе́ніе на и.

ему отцу: „Тятенька, съ завтрашняго числа, поутру, появится конь у *коновяза*, хвостъ и грива въ сѣребрѣ, изъ роту пламя пышетъ, изъ ноздрей искры сыпятся. изъ ушей дымъ столбомъ идетъ. *Тесмёная* (т. е. тесемная) уздечка *на нимъ*. Веди этого коня продавать *мимо* царскаго дворца, въ то время, когда нашъ восударь сядетъ *) чай кушать". Старикъ повелъ коня продавать *мимо* царскаго дворца. *Восударь* сѣлъ подъ окномъ, чай кушалъ. Увидѣлъ этого старика.—Старикъ, продай мнѣ коня".—„Купи".— Сколько за его?—„100 рублей".—Съ уздой?—„Пять, безъ узды". Жена его спдитъ и говоритъ:—„Набавь 50 рублей, купи его съ уздой".Онъ говоритъ:—„Старикъ,я тебѣ еще 50 набавлю, отдай съ уздой".Старикъ думаетъ:—„50 цѣлковыхъ мнѣ сгодится".Завели когда коня въ крѣпость, конюхи взяли, заводили въ конюшню. Послѣ обѣда Грузинецъ говоритъ кучеру: «Заложи коня новокупленаго,узнать его, каковъ онъ есть».Его жена и говоритъ:—„Это развѣ конь"?—А кто? „Это злодѣй нашъ".—А что будемъ дѣлать?—„А приказать надо конюхамъ его зарѣзать".Дѣвка-чернавка услыхала *ихни* рѣчи, отправилась на конюшню.—Ахъ, ты конь, ты конь предобрый: тебя рѣзать *хочутъ*.—„Ты ворочи меня отъ смерти".—Какъ я тебя ворочу отъ смерти? Конюха пойдутъ рѣзать".— «Возьми полведра воды,принеси и стань во двери.Придя на море, выплесни эту воду совсѣмъ съ моей кровью и на море не смотри». Когда онъ ушелъ съ этого моря, приходитъ къ своему отцу названому. Отецъ его спрашивалъ: Гдѣ ты былъ, сыночекъ?—„Пошелъ я на базаръ, сошелся съ товарищами и выпили маленько, и я запоздалъ и не пошелъ поздо домой". Прожилъ съ недѣлю время, своему названому отцу и говоритъ: „Завтрашняго числа поутру явится конь еще лучше того: хвостъ, грива—въ золотѣ и по колѣнъ ноги въ серебрѣ. *Изъ роту* пламя пышетъ, изъ ноздрей искры сыпятся, изъ ушей дымъ столбомъ идетъ. Проси за (н)его 150 рублей безъ узды, а съ уздой не отдавай". Сталъ поутру, видитъ—у *коновязу* стоитъ конь, дѣйствительно такой, какого онъ сказалъ. Повелъ этого коня въ то время, когда *восударь* сѣлъ чай кушать. Спрашивалъ этого старика:—„Старикъ, продай мнѣ коня—Купи.—Сколько *за его*?—150 рублей.—Съ уздой?—Нѣтъ, безъ узды.—Жена говоритъ: „Давай 200 да съ уздой,а безъ узды не бери". Старикъ согласенъ былъ отдать за 200 рублей. Завели его въ крѣпость, передали коня, конюхи берутъ этого коня, ведутъ на конюшню. После обѣду *у* король говоритъ кучеру:—«Заложи коня *новокупленаго*, узнать его, каковъ онъ есть».Его жена и говоритъ:—„Это развѣ конь?—А кто?

*) Удареніе на ѣ.

ело — злодѣй нашъ. — А что будемъ дѣлать?— А приказать надо конюхамъ его зарѣзать. — Дѣвка-чернавка услыхала ихни рѣчи, отправилась на конюшню. — Ахъ ты, конь ты, конь предобрый! тебя рѣзать хочутъ. — Ты вороти меня отъ смерти. — Какъ я тебя ворочу отъ смерти! Конюха пойдутъ рѣзать. — «А будутъ меня рѣзать, надѣнь платьишко худенько(е) на себя и стань во дверп, конюха будутъ въ кровь марать, ты какъ будто не будешь даваться, а сама больше моей крови намотай. Сними платье и закопай подъ то окно, подъ которымъ окномъ они сидятъ, чай кушаютъ". Дѣвка-чернавка закопала подъ окно, подъ которымъ окномъ они сидятъ, чай кушаютъ. Черезъ сутки выросла яблонь, отцвѣла яблонь, онъ сѣлъ чай кушать. Яблонь сорвалась съ яблоневаго дерева и прямо къ нему *) на окно. Онъ взялъ эту яблоку: Я, гыть, ее съѣмъ. — Нѣтъ, не ѣшь, то ты лопнешь. — А что дѣлать надъ гимъ? — Приказать надо конюхамъ сѣчь его. — Дѣвка же чернавка услыхала ихни разговоры и прибѣжала къ яблоневому дереву. — „Ахъ ты, яблоневое дерево, молодое, тебя рубить хочутъ". Яблоневое дерево отвѣчало дѣвкѣ-чернавкѣ: Вороти меня отъ смерти. — Какъ я тебя ворочу отъ смерти?" Конюхи пойдутъ рубить, и прядя въ то время, стань ко мнѣ. Зарубятъ первую коровку, первая коровка отлетитъ къ тебѣ взапазуху. Обратись отъ (п)его, иди на море и брось эту коровку на море. Увидишь, что на морѣ будетъ дѣяться, придешь домой, не сказывай». Когда бросила она коровку, дѣвица, на море, и смотритъ, видитъ, что золотопёрый селезень поплылъ отъ берегу. Приходитъ домой дѣвица, ничего не сказываетъ. Кошшей же Безсмёртный беретъ дворецкаго послѣ обѣда, отправляется на охоту. И видитъ, этотъ селезень плаваетъ у берегу. Жалко имъ стрѣлять. — „Дворецкій, поймали мы селезня живого"! Раздѣлись до-нага, спустились въ море, имать этого селезня. Поплыли за селезнемъ. Селезень какъ будто уплыть отъ нихъ не можетъ, они его догнать не могутъ. Выманилъ ихъ на глубь селезень, нырнулъ въ море. Селезень — обратно къ берегу, вышелъ на берегъ, сдѣлался человѣкомъ. (В)екричалъ имъ: — „Кошшей Безсмёртный, выходи теперь ко мнѣ на берегъ"! Кошшей Безсмёртный поворотился лицомъ къ берегу, видитъ, что онъ стоитъ на берегу. Дѣться имъ некуда, вышли на берегъ. — Ты, „Кошшей Безсмёртный, откуль ты пришелъ, а туды ступай, штобъ тебя не было въ моемъ государствѣ". Кошшей Безсмёртный одѣлся и пошелъ въ домашнюю свою сторону.

*) Къ царю Грузинцу? Или къ Кощею, съ которымъ живетъ дочь Грузинца?

Иванъ-Крестьянскій сынъ беретъ своего дворецкаго, идетъ домой; приходитъ домой, жена увидала его, что мужъ её идетъ. —Ахъ ты, мой милый мужъ, я по тебѣ соскучилась. Гдѣ ты долго былъ? «Да, ты соскучилась добро̀, обо мнѣ»! Отправлялся Иванъ-Крестьянскій сынъ въ сенатъ. Собиралъ себѣ сенато̀ровъ, министровъ и *думшшиковъ*—совѣтниковъ. Сенато̀ры и министры, и *думшшики*-совѣтники собирались и совѣтъ совѣтовалд, что отъ своей жены получалъ столько смертей, куды её дѣвать?—и *думшшики* совѣтники думу думали.—А что царскія лица не казнятъ, не вѣсятъ. «Какъ, почему не не казнять, не вѣсятъ? Сколько я смертей принялъ отъ своей жены! А вотъ что, сенато̀ры, министры, *думшшики*-совѣтники: посадить её на ворота, разстрѣлять изъ 12 *мушкета̀нтовъ* и сдѣлать её какой *простакишей»* (простоквашей). Посадили на ворота, разстрѣляли его жену и точно такъ сдѣлали её *простакишей.* *) Собиралъ сенато̀ровъ опять, министровъ и *думшшиковъ*-совѣтниковъ—думу думать, совѣтъ совѣтовать: у кого дочь за себя взамужъ взять? У того прынца, у того прынца дочь хороша. «Нѣтъ, мнѣ ни у кого не надо, ни у какихъ прынцовъ. У насъ есть дѣвка-чернавка, котора(я) ворочала меня много разъ отъ смерти, я её желаю взять». Сенато̀ры, министры, *думшшики*-совѣтники говорили: Нельзя такимъ лицамъ, что изъ простого *народія*, за себя взамужъ взять. „А можно взять, ничего“. Когда присовѣтовали, что её, дѣвку-чернавку, взять замужъ. Взялъ эту дѣвку за себя взамужъ. Когда во время *пригулянки* помянулъ своего стараго хозяина. Хозяинъ къ ему явился. «Что, *гыть*, вспомянулъ стараго хозяина»? Имѣлъ съ имъ разговоръ, а видѣть его никто не видѣлъ. Ну, тогда онъ его благословилъ: Живите, *гыть*, благополучно!

28. О Невидимомъ **) государствѣ. ***)

Былъ купеческій сынъ. Пошелъ на корабельную пристань. Корабельщшики собираются въ иное королевство торговать разными всякими товарами. Обращался онъ къ своему папашѣ: Благослови меня, папаша, въ иное королевство сбѣгать, разными товарами поторговать.—„Куда ты, малый *вьюношъ*, поѣдешь въ иное королевство? Унасъ дома идетъ орговля хорошая“. Не могъ отвязаться отъ своего сына. Благословилъ его

*) Удареніе на и.
**) Удареніе на второмъ и.
***) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ, Барнаульскаго у.

въ иное королевство товаромъ торговать. Нагружаетъ корабль разными товарами, отправляется купеческій сынъ въ иное королевство торговать. Бѣжалъ много-ли, мало время моремъ, поднялась буря-погода, разбила *ихній* корабль. Угодилъ онъ на корабельную доску, повыкачало его на островъ. Жилъ онъ трое сутокъ на этомъ островѣ. Видитъ во время вечера въ удаленіи [отдаленіи] идетъ корабль. И потомъ разложилъ онъ огонь на берегу. Корабельщики увидали огонь. «Что такое? Сколько лѣтъ ходимъ мимо этого острова, не видали никогда *на имъ* огонь». Поровнялись съ этимъ островомъ, остановили корабль, сѣли въ легкую шлюпку и выѣзжали къ этому острову въ легкой шлюпкѣ. Спрашивали его: Какой ты есть тутъ человѣкъ? „Я находился у купца въ поварахъ, шли моремъ, расшибло нашъ корабль, угодилъ на корабельную доску, меня повыкачало на островъ". Берутъ его къ себѣ, везутъ ка корабль. Корабельный хозяинъ принялъ его къ себѣ. *Когда* онъ поступилъ на старое мѣсто поваромъ (когда вм. тогда). Поваръ у ихъ былъ нездоровъ. И бѣжали они много-ли, мало-ли время этимъ же моремъ, и потянуло ихъ въ морскую пучину. И когда они *ничто* не могли сдѣлать, притянуло въ морскую пучину. Появился столбъ каменный, огромнѣ*ишій*. И видятъ, вокругъ столба всякія разныя *балясы*. Корабельный хозяинъ выходилъ, спрашивалъ своихъ рабочихъ: „Кто желаетъ на этотъ столбъ влѣзти, узнать, что *на имъ дѣется*?" Потомъ рабочи [е] *упреждать* стали: „Мы, господинъ хозяинъ, нанимались не по столбамъ лазить, а на кораблѣ работать". Вызывалъ найдёнаго *) человѣка „Идя на этотъ столбъ, узнай, что тамъ *дѣется*".—„Ахъ, господинъ хозяинъ, я поступилъ къ тебѣ на корабль не по столбамъ лазить, а въ поварахъ, вамъ кушанья готовить". „А ежели не пойдешь, я прикажу тебя въ море бросить"! И онъ *удумывалъ* самъ себѣ: „Что если не пойти, бросятъ въ море; лучше гибнуть на сухомъ пути".—„Уснастите на этомъ столбу, половча *штобъ* можно было залѣзти"! Когда уснастили на этомъ столбу, найденый человѣкъ залѣзъ Когда залѣзъ, и смотритъ: на столбу драгоцѣнный камень и скатный жемчугъ. Скричалъ онъ хозяину: «Бросай къ намъ *суды*»! Онъ потомъ началъ бросать. Когда онъ бросалъ, нагружали корабль, а свой товаръ повыкидывали въ море. Обсѣкли эти снасти, стряхнули паруса, убѣжали отъ этого столба. Найдёный человѣкъ остался на столбѣ, и плакалъ этотъ найдёный человѣкъ Ото слезъ своихъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Прочкнулся ото спа и видитъ, отворёная западня и лѣстница въ этотъ столбъ. Начиналъ онъ когда спу-

*) Ударе...е на ё.

скаться; и потомъ верхняя западня заперлась. Онъ *напа́че* того плакалъ, а ото слезъ своихъ уснулъ, и крѣпкимъ сномъ. Ото сна пробудился,—ниже его западня отворѣная вторая и лѣстница ниже, въ море, и онъ спустился по этой лѣстницѣ. Спустился ниже и видитъ ходъ ему въ одну сторону. И пошелъ этимъ ходомъ и вышелъ онъ на берегъ.

Видитъ отъ моря дорога и пошелъ онъ дорогой. Сѣлъ на эту дорогу отдохнуть. Слышитъ телѣжный громъ, и конско(е) ржанье, и человѣчій разговоръ, и никого не ѣдетъ. Скричали ему: „Уйди съ дороги, затопчемъ“! И онъ сошелъ съ дороги и говоритъ имъ: «Господа! Дайте мнѣ хлѣба, и *гись* хочу». Подали хлѣба. Онъ ихъ не видитъ. На *ихній* разговоръ подошелъ, они ему подали хлѣба. Онъ спросилъ ихъ: „Что, господа, куда мнѣ *этто* [здѣсь] пойти? къ какой городъ *али* въ село?“ Онѣ отвѣчали ему: „Ступай въ ту сторону, куда глаза глядятъ“. А глаза во всѣ четыре стороны глядятъ. И онъ пошелъ этой дорогой. Выходилъ въ Невидимо *государство*. Пришелъ на базаръ, пошлялся сколько по базару. Идетъ себѣ *фатеру призыскивать*, мимо царскаго дворца. Выскочили няньки и *маньки**) и вѣрныя служанки, подхватили его, унесли во дворецъ. Накормили его какъ слѣдующимъ порядкомъ, положили на кровать отдыхать, на *тоё* же кровать, на которой *государыня* не отдыхала. Когда онъ призаснулъ, нянькы, *маньки*, вѣрныя сѣ служанки приговариваютъ, что «*государыня* летитъ, *государыня* летитъ“ И онъ слышитъ *ихній* разговоръ. И потомъ подвели *государыню* ко кровати, на *тоё* же кровать ложиться сѣ отдыхать. Видятъ, что онъ *скрозь* занавѣси-*государыня* близко подошла ко кровати, и онъ ударилъ по занавѣси и палъ подъ кровать. Спала *государыня* трое сутокъ, и онъ лежалъ, этотъ найденый человѣкъ, трое сутокъ тоже подъ кроватью. Когда *проснулась государыня* и говоритъ нянькамъ, *манькамъ* и вѣрнымъ служанкамъ: „Кто у насъ былъ, на моей кровати? Подайте мнѣ его“. Онѣ подходили ко кровати, берутъ этого мальчика, купеческаго сына, приводятъ къ ей. И она посадила за единъ столъ и говоритъ ему: „Живи у меня, у меня дѣтей нѣтъ; изъ мужескаго полу то же само, *наместо* (вмѣсто) сына“. Остановился онъ у ей жить. И потомъ жилъ онъ у ей мѣсяцъ, и второй, и вѣрился онъ ей хорошо, и поглянулся сѣ, этотъ мальчикъ очень просто, лучше своего роднаго сына. И сдала ему ключи и замки ото всѣхъ садовъ и всю ему *бо́льшину* (старшинство).

*) Безъ сомнѣнія замѣна слова „мамка“ уже начинающаго забываться въ народѣ по отсутствію этого рода прислуги въ современныхъ домахъ. В. Б.

„Ходи, мой сынъ, гуляй по всѣмъ садамъ. Пойдешь если въ саду гулять, найдешь *сѣредь* саду избушку. Въ землю она вросла, а окна у ей большія. Не подходи и не заглядывай въ ее. „Хоцялъ онъ по всѣмъ садамъ по всѣмъ зе́леным гулялъ. Шелъ *се́редь* саду, увидѣлъ эту же избенку, что она въ землю вросла и окна большія. Подошелъ къ окну, увидалъ дѣвицу, по грудямъ въ землѣ. И *здрыгъ* бы, смотрѣлъ на эту дѣвицу, и ясныхъ очей не сносилъ. Не утерпѣлъ, ударилъ по окну. Заскочилъ къ ей въ избенку, подхватилъ подъ пазухи, началъ ее вытаскивать. Вытащить ее не могъ. Она рычала ему: „Стунай въ свой дворецъ На которой ты кровати лежалъ, подъ той кроватью лежитъ платье и рубашка. Принеси мнѣ ее, когда *) ты меня возьмешь“. Пошелъ онъ во дворецъ и ворованки браль это платье и принесъ ей. Рубашку надѣла, платье взяла на руки и больше онъ ее не увидѣлъ. И былъ онъ печальный, что я, *гыть*, опустилъ неизвѣстно какого человѣка. Обратился назадъ оттудова во дворецъ во время вечера. Няньки, *маньки*, вѣрныя служанки проговаривали: „Наша *восударыня* летитъ, *восударыня* летитъ“. И онъ вовсе былъ печальный, что, *гыть*, маменька меня за это можетъ сказнить. *Когда* она прилетѣла.„ Гдѣ мой сынокъ“? Приводили купеческаго сына къ ей, и она стала ему говорить: „Зачѣмъ же ты глупо сдѣлалъ, опустилъ эту дѣвицу. Для (для) тебя судьба была приготовлена, а вы ее опустили“.—А когда для меня, маменька, приготовлена была судьба, благословите меня ее искать.—„А гдѣ же ты найдешь ее“? А гдѣ—нибудь найду.—„Она изо второго Невидимаго *восударства*. Доставать тебѣ ее трудно, потому вокругъ ихняго дворца тынъ желѣзный, и на всякой тынинкѣ по молодецкой головушкѣ. Достунить тебѣ ее трудно. Онѣ заставятъ тебя прятаться. Если ты не спрячешься, тебѣ голову сѣкутъ. На же тебѣ денегъ и на же тебѣ табаку. Вотъ тебѣ повинное перо **). Когда явишься къ имъ, сдѣлаешь документы и купи вина въ кабакѣ, поставь на застойку, отдай пьяницамъ. Для себя хорошенькой водки, и выйдешь за ихній городъ, лежатъ два камня: одинъ какъ стулъ, а другой какъ столъ. Когда ты выпьешь, закуснишь и наклади трубку табаку, и зажги повинное перо; увидишь, что будетъ“. Благословила его, онъ пошелъ во второе Невидимо *восударство*.

Шелъ онъ много-ли, мало-ли время, приходитъ во второе Невидимо *восударство*. Заходитъ въ крѣпость, къ *восударю* на кухню. Спрашивалъ повара, когда поваръ поспѣ кушанья. Поваръ доложился *восударю*. Восударь

*) Тогда.
**) Павлиное

потребовалъ его къ себѣ, „Есть у меня двѣнадцать дѣвицъ, но только что замужъ я такъ. *здря* не даю. Сдѣлаемъ мы съ тобой документы; и будешь ты прятаться, искать тебя трои сутокъ. Ежели не доищемъ хоть четверть часа, и то голову сѣкемъ“. Вывели ихъ двѣнадцать дѣвицъ. Когда онъ, значитъ, приласкался къ нимъ, они ему понравились: очень красивыя. Пожелалъ онъ документы сдѣлать съ этимъ *государемъ*. Пошли въ сенатъ. Собирали сенаторовъ, министровъ, *думшишковъ*-совѣтниковъ и дѣлали документы. И онъ отправился прятаться. Зашелъ въ кабакъ, взялъ полведра водки, поставилъ на застойку. „Кушайте, господа пьяницы, поминайте господина *прятальшишика*, за здравіе его“! Для себя хорошенькой водки, отправился гдѣ ему сказано. За этотъ городъ приходитъ, дѣйствительно лежатъ два камня, одинъ камень какъ стулъ, а другой какъ столъ. Сѣлъ на камень, и закусывалъ, и выпивалъ. Наклалъ трубку табаку, закуривалъ трубку табаку, прижегъ повинное перо. Открылась земля, выставила голову китъ-рыба. „Садись на меня, я тебя унесу, спрячу“. Сѣлъ на кита-рыбу. Китъ-рыба унесла, а земля закрылась. Они искали, *государыня* *), не доискали до трое сутокъ, три часа. „Китъ-рыба, отдай намъ виноватаго“! Китъ-рыба выносила на то же мѣсто, откудова она брала его. «Ступай, являйся къ своей *государынѣ*, а смотри не бѣгай, то хуже себѣ надѣлаешь». Тогда онъ явился къ ей, сидитъ *государыня* на *дрони* (тронѣ).—Ну, что спрятался? „Не знаю, *государыня*, спрятался и нѣтъ“.—Нѣтъ, не спрятался. Повѣстить (о-повѣстить) палача, надо тебѣ голову сѣчь.—Повѣстили палача. Палачъ идетъ и въ поларшина топоръ несетъ и доску. За палачемъ идетъ *ихній* женихъ. За нимъ идетъ конвой солдатъ. За солдатами идетъ *государь* съ *государыней*. За ими идутъ двѣнадцать дѣвицъ. И онѣ же говорили: „Папаша и мамаша, за что будемъ такого *вьюношу* убить, за что ему голову срубать? Рубили раньше женаховъ, но тѣ стоили“. *Государь* и говоритъ: „Ну, сынокъ, ступай ты домой“.—Не желаю я Ваше Императорство Величество, домой, желаю я прятаться.—Заходилъ въ кабакъ, взялъ полведра водки, поставилъ на застойку. „Кушайте, господа пьяницы, поминайте господина *прятальшишика*, за здравіе его“! Для себя хорошенькой водки, отправлялся гдѣ былъ. Приходитъ на этотъ камень, закусывалъ и выпивалъ; закурилъ трубку табаку, прижегъ повинное перо. Прилетѣла Нагая птица. „Садись на меня, я унесу тебя, спрячу“! Когда онъ садился на ее, Нагая птица унесла на горы,

*) Повидимому тутъ пропускъ; слѣдуетъ: государь и государыня. Г. П.

высочайши таки *), что ушли которы подъ облаки. Восударыня искала; искать-искать по волшебнымъ книгамъ. Не доискала полтора часа. «Нагая птиса, отдай мнѣ виноватаго». „Нагая птиса беретъ его, приноситъ опеть на то же мѣсто „Ступай, являйся, да не бѣгай. Убѣжишь, хуже себѣ надѣлаишь.“ Когда онъ явился къ ей, она сидѣла, восударыня, на дронѣ и спрашивала его: „Ну, что, сынокъ, спрятался али нѣтъ“?—Не знаю, восударыня, спрятался-нѣтъ.—Нѣтъ, не спрятался. Повѣстить палача“! Палачъ идетъ и поларшинный топоръ несетъ и доску. За имъ идетъ конвой солдатъ, за солдатами—восударь съ восударыней, за имя идутъ двѣнадцать дѣвицъ. И онѣ же говорятъ: „Папаша и мамаша, за что будемъ такого *выногиу* губить, за что ему голову рубить? Рубили раньше женихамъ, такъ тѣ стоили“. Восударь и говоритъ: Ну, сынокъ, ступай домой! „Не желаю я, Ваше Императорство Величество, домой, желаю я прятаться“. Когда заходитъ онъ въ кабакъ, беретъ полведра водки, поставилъ на застойку. „Кушайте, господа пьяницы, поминайте господина *прятальщика*, за здравіе его“! Для себя хорошенькой водки, отправился на камин. Поставилъ бутылку, выпилъ, закусилъ, набилъ трубку табаку, закурилъ и прижегъ повинное перо. Прибѣгаетъ левъ-звѣрь. „Садись на меня, я тебя спрячу“. Левъ-звѣрь когда взялъ его, повесъ прятать. Она искать по волшебнымъ своимъ книгамъ, не доискала только четверть часа. „Левъ звѣрь, отдай мнѣ виноватаго“! Левъ-звѣрь приноситъ на старое мѣсто, откудова онъ его бралъ. „Ступай, являйся, да не бѣги; убѣжишь, хуже себѣ надѣлаишь“. Когда онъ приходилъ, восударыня сидѣла на дронѣ. „Ну, что? спрятался“?—Не знаю, восударыня, спрятался и нѣтъ. „Нѣтъ, не спрятался. Повѣстит палача, надо тебѣ голову сѣчь“. Повѣстили палача; палачъ идетъ, поларшинный топоръ несетъ и доску. За палачомъ идетъ *ихній* женихъ, за имъ идетъ конвой солдатъ, за солдатами идутъ восударь съ восударыней, за *имя* двѣнадцать дѣвицъ. И онѣ же говорили: „Папаша и мамаша, что жъ мы будемъ рубить такого молодого человѣка? И вонъ какой груздочекъ! Разъ онъ такой глупый, нужно его опустить домой“. Восударь подумалъ: Ступай, сынокъ, ты домой! «Не желаю я, Ваше Императорство Величество домой, желаю я прятаться». Когда пошелъ, дѣвка-чернавка подметала пола и говоритъ: „Будьте вы прокляты, *прятальщишки*! Бѣгаютъ, прячутся, спрятаться не могутъ, а вотъ я бы спряталась, меня бы не найти“. И онъ обратился къ этой дѣвицѣ: Ахъ, матушка—дѣвица, спрячь меня.—„Погоди маленько“. Беретъ этого жениха и ведетъ

*) Ударение на и

къ себѣ въ особую избушку и заперла его на замокъ. Убѣжала, узнала, что государыня спитъ; обратилась къ *ему* вобратно Снимала *съ него одежу*, вытаскивала чугуньъ изъ печи, сдѣлала теплую воду и начала его мыть. Когда вымыла теплую воду и достала свое бѣлье: подштанники тамъ, рубашку,—чтобы какъ слѣдующимъ порядкомъ одѣла свое бѣлье. И потомъ обратилась опять же вобратно въ этотъ дворецъ, узнавала, что спитъ-нѣтъ государыня? Обратилась оттудовъ, узвала, что государыня спитъ крѣпкимъ сномъ. Беретъ этого жениха, заводитъ во дворецъ, заходитъ въ то зало, въ которомъ залѣ стоитъ волшебное зеркало, волшебныя книги. Отодвинула отъ стѣны зеркало тяховьку и отворила она западню. „Спустайся по этой лѣствицѣ и сиди напротивъ этой западни, и даже дальше вершка никуды не поддавайся и сиди трои сутокъ“. Запираетъ эту западню, становитъ зеркало на мѣсто, а сама уходитъ оттудовъ. Когда государыня *прочкнулась* ото сна, беретъ волшебныя книги и начинаетъ его искать. Потомъ искать-искать, сутки, други и третьи. И покончилось трои сутки и найти не могла, осердилась на его и бросила она книги. „И будь же онъ проклятъ! Куда онъ спрятался что не могли найти? Няньки, *маньки*, вѣрныя мои служанки, дайте мнѣ спокой“. Няньки, *маньки* вѣрныя служанки дали ей спокой. Когда уснула она крѣпкимъ сномъ, пѣвка-черновка приходила, отворяла западню, отодвигала зеркало и выпускала этого молодца. Заводитъ къ себѣ въ избенку, снимаетъ свою *одежу съ его*, его *одежу* отдаетъ ему. „Ступай, шляйся трои сутокъ гдѣ-нибудь на базарѣ, а на четверты являйся“. Когда онъ шлялся трое сутокъ, на четверты явился къ ей. Она сидѣла когда на дропѣ. „Что, спрятался *али* нѣтъ“?—Не знаю, государыня, спрятался, нѣтъ-ли. „Да спрятался. Ну, такъ таперь узнай, котора у тебя была въ рукахъ“. Выдали двѣнадцать дѣвицъ, поставили всѣ *ширинкой*. И онъ запримѣтилъ раньше, что на правой рукѣ есть черное пятнышко. И потомъ, когда поставили ихъ ширинкой *), онъ подходитъ къ ей и беретъ ее за праву руку. „Вотъ моя судьба“! Тогда ихъ, благослови Христосъ! съ пиркомъ и со свадебкой. Тогда ихъ вѣнчали. Повѣнчали когда, всѣ пиры-бесѣды ствели, тесть ему давалъ въ *придано* корабль. Отправлялся онъ въ свою сторону, къ своей матери. Бѣжалъ много-ли, мало-ли время, прибылъ въ свое мѣсто. Мать его увидала, что сынъ бѣжитъ се на кораблѣ. „Нашелъ себѣ, *гыть*, судьбу“. *Стричала* его съ честью,

*) Сказочникъ смѣшиваетъ очевидно понятія ширинга и шеренга: можетъ быть, впрочемъ, здѣсь образное выраженіе: растянули въ видѣ ширинки, полотенца.

съ радостью, съ колокольчымъ звономъ, съ барабанымъ боемъ. Тогда она покончилась вся.

---

29. Объ Идолищѣ и о Иванѣ, царскомъ сынѣ. *)

Когда царскій сынъ былъ малымъ *вьюношей*, и сестра у его была. И когда они были на гуляньи въ полусадѣ, и сестра потерялась изъ полусада и неизвѣстно кто унесъ. И онъ говоритъ: „Папаша, мамаша, благословите меня сестру отыскивать“.—А гдѣ жъ ты ее найдешь?—„А гдѣ-нибудь, всѣ равно, я ее разы*щу*“. Когда не могли они *отъ его* отвязаться, благословили его. Беретъ себѣ денегъ и отправляется разыскивать свою сестру. Идетъ мимо кузнецовъ, подходитъ къ кузнесу. „*В*споминъ кузнецъ, скуй мьѣ костыль пудовъ на шесть“. Кузнецъ ковалъ костыль ему на шесть пудовъ вѣсу. Вынесъ на улицу, бросилъ его кверху. Подставилъ свою голову, костыль ударился о его голову, погнулся. „Да, какой этотъ костыль гибкій. Прибавьте пуда два въ его стали, *штобъ* онъ не могъ гнуться“. Прибавили два пуда стали, вынесли его на улицу. Бросалъ его кверху, подставилъ свою голову, костыль ударился объ его голову, не погнулся и не изломался. И потомъ отправился. Шелъ много-ли, мало-ли время, сталъ подходить къ морю, и видитъ, у моря стоитъ избенка какъ на курьихъ ножкахъ и повертывается. „Избушка, ставь по старому, какъ мать поставила, къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ“! Избушка стала къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Захожу, *гыть*, въ эту избушку, стоитъ баба-ягишна. „Фу, фу, русской костки слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нынче сама на дворъ пришла. Хамъ-съѣмъ“!—Нѣтъ, бабушка, не ѣшь меня, а ѣшь сама себя. „Куды пошелъ, куды побрелъ“?—А прежде, бабушка, напои, накорми, а потомъ вѣстей распроси.—Старуха столъ поставила, наставила напитки, наѣдки, всякія разныя кушанья; напоила, накормила этого молодца. Положила къ себѣ на колѣни, начнпала въ головѣ искать, начинаетъ вѣстей выспрашивать. „Куда же ты, сынокъ пошелъ, куда побрелъ, куда Богъ понесъ? Скажи, повѣдай истинную правду“.—Я пошелъ свою сестру разыскивать, когда она потерялась у насъ изъ полусада. „А гдѣ жъ ты ее найдешь, свою сестру, когда она унесена за тридесять морей, за тридевять земель, въ тридевято *государство*?

*) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бордскомъ Барн. у.

Туда никакой сильный богатырь не проѣзжалъ, никак*ая* лютый звѣрь не пробѝ*гивалъ**), никакая птиса не пролетывалъ".—А все одно, баушка.—„Ну, на же, сынокъ, тебѣ вотъ салфетку. Кинь же эту салфетку на море; сдѣл*атся* мостъ, ты по ему перейдешь. Когда перейдешь, возьми за одинъ уголъ подѐрни, не будетъ ничего".

И когда онъ распростился и пошелъ, подходитъ къ морю. Кинулъ салфетку на̀ море, сдѣлался мостъ, онъ по ему перешелъ. Проходилъ эти всѣ тридевять морей, тридевять земель, пробирался въ тридевято *во*сударство. Это *во*сударство Идолища было. Проходилъ онъ, нападенье было на этого мальчика, на царскаго сына. Могъ онъ управляться (управился) *съ имя*. Приходитъ. Идетъ мимо царскаго их*няго* дворца. Стояла его сестра на бал*х*онѣ. Увидала своего брата, приказываетъ своимъ дворецкимъ подхватить своего брата, занести *къ ей*. Занесли когда еѐ брата, и она и дум*атъ* сама себѣ: „Куда мнѣ его спрятать? Мой *спо*любовникъ прилетитъ, онъ его похититъ". Запираетъ его въ такое зало, въ которое зало ея *спо*любовникъ не могъ ходить. Ея Идолище прилетѣло и слышитъ русскій духъ. „Что у насъ есть за русскій духъ"?—Что ты, мой милочка, какой у насъ русскій духъ, когда никто сюда не ѣздитъ? Ты по Руси катался, русскаго духа нахватался, оттуд*овъ* ты и слы*шишь*. „Нѣтъ, есть у насъ русскій кто-то". Когда она его удостовѣрила надлежащимъ порядкомъ: „Что же, милочка, если изъ сродственниковъ кто у насъ будетъ, ежели отецъ, али братъ, али мать,—похитишь ты его *али* нѣтъ"?—Никогда этого не будетъ. Если кто у насъ изъ сродственниковъ будетъ, своячена или шуринъ, я по всей своей Андроніи *ш*тобъ были кабаки растворены, безплатно водку пили, тро*и* сутокъ будетъ у меня гулянка!—Когда она его привела, своего брата; д*и*ствительно онъ распорядился по всей своей Имперіи безплатно вино выпускать, *ш*тобъ кабаки не запертые были. Когда проживалъ *у ей* съ годъ врем*я* и наспѣвали въ садахъ всякіе фру*х*ты. „Ну, *гытъ*, милая моя, я полечу запасе́нья дѣлать на цѣлый годъ, потому что у насъ есть лишній человѣкъ. А вы запирайтесь въ такое зало, кто будетъ выманивать, вы не ходите и ни на кого не смотрите". Когда онъ улетѣлъ, он*ѣ* заперлися въ такое что зало, ни на кого не смотрѣть. Прибѣгаетъ богатырскій конь, стучится у дверей. Иванъ, царскій сынъ выходитъ на крыльцо, богатырскій конь говоритъ человѣчьимъ разговоромъ: „Иванъ-царскій сынъ, собирайся въ свою домашнюю сторону". Иванъ-царскій сынъ приходилъ къ сестрѣ. „Сестра, поѣдемъ домой. Сколько намъ ни

*) Удареніе напервомъ и.

жить, а живымъ здѣсь не быть".—А кто насъ повезетъ? „А прибѣжалъ конь богатырскій, онъ насъ увезетъ". Сестра его собралась. Выходятъ, садятся на этого коня и конь отправляется съ *имя*. Отправляется, потомъ добѣгаетъ до Соловѣшнаго моря. „Иванъ-царскій сынъ, слѣзай съ меня, припадай къ землѣ, слушай, нѣтъ-ли погони за нами"? Иванъ-царскій сынъ слѣзалъ съ коня, припадалъ къ землѣ, слышитъ—погоня. „Да, погоня за нами". — «Садись подъ *кусъ* (кусть) и не смотри на меня, что я буду работать". Когда они сѣли подъ *кусъ*, этотъ Идолище полетѣлъ, схватился съ конемъ. И потомъ они барахтались, барахтались, Идолище поддѣлъ коня за ленъ *) и поднялъ выше дерёвъ. **) Ударилъ о землю, что и костей не могли его собрать. Идолище *осерчалъ* на свою *сполюбовницу*, обратился, хотѣлъ ихъ *сглонуть* обоихъ. Она упросила его: „Вы имѣете больше силы, мы малосильны, что напротивъ его можемъ сдѣлать"? Онъ усмирѣлъ, посадилъ ихъ на коня и увезъ къ себѣ вобратно. Прожили тоже онѣ до того же времени, когда въ садахъ начали фрухты *наспѣвать*. „Ну, милая моя, я полечу запасенья дѣлать на цѣлый годъ, потому что у насъ есть лишній человѣкъ. А вы запирайтесь въ такое зало, кто будетъ выманивать, вы не ходите и ни на кого не смотрите". Когда онъ улетѣлъ, онѣ заперлися въ такое зало, чтобъ ни на кого не смотрѣть. И прибѣгаетъ левъ-звѣрь, стучится у дверей. Иванъ царскій сынъ выходитъ на улицу, и левъ-звѣрь и говоритъ: „Иванъ-царскій сынъ, собирайся въ свою домашнюю сторону". Иванъ-царскій сынъ приходитъ къ сестрѣ. „Пойдемъ домой: сколько намъ ни жить, а живымъ здѣсь не быть".—А кто насъ повезетъ? „А прибѣжалъ левъ-звѣрь, онъ насъ увезетъ". На льва-звѣря садились и отправлялись. Левъ-звѣрь добрался до того же мѣста, гдѣ *ихній* конь побитъ. „Иванъ-царскій сынъ, слѣзай съ меня, припадай къ землѣ, слушай, нѣтъ-ли погони"? Иванъ-царскій сынъ припадалъ къ землѣ. „Да, погоня за нами". Левъ звѣрь сказалъ: „Садись подъ *кусъ*, будемъ драться, а ты не смотри на насъ". Когда они схватились со львомъ драться, Идолище хватитъ—изъ его шерсть рветъ, левъ хватитъ—совсѣмъ съ мясомъ. Идолище же ухватилъ льва за шею, поднялъ выше дерёвъ, ударилъ о землю, что и костей не могли его собрать. Идолище *осерчалъ* на свою *сполюбовницу*, обратился, хотѣлъ ихъ *сглонуть* обоихъ. Она уговорила его: „Вы имѣете больше силы, мы малосильны, что напротивъ его можемъ сдѣлать"? Онъ усмирѣлъ, посадилъ ихъ на

*) Удареніе на ё.
**) Загривокъ; ленъ—шейное сухожиліе.

себя, увезъ къ себѣ *обратно*. Когда прожили у него съ годъ время и наспѣкали въ садахъ всякіе *фрухты*. „Ну, *гытъ*, милая моя, я полечу запасенья дѣлать на цѣлый годъ, потому что у насъ есть лишній человѣкъ. А вы запирайтесь въ такое зало, кто будетъ звать, вы не ходите и ни на кого не смотрите“. Когда онъ улетѣлъ, онѣ заперлися въ такое что зало, ни на кого не смотрѣть. Прибѣгаетъ быкъ *шелудивъ* и стучится у дверей. „Иванъ-царскій сынъ, собирайся въ свою домашнюю сторону“. Иванъ-царскій сынъ приходитъ къ сестрѣ. „Сестра, поѣдемъ домой. Сколько намъ ни жить, а живымъ здѣсь не быть“.—А кто насъ повезетъ?—„А прибѣжалъ бывъ *шелудивъ*, онъ насъ увезётъ“. Сестра его собралась, выходятъ, садятся на этого быка, и быкъ отправился съ *имя*. Добѣгаютъ до того мѣста, гдѣ левъ и конь побиты „Иванъ царскій сынъ, слѣзай съ меня, припадай къ землѣ, слушай, нѣтъ-ли погони за нами“? Иванъ-царскій сынъ слѣзалъ съ быка, припадалъ къ землѣ,слышитъ—погоня „Да, *гытъ*, погоня за нами“.—„Садись подъ *кусъ* и не смотри на меня, что я буду работать“. Когда они сѣли подъ *кусъ*, этотъ Идолище подлетѣлъ, схватился съ быкомъ. И потомъ они барахтались, барахтались, Идолища быкъ прикололъ. „Садитесь на меня и давай *поскоря**) (выше встрѣчались формы сравн. ст.: ловча, мудреня) отправляйся“.Добѣжали до Солонѣшнаго моря. „Иванъ-царскій сынъ, кидай свою салфетку на море“. Иванъ-царскій сынъ кинулъ салфетку на море и сдѣлался мостъ. И скоро время когда они бѣжали по этому мосту, въ саму средину выбѣжали моста, оглянулись назадъ, Идолище за *имя всугонь*. Быкъ *шелудливъ* успѣлъ выбраться на берегъ. Сдернули салфетку съ моря, Идолище палъ въ Солонѣшное море. И привозитъ ко флигелю.—„Иванъ-царскій сынъ, зайди въ этотъ флигель, стоитъ кровать, подъ кроватью лежитъ топоръ, вынеси его на улицу“. Зашелъ онъ въ этотъ флигель, заглянулъ подъ кровать, дѣйствительно лежитъ на рассійскій манеръ топоръ тонкай. Быкъ *шелудивъ* отставилъ правую ногу. «Руби мнѣ её»!—За что же я тебя буду рубить, когда ты мнѣ сдѣлалъ добро? «Нѣтъ! давай руби»! Онъ отсѣкъ ему правую ногу. „Руби мнѣ лѣвую“. И онъ отсѣкъ ему лѣвую ногу. „Отсѣкай мои заднія ноги и руби меня на мелкіе куски! Отсѣкешь мою голову, изрубишь меня на мелкіе куски, и стаскай, кидай въ море“. Изрубилъ онъ его на мелкіе куски, потомъ началъ таскать его въ море. Послѣдніе кусочки беретъ, несетъ къ морю, бросилъ въ море. И выскочили двѣ собачки изъ моря, и сколь не ласковы, сколь не хорошія. И

*) Удареніе на я.

ведетъ двѣ собачки (вм. двухъ собачекъ) къ сестрѣ и говоритъ: „Сестра, я бросилъ послѣдніе кусочки, и выскочили двѣ собаки, и неизвѣстно какі они.—„Анужно ихъ кормить“. Когда они начали этихъ собакъ кормить, въ этомъ флигелѣ проживаться.

Живутъ сутки, живутъ они и двое. „Чѣмъ же будемъ мы питаться“? Беретъ ружьэ, идетъ на охоту, нашелъ въ тайгѣ озеро. И птисы много *на ими* и бьетъ эту птису и несетъ её домой. Сестра *гбитъ* его птицу, жаритъ; сами ѣдятъ и собакъ кормятъ. И потомъ отправляется на второй день опять на охоту. Набилъ птисы, несетъ домой. Сестра весьма рада была ему, выскочила, съ радостью его встрѣтила, На третій день беретъ ружье, отправляется на охоту. Проплялся день, идетъ во время вечера. Сестра не выскочила, не стрѣтила. „Ты что, сестра“?—Я нездорова.—Когда переночевалъ, поутру отправлялся на охоту. Сестра его пошла къ морю, на гуляньс. Увидала своего *сполюбовника* прежняго на островѣ; по острову ходитъ и кричитъ онъ ей: „Выручи меня *отсэдовъ*“!—А какъ я тебя выручу?—„Зайди въ брату въ спальню, въ которой онъ спитъ. У его на крюкѣ виситъ та же салфетка, принеси на море, кинь, сдѣлай мостъ, я перейду“. Она обратилась вобратно, приходитъ въ этотъ садъ, беретъ салфетку, кидаетъ на море. Сдѣлался мостъ, онъ перешелъ *къ ей*. *Сдёргатъ* салфетку съ моря и заводитъ его къ себѣ, во флигель. Во время вечера братъ идетъ съ охоты, и она опеть его не стрѣтила. Онъ спроснлъ: «Вы что»?—Я нездорова, не могу.—И онь готовитъ эту птицу, зажарилъ, самъ себя кормилъ и ее. И поутру она станетъ, приходитъ къ нему. «Ахъ, родимый братецъ, я сегодняшней ночью видѣла сновидѣнье: ты бы мнѣ досталъ зайчаго молока»? —Гдѣ же я возьму это? „А отъ этого озера есть тропинка на полувёрстѣ, ты бы пошелъ и нашелъ его“.—Ну, давай пузырекъ, я принесу, нѣть тебѣ.—Она даетъ ему пузырекъ. Онъ пошелъ поутру на охоту, набилъ птисы, положилъ подъ губъ. Потомъ пошелъ отъ этого озера тропинкой. Идетъ тропинкой. Зайчиха идетъ съ зайчатами. Принѣлился онъ стрѣлять эту зайчиху. Зайчиха ему скричала: «Что тебѣ, Иванъ, надо? Тебѣ дитя надо? Если дитя надо, такъ возьми».—Мнѣ твоего дитя не надо. «А что надо»?—А мнѣ молока надо. «Ну, иди, полой»! Онъ подходитъ *къ ей* и доитъ ее. Подоилъ, потомъ отправился. Приходитъ вобратно, передаетъ своей сестрѣ это молоко. Дичину *гбитъ* (чиститъ, готовитъ), самъ ѣстъ и сестру кормитъ, и свою охоту. Во время вечера лёжатся они спать. Она выпускаетъ своего *сполюбовника* и совѣтъ дѣлать съ *ими*. «Что дѣ-

лать надъ братомъ»? И онъ и выдумалъ: „Есть у этой зайчихи волчица, ходитъ съ волчатами. И ты проси у него молока, она его обберетъ". Поутру встаетъ, даетъ ему пузырекъ. Идетъ онъ опять на это озеро, бьетъ птисы и потомъ пошелъ этой тропинкой отъ зайчихи съ полверсты впередъ. Волчица идетъ съ волчатами, и онъ и нцѣлился стрѣлять. Волчица и говоритъ ему: „Что, Иванъ, тебѣ надо"? Тебѣ дитя надо? Если дитя надо, такъ возьми". —Мнѣ твоего дитя не надо. „Возьми дитя, пригодится оне тебѣ". —Мнѣ молока надо. „Ну, иди, подой". Когда онъ подоилъ ее, она и говоритъ ему: „Ты возьми мое дитя". —А нашто мнѣ его? „А мой дитя тебѣ сгодится". Тогда онъ взялъ ее дитя, и пошли они домой. Во время вечера приходитъ, передаетъ ей молоко, дичину гонитъ. Ложатся переночевать, на *сполюбовника* своего выпускала, и совѣтовались межъ собой: „Вотъ что сдѣлать. Отъ волчицы ходитъ медвѣжица съ медвѣжатами, а къ ей послать, она его задавитъ". Утромъ встаетъ и говоритъ: „Родимый братецъ, ты бы принесъ мнѣ медвѣжьяго молока, я бы помазалась, лучше бы стало". — Ну, давай пузырекъ. —Она даетъ ему пузырекъ. Онъ пошелъ на охоту, набилъ птисы, положилъ подъ дубъ и потомъ пошелъ этой тропинкой отъ зайчихи съ полверсты впередъ. Медвѣжица идетъ съ медвѣжатами, и онъ прицѣлился стрѣлять. Медвѣжица и говоритъ ему: „Что тебѣ, Иванъ, надо? Возьми мое дитя". —Мнѣ твоего дитя не надо. „Дитя мое тебѣ пригодится". —Мнѣ молока надо. „Ну, иди, подой". Когда онъ подоилъ ее, медвѣжица говоритъ: „Ты возьми мое дитя". —А нашто мнѣ его? „А мой дитя тебѣ сгодится". Тогда онъ взялъ ее дитя, и пошли они домой. Идетъ Идолище, смотритъ въ окно: „Смотри-ка, его *што́ись* (даже) медвѣжица то не обдираетъ". Тогда онъ приноситъ дичину, *гонитъ*, молоко ей передаетъ. Ложатся спать. Выпускала она къ себѣ *сполюбовника*, совѣтовались они межъ собой. Идолище и говоритъ: „А есть въ полверстѣ отъ медвѣжицы *спящая* земля, черезъ ее переходитъ пять саженъ только, и тамъ есть золотохвостая лиса съ лисятами. Проси у него отъ нее молока. Когда онъ взойдетъ на спящую землю, уснетъ, я могу его похитить". Поутру *стаетъ*, беретъ пузырекъ, идетъ на охоту. Когда онъ дошелъ до *спящей* земли, его охота (т. е. свора: собаки, волченокъ и пр.) баловалась. Собачка вскочила на *спящую* землю и уснула. И потомъ скочилъ заяцъ на *спящую* землю, и онъ уснулъ. И медвѣдь, и волкъ скочили на эту *спящую* землю, и онѣ уснули. И онъ *думаетъ*: „Ахъ, плохо дѣло будетъ"! И онъ по этой же охотѣ перебрался черезъ нее, зайца стянулъ, и заяцъ сѣлъ на ж... И потомъ

онъ думать самъ себѣ, всю охоту какъ-нибудь *оттудова* снять. Всѣми неправдами стаскалъ ее съ этой земли. Когда они пошли и дѣйствительно отошли отъ этой земли неподалеку, золотохвостая лисица идетъ. Прицѣлился онъ стрѣлять, лисица ему *скричала*: „Что тебѣ, Иванъ, надо? Если дитя надо, такъ возьми“.—Мнѣ *твоего* дитя не надо. „А что надо“?—А мнѣ молока надо. „Ну, иди полой“. Когда онъ подошлъ лису, она говоритъ ему: „Ты возьми мое дитя“.—А *нашего* мнѣ его? „А мой дитя тебѣ сгодится“. Взялъ онъ дитя. „Вотъ что, Иванъ, я тебѣ скажу: обойди дальше, съ полувёрстъ отъ этого мѣста, пройдешь благополучно“. Когда онъ прошелъ съ полувёрстъ отъ этого озера благополучно, беретъ свою дичину, идетъ домой. Во время вечера они когда выходятъ. „Смотри онъ и отъ *спящшей* земли ушелъ“! Тогда онъ передаетъ ей молоко, гонитъ дичину. Ложатся спать, совѣтуются межъ собой. „Есть завѣтная мельница въ трехъ верстахъ, послать его *тудыи*, онъ тамъ *погинетъ*. Подъ валомъ стоитъ горшокъ каши и горшокъ сала. Достать, будетъ тебѣ полегче“. Поутруонѣ встаютъ, и она *обсказываетъ*. „Братецъ родимый, въ 3 верстахъ есть завѣтная мельница; тамъ подъ валомъ стоитъ горшокъ каши и горшокъ сала. Принеси, я бы помазалась, мнѣ бы полегче стало“. Онъ пошелъ, видитъ, въ 3 верстахъ стоитъ завѣтная мельница. И онъ подходитъ, въ её пасти никакъ нельзя. И когда *обсказано* было ему: „Погамя *стопай**), *сгайкай*, дверь отворится“. Когда онъ подошелъ ко двери, *сгайкалъ*, *скричалъ*, двери отворились, охота вся въ анбаръ кинулась. Подходитъ къ валу, гдѣ колеса, дѣйствительно стоитъ горшокъ каши и горшокъ сала. Беретъ, охота разошлась по анбару. Вышелъ изъ анбара, двери заперлись, выйти никакъ ему**) нельзя. Обратился *вобратно*, приходитъ, дичину свою беретъ. Приходитъ къ своей сестрѣ. И онѣ стоитъ со своимъ *сполюбовникомъ* въ крыльцѣ, *стрѣчаетъ* своего брата. Онъ подаетъ горшокъ каши, горшокъ сала ей. „На, сестра, ѣшь“.—Жри самъ, а я не хочу.

Потомъ Идолище вышелъ, что схватить его, *съисть*. Онъ испугался, съ испугомъ сталъ его упрашивать. „А, любезнѣйшій зять, я истоплю баню, вымоюсь, мои косточки разопрѣютъ, *гись* тебѣ *мяконьки*“.—Ну, топи баню!—Когда началъ топить баню. И коршунъ бѣлохвостый, вѣ слунъ, съ вѣстью летитъ: „Топи, *гытъ*, баню, подольше копайся, твоя охота прорывается“. И онъ топилъ баню, и тянулъ до того время, *штобъ* охота прорвалась. Идолище вышелъ къ ему: „Что ты долго баню то-

*)Удареніе на о.
**)вм. ей, т. е. охотѣ Б.

пишь"?—Какъ же мнѣ долго не топить, не истопить ее жарче? Моя кость разопрѣетъ въ жару.—И когда онъ тянулъ ее, баню, до тѣхъ поръ, коршунъ бѣлохвостый съ вѣстью летитъ, что твоя охота прорвалась, изъ амбара идутъ. И потомъ истопилъ баню, пошелъ въ баню и *къ ему стрѣчу* (навстрѣчу) заяцъ и лиса бѣгутъ. Заходитъ въ бѣню, начинаетъ париться, медвѣдь и волкъ и собаки являются къ нему. Медвѣдь и говорятъ: „Поставь насъ въ скрытное мѣсто, самъ не торопись изъ бани. Когда Идолище къ тебѣ явится, мы его похитимъ". Поставилъ онъ въ такое скрытное мѣсто, чтобы онъ не могъ увидать. Идолище дождаться не могъ. Идетъ *къ ему* въ баню. Зять ему со злостью сказалъ: „Что тебѣ нужно"?—А,ты еще *гордыбачить**)сталъ со мной!—Когда заходилъ въ баню, охотники поймали его и начали его рвать. Сестра увидѣла, что его изорвали, *изъ рота* (вм. изо рта) злой зубъ вывертываетъ у Идолища и беретъ его себѣ. И онъ *осерчалъ*, братъ, на свою сестру. „Я тебя выручалъ, а ты придала меня къ смерти" (вм. на смерть). Поставилъ столбъ и приковалъ сестру къ столбу и поставилъ пять ведеръ кадушку. „Наполнишь когда ее, эту кадочку, *слезьми*, тогда я тебѣ повѣрю".

Тогда онъ отправился *оттудовъ*, приходитъ во второе государство. Выросился къ мѣщанину на *фатеру*. Перночевалъ, поутру слышитъ, въ барабанъ пробили, изъ пушки выпалили. И хозяина спрашиваетъ: „Это что такое?"—А на наше государство нападаетъ Идолище, каждыя сутки проситъ человѣка на съѣданье. *Призыскиваешъ*—кто можетъ заступиться за насъ. Нашъ государь дѣлалъ *жеребья* на черянь. А потомъ черянь *воспитовала* **) вся „тебѣ своихъ дѣтей жалко, и намъ своихъ дѣтей жалко". И потомъ государь сталъ жеребья на своихъ дѣтей дѣлать. Когда сдѣлалъ *жеребья*, выпалъ жребій на *большуху* на дочь. А *защищники* изъ его же—сенаторы, министры.—„Позвольте мнѣ посмотрѣть, гдѣ они"?—А вотъ въ тѣмъ-то мѣстѣ, у моря.—Потребовалъ себѣ завтракъ утромъ пораньше. Позавтракалъ, пошелъ туды на море и дѣйствительно видитъ, что дѣвица у моря дитъ на стулѣ. Подходитъ онъ къ ей, она и говоритъ ему: „Ахъ, молодецъ удалый, зачѣмъ ты сюда пришелъ? *Погинешь* ты безвинно". Онъ и говоритъ:" А гинуть, такъ обоимъ гинуть, а не гинуть, такъ обои цѣлы будемъ". Та и думать сама себѣ: „Не Господь-ли *защищника* мнѣ послалъ"? Отъ ее не отходилъ далеко и потомъ все смотрѣлъ.

*) Заносчиво говорить; образовано изъ „гордо" и „бачить", говорить. В. Б.
**) Возроптала. В. Б.

Вдругъ море всколыбалось. Идолище двухголовое выставилъ башки свои изъ моря, хотѣлъ утянуть её воздухомъ. Онъ поймалъ её *въ беремя*, не отпускатъ отъ себя. Идолище и говоритъ: „А, я требовалъ одного барана, мнѣ пожертвовали двухъ". Иванъ-царскій сынъ сказалъ: „Будетъ тебѣ одного". Вылеталъ Идолище изъ моря и на́перъ на ихъ, и потомъ охота поймала его, и онъ ухватилъ сашку, отсѣкъ ему головы. Приказалъ медвѣдю положить эти головы подъ камень, а трупъ оставилъ на берегу. Потомъ дѣвица ему говоритъ: „Приходи къ моему папашѣ, и пожертвуетъ онъ что нибудь тебѣ". Онъ ей и говорилъ: „У тебя именной перстень на рукѣ, ты дай мнѣ его, а что у твоего папаши—и такъ буду когда-нибудь *у его*". Снимаетъ съ руки перстень, передаетъ ему, а онъ ей наказываетъ: „Смотри, не сказывай, кто тебя зашшитилъ". Тогда онъ отправился *вобратно* на эту же квартеру. *Зашшитчики* её —кто изъ-за кусту, кто изъ-за камню выходили, видятъ—Идолище лежитъ, обсѣчены его головы. Тогда онѣ выкинули флакъ и пошли со флакомъ. *В*осударь стоитъ на балхонѣ и смотритъ, что идутъ съ бѣлымъ флакомъ. „Должно быть, благополучно". Приходятъ онѣ къ *в*осударю. *В*осударь спустился съ балхона. „Ну, какъ, дѣти,—зашшитили"? —Слава Богу, зашшитили.—И потомъ черезъ сутки опеть доводится среднюю дочь вести на съѣданье. Когда *наутро* слышитъ: въ барабанъ пробили, изъ пушки выпалили. И хозяина спрашиваетъ: „Это что такое"?—А вотъ среднюю дочь доводится отдавать на съѣданье, такъ *в*осударь *зашшитчиковъ* призыскиваетъ.- „А гдѣ же это"?—Да всё на томъ же мѣстѣ, у моря.—Потребовалъ себѣ завтракъ утромъ пораньше. Позавтракалъ, пошелъ туды на море и диствительно видитъ, что дѣвица у моря сидитъ на стулѣ. Подходитъ онъ къ ей, она и говоритъ ему: „Ахъ, молоденъ удалый, зачѣмъ ты сюда пришелъ, *погинешь* ты безвинно". Онъ и говоритъ: „А гинуть, такъ обоимъ гинуть, а не гинуть, такъ, Господь дастъ, обои живы-здоровы будемъ". Та и думатъ сама себѣ: „Не Господь-ли *зашшитчика* мнѣ послалъ"? Отъ её не отходилъ далеко и потомъ все смотрѣлъ. Вдругъ море всколыбалось. Идолище трехъ головое выставилъ башки свои изъ моря, хотѣлъ утянуть её воздухомъ. Съ *древъ* листья обрывалъ воздухомъ, а дѣвицу вырвать изъ рукъ никакъ не могъ. Вылетѣлъ Идолище изъ моря и на́перъ на ихъ, и потомъ охота поймала его, и онъ ухватилъ сашку, отсѣкъ ему всѣ три головы. Приказалъ медвѣдю положить эти головы подъ камень, а трупъ оставилъ на берегу. Потомъ дѣвица ему говоритъ. „Приходи къ моему папашѣ, и онъ что-нибудь пожертвуетъ тебѣ за твои щедроты". Онъ ей и

говоритъ: „У тебя серебряная цѣпочка на шеѣ, ты дай мнѣ ее, а что у твоего папаши, и такъ буду когда-нибудь *у его*“. Снимаетъ серебряную цѣпочку, даетъ ему, а онъ ей наказываетъ: „Смотри, не сказывай, что тебя *защищалъ*“. Тогда онъ отправился *вобратно* на эту же квартеру. *Защищатчики* ее—кто изъ-за камню, кто—изъ-за кусту выходили. Вдутъ на коняхъ и когда трепещется, и онъ и говоритъ, одинъ *защищатчикъ*: „Поберегись, онъ еще живой, схватитъ“! —Не бойтесь, поѣзжайте ко мнѣ, онъ мертвый —Они подъѣхали къ ей. „Кто его побѣдилъ“?—Я не знаю. „А ты скажи на насъ, что мы побѣдили, а то мы тебя въ море бросимъ“. Когда они съ большимъ страхомъ говорили ей. „Я скажу о васъ, что вы *защищали*“. Тогда онъ выкинули флагъ и пошли со флагомъ. *Во*царь стоитъ на балконѣ и смотритъ, что идутъ съ бѣлымъ флагомъ. „Должно быть, благополучно“. Приходятъ они къ *во*царю. *Во*царь спустился съ балкона. „Ну, какъ, дѣти,—*защищали*?—Слава Богу, *защищали*.—А дѣвица думаетъ: «Каки вы наши *защищатчики*, когда за камнями, за кустами пролежали». И онъ повадился, этотъ Иванъ, ходить въ трактиръ, и выпивалъ, и охоту свою угощалъ, и водкой. И потребуетъ музыкантовъ, и музыка играетъ, и охота вся его пляшетъ, и *антиресно* было смотрѣть *на его*. И потомъ когда въ третій разъ поутру опять въ барабанъ ударили, изъ пушки выпалили. И хозяина спрашивалъ: „Это что такое ?—Опять младшую дочь надо вести на съѣданье Идолищу“.—А на какомъ же это мѣстѣ? «Да все на тѣмъ же“. Позавтракалъ, пошелъ туды на море, и *дистветеларо* видитъ, что дѣвица у моря сидитъ на стулѣ. Подходитъ онъ *къ ей*, она и говоритъ ему: „*Отшатись* отъ меня, молодецъ удалый; *погинешь* ты безвинно“. Онъ и говоритъ: „А гинуть, такъ обоимъ гинуть, а не гинуть, такъ *обои* цѣлы будемъ“. Та и думаетъ сама себѣ: „Не Господь-ли *защищатчика* мнѣ послалъ“? Отъ ей не отходилъ далеко и потомъ все смотрѣлъ. Вдругъ море потроповалось. Идолище выставилъ свои головы трехголовыя, хотѣлъ утянуть ее воздухомъ. Онъ поймалъ ее *въ беремя* не отпускать отъ себя Съ древъ листья обрывалъ и кусты потянулъ къ себѣ, а ее не могъ вырвать. Идолище и говоритъ: „А, я требовалъ одного барана, мнѣ пожертвовали двухъ“. Иванъ-царскій сынъ сказалъ: «будетъ тебѣ одного»! Вылетѣлъ Идолище изъ моря и наперъ на ихъ, и потомъ охота поймала его, и онъ ухватилъ сашку, отсѣкъ ему головы. Приказалъ медвѣдю положить эти головы подъ камень, а трупъ оставилъ на берегу. Потомъ дѣвица ему говоритъ: „Приходя къ моему папашѣ, и пожертвуетъ онъ что-нибудь за твою щед-

рость". Онъ и говоритъ: „У тебя салфетка въ рукѣ, ты дай мнѣ ее, а что у твоего папаши—и такъ буду когда-нибудь у него". Передаетъ ему салфетку, а онъ ей наказываетъ: „Смотри, не сказывай, кто тебя зашшитилъ". Тогда онъ отправился *вобратно* на эту же квартеру. *Зашшитчики* ее кто изъ-за кусту, кто изъ-за камню выходили, видятъ Идолище лежитъ, обсѣчены его головы. „Кто его побилъ"?—Не знаю, я *не въ своихъ памятяхъ* *) была, въ испугѣ. „А ты скажи на насъ, что мы побѣдили, а то мы тебя въ море бросимъ". Когда они съ большимъ страхомъ говорили ей. „Я, *гытъ*, скажу о васъ, что вы зашшитили". Когда онѣ выкинули флакъ и пошли со флакомъ. *В*осударь стоитъ на балхонѣ и смотритъ. „Идутъ съ бѣлымъ флакомъ, должно быть, благополучно". Приходятъ онѣ къ *в*осударю. Восударь спустился съ балхона. «Ну, какъ, дѣти,—зашшитили»?—Слава Богу, зашшитили.—А у ихъ документы были сдѣланы, что, значитъ, кто зашшититъ, такъ ее замужъ выдать.

И когда выдалъ *в*осударь за сенатóра свою дочь взамужъ, и потомъ *призыскивалъ* **) такихъ, что *ан*тиресно было бы слушать. И потомъ этотъ трактиршшикъ и сказалъ ему; „Какой-то ходитъ, пришелъ изъ иной земли. Если вамъ желательно, такъ я вамъ извѣстье дамъ, а такъ его нельзя, а то онъ уйдетъ". Онъ пришелъ когда въ трактиръ со своей охотой, возьметъ человѣка пошлетъ, взять его тутъ. Этотъ же самый Иванъ царскій сынъ спозналъ, что посланникъ посланъ туды къ *в*осударю, онъ повернулся въ скоро время и ушелъ. Пріѣзжаетъ тамъ, можетъ быть, дежурный ли, кто-нибудь, этого охотника нѣтъ въ трактирѣ. Гдѣ искать? Искать его не знаютъ гдѣ. Этотъ же самый охотникъ посылаетъ къ *в*осударю, когда былъ вечеръ, лису. Лиса прибѣжала прямо *къ имъ* въ компанію, повернулась, и была —и нѣтъ. Дѣвица одна и проговариватъ: «Вотъ охота нашего *зашшитчика*, а *зашшитчикъ*, должно быть, гдѣ-нибудь здѣсь». Они ***) услыхали. „Какой *зашшитчикъ*? *Зашшитчика* у васъ нѣтъ. Мы—*зашшитчики*"! Онъ послалъ волка. „Схоти, волкъ, узнай тамъ". Волкъ пришелъ *къ имъ* въ компанію и разложился своими пѣснями. Его тутъ могли схватить. И потомъ пошли за имъ. И онъ пошелъ и довелъ ихъ до квартеры. И этотъ хозяинъ *возлился* на волка какъ будто. «Я тебя посылалъ, ты не могъ возвратиться, разложился своими

*) удареніе на второмъ я.
**) Удареніе на ы.
***) Сенаторы.

пѣснями, тебя могли взять, изъ-за тебя и меня взяли». Посланникъ этотъ обошелся противно съ Иваномъ-царскимъ сыномъ. Иванъ *не въ ослушаньи* былъ, не пошелъ къ имъ. *В*осударю сдѣлалъ доношеніе *в*осударь и говоритъ: «Вы *што*? необразованны! Обошлись, можетъ быть, гордо съ имъ,—ну, онъ *осерчалъ*, не пошелъ». Посылали тамъ *енерала* къ нему. *Енералъ* подъѣхалъ къ нему, обошелся *съ имъ* какъ слѣдующимъ порядкомъ. И потомъ онъ говоритъ *енералу*: «Вы вотъ что: если вамъ меня желательно, намъ пожалуйте *подо всяко всякъ свою* карету, тогда я поѣду». Енералъ обратился къ *в*осударю: «Онъ требуетъ *всякъ свою* карету, ихъ много". *В*осударь распорядился: „Исправьте *всякъ свою* карету имъ". Тогда они исправили *всякъ свою* карету Пріѣзжаютъ къ ему. Когда онъ садится къ имъ въ карету, и охота всякъ въ свою карету садится. Пріѣзжаетъ къ ему, *в*осударю, на вечеръ и заходитъ въ зало къ имъ. Дѣвицы увидали. „Вотъ чашъ *зашшитчикъ*"! Эти потомъ услыхали. „Какой это *зашшитчикъ*! Это какой то *шлындикъ*".—Какъ, почему я *шлындикъ*?—«Какой ты *зашшитчикъ*? *зишшитчики* мы».—Какъ вы *зашшитчики*? А ежели вы *зашшитчики*, гдѣ *ихни* головы лежатъ? „А *ихни* головы брошены въ море".—Какъ, почему въ море? это неправда ваша, что головы въ морѣ.—„Нѣтъ, въ морѣ".—Если въ морѣ, такъ можно взять море на свидѣтельство.—«Можете взять море на свидѣтельство». *В*осударь беретъ себѣ вниманье. «Стало быть, *ихня*, должно быть неправда". Промедлили до утра. Утромъ поѣхало собраніе на свидѣтельство моря. Закинули неводъ, стали неводить, въ морѣ нѣту. «Ихъ волной откачало».—Не *мысленно*, что волной откач*атъ*,—море не приметъ никогда на средину, море выкач*атъ* къ берегу.—Потомъ во второй разъ закинули, опять нѣт*у* ничего въ неводѣ. „Слышите, Ваше Император*ство* Величество, такъ въ морѣ головы"?—Такъ точно, мы слышали, что онѣ показали, что въ морѣ головы.—Онъ и говоритъ: «Ну-ка, медвѣдь, отвороти эти камни». Который первый зарубленъ, и лежатъ двѣ головы подъ камнемъ, „Ну-ка, вторые камни отвороти". Вторые камни отворотилъ, тоже головы лежатъ подъ камнями. „Ну, что, Ваше Император*ство* Величество, въ морѣ головы? Это неправда; онѣ показали, что въ морѣ головы, а головы очудились на берегу, подъ камнями". *В*осударь на это *осерчалъ*, что *ихня* неправда. «Не есть они мнѣ *зашшитчики*, а есть измѣн*шшики*». Приказалъ *в*осударь имъ головы ссѣчь, своимъ *зашшитчикамъ*. Когда ссѣкли имъ головы, дѣвицъ спросилъ, что д*и*ствительно это онъ? „Д*и*ствительно онъ". И по-

томъ этотъ *защитчикъ* вынималъ изъ кармана именной перстень. И потомъ онъ выдалъ свою дочь за него замужъ.

И спрашивалъ его: „Кто же есть у тебя сродственники“?—Да, есть у меня сродственница, сестра. «А гдѣ же она»?—А знаете ли завѣтную мельницу въ такимъ то мѣстѣ? Отъ завѣтной мельницы въ трехъ верстахъ стоитъ флигель у моря. Прикована она у столба.—«За что жъ она прикована»?—Прикована за *провинку*.—Посылаетъ *государь* своихъ служанокъ, что раскковать ее и привести. Когда пріѣхали служанки *ихни*, расковали и омыли ее какъ слѣдующимъ порядкомъ. Привозятъ эту дѣвицу и начинаютъ всѣ пиры-бесѣды отводить; сестра его думала всѣ зло на своего брата. Братъ когда легъ отдохнуть на кровать, его сестра *нѣсмога сердца*, злой зубъ подложила ему подъ подушку. Когда онъ повернулся на подушкѣ, злой зубъ вылетѣлъ прямо ему въ ухо, и онъ живъ не былъ. Жена его хватила, что онъ мертвый. Ужасно плакала *надъ* ёмъ. „Что такое“? И онъ *) и спрашиватъ ее, его сестру. „*Какій* у васъ похороны“?—Если я впередъ помру, мнѣ въ 3000 рублей похороны, а если: онъ помретъ, то ему голову отсѣчь и положить ее *промѣжъ* ногъ и положить его въ дубовую колоду и похоронить его за городомъ“. Дѣйствительно, отсѣкли голову ему, положили промѣжъ ногъ, положили въ дубовую колоду и отнесли за городъ. Потомъ охота была печальная объ своимъ хозяинѣ и пошли они его искать. За городомъ *натокались* могилу. Медвѣдь и говоритъ: „Не нашъ ли хозяинъ здѣсь похороненъ“? Откопали могилу, сняли гробницу, увидали, что дѣйствительно нашъ, *гытъ*, хозяинъ. Лиса говоритъ медвѣдю: «Медвѣдь»!—Что? «Вонъ волы ходятъ, поймай вола, ты проворнѣй **) насъ; *нутренность* вывали изъ его, изъ вола». Медвѣдь пошелъ, поймалъ вола, вывалилъ *нутренность* изъ его. „Кто ложиться въ этого вола будетъ“?—Ты, лиса, *поверчый* ***) насъ, ложись въ вола. Воронъ прилетитъ, ты поймаешь вороненка.—Когда лиса легла, воронъ прилетѣлъ съ воронятами. Воронята говорятъ «*Харчъ*»! А воронъ: «Нѣтъ, обманъ». Воронъ сѣлъ, лиса поймала вороненка. Воронъ говоритъ: „Лиса, отдай мнѣ дитя“.—А что жъ, тебѣ жалко его? „Какъ же мнѣ не жалко свое дитя“?—А ежели тебѣ жалко, полетай и принесь живой воды. „Давай пузырь“. Отъ этого же вола взяли пузырь, *изобиходили* его, дали ворону. Воронъ унесъ его. Че-

*) Государь.
**) Удареніе на ѣ.
***) Удареніе на ѣ.

резъ трое сутокъ онъ прилетѣлъ. Лиса беретъ, *спрыскиваетъ* своего хозяина до трехъ разъ: его голова приросла къ его плечамъ. Кровь играетъ въ лицѣ, а стать не можетъ. И онъ ходятъ, его смотрятъ. „Нѣтъ ли чего *въ немъ*"? Стали смотрѣть и нашли злой зубъ *въ немъ*. „Не отъ этого ли онъ не можетъ встать? Лиса выдергивай, высасывай этотъ зубъ". Она потомъ начала изъ его уха высасывать злой зубъ. Когда до трехъ разъ прикладывалась, высасывала зубъ, высосать не могла; въ четвертый разъ потянула, зубъ вылетѣлъ изъ уха въ землю. Тогда онъ поднялся, сѣлъ на ж..., перекрестился. „О, я сколь долго спалъ"! Тогда они пошли со своимъ хозяиномъ къ своему тестю. Приходятъ къ садовщишику (вм. садовнику). Садовщишикъ пропускаетъ ихъ въ садъ. *Своячена* увидала, что зять прошелъ въ садъ, обратилась къ своему папашѣ, *обсказывала*. Папаша ей отвѣчаетъ: «Можетъ ли быть, что изъ мертвыхъ встанетъ нашъ зять, когда онъ померъ? Тебѣ *помстило* это, ты *объ немъ* тоскуешь». Она отправилась въ садъ къ садовщишику, заходитъ въ избенку, смотритъ, что дѣйствительно на кровати сидитъ мой зять. Обратилась къ своему папашѣ, *обсказываетъ* папашѣ, что дѣйствительно нашъ зять лежитъ у садовщишика на кровати, спитъ крѣпкимъ сномъ. Папаша обратился въ этотъ же садъ къ садовщишику, отворилъ тихонько дверь и смотритъ, что дѣйствительно нашъ зять спитъ. Подходитъ, весьма радъ ему былъ, будилъ тихонько своего зятя. Разбудилъ его, ведетъ къ себѣ во дворецъ. Сестра увидала его, испугалась. Тогда объ него *) выспрашивалъ: *Какъ* у васъ похороны были?—„У насъ уговору никакого не было *съ ей*. Она злодѣйка мнѣ, много разъ къ смертямъ предавала. Мою сестру посадить на ворота, разстрѣлять ее изъ двѣнадцати *мушкатонтовъ* (испорченное: мушкетъ), сдѣлать ее кислой *простакишей*". Дѣйствительно собирались сенаторы, министры, думщишка-совѣтчики, думу думали, совѣтъ-совѣтовали, дѣйствительно присудили ее на ворота посадить, разстрѣлять изъ двѣнадцати *мушкатонтовъ*, сдѣлать ее кислой простакишей. Такъ, значитъ, покончилась она.

*) Государь Ивана, царскаго сына.

30. Про Ванюшку, майорскаго сына. *)

Былъ майорскій сынъ Ванюшка, и потомъ говоритъ своему дядькѣ: «Дядька, опусти меня на гулянье».—Нѣтъ, твой папаша не приказывалъ васъ отпускать. «Опусти, дядька, меня». Дядька подумалъ. „Я васъ одного не отпущу". Потомъ приказалъ кучеру лошадей заложить въ карету: нужно отправиться по городу. Когда они поѣхали по городу, по всѣмъ улицамъ, подъѣзжаютъ къ трактиру, и онъ смотритъ. «Это что, дядька, у васъ»?—Какъ же вы люди ученые, *практикованые*, должны понимать,—видите, что трактиръ.—Впередъ поѣхали, подъѣзжаютъ къ питейному заведенію. „А это, дядька, что такое?".—Какъ же вы люди ученые, *практикованные*, а не знаете? видите, что питейное заведеніе.—«А зайдемъ *въ его*, посмотримъ».—Нѣтъ, нельзя.—Когда они во второй разъ, дядька не могъ *отъ его* отвязаться. „Ну, что жъ, зайдемъ". Зашли въ этотъ кабакъ, питейное заведеніе. Пьяницы трутся *коло* (около) его. „Ёй, дядька, что онъ трутся *коло* меня, народъ"? Какъ же вы не понимаете? Когда пьяницы трутся *коло* меня, у нихъ голова болитъ съ похмѣлья, *распохмѣлиться* (обыкновеннѣе: *опохмѣлиться*) не на что имъ.—Онъ вынималъ на полведра на водку, подалъ имъ. Пьяницы берутъ полведра водки, *распохмѣлиеаются* (*опохмѣляются*). Выходитъ изъ питейнаго заведенія. Прибѣгаютъ двѣнадцать богатырей, всѣ въ красныхъ фуражкахъ. Онъ спрашиваетъ: «Это, дядька, что за люди прибѣгаютъ *обружёны* **) и въ красныхъ фуражкахъ»? —Это отъ твоего папаши, разъѣзжаютъ по тѣснымъ мѣстамъ, чтобъ не было ни грабежа, ни убійства,—Когда онъ сѣли въ карету, поѣхали по улицамъ. Встрѣчу (нар.) *къ имъ* дѣвица. Ѣдетъ въ возкѣ и двери растворила. И такая же пріятная красавица, и онъ влюбился *въ ее* хорошо. Когда онѣ поѣхали, онъ и думатъ, какъ бы эту дѣвицу увидать еще? Пріѣзжаетъ домой и все думатъ *о ей*, сутки, и *двои*. И отпрашивается у своего дядьки на гулянье. Дядька его не отпускаетъ одного. И онъ и говоритъ: „Дядька, возьми три тысячи рублей, опусти меня одного на гулянье". И дядька опять и думатъ самъ себѣ: «Что же, зайдетъ въ питейное заведеніе, не больше только бокъ налупятъ ему, и то онъ никому не скажетъ». Приказалъ кучеру коня заложить въ дрожки. Садился майорскій сынъ, отправился по всѣмъ улицамъ. Когда онъ поѣхалъ по улицѣ, дѣвица ему встрѣтилась. Проѣзжалъ эту

**) Записана лѣтомъ 1905 г. въ с. Бердскомъ, Барн. у.
*) Удареніе на е.

дѣвицу. Дѣвица опять заѣзжаетъ прочими улицами къ Ванюшкѣ навстрѣчу. Соскочилъ онъ съ дрожекъ, прямо къ этой дѣвицѣ, въ этотъ возокъ. И дѣвица, значитъ, прелестна была ему, любовалась она съ нимъ. И кучеръ отправился изъ города вонъ, и Ванюшка смотритъ, что дѣло плохо выходитъ, а выскочить нельзя. И видитъ, что они поѣхали лѣсомъ, *на* весь (во весь) духъ катятъ на коняхъ, никакъ выскочить нельзя. И подъѣзжаютъ они къ дому, вокругъ дома крѣпость крѣпкая. Подъѣхали къ воротамъ. У воротъ *состукали*, выскочили двѣнадцать разбойниковъ. «Да, гусь какой перистый привезенъ, пера и пуху *въ ёмъ* много». Ванюшка испугался, дѣваться некуда. Завели его въ домъ, *у ихъ* идетъ выпивка. *Исносяли* они всѣ за столъ. «Ванюшка, садись къ себѣ же за столъ»! Ванюшка не садится. Одинъ по-матерски его дёрнулъ. «Давай садись»! Ванюшка сѣлъ за столъ. Наливаютъ стаканъ вина и подаютъ ему. Онъ не пьетъ. «Давай пей»! И когда онъ стаканъ водки *отъ ихъ* выпилъ. Принесли карты, начали въ карты играть, заставляютъ Ванюшку въ карты играть. Ванюшка не играетъ *съ ими* въ карты. Разбойникъ по-матерски его дернулъ. „Давай, играй въ карты“. Когда начали они въ карты играть. Ванюшка былъ *въ перемѣньи* (въ печали): карты выпадали изъ рукъ. Отыграли когда въ карты, атаманъ приказываетъ: „Возьмите его, руки и ноги свяжите ему“. Руки и ноги связали Ванюшкѣ и головой кладутъ его на полѣно, отсѣкать ему голову. Одинъ разбойникъ взялъ топоръ, поднялъ его кверху. Онъ и говоритъ, этотъ Ванюшка: «Господа, есть у меня двѣнадцать бутылокъ подъ красными пробками; вы только имъ попользуйтесь, опустите меня, я напишу записку въ погребокъ—опустить вамъ двѣнадцать бутылокъ подъ красными пробками. Онѣ дорого стоятъ“. Отвязали его руки, ноги, подаютъ ему чернильницу, перо и даютъ ему думати. Ванюшка пишетъ записку. „Господинъ сидѣлецъ! Купленые въ такое время, когда я проѣзжалъ, купилъ у васъ двѣнадцать бутылокъ подъ красными пробками за двѣнадцать тысячъ“. Написалъ записку, посылаютъ они отъ себя человѣка въ этотъ же кабакъ.

Разбойникъ пріѣзжаетъ въ питейное заведеніе въ это,въ которомъ Ванюшка былъ. Подаетъ сидѣльца записку.Сидѣлецъ смотритъ: «Что такое“?Когда онъ сидѣлъ, думалъ,думалъ.„Должно быть, онъ попалъ куда,а что эти бутылки съ красными пробками, двѣнадцать богатырей когда то пріѣзжали. Вы погодите маленько, намъ время нѣтъ, они въ погребѣ». Тотъ остановился, этотъ разбойникъ, подождать маленько. Пріѣзжаютъ эти двѣнадцать богатырей въ красныхъ рубашкахъ. Подаетъ записку

атаману. Атаманъ смотритъ эту записку. «Навѣрно, Ванюшка, майорскій сынъ гдѣ-нибудь попалъ. Кто вамъ записку привезъ"? Онъ указалъ на этого человѣка, который привезъ ему записку. Атаманъ приказываетъ своимъ товарищамъ: „Возьмите этого человѣка, не нужно опускать его съ глазъ". Поѣхали, взяли этого разбойника къ себѣ и говорятъ ему?:—«Отвѣчай," гдѣ вашъ домъ». Дѣться ему было некуда, этому разбойнику. Повелъ онъ ихъ къ себѣ, выѣзжали за городъ. И повелъ онъ ихъ тайгой. И спрашиваютъ: „Что, далеко ещѣ вашъ домъ"?—Нѣтъ, недалеко.—Атаманъ беретъ подзорную трубу, смотритъ. Когда усмотрѣлъ: „Не этотъ ли вашъ домъ"?—Да, этотъ.—Вынимаетъ сашку, сѣкаетъ разбойницу голову. Подъѣзжаетъ къ воротамъ, *состукали* о ворота высточили на радостяхъ *), думали, что съ виномъ пріѣхалъ ихній товарищъ. Отворяютъ ворота. Атаманъ спрашиваетъ: „Ванюшка, майорскій сынъ, у васъ въ гостяхъ"?—Нѣту. „Какъ, почему нѣтъ? долженъ быть здѣсь. Отвѣчайте, гдѣ онъ"? Когда онъ завели въ домъ и подвели къ Ванюшѣ. Ванюшка связанный лежитъ, и голова на полѣнѣ. «А, Ваня, дома у матери и отца спалъ на перинахъ и на мягкихъ подушкахъ, а здѣсь въ гостяхъ спишь на полѣнѣ». Отвязали Ванюшку. Ванюшка поднялся на ноги, и атаманъ приказалъ разбойникамъ стать всѣмъ шаринкой (шеренгой?) Разбойники стали всѣ шаринкой. Атаманъ беретъ сашку, отсѣкаетъ имъ, одинадцати*мъ* разбойникамъ головы. И когда дѣвицу эту оставилъ онъ и спрашиваетъ у Ванюшки: «Что, Ваня, голову сѣчь или желаешь за себя взамужъ взять»?—Нѣтъ, *кака* она мнѣ *взамужница*, не надо.—Атаманъ и говоритъ: «Давно вы жили, нѣсколько годовъ много народовъ били и грабили, у васъ серебра и золота много, отводи, гдѣ оно есть". Повела она къ кладовѣ (—ой). Товарищъ подбѣгаетъ къ дверямъ, хочетъ только за скобу взять. Атаманъ ударилъ товарища. „Что ты безъ спроси берешься за скобу"? Когда атаманъ приказалъ: „Снимите съ себя опояски и свяжите ихъ вмѣстѣ". Когда они сняли опояски и связали вмѣстѣ, и подходитъ атаманъ и вяжетъ ихъ за скобку. И приказалъ атаманъ: „Вы станьте *нгимо* дверей, не ставайте напротивъ дверей"! Стали *понимо* дверей. Атаманъ беретъ за опояску, подернулъ опояску, отворилъ дверь: изъ двенадцати могло ружьевъ дать *въпалъ* (вм. выстрѣлъ) *въ* ихъ, Атаманъ взялъ сашку. сѣкастъ дѣвицѣ голову. Заходитъ въ кладовую и приказываетъ своимъ товарищамъ: „Берите злата, серебра, кому сколько надо". Брали злата, серебра, выходили изъ кладовой. Атаманъ приказалъ гоулять сутки въ этомъ домѣ. „Не *убойтесь*,

*) удареніе на я.

не будетъ никого". *Когда* онъ погуляли сутки въ этомъ домѣ и отправились *вобратно*. Привозятъ Ванюшку домой. Папаша спрашиваетъ: „Гдѣ ты былъ"?—Былъ я подъ великимъ несчастьемъ, у такихъ то разбойниковъ. А дядька гдѣ мой? „Дядька твой сидитъ въ замкѣ". *Когда* приказалъ онъ его выпустить изъ замка. Выпустили они изъ замка, и тѣмъ покончилось.

31 О Воронѣ Воронѣвичѣ, Вихрѣ Вихрѣвичѣ, сильномъ могучемъ богатырѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ *восударствѣ* было у *восударя* три сына. И онъ поѣхалъ полки, арміи смотрѣть, своимъ дѣтямъ не приказывалъ свою мать на гулянье водить. „Ежели свою мать поведете на гулянье въ садъ, да что случиться, я пріѣду и вамъ голову сѣку". Когда *восударь* поѣхалъ полки, арміи смотрѣть, и она говоритъ: „Милыя мои дѣти, что же вы не сводите въ садъ на гулянье? а куды я дѣваюсь отъ васъ"? Когда взошли въ садъ и три сына *съ ей*. Беретъ большака-сына, кладетъ себѣ на колѣни и начинаетъ въ головѣ искать. И онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Спихнула она съ колѣней. Беретъ середняго сына, кладетъ себѣ на колѣни, начинаетъ опять въ головѣ искать. Уснулъ середній сынъ крѣпкимъ сномъ. Спихнула она съ колѣней. Беретъ малаго сына, кладетъ себѣ на колѣни начинаетъ въ головѣ искать, и онъ прикинулся. Прикинулся, какъ бѣдто уснулъ, и видитъ что какъ туча *вакатывается*. Накатилась туча, и вылетѣлъ изъ тучи Воронъ Воронѣвичъ, Вихорь Вихорѣвичъ, сильный, могучій богатырь. Ухватилъ *ихню* мать, сталъ поднимать кверху. Сынъ малый поймалъ *ей* за ногу. И поднялъ ихъ обоихъ кверху, и мать говоритъ ему: „Любезнѣйшій сынъ, опустися отъ меня". Сынъ когда ея опустился отъ ноги, ударился о землю, лежалъ цѣльныя сутки мёртвый. Отдохнулъ и говоритъ своимъ братьямъ: „Братцы, пойдемте мать искать, папаша будетъ, намъ головы сѣчетъ. *Все одно*, живымъ намъ не быть". *Когда* они собрались, берутъ съ собой ружья и отправляются искать *ей*. Шли много-ли, мало-ли время, приходятъ въ тайгу. Въ тайгѣ нашли гору, и гора высокая. Взошли *когда* они на эту гору. На этой горѣ провалища, и вокругъ провалища *утолка**) (отъ утолочь утоптанная земля) *велика*. —Кто ходитъ вокругъ этого провалища? Малый сынъ и говоритъ своимъ братьямъ: „Братцы, не наша-ли мать *судыи* унесёна? Какъ бы узнать? Бейте звѣри, и снимать шкуры, и сшивать ремни, узнавать глубину". Били звѣри, снима-

*) удареніе на у.

ли шкуры, сшивали ремни, узнавали глубину. Когда узнали глубину, и онъ спрашиваетъ: „Кто, братцы, у насъ можетъ туды пойти?“ Большакъ братъ говоритъ: „Я не пойду“. И середній: „Я не пойду“. Малый братъ говоритъ: „Ну, братцы, устроить нужно такъ, чтобы можно было вамъ легко меня спускать и вынимать, при случа̀ѣ, вобратно“. Когда устроили валокъ, малый братъ садился въ эту шлюпку, спускали его туды. Наказывалъ братьямъ: „Братья, если въ случа̀ѣ затрясу ремни, подымайте въ скорое время меня вобратно. Покамѣсть не затрясу ремней, не подымайте“. Спускали когда они его туды на землю. И онъ пошелъ, и шелъ много-ли, мало ли время и видитъ лучъ, какъ *все-едино* отъ солнца стоитъ. Подходитъ, стоитъ теремъ, заходитъ въ этотъ теремъ, и теремъ серебряный. Въ теремѣ сидитъ прекрасная дѣвица на стулѣ, весьма рада ему была, встрѣтила его съ радостью. „Какъ ты *сюды* попалъ?“ —А вотъ попалъ. „К*уды* же ты пошелъ?“—Я пошелъ свою мать искать. „А твоя мать далеко унесена, унесъ Воронъ Воронéвичъ, Вихорь Вихорéвичъ, сильный, могучій богàтырь. Попадать *къ ему* трудно. Иди впередъ, тамъ есть другая дѣвица; она, можетъ, знаетъ, какъ къ ему попадать“. Наказывала эта дѣвица: „*В*обратно пойдешь, зайди за мной“. И пошелъ онъ впередъ и видитъ впередъ тоже опять лучъ. Сталъ подходить, стоитъ теремъ. Теремъ—мѣдный. *К*огда заходитъ въ этотъ теремъ. Сидитъ дѣвица на стулѣ, обрадовалась ему. «Какъ ты *сюды* попалъ?» —А вотъ я пошелъ свою мать искать. «Твою мать унесъ Воронъ Воронéвичъ, Вихорь Вихорéвичъ, сильный, могучій богàтырь. Иди впередъ, есть третья дѣвица, она знаетъ, какъ *къ ему* попасть». Напоила, накормила, опустила его. Шелъ онъ много-ли, мало-ли время, видитъ опять лучъ, и стоитъ теремъ. Въ теремѣ сидитъ прекрасная дѣвица на стулѣ, весьма рада ему была, встрѣтила его съ радостью. Третья дѣвица напоила, накормила его. И онъ сталъ спрашивать: какъ мнѣ попасть? «Попадать *къ ему* трудно. На̀ тебѣ салфетку, придешь къ морю, кинь на море, сдѣ*лается* мостъ, за одинъ уголъ возьми, подёрни, не будетъ ничего. И на̀ же вотъ тебѣ подвязки шелковыя. Сидитъ старикъ у воротъ, съ топоромъ. Онъ тебя такъ не пуститъ; подашь эти подвязки шелковыя, тогда онъ можетъ тебя пропустить. Вотъ тебѣ пшены: зайдешь въ крѣпость, набѣгутъ сѣрые гуси и будутъ тебя *щипать*; разсыпь эту пшену, пшену будутъ клевать, ты въ то время уйдешь. На̀ же тебѣ три куска хлѣба: набѣгутъ борзые кобельё, и брось, они хлѣбъ возьмутъ, будутъ *ись*, ты въ то время уйдешь. На̀ же тебѣ тугой лукъ, желѣзную стрѣлу. Стань подъ передній уголь къ его терему и не про-

ѣчивайся, когда сядешъ на теремъ, стрѣляй его прямо въ *сокóлъ* (въ грудь). Если ты промѣтишься, то онъ тебя убьетъ». И когда онъ распрощался, пошелъ. Подходитъ къ морю, кинулъ салфетку: сдѣлался мостъ. Онъ перешелъ по мосту, *подернулъ* за одинъ уголъ, моста не стало. И шелъ много-ли, мало-ли время, завидѣлъ впереди теремъ, и вокругъ терема тынъ желѣзный. Подошелъ къ воротамъ, сидитъ на стулѣ старичекъ и держитъ топоръ. Берется у воротъ за скобу отворять, старикъ замахивается на него топоромъ. Онъ подалъ ему шелковыя подвязки, и онъ пропустилъ его. Заходитъ къ крѣпости, набѣжали сѣрые гуси и стали *щипать* его. Онъ разсыпалъ имъ бѣлоярой пшеницы, они стали клевать, и онъ ушелъ. Пошелъ впередъ, набѣгаютъ борзые кобе*лье*. Бросилъ имъ по куску хлѣба и прошелъ *мимо*. И подошелъ къ терему, сталъ подъ передній уголъ. *Не черезъ много* время и видитъ, что туча накати*вается*. Накатилась туча, напротивъ терема остановилась. Изъ тучи вылетѣлъ Воронъ Воронóвичъ, Вихорь Вихорéвичъ, сильный, могучій богáтырь, сѣлъ на теремъ. Теремъ заходилъ съ углу на уголъ. Наложилъ желѣзную стрѣлу на тугой лукъ, спустилъ ее прямо въ соколъ. Воронъ палъ на землю. Подходитъ, вынимаетъ царскій сынъ изъ его хвоста *правильное* перо, кладетъ его себѣ въ карманъ. Заходитъ въ теремъ, мать увидала его, начинаетъ клясти: „*Откуль* ты, злодѣй, ко мнѣ взялся“! Начинаетъ уговаривать свою мать. Уговорилъ когда свою мать, мать съ нимъ смирилася Наставила на столъ напитки, *напóйки* и всякія разныя кушанья, угостила своего сына. Выходили изъ терема и этотъ теремъ мать ему свертывала клубкомъ, подавала ему. Отправились къ морю. Кидаетъ на море салфетку,—сдѣлался мостъ. Перешли по мосту; за одинъ уголъ взялъ, *подернулъ*, не стало ничего. Приходятъ къ дѣвицѣ къ этой. Дѣвица ставила на столъ напитки, напóйки, всякія разныя кушанья, угостила ора ихъ. Собирались изъ этого терема. Свертывала дѣвица теремъ клубкомъ, подавала имъ. Приходятъ ко второй дѣвицѣ. Вторая дѣвица принимала ихъ съ радостью, угостила ихъ. Потомъ свернула теремъ клубкомъ и подала имъ. Къ послѣдней дѣвицѣ. Она ихъ напоила, накормила, свернула теремъ клубкомъ, подала имъ. Подходятъ къ тому пути, гдѣ его виситъ зыбка. Посадилъ дѣвицу въ эту колыбельку, ремни затресъ; начинаютъ братья вытаскивать. Вытащили дѣвицу. Какая она прелестная красавица! Братья могли разодраться объ этой дѣвицѣ. Эта дѣвица и говоритъ: „Что вы, глупы, деритéсь, тамъ еще покрасивше (сравн. ст.) меня есть.» Братья драться перестали изъ-за нея. Когда они спустили во второй разъ, онъ посадилъ

вторую дѣвицу. Подняли вторую дѣвицу и спустили въ третій *разъ*, —и вытащили третью дѣвицу. Четвертый разъ (пропущенъ предлогъ *въ*) спустили своему брату. Братъ и думаетъ: „Если самому сѣсть, то мать моя не сѣдетъ, не пойдетъ". Посадилъ свою мать въ эту колыбелку, затрясъ ремни, и мать *вызняли оттудовъ*. Спустили *за имъ*. Когда онъ сѣлъ въ эту колыбельку, начали его поднимать. Мать беретъ его только на видъ, своего сына, беретъ ножъ, перерѣзываетъ ремни. Ее сынъ *вобратно* оторвался и хлестнулся о землю. Лежалъ трои сутокъ мертвый. Когда онъ отдохнулъ, развернулъ теремъ, вынималъ *оттуль* топоръ. „Пойду я къ морю, найду *нанòсину* *), сдѣлаю гробъ, помру я здѣсь. Подошелъ къ морю, нашелъ *нанòсину* и сдѣлалъ изъ нея гробъ себѣ. Сталъ *лежиться* въ этотъ гробъ. Это правильное перо *окололо* его въ бокъ. Онъ осерчалъ, выскочилъ изъ гроба. „Какой воровъ былъ злой, и тако перо *въ имъ*". Ударилъ его о землю, вылетѣли тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. Онѣ спросили его: „Что, новый баринъ прикажите дѣлать?" — А вынесете меня *отседовъ* (отсюда) на тотъ свѣтъ, съ котораго я.—Подхватили его и вынесли *в* братно его оттудъ въ. И когда онъ приходитъ *вобратно* домой къ своему отцу на западные (вм. *заповѣдные?*) луга и гдѣ *растѣная* (прич.) была бѣлояра пшена. Поставилъ свои терема. Отецъ поутру сталъ, смотритъ на свои западные луга. „Что за такая (—ой) невѣжа поселилась (—лся) у меня на западныхъ лугахъ?" Посылаетъ къ нему чиновника, енерала, узнать, кто онъ есть. Енералъ пріѣзжаетъ къ его терему. Своимъ слугамъ приказываетъ: „Дуйте его плетьми, гоните его *отсудовъ* (отсюда), гоните *вобратно* и пущшай (пускай) пошлетъ лучше себя". Обратился съ жалобами енералъ: „Ваше Императорство Величество, кака-то невѣжа поселилась (—лся) здѣсь, отдули меня плетями (—ми). И приказалъ онъ послать лучше себя". Этотъ *восударь* не взялъ еще себѣ (во) вниманье, что кого послать лучше себя. Послалъ самого лучшаго, *взвышняго* чиновника къ *ему*. И онъ приказалъ своимъ слугамъ: „Дуйте его, гоните *вобратно* и пущшай пошлетъ лучше себя" Обратился этотъ чиновникъ *вобратно*. *Восударь* думаетъ:" Кого послать лучше себя? Доводится самому". Поѣхалъ *восударь* самъ *къ ему*, узналъ, кто онъ есть. Когда увидѣлъ своего папашу. „Слуги мои, подхватите его, несите ко мнѣ". Слуги выскочили, подхватили *восударя* подъ руки. *Восударь* испугался, думалъ, что его лупить. Завесли къ сему въ домъ, во дворецъ. Сынъ приказыва-

*) Отъ *наносить* бревно или плаху, прибитыя къ берегу волнами.

ѣъ своимъ слугамъ: „Несите на столъ напитки, наѣдки, всякія разныя кушанья, угостите моего папашу какъ слѣдующимъ порядкомъ“. *Колда* (когда) слуги угостили его какъ слѣдующимъ порядкомъ, этого *в*осударя, и тогда пошелъ между *и*ми разговоръ, что онъ узнали другъ друга: этотъ будетъ ему сынъ, а этотъ отецъ.

---

32 О царской дочери и о Ванюшкѣ, купеческомъ сынѣ.

*В*осударь разсылалъ карточки отъ своихъ дочерей: Кто можетъ разговорить ее? Она была прелестна красавица. Прислана была купцу. Этотъ мальчишка увидалъ карточу. „Така прелестна красавица, могу я ее разговорять“. И говоритъ своему папа*шѣ*: „Благословите меня, папаша, ѣхать разговорить ее“.— А что, развѣ не нашлось такой красавицы здѣсь? „Пѣтъ, благослови, поѣду.“ *К*огда онъ не могъ отвязаться отъ своего сына. Благословилъ онъ его. Беретъ себѣ Алексѣя, служащаго, и отправляются они въ это королевство. Пріѣзжаютъ, откупаютъ себѣ номеръ, проживаютъ по гостинницѣ. Заявляются къ *в*осударю, заходятъ на кухнѣ. Поваръ готовитъ ему кушанье, тому *в*осударю. Обсказалъ повару, поваръ доложился *в*осударю. Потомъ *в*осударь потребовалъ его къ себѣ. „Можете ее разговорить?“ Вывели ее тогда, поглянулась ему. „Могу ее разговорить, Ваше Императорское Величество.“ —Ну, вотъ что: если разговорите вы ее, если вы холосты, я выдамъ ее за васъ замужъ; если не разговорите, я вамъ голову сѣку.—Сдѣлали тогда документы они, что разговорить ее въ трои сутокъ. Опустили его тогда, онъ пошелъ. Велѣно было черезъ сутки являться къ нему. Выходитъ отъ *в*осударя изъ дворца. Идетъ пьяница, несетъ въ садкѣ пташку. „Кто купитъ эту пташку—горе, а не купитъ —вдвое.“ И онъ и думалъ самъ себѣ: Что такое? Подзываетъ пьяницу къ себѣ. «Сколько за нее?» —Сто рублей.—Вынимаетъ деньги, отдаетъ сто рублей ему, беретъ пташку съ садкомъ и несетъ къ себѣ. Приноситъ къ своему Олѣ (ласкательное имя отъ Алексѣй), ставитъ на окошко. Черезъ сутки нужно имъ являться было туды. И когда онъ пошелъ и своего Олю не спрашивалъ и не сказывалъ ему ничего. И отправился къ *в*осударю, приходитъ и запирается въ зало съ этой дѣвицей во время ночи. Начинаетъ ее разговаривать, разговаривать.

Разговорить онъ ее никакъ не могъ. Сутки когда у нихъ покончились, потомъ выпустили ихъ: разговорить онъ ее не могъ. На другія сутки отправляется. Подходитъ къ двери, беретъ за скобу. Пташка говоритъ

ему въ садкѣ: „Ваня, возьми меня съ собой.“ Ванюшка обратился, смотритъ подъ кровать, вездѣ осмотрѣлъ за занавѣсками, никого нѣту. „Что такое? Кто мнѣ *рычалъ*?“ Во второй разъ когда онъ подходитъ. „Ваня, возьми меня съ собой“. Онъ ходилъ, ходилъ, никого не могъ углядѣть. И думалъ самъ себѣ. „Не эта ли пташка говорила?“ Подходитъ въ садку и начинаетъ разговаривать. „Вамъ *што* угодно?“ А вы куды пошли? „Я пошелъ царскую дочь разговаривать“.—А возьми меня съ собой. Если не возмешь меня съ собой, то плохо будетъ.—Взялъ онъ её съ собой. Она и говоритъ ему: „Вотъ что, Ваня. Ты её будешь разговаривать, разговорить не можешь. И есть шкафъ изъ краснаго дерева, и ты какъ—нибудь хорошенько подпусти меня подъ этотъ шкафъ, и пройди взадъ—впередъ по залѣ, и потомъ подойди къ шкафу и спроси: Шкафъ, когда я царскую дочь разговаривалъ, разговорить не могъ,—хоть ты со мной поговори, я буду съ тобой заниматься разговоромъ. И спроси, нѣтъ-ли какихъ сказочекъ, нѣтъ ли какихъ побывальщинокъ,—и я буду съ тобой разсказывать побывальщинки и учинимъ споръ (*говоръ*) съ тобой и будемъ спорóться: она въ тотъ разъ промолвитъ“. Когда заперли ихъ въ залу, и онъ началъ ее разговаривать,—разговорить её никакъ не можетъ. Прошелъ взадъ—впередъ по комнатѣ, подошелъ къ шкафу и говоритъ: «Шкафъ, я царскую дочь разговаривалъ, разговаривалъ, разговорить не могъ. Поговори хоть ты со мной. Не знаешь-ли какихъ-нибудь сказочекъ, какихъ-нибудь побывальщинокъ?» Шкафъ говоритъ: „Можно“. И началъ разсказывать. „Шли изъ города плотникъ и токарь, и портной и сапожникъ. Сошлись вмѣстѣ и подходятъ къ морю, и доводится имъ ночевать. Во время ночи безъ караула имъ нельзя. Поставили въ караулъ плотника. Плотникъ стоялъ въ карауле, и было ему скучно. Беретъ топоръ, срубилъ дерево. Оболванилъ человѣка Будитъ токаря. Токарь сталъ, увидалъ, что человѣкъ оболваненъ плохо, устроилъ станокъ, положилъ человѣка въ станокъ, обточилъ какъ слѣдующимъ порядкомъ. Будитъ портного. Портной станетъ, видитъ—статуй, сдѣланъ какъ слѣдующимъ порядкомъ, стоитъ у дерева, но—нагой. Снялъ платье, надѣлъ на этого человѣка и будитъ сапожника. Сапожникъ сталъ, видитъ, что человѣкъ стоитъ хорошо одѣтый, но босой. Вынимаетъ изъ котомки товаръ (въ смыслѣ: матерьялъ), шьетъ ботинки. Снялъ ботинки, надѣлъ на нее и начинаетъ съ ей разговаривать, и дѣвица эта можетъ говорить съ имъ хорошо. Кому должна достаться эта дѣвица? „А кто разговорилъ“. И учинили они между собой споръ (споръ). „Тому должна достаться дѣвица, кто ее въ первый разъ оболванилъ“. Шкафъ говоритъ:

„Тому должна достаться дѣвица, кто ее разговорилъ.“ И разспорились они между собой. И дѣвица эта промолвила: „Ваня, хоть ты купеческій сынъ, ученый, *практикованный*, а ниче вы не понимаете“. Ванюшка, купеческій сынъ, заявляетъ: „Слышите, Ваше Императорство Величество“?— Слышимъ!—Пишутъ, что эта ночь—Ванюшкина. Даютъ ему *увóлки* (увольненія, отъ: уволить). Черезъ сутки онъ опять является къ нимъ. Когда отправлялся, эту же пташку беретъ съ собой. И ашка и говоритъ: «Таперь изъ зала будетъ все убрано. Будетъ *середи**) зала стоять столъ, на столѣ будутъ горѣть лампы. Ты опусти меня подъ лампы“. Когда заперли его въ зало. Онъ царскую дочь разговаривалъ, разговаривалъ, разговорить не могъ. Прошелся взадъ—впередъ по залѣ и говоритъ: «Лампа, и царскую дочь разговорить не могъ, поговори хоть ты со мной“. Лампа начинаетъ съ нимъ разговаривать. Она глаза на него выпучила: „Что за чудовище попалось это“? Лампа спрашиваетъ его: „Что изволите“?—Не знаете-ли какихъ нибудь сказочекъ, какихъ-нибудь побывальщинокъ?— «Можно. Шли изъ города плотникъ и токарь, и портной и сапожникъ..... (и т. д.—полный разсказъ о выдѣлкѣ чучела и его оживленіи). Кому должна достаться эта дѣвица?„А тому, кто разговорилъ“. Ванюшка говоритъ: „Тому должна достаться дѣвица, кто ее въ первый разъ оболванилъ“. Лампа говоритъ: «Тому, кто её разговорилъ». И распорились они между собой. И дѣвица эта промолвила: «Ваня, хоть ты купеческій сынъ, ученый, *практикованный* а ниче вы не понимаете. Тому должна достаться дѣвица, кто разговорилъ» Ванюшка говоритъ: „Слышите, Ваше Императорство Величество“?—Слышимъ.—Пишутъ вторую ночь его. Даютъ ему *увóлки*. Когда онъ, пропустя (вм. пропустивъ) сутки, на третьи сутки является. Беретъ пташку съ собой. Пташка и говоритъ ему: «Вотъ что, Ваня! изъ зала таперь все будетъ убрано, лампы подвѣшены. Ты зайдешь, станешь царскую дочь разговаривать, не разговоришь; возьми, какъ можно тихонько, подъ подолъ къ ей подпусти и спроси какихъ-нибудь сказочекъ, какихъ-нибудь побывальщинокъ». Ванюшка приходитъ на третью ночь во дворецъ, запираютъ его въ зало. Подпустилъ пташку царской дочери подъ подолъ. Разговорить ее не могъ и говоритъ: «По крайней мѣрѣ бы, хоть королевская ж... со мной поговорила, когда не можетъ разговорить ее». И она начинаетъ *лепортовать* ему. „А что изволите“? Та свою з.....у выжимаетъ такъ и сякъ: она все таки начинаетъ разговаривать. Это же само опять разсказываетъ. Разспонили они опять. Ж... говоритъ: «Тому

*) Удареніе на и.

должна достаться дѣвица, кто ее разговоритъ». А Ванюшка: „Кто ее въ первый разъ обозванилъ“. Тутъ дѣвица промолвила: „Ваня, хоть ты купеческій сынъ, ученый, *практикованый*, а ниче вы не понимаете. Тому должна достаться дѣвица, кто ее разговорилъ“. Ванюшка заявляетъ „Слышите, Ваше Императорство Величество“?—Слышу.—Пишутъ третью почь Ванюшки. Ну, теперь ужъ ей дѣться некуда. Тогда начинаетъ съ нимъ дѣвица разговаривать какъ слѣдующимъ порядкомъ. „Навязался на меня злодѣй, никакъ не могла отбиться отъ него“. Потомъ и говорятъ ему: «Вотъ что, Ваня, ступай, черезъ сутки являйся». Ваня когда сошелъ, сутки пробылъ дома, является къ нему. А невѣста его и говорятъ своему папашѣ: «Папаша, я не пойду за него замужъ“. Какъ же ты не пойдешь, когда онъ разговорилъ тебя? „Нѣтъ, не пойду. А надо его послать на волшебный островъ, достать скатнаго жемчуга, драгоцѣннаго камню, убрать свое платье, и потомъ оставить его на этомъ островѣ. Онъ остается, а волшебникъ ему голову сѣчетъ“ И когда онъ пошелъ являться къ своей невѣстѣ, и забылъ про эту пташку и про сво его Алексѣя. Приходитъ къ нимъ. „Вотъ что, сынокъ; вотъ тебѣ корабль, садись на него, поѣзжай на волшебный островъ, достань скатнаго жемчуга, драгоцѣннаго камню—убрать своей невѣстѣ платье“. И когда онъ идетъ на пристань. А корабельщикамъ наказываетъ, что когда сойдетъ съ корабля, уйти назадъ, оставить его. *Когда* онъ пошелъ на корабль. Сѣлъ на корабль. Привозятъ на волшебный островъ. Сошелъ съ корабля на волшебный островъ, Когда ушелъ съ (изъ) виду, корабль обратился, назадъ ушелъ. И онъ походилъ по острову, себѣ ничего не нашелъ, обратился назадъ, и—корабля нѣтъ. Обратился вобратно, пошелъ по этому острову ходить. Попалась ему тропинка. Пошелъ этой тропинкой, завидѣлъ домъ огромнѣшшій. Подходитъ къ этому дому, заходитъ въ этотъ домъ, въ домѣ никого нѣтъ. Стоитъ столъ изъ мраморнаго камня и у стола изъ мраморнаго камня стоитъ стулъ. Видитъ, на столѣ напитки, *напѣдки*, всякія разныя кушанья. И сидитъ за столомъ и слышитъ, что человѣкъ идетъ къ нему въ комнату. Заходитъ старъ-человѣкъ. Старъ-человѣкъ осерчалъ на этого на Ванюшку, купеческаго сына. Ухватилъ сашку, хотѣлъ ему голову сѣчь. Ванюшка подвернулся подъ столъ. Онъ ударилъ сашкой по столу. Сашку повѣсилъ книзу и начинаетъ выспрашивать его: „Какъ ты судьи попалъ, ко мнѣ, на этотъ островъ“? Онъ ему начинаетъ сказывать свой похожденье и какъ попалъ на этотъ островъ. „Глупо мы сдѣлали; съ первоначатія ты хорошо дѣлалъ, а теперь не сказался и пошелъ. Пожили у меня сутки двои или трои, г

бя обучу какъ слѣдующимъ порядкомъ". *Когда* онъ его обучилъ къ своему волшебству, обёртываться голубемъ, ястребомъ и даже мухой. *Когда* онъ обратился ястребомъ, перелетѣлъ черезъ море, подлетѣлъ къ ихнему дворцу, обернулся мухой, залетѣлъ къ имъ во дворецъ и сѣлъ въ скрытное мѣсто. И выслушивалъ *ихни* разговоры. *Когда* были они въ собраньи. Отецъ и говоритъ невѣстѣ: „Что ты сдѣлала? Сгубили такого человѣка, человѣкъ преумный". Когда онъ выслушалъ *ихній* разговоръ, вылетѣлъ *изъ ихняго* дворца *вобратно* и улетѣлъ *вобратно* на пристань, и съ пристани шелъ *мимо* ихняго дворца. Увидали его въ окно, что прошелъ её женихъ. Отецъ говоритъ невѣстѣ: „Твой женихъ прошелъ,—должно быть, рыбаки вывезли его съ острову". Посылаетъ къ ему дворецкаго, узнать. Дворецкій приходитъ: «Дѣйствительно, онъ пришелъ"—Сходите за имъ; невѣста согласна за его замужъ пойти.—Тогда дворецкій обратился къ ему: «Ступайте, являйтесь, васъ *восударь* требуетъ къ себѣ". Ванюшка *являлся* къ *восударю*. *Восударь* его спрашиваетъ: Какъ ты попалъ, какъ спасся на этомъ островѣ? „А меня рыбаки вывезли. Когда рыбаки рыбачили, могли меня вывезти оттудова". Правды имъ онъ не сказалъ. Тогда *восударь* его спрашиваетъ: „Что, желаете взять её замужъ? Можетъ, осерчали что нибудь"?—Ничего, да.—Тогда благослови Христосъ съ перкомъ, со свадебкой ихъ.

33. О Марфидѣ—царевнѣ и о мальчикѣ, солдатскомъ сынѣ.

Былъ солдатъ, 25 лѣтъ службы служилъ. Былъ у его сынъ, годовъ двѣнадцати. Прибылъ корабль съ товаромъ, стаютъ на корабельную пристань. Мальчикъ беретъ три копейки денегъ, купить пряники или конфетки, идетъ на этотъ корабль. Купцу этому, корабельщику, понравился этотъ мальчикъ,—и спрашиваетъ его: Вы мальчикъ чьи? „А вотъ чьи". Разсказалъ имя и фамилью. Этотъ купецъ приходитъ къ этому солдату и спрашиваетъ: Это вашъ мальчикъ? „Нашъ". Вы продайте мнѣ его. „Купи". Сколько за него? „А триста рублей деньгами и триста пудовъ муки: полтораста пудовъ пшеничной и полтораста—*аржаной*; доставка ваша". Мальчишка прибѣжалъ къ своему отцу. Отецъ ему говоритъ: Я тебя, сынокъ, продалъ. «Кому ты продалъ»? Такому то купцу. „А за сколько"? Триста рублей деньгами и триста пудовъ муки. „Не согласенъ я за эту цѣну пойти; имъ на старость не хватитъ этого капиталу" А за сколько же ты согласенъ? „А вотъ я согласенъ: тысяча

рублей деньгами, тысяча пудовъ муки". Купецъ приходитъ, этотъ солдатъ объясняетъ купцу. Купецъ согласенъ дать. Купецъ даетъ ему тысячу рублей деньгами, тысячу пудовъ муки. Беретъ мальчика, ведетъ къ себѣ на корабль; торгуютъ день и два на этомъ кораблѣ, купцу мальчишка понравился. Купецъ и говоритъ мальчишкѣ: „Сыночекъ, сходи разгуляться къ своему отцу или на берегъ сходи разгуляться". Мальчишка отвѣчаетъ своему купцу: „У насъ здѣсь очень хорошо, на кораблѣ,—куда я пойду?" Купецъ ему говоритъ во второй разъ: „Сходи сыночекъ, разгуляйся, тебѣ скучно на водѣ". Мальчишка не могъ переслушать, пошелъ на берегъ, на гулянье. Попадается ему книжка. Развертываетъ книжку и смотритъ: „куды уйти—не найти, а что взять—не отдать". Мальчишкѣ пало на умъ, въ голову: „я уйду съ этого корабля". И пошелъ съ этого корабля. Шелъ онъ много-ли, мало-ли время, приходитъ въ государство, шлятся по базару, ходитъ. Одинъ купецъ увидалъ его изъ лавки, подзываетъ его къ себѣ. Мальчишка подходитъ къ этому купцу. Купецъ его спрашиваетъ: „Мальчикъ, я смотрю, что вы люди странные (въ смыслѣ: странствующіе, чужеземные), что себѣ смотрите? или мѣсто подыскиваете?"—Да, я подыскиваю себѣ мѣсто куда въ магазинъ *али* въ лавку поторговать, я по торговлѣ знаю хорошо. „Пожалуй, у меня мѣстечко найдется, вотъ пойдемъ ко мнѣ въ домъ. Завтра я возьму тебя къ себѣ въ лавку; посмотрю, если хорошо торгуешь, обходишься съ народомъ, я могу тебя *особливо* въ магазинъ посадить". Повелъ этого мальчика къ себѣ и велъ версты три отъ города. Стоитъ домъ, онъ привелъ его къ этому дому. Подошли къ воротамъ, купецъ сталъ ворота отворять. Собаки залаяли, и онъ *сцикалъ* (отъ восклицанія: цицъ!), собаки перестали. Заводитъ мальчика на кухню и стряпкѣ приказываетъ: „Стряпка, накорми этого человѣка"! Стряпка наливаетъ ему *штей* (щей), даетъ ему хлѣба. Мальчикъ садится за столъ. И онъ, мальчикъ, смотритъ, что таки *шти*, не подходящи ко скотскимъ, скотски *шти* не такія. Хлебнулъ ложку, хлебнулъ двѣ, и *шти ись* были пріятны. Хлебнулъ третью ложку *штей*, попался человѣческій *ноготь*. *Ись* онъ не сталъ, поѣлъ сухого хлѣбца. Во время вечера спать ложится, послать ему постельки никакой не дали. Легъ на полъ, ничего было не послано. Во время утра прибѣгаетъ хозяинъ. „Стряпка, не корми этого человѣка". Стряпка не стала кормить его. *Не черезъ* много время прибѣгаютъ два человѣка, рубашки красныя и длинныя на ихъ и красные сапоги. Берутъ этого человѣка и ведутъ подъ домъ, въ нижній этажъ и кладутъ его на верстакъ. Положили на верстакъ рѣзать, ни у котораго

ножа нѣтъ. Одинъ другого посылаетъ: „Товарищъ, ступай неси ножъ“. Убѣжалъ за нимъ, и много время его нѣтъ. Этотъ товарищъ убѣжалъ отъ этого мальчика. Мальчикъ полежалъ на верстакѣ, дождаться ихъ не могъ, свернулся съ верстака, бѣжать. Забѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ, въ самый мезенинъ. Сидитъ дѣвица прикована. Онъ замолился: „Дѣвица, будь сестра мнѣ родная, спрячь меня“. А куды же я тебя спрячу? «А спрячь меня хоть къ себѣ подъ подолъ“. *Когда* она его спрятала къ себѣ подъ подолъ *Не черезъ* много *время* хозяинъ прибѣгаетъ, спрашиваетъ: „Марфида—царевна, не видала ты молодого человѣка, не прибѣгалъ *сюда*“? Она отвѣчаетъ ему: „Не видала никого“ *Когда* они поискали и бросили его искать. Стряпка приноситъ обѣдъ Марфидѣ-царевнѣ. Марфида спрашиваетъ стряпку: Стряпка, ты видѣла молодого человѣка? „Какъ не видать, когда я его кормила“. А что, жалко тебѣ? „Какъ не жалко, мнѣ *жалчя* (сравн. ст.)*) своего дитя“ (род. п.). Что же, можешь ты его выпустить? „А могу“. Узнай своихъ хозяевъ, если спятъ твои хозяева. У тебя собаки не кормлены? „Нѣтъ“. Стряпка повернула, пошла, узнала своихъ хозяевъ, что спятъ крѣпко они. Обратилась къ Марфидѣ-царевнѣ эта стряпка. Марфида-царевна выпустила этого мальчика изъ-подъ подолу. „Стряпка, налей собакамъ *щей* въ корыто. Когда онѣ раздерутся, ворота отвори и въ то время онъ пробѣжитъ“. Стряпка беретъ мальчика, ведетъ его, ставитъ въ крыльцѣ, въ скрытое мѣсто. Когда она поставила его въ скрытное мѣсто, вынесла собакамъ *щей* и налила въ корыто. Собаки разодрались, она ворота отворила, мальчишка въ то время пробѣжалъ. Бѣжалъ скоро и выбѣжалъ напротивъ царскаго дворца. Схватило его сердце, и палъ. *Государыня* стояла на балконѣ, увидала и посылаетъ дворецкихъ. Дворецкіе вышли, взяли мальчика, занесли на рукахъ во дворецъ. Мальчикъ отдыхалъ у нихъ трои сутокъ. Тогда *государыня* стала допрашивать его: „Гдѣ же ты былъ, мальчикъ, кто за тобой гнался?“ Мальчикъ сталъ обсказывать свои похожденья, какъ съ изначатія попалъ къ нимъ въ городъ. (*Слѣдуетъ словами сказки разсказъ мальчика о его похожденіяхъ*). Эта же государыня и думаетъ: „Да, мы Марфиду теряли изъ полусада, должно быть она и есть“. Предъявляетъ государю. *Государь* подходитъ. „Какъ мы будемъ ее доступать?“ Этотъ мальчикъ и говоритъ: „Ваше Императорство Величество, вамъ если сразу кинуться съ обыскомъ, они могутъ ее куда-нибудь дѣвать, рѣшить (убить) даже. Вы сдѣлайте вечеръ, соберите всѣхъ купцовъ, мѣщанъ къ себѣ на ве

*) Удареніе на я.

черъ и сдѣлайте между собой подписки, что безъ спро́си (спросу) вашего никто на улицу не ходилъ. И поставьте къ каждой двери часовыхъ солдатъ". *Восударь* устроилъ вечеръ, позвалъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ. *Когда* они всѣ, купцы, мѣщане, были въ собраньи и выпивали, тамъ водку, забавлялись всякими забавами, и потомъ *восударь* вышелъ къ нимъ. „Что, господа, не знаете-ли какихъ сказочекъ, не знаете-ли какихъ побывальщинокъ". Ну, дѣйствительно тутъ нѣкоторые—тотъ знаетъ, и другой говоритъ: «И я знаю». Когда они начали обсказывать сказки. *Восударь* слушалъ. Когда *ихни* сказки всѣ переслушалъ, и говоритъ имъ: „Нѣтъ, это сказки не сказки, это всѣ ваши прѣсказки. Вотъ у меня есть посказатель!"—Ведите его *суды*. „Нѣтъ, *воспода́* (господа), я такъ не поведу". А что? „Дайте сюда подписки, чтобъ безъ моего дозволенья никто на улку не ходилъ" Купцы и мѣщане согласились дать отъ себя подписку. *Когда* дали отъ себя подписку, *восударь* ко всѣмъ дверямъ поставилъ часовыхъ солдатъ. Тогда выводитъ своего посказателя, мальчишка.*) *Когда* мальчишка вышелъ къ нимъ и началъ свое похожденіе обсказывать: чей, откудова. (Затѣмъ мальчикъ во второй разъ, подробно, словами сказки, излагаетъ свою повѣсть; при словахъ:)..... пошелъ я съ нимъ, его домъ стоитъ въ трехъ верстахъ,—этотъ купецъ выразился: «Вретъ онъ»!..... кладутъ на верстакъ рѣзать. Этотъ купецъ: „Нѣтъ, вретъ онъ"!..... Марфида отвѣчаетъ: „Никого не видала". Этотъ опять: „Вретъ, *гыть* (говоритъ), онъ!". *Восударь* замѣчаетъ: „Стало быть дѣйствительно правда"..... Палъ напротивъ царскаго дворца. Этотъ купецъ осерчалъ: «Вретъ онъ, неправда все его». Потомъ этотъ *восударь*: „Ну, вотъ что, *воспода*: до утра я васъ единаго не отпу*шшу* **). Тогда они пробыли до бѣлаго свѣ*ту* у этого *восударя*. Беретъ себѣ *жандаръ*, солдатъ, *казакъ* (вин. падежи), отправляется съ обыскомъ. Когда приводитъ къ этому дому этотъ мальчишка. „Вотъ гдѣ я былъ, Ваше Императорство Величество, въ въ этомъ домѣ". Приводитъ къ той комнатѣ, къ которой кладенъ былъ на верстакъ. „Вотъ на этомъ верстакѣ меня клали". Заводитъ по этой же лѣстницѣ къ этой Марфидѣ-царевнѣ въ мезонинъ. *Восударь* призналъ свою дочь. „Дѣйствительно это моя дочь, когда она потерялась изъ полусаду". Раековали когда эту Марфиду царевну, а купца взяли присудили къ смертной казни. Тогда, значитъ она (т. е. сказка) покончилась.

*) Какъ отъ слова „юноша", такъ и отъ слова „мальчишка" въ произношеніи мѣстныхъ крестьянъ вин. пад. ед. ч. оканчивается на *а* вм. *у*. *В. Б.*

**) „Единаго не отпушшу" оборотъ, гдѣ отрицаніе поставлено лишь при глаголѣ и который соотвѣтствуетъ выраженію: никого не отпущу. *В. Б.*

34. О Маркѣ Скоробогатомъ.

Марко Скоробогатый, обѣщался къ нему Іисусъ Христосъ, когда путешествовалъ по земли, на побывку въ трехъ апостолахъ. И потомъ онъ приходитъ къ нему нищимми. А разосланы были драгоцѣнныя сукна для Іисуса Христа. Потомъ, когда онъ явился нищимми, онъ спустилъ берзехъ кобелей. „Пущай они ихъ разорвутъ, зачѣмъ нищета ко мнѣ идетъ?“ Кобели прибѣжали, стыбли Іисуса Христа и начали его облизывать, ласкаться коло́ него. „Ихъ кобели-то не ѣдятъ, нищету“! Когда онъ попросился переночевать у Марка Скоробогатаго. Приказалъ: »Отвести ихъ въ птичную избушку, пущай они переночуютъ тутъ“. Была въ избушкѣ страмота. Потомъ ничего не стало, благодухавіе сдѣлалось хорошее. Дѣвица была годовъ одиннадцати, сожалѣла она этихъ нищихъ. Принесла три калача хлѣба имъ, поужинать; передаетъ хлѣбъ, легла на печку и какъ будто призаснула. Святые ангелы прилетѣли и спрашиваютъ: „Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и Дѣва Марія здѣсь“? Отвѣчаетъ: „Здѣсь“. Родился въ двадцати пяти верстахъ, къ селѣ, у солдата младенецъ, какимъ счастьемъ его надѣлить? „А надѣлить его Маркомъ Скоробогатымъ“. Дѣвица проснулась, слѣзла съ печки, ушла отъ нихъ. Обсказываетъ своему папашѣ Маркѣ Скоробогатому: „Это, папаша, не нищій, а былъ у насъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и Дѣва Марія“. Какъ, почему? „А когда я принесла три калача хлѣба, отдала имъ, святые ангелы прилетѣли и спрашиваютъ: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, и Дѣва Марія здѣсь? Отвѣчаетъ: „здѣсь“! Родился въ двадцати пяти верстахъ, въ селѣ у солдата младенецъ, —какимъ счастьемъ его надѣлить?—А надѣлить его Маркомъ Скоробогатымъ“. Марко Скоробогатый. „Я, гыть, поѣду, откуплю его“. Поѣхалъ, розыскалъ этого солдата, откупилъ за сто рублей этого мальчишка. Выѣхалъ *середи́ во́локу**), загребъ его въ снѣгъ. Уѣхалъ отъ этого мальчишка. Ѣхали торговые и видятъ, надъ этимъ мальчикомъ отцвѣлъ цвѣтъ лазоревый. Одинъ другому сказываютъ. Подручный старшему сказываетъ: „Смотри-ка, что это за удивленье: во время зимы отцвѣлъ цвѣтъ лазоревый“. Довѣренный подходитъ къ этому ко цвѣту, слышитъ—писк ребячій. Разгребли снѣгъ, сидитъ мальчикъ, играетъ цвѣтами. Беретъ мальчика, приноситъ къ возу, завертываетъ его въ тулупъ, привозитъ его домой. Воспитывалъ мальчика мѣсяца три. Марко же Скоробогатый узналъ его, что мальчишка принесенъ. Пріѣзжа-

*) Волокъ—разстояніе между двумя пунктамя; здѣсь между домомъ Марка и мѣстомъ жительства солдата. *В. Б.*

етъ къ довѣренному, откупилъ его за три ста рублей. Повелъ этого мальчишка и потомъ завелъ его въ лѣсъ и садитъ его въ пустое дуплё. Оставилъ мальчишка въ этомъ пустомъ дуплѣ. Бѣдный человѣкъ поѣхалъ по дрова. Начинаетъ сѣкать этотъ пенекъ, *устой*. Кричитъ человѣкъ въ этомъ деревѣ: „Рубя выше, а подклонюсь я ниже“. Бѣдный человѣкъ могъ испугаться (испугался), отступилъ отъ этого пня. „Что такое“? *гытъ*. Сталъ рубить выше, а онъ подклонился ниже. Этотъ же, *гытъ*, пенекъ онъ сѣкъ. Беретъ этого мальчика, везетъ домой. И кормилъ до одиннадцати лѣтъ, обучалъ его грамотѣ. Когда выучилъ его грамотѣ, зналъ онъ хорошо. Прибѣгаютъ корабельщики, приходитъ мальчикъ на корабль. Просто поглянулся имъ, корабельщикамъ, этотъ мальчикъ. Спрашиваютъ мальчика этого: „Чей ты, какой и откудова“? Мальчикъ обсказалъ имъ. Приходятъ же къ бѣдному человѣку, откупили за тысячу рублей этого мальчика. Мальчика берутъ себѣ, въ торговлѣ онъ понималъ хорошо. Прибѣгаютъ въ то же мѣсто, гдѣ Марко Скоробогатый. Марко увидалъ этого мальчика и откупилъ его себѣ. Откупилъ его къ себѣ и потомъ посадилъ его въ лавку, и онъ по торговой части зналъ очень хорошо. Понравился онъ ему хорошо. До совершенныхъ лѣтъ когда онъ возмужалъ, и выдалъ дочь свою за его взамужъ. И потомъ призналъ онъ его. „Да это тотъ же мальчикъ, котораго я морозилъ и въ печь садилъ, тотъ же самый и есть“. Поѣхалъ на мыловаренный заводъ, рабочимъ приказалъ его въ котелъ бросить. „Бросьте его въ котелъ и закричитъ хоть: я, *гытъ*, Марко Скоробогатый, несмотря на то, тащите его и бросьте въ котелъ“. Когда утромъ встали, онъ и говоритъ: „Сынокъ, съѣзди на мыловаренный заводъ, узнай, что тамъ дѣется“. Когда кучеръ запрёгъ ему коня, онъ отправился на мыловаренный заводъ. Попадается ему встрѣчу старъ человѣкъ. „Вы не ѣздите на заводъ, то худо будетъ“. *Какъ*, почему? „Твой тесть приказалъ тебя въ котелъ бросить“. А куда же я? „А ступай въ поле, прошляйся, проѣзди то время“. Когда онъ поѣхалъ въ поле и ѣздилъ долго время въ полѣ. „По времю, *гытъ*, должепъ быть, зять, что теперь онъ свареный“. Поѣхалъ Марко Скоробогатый на этотъ заводъ, подхватили его рабочіе, потащили его въ котелъ. Онъ кричитъ: „Я Марко Скоробогатый“! Несмотря на то, рабочіе ухватили и бросили его въ котелъ. И потомъ жена Марка Скоробогатаго дожидалась его дома, дождаться не могла. Зять его пріѣхалъ обратно. Зять спрашиваетъ: Тятенька гдѣ у насъ? дома ли, нѣтъ? „Онъ уѣхалъ на заводъ на мыловаренный и нѣтъ его много ужъ время“. Жена его не утерпѣла, приказала кучеру лошадь

запрягши, поѣхала на мыловаренный заводъ. Пріѣзжаетъ на мыловаренный заводъ, спрашиваетъ своего мужа: »Былъ Марко Скоробогатый у васъ". Былъ. „Гдѣ онъ"? Марко не былъ, а зять вашъ былъ; приказалъ когда Марко зятя своего бросить въ котелъ, мы бросили его въ котелъ. „Достаньте его изъ котла". Когда взяли багры, подхватили и вытащили его кости оттудова. „Не зятя сожгли, а мужа моего сожгли, Марка Скоробогатаго". Тогда, значитъ, остается благополучіе: его зять живетъ, властвуетъ его богатствомъ, ...

---

35. О львицѣ и двухъ царскихъ сыновьяхъ

Одинъ былъ *государь*. Приснидѣлся ему сонъ: въ саду жилъ бы воробей, свилъ себѣ гнѣздо и расплодилъ себѣ дѣтей; и потомъ воробьиха стала изъ гнѣзда своихъ дѣтей высаживать; перваго спустила на землю, за вторымъ поднялась въ гнѣздо, со вторымъ стала спускаться, перваго вѣту, подхватилъ звѣрь, унесъ *этого* *перваго* дятя. *Призыскивалъ* онъ себѣ отгадчиковъ, кто можетъ этотъ сонъ отгадать? Сколько отгадчиковъ перебывало, а отгадать все не могли. И беретъ себѣ во вниманье. „Да, я въ тридцати верстахъ старцу предостарелъ припасъ, спросить у него". Посылаетъ своихъ дворецкихъ. Дворецкіе его пошли къ этому старцу; идутъ недѣлю, идутъ двѣ, идутъ и мѣсяцъ, и дойти до старца не могутъ. „Что такое? Раньше три дня бы о ходу до этого старца, а тутъ въ три мѣсяца дойти не можемъ. И нужно было намъ разыскать его". Пришли къ его *келіи* (келіи), зашли въ *келію*, очень намъ сидѣть было страшно. Вышли изъ *келіи*, отошли съ *полверсты* (полверсты) отъ келіи, старецъ намъ встрѣчу. Стали спрашивать старца. Старецъ: „пойдемте ко мнѣ въ *келію*, тогда я могу вамъ сонъ отгадать". Обратились къ нему въ *келію*, зашли, такое благоуханіе и украшеніе сдѣлалось въ этой келіи. Когда онъ сталъ отгадывать сны и потомъ сказалъ имъ: „Онъ прогонитъ свою жену, жена его пойдетъ со своими дѣтьми". Когда они приходятъ *вобратно*, *холу* только имъ было *вобратно* три дня. Пришли, обсказываютъ *восударю*: Ваше Императорство Величество, сонъ старецъ этотъ отгадалъ. „Какъ"? Вы прогоните вашу жену, она пойдетъ со своими дѣтьми и потеряетъ одного сына. „Вѣрно; я прогналъ, нѣтъ *ея* при мнѣ". Жена тогда пошла съ двумя дѣтьми. Шла она подлѣ *морю*. Попалась рѣчка ей, рѣчка выпала въ море. „Нужно черезъ эту рѣчку мнѣ, *быть*, перейти". Когда она беретъ одного сына на руки, переноситъ

черезъ эту рѣчку. За другимъ обратилась, *неоткуль* взялась львица, ухватила дѣтенка *сé* и понесла къ морю. Побѣжала *во*сударыня вслѣдъ за львицей. Львица пала въ море и переплыла на островъ. Поплакавши свои глаза слезно, обратилась къ первому дѣтенку вобратно. Беретъ дѣтенка своего на руки и идетъ въ поле дальше. Шла она чистымъ полемъ и шла лѣсомъ, выходитъ на дорогу. Пошла этой дорогой „Пойду этой дорогой, куда-нибудь выйду". Нагоняетъ *сè* крестьянинъ, ѣдетъ съ поля домой. Посадилъ *сè* къ себѣ въ телѣгу, начинаетъ выспрашивать. Видитъ, что она сложенья, значитъ, не изъ крестьянъ, человѣкъ нѣжный; привозитъ *сè* къ себѣ, начинаетъ, значитъ, говорить этой *во*сударынѣ: «Вы живите у меня вмѣсто матери родной, работы я съ васъ не (в)зыскиваю. Буду поить—кормить, одѣвать—обувать». Мальчика отдалъ въ школу, обучилъ его грамотѣ. Выучилъ мальчика этого грамотѣ. Въ грамотѣ мальчикъ зналъ, понималъ хорошо. Возмажалъ до двадцати лѣтъ этотъ мальчикъ их*ній*. Сдѣлалось на их*няго во*сударя нападеніе, скрытіе огня. Мальчикъ и говоритъ: «Папаша и мамаша, благословите меня служить Богу, великому *во*сударю, потому что такая битва; нашъ *во*сударь, слышу въ газетахъ, народу у его не хватаетъ». Онѣ его не отпускаютъ. *К*огда онъ во второй разъ имъ сказалъ: „Благословите, *гытъ*, пойду на это воинство, для *помоги* Его Император*ству*". Ну, *к*огда, значитъ, они благословили его. Поѣхалъ онъ. Т*а*перь обратимся, значитъ. Шелъ их*ній* корабль, и потомъ поднялась буря—погода. Остановились онѣ же у этого острова. Солдатъ сошелъ съ этого корабля, пошелъ по острову на гулянье и видитъ два слѣда, одинъ—человѣческій, другой—звѣриный. Тогда онъ говоритъ: «Что такое? два слѣда, одинъ человѣческій, другой звѣриный. Я пойду по этому слѣду». И *к*огда онъ шелъ. Вывернуло погодой дубъ, и вокругъ этого вывороченнаго дуба наросъ дубнякъ. Подходитъ къ этому малому дубняку и видитъ—львица спитъ, а человѣкъ передъ ей сидитъ. Обратился солдатъ на этотъ корабль, обсказываетъ своему командиру: „Ваше благородье, я нашелъ человѣка со львицей: львица спитъ, а онъ сидитъ нагой". Их*ній* командéръ беретъ съ собой отрядъ солдатъ. И онъ приказываетъ: „Ваше благородье, возьмите одежды, онъ сидитъ нагой". Взяли одежды, пошли эти солдаты. Подходятъ къ этому къ *вывороту*: д*и*ствительно сидитъ человѣкъ нагой и львица передъ нимъ спитъ. Их*ній* командѐръ къ себѣ: „Выйди изъ этого дубняка". Когда онъ къ имъ вышелъ, командёръ и говоритъ: „Пойдемъ къ намъ на корабль, я тебѣ одежду дамъ, одѣ*мъ* (вм. одѣну) и увезу съ этого острова". Когда онъ пошелъ съ *имя*, подходитъ къ

этому кораблю и львица съ имъ. *Когда* запустили и львицу на этотъ корабль. *Ихній* командиръ не приказалъ ее стрѣлять. „Не троньте, *гыть*, не бейте ее“. Когда львицу не стали шевелить, и львица увивается какъ все—равно что коло́ своего дитя. Потомъ привезъ этого мальчика, объявилъ императору. Императоръ его взялъ къ себѣ. Когда этотъ мальчикъ разобралъ, что у ихъ большой бой, и говоритъ: „Ваше императорство величество, благословите меня, я пойду въ этотъ бой“. Когда императоръ благословилъ его, далъ ему коня и оруліе (оружіе), и онъ сядится на коня и отправляется, гдѣ *ихня* армія стоитъ. Когда пріѣзжаетъ въ этотъ бой, гдѣ *ихня* армія стоитъ, и съѣхался со своимъ братомъ, и другъ друга они не могли признать. И бились они много время съ этимъ со своимъ супротивникомъ. Когда они бились со своимъ супротивникомъ, все-таки своего супротивника покорили. *Замиренье* когда у ихъ сдѣлалось, и потомъ они поѣхали. Ѣхали вмѣстѣ и всѐ-таки другъ друга не знали. Имѣли промежъ собой разговоръ. Ты откудо́въ? «Я изъ такого-то села“. Какихъ родовъ? *То́ли* (или) вы изъ дворянъ, *то́ли* вы изъ крестьянъ? „Нѣтъ, я отъ мамаши слыхалъ такъ, что изъ дворянъ“. А изъ какихъ же вы изъ дворянъ? «А я отъ мамаши слыхалъ, потому что были мы царскихъ родовъ; когда нашъ папаша нашу мамашу выгналъ, наша мамаша пошла подли морю, стала брата черезъ рѣчку переносить, а львица меня и унесла“. Ну, дѣйствительно, этотъ мальчикъ, который въ деревнѣ взросъ, бралъ себѣ вниманіе. «Вы не братъ ли мнѣ будете“? Этотъ командиръ *ихній* услыхалъ. „Что за такая рѣчь у ихъ идетъ“? Выслушалъ когда *все ихнюю* рѣчь, пріѣзжаетъ къ *государю*, обсказываетъ: «Ваше Императорство Величество, эти найденые люди, должно быть, твои дѣти“. Какъ, почему? „А когда я ѣхалъ за *имя**) и они имѣли межъ собой разговоръ и выспрашивали другъ друга—кто откудо́въ? Когда выспрашивали, этотъ, который заявился первый, сухимъ путемъ на конѣ, выспрашивалъ другого. И онъ говоритъ, что они роду царскаго: когда *ихній* папаша выгналъ мамашу, она стала черезъ рѣчку переходить, одного перенесла, пошла за другимъ, а львица перваго подхватила и унесла. А царица съ другимъ сыномъ стала въ деревнѣ жить, у мужика“. Этотъ государь беретъ себѣ вниманье: „Да, нужно спросить, гдѣ она находится теперь,—*то́ли* въ какомъ селѣ или въ городѣ“? Когда разспросили этого перваго человѣка, онъ обсказалъ, что вотъ въ такомъ то, *гыть*, селѣ. Настоящимъ

*) Удареніе на и.

(образомъ?) разспросили, у кого она находится. Тогда далъ приказанье, чтобъ привезти *ихнюю* мать *вобратно*. Предоставили *когда ихнюю* мать *вобратно*. Предоставили, и живутъ, хлѣбъ жуютъ.

---

36. О двѣнадцати братьяхъ, по локти руки въ золотѣ, а по колѣнъ ноги въ серебрѣ.

Былъ одинъ государь и подыскивалъ онъ себѣ невѣсту. И подошелъ онъ (подъ) одно окно, такъ подслушивать начинаетъ. И одна—ихъ было три и онѣ были волшебницы—большая сестра узнала, что государь подслушиваетъ и сказала: „Еслибъ бы меня государь взялъ замужъ, я бы вышила ему коверъ-самолетъ: куды бы онъ вздумалъ на ёмъ, туды бы онъ полетѣлъ". А средняя сказала: „Еслибъ бы меня государь взялъ, я бы ему склала столбъ, онъ бы даже могъ видѣть, въ тридесятомъ царствѣ что дѣлается". А малая говоритъ: „Еслибъ бы меня взялъ, я бы принесла ему двѣнадцать сыновъ, по локти руки въ золотѣ, а по колѣни ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ частыя звѣздочки". Государю это понравилось и позвалъ ее къ себѣ въ домъ, и спрашивалъ объ ея словахъ. Она ему отвѣчаетъ, что могу все сдѣлать, *Императорское* Величество. И потомъ онъ на ей *обрѣнился*. Когда ей она была на тѣхъ порахъ родить, большая сестра сдѣлала на этого государя войну. И потомъ, когда она родила такого, котораго *сунули*, сына, большая сестра украла и отдала его нечистому духу. А позбросила *щенка*. И потомъ также всѣ одиннадцать *чрезъ* одинаково происходили. Двѣнадцатаго родила, такое былъ онъ,*)на войнѣ. Потомъ его жена догадалась и спрятала ребенка въ рукавъ. И она написала, большая ея сестра, государю, что ребенокъ родился и сама съѣла. Государь на отвѣтъ ей послалъ: пусть остается до моего пріѣзда. И потомъ она вырусала взяла это письмо, изорвала и своеручно написала, чтобы засмолила ее въ бочку, и пустили по морю. И засмолили ее въ бочку и пустили по морю. Сынъ ея сталъ расти въ бочкѣ не по днямъ, а по часамъ. И говоритъ: „Маманя, я потянусь и выколочу дны изъ бочки". Отвѣчала ему мать: „Нельзя, сынъ, васъ волной захлестнетъ". Черезъ мало времени выкинуло бочку на берегъ, на песокъ. Когда зашурчала бочка о песокъ, тогда мать сказала: „Теперь, сынъ, можешь распереть бочку". И вышли они изъ бочки на такую

*) Государь.

топь, непроходимое болото! И сынъ её своими хитростями такой устроилъ дворецъ, въ лучше въ десять разъ, чѣмъ государственный и кругъ его въ десятину садъ. Въ *эфтимъ* саду золотыя яблоньки, на *етихъ* яблонькахъ золотыя яблочки; и на этихъ же яблонькахъ разныя клѣточки, въ этихъ клѣточкахъ распѣваютъ разныя пташечки. Проѣзжаютъ по морю на кораблѣ купцы торговы. Увидали. Что за такое? Была топь непроходимая, тутъ отстроенъ дворецъ, что онъ такого дворца что вперьвыѣ еще только на своемъ вѣку видѣли. А этотъ молодецъ, по локоть руки въ золотѣ и по колѣнки ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтелъ мѣсяцъ, на затылкѣ красное солнышко, по кудрямъ частыя звѣздочки, пригласилъ ихъ, купцовъ, къ себѣ къ гости. Заводитъ ихъ въ свой теремъ, и онѣ удивляются: откуда чего эдако взято? И были они въ саду и разговаривали, что „мы это объявимъ всѣ государю". И онъ сдѣлался мухой и отправлялся съ *имя* на корабль, къ отцу своему. Когда они пріѣхали во дворецъ къ государю, и государь ихъ спросилъ: Купцы вы торговы, ѣздите вы по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слыхали ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, *Анпираторско* Величество, въ вашемъ государствѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топи, отстроенъ дворецъ, весь хрустальный и весь въ золотѣ и кругъ этого дворца садъ въ десятину, и въ *эфтимъ* саду золотыя яблоньки, на *етихъ* яблонькахъ золотыя яблочки; и на этихъ же яблонькахъ разныя клѣточки, въ этихъ клѣточкахъ распѣваютъ разныя пташечки". И говоритъ ему его *полюбовница*: «Это что, *Анпираторское* Величество, за новость такія новости видѣть! А вотъ поѣдемте: есть островъ Юхарь, на этомъ островѣ Юхарѣ ходитъ свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами, — вотъ и посмотримъ». Выслушалъ этотъ молодецъ и отправился добывать съ острова эту свинку золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами. Пустилъ её къ себѣ въ садъ. На прочій (слѣдующій) разъ тоже ѣдутъ купцы торговы, и точно также они объявили государю, что „мы скажемъ про этотъ дворецъ". И онъ опять съ *имя* поѣхалъ, сдѣлался мухой, опять поѣхалъ на корабль подслушивать. И прибыли опять къ государю и сталъ ихъ государь спрашивать: Купцы вы торговы, ѣздите вы по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слыхали-ли гдѣ какія-нибудь новости. „Видѣли, *Анпираторское* Величество, въ вашей державѣ отстроенъ дворецъ весь хрустальный, семиэтажный, и весь подъ золотомъ и кругъ его въ десятину садъ. Въ *эфтимъ* саду золотыя яблоньки, на яблонькахъ золотыя яблочки; и на *етихъ* же яблонькахъ распѣваютъ разныя пташечки; и вдобавокъ свинка-золотая

щетинка съ двѣнадцатью поросятами гуляетъ въ саду его". И говоратъ государь: „Поѣдемъ, любушка, съѣздимъ, посмотримъ на такое чудо". Она говоритъ. „Это что есть и смотрѣть по вкусу, а поѣдемъ, на тѣмъ же островѣ посмотрѣть: есть котъ говорунъ; на дубъ лѣзетъ, сказки сказываетъ, а съ дуба спускается пѣсни поетъ". Выслушалъ этотъ молодецъ и добылъ въ скоромъ времени этого кота говоруна. И также опять ѣдутъ купцы торговы и онъ ихъ тоже позвалъ къ себѣ въ гости. И эти купцы тоже говорятъ, что „мы это объявимъ всё государю". И онъ сдѣлался мухой и отправился на корабль къ отцу. Когда онъ пріѣхали во дворецъ къ государю, и государь ихъ спрашивалъ: Купцы торговы, ѣздяте вы по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слыхали-ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, Анпираторское Величество, въ вашемъ государствѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топи, отстроенъ дворецъ, весь хрустальный и весь въ золотѣ; и кругъ этого дворца садъ въ десятину и въ *этомъ* саду золотыя яблоньки, на яблонькахъ золотыя яблочки; и на этихъ же яблонькахъ расцѣваютъ разныя пташечки; въ саду гуляетъ свинка золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами и котъ говоруевъ: на дубъ лѣзетъ — сказки говоритъ, съ дуба спускается-пѣсни поетъ".—Поѣдемъ, голубушка, посмотримъ на эдакую штучку.—А она ему сказала: «Это то за штучка! А котъ поѣдемъ: на тѣмъ же островѣ есть златогривая кобыла и съ двѣнадцатью золотогривыми жеребцами. Вотъ поѣдемъ, *достудимъ* (т. е. добудемъ) тебѣ покататься золотогривую кобылу". И онъ[*]) выслушалъ и моментально привелъ эту золотогривую кобылу съ двѣнадцатью жеребцами и пустилъ къ себѣ въ садъ. И опять же проѣзжаютъ купцы торговы, и пригласилъ онъ ихъ къ себѣ въ гости, указалъ, что есть въ саду. Эти купцы говорятъ, что «мы это объявимъ всё государю". Онъ сдѣлался мухой и отправился съ *нимъ*. Когда они прибыли во дворецъ, государь спрашиваетъ: Что, купцы торговы, не слыхали ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, Анпираторское Величество, въ вашемъ государствѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топи, отстроенъ дворецъ, весь хрустальный и весь въ золотѣ; и кругъ этого дворца садъ въ десятину и въ *этомъ* саду золотыя яблоньки, на яблонькахъ золотыя яблочки и расцѣваютъ разныя пташечки; въ саду гуляетъ свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами; котъ-говорунъ: на дубъ лѣзетъ-сказки сказываетъ, съ дуба спускается-пѣсни поетъ; гуляетъ золотогривая кобыла съ двѣнадцатью золотогривыми жеребцами". Государь го-

*) Золоторукій мальчикъ.

ворить: Поѣдемъ, душечка, посмотр мъ на такую *антиресность*. „Это что, душечка, за *антиресность*! А вотъ поѣдемъ, въ такимъ-то мѣстѣ, есть тутъ хижина, и въ этой хижинѣ одиннадцать братьевъ, по локти руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, на лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ частыя звѣздочки. Вотъ, поѣдемъ посмотримъ на одиннадцать братьевъ". Выслушалъ этотъ молодецъ и скоро онъ пустился найти своихъ братьевъ. Сорвалъ онъ двѣнадцать яблочковъ и положилъ ихъ въ золотую чару. Когда пришелъ онъ въ хижину, ихъ не было. Онъ поставилъ золотую чару съ яблоками на столъ, а самъ спрятался. Когда они пришли и схватили всѣ по яблочку, и возговорили одиннадцать братьевъ: „Братья! есть у насъ, должно быть, двѣнадцатый братъ, яблокъ одинъ остался". И тогда онъ имъ сказалъ, что „вотъ я вашъ двѣнадцатый братъ". Обсказалъ онъ имъ *объ* матери и *объ* своемъ дворцѣ, и согласились они пойти къ ему, къ его родной матери. И потомъ проѣзжаютъ купцы торговы, и пригласилъ онъ ихъ къ себѣ въ гости. Онѣ *дивовали*, *) что двѣнадцать братьевъ, по локти руки въ золотѣ, по колѣнки ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ—частыя звѣздочки, и говорили: „все обскажемъ". Онъ сдѣлался мухой и отправился съ *ими* на корабль. Когда они прибыли во дворецъ, государь спрашиваетъ: Что, купцы торговы, вы ѣздите по разнымъ городамъ и по разнымъ государствамъ, не слыхали ли гдѣ какія-нибудь новости? „Видѣли, *Антираторское* Величество, въ вашей державѣ, на вашей землѣ, на непроходимой топи, отстроенъ дворецъ, весь хрустальный, семиэтажный и весь въ золотѣ; и кругъ этого дворца садъ въ десятину и въ *эфтомъ* саду золотыя яблоньки, на *этихъ* золотыхъ яблонькахъ золотыя яблочки, и на этихъ же яблонькахъ вѣетъ разныя клѣточки и въ нихъ распѣваютъ разныя пташечки; въ саду гуляетъ свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью *ими* поросятами; котъ-говорунъ: на лубъ лѣзетъ-сказки сказывать, съ дуба спускается—пѣсни поетъ; гуляетъ золотогривая кобылица-матушница съ двѣнадцатью *ими* золотогривыми жеребцами; и живутъ тамъ двѣнадцать братьевъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красное солнышко, а по кудрямъ-частыя звѣздочки". Сказалъ государь: „Поѣдемъ, душечка, посмотримъ на такую *антиресность*". Уже ей было отверзать больше некуда. И согласился государь ѣхать, отправился въ путь. Увидалъ государь дворецъ, и завидѣли его двѣнадцать братьевъ и вышли на берегъ

*) Удивлялись.

встрѣчать государя и *очивидно* (въ смыслѣ: прямо, *въ очи*) назвали его папашей. Государь былъ такъ въ испугѣ, почему его назвали отцомъ. И больше онѣ ему ничего не отвѣтили, сказали только: «Спроси (у) нашей мамаши». И повели его въ теремъ. Жена его встрѣчаетъ, называетъ роднымъ мужемъ. Государь сказалъ: „Объявите мнѣ: съ чего такъ могло случиться"? И она сказала: „Моя хитрая большая сестра, когда я приносила одиннадцать сыновъ, и она всѣхъ воровала и отдавала духу нечистому, а подбрасывала мнѣ щенятъ. А двѣнадцатаго я, въ чувства пришла, и спрятала его въ рукавъ. И она написала тебѣ письмо, что я принесла ребенка и сама съѣла. А ты отписалъ, что засмолить въ бочку и пустить по морю". Государь такъ сказалъ: „Я не писалъ такъ, что засмолить въ бочку, а я писалъ: оставить до моего пріѣзду". Жена сказала: „Неправда, я сама видѣла письмо, читала, что твоя рука писала". И бросился онъ со слезами къ ей въ ноги просить прощенья. И государь — жена его простила — и забралъ онъ всѣхъ двѣнадцать сыновей и жену свою и поѣхалъ онъ въ государство свое. Когда увидала — близъ государ*скаго* дворца, и тогда она при̂гнула (прыгнула) со страху съ бал*хона*. Государь прицѝкнулъ на борзыхъ и ее́ разорвали (старшую сестру), и сказку тутъ вмѣст*и* разорвали. И сталъ государь жить да поживать, да добра наживать со своими дѣтями.

---

37. О двойнѣ — сестрѣ съ братомъ и объ его „охотѣ".

Были старикъ со старухой, и у ихъ *съ измолода* дѣтей не было, а шестидеся и лѣтъ старуха принесла двойни. Имъ не въ силу было кормить своихъ дѣтей. Въ дѣти отдавали, никто не беретъ. Сказала старуха: „Наклади назьму, старикъ, свези ихъ въ боръ: какъ знаютъ, такъ кормятся. Лѣсные звѣри умѣютъ же кормиться, пусть и они сумѣютъ прокормиться въ лѣсу". И отвезъ ихъ старикъ въ лѣсъ. Свалилъ наземъ и посадилъ ихъ на наземъ и обманываетъ: «Вы, *гытъ*, посидите тутъ, а я поѣду да нарублю дровъ». Вотъ дѣти дожидались, дожидались, не могли дождаться своего отца. Поплакали и тутъ и ночевали. Поутру встали, тоже поплакали и пошли, куды глаза их*ни* глядятъ. Попался имъ старичекъ и далъ ему ружейце. „Стрѣляй, молодецъ, никакого тебѣ припасу изъ этого ружейца не надо. Ступайте вотъ по этой тропинкѣ, тутъ есть хижинка и она хоть заросла мохомъ, ну (вм. но) вы *угóйте* (отъ слова: гòить — убирать, обихаживать) её и ходи на охоту съ ружьемъ

и стрѣляй всякую птицу, всякаго звѣря,—и тѣмъ будете кормиться". И, братъ, дошли они до хижины. Хижинка обросла вся мохомъ. Угóили онъ ее. И онъ сталъ ходить стрѣлять звѣрей и птицу. Идетъ *однѣшь* (однажды), бѣжитъ заяцъ. Приложился онъ въ зайца, заяцъ ему человѣческимъ голосомъ возговорилъ: „Не бей меня, молодецъ: я дамъ тебѣ зайченка, такой же заяцъ выростетъ". Не сталъ б ть молодецъ зайца. Приноситъ ему заяцъ зайченка. Посадилъ онъ его за пазуху и пошелъ домой. Поутру онъ пошелъ опеть на охоту. Попался ему волкъ. И онъ сталъ въ его цѣлить. Волкъ *возрычалъ* ему человѣческимъ голосомъ: „Не бей меня, молодецъ: я дамъ тебѣ волченка, такой же волкъ выростетъ". Не сталъ онъ его бить. Приноситъ ему волкъ волченка. Посадилъ его за пазуху и пошелъ домой. Все опускаетъ въ амбаръ, роститъ охоту. Такъе на третій день онъ отправился на охоту. Попался ему медвѣдь. Прицѣлился онъ въ медвѣдя. Медвѣдь *возрычалъ* ему человѣческимъ голосомъ: „Не бей меня, молодецъ; я тебѣ принесу медвѣженка, выростетъ такой же медвѣдь будетъ". И получилъ онъ медвѣженка отъ медвѣдя и опеть отправился домой. Опустилъ медвѣженка въ амбаръ. На четвертый день пошелъ опять на охоту. Попадается ему левъ. Молодецъ прицѣлился въ него. Левъ *возрычалъ* ему человѣческимъ голосомъ: „Не бей меня, молодецъ. Я тебѣ дамъ львенка, вырастетъ такой же левъ будетъ". Получилъ онъ львенка, принесъ домой, опустилъ его въ амбаръ. На пятый день отправился, попадается ему змѣй навстрѣчу. Молодецъ прицѣлился въ него. Змѣй ему человѣческимъ голосомъ возговорилъ: „Не бей меня, молодецъ: я тебѣ принесу змѣеныша, такой же змѣй выростетъ". На шестой день пошелъ онъ на охоту, встрѣчаетъ лису. И онъ сталъ въ нее цѣлить. Лиса говоритъ: „Не бей меня, молодецъ: я принесу тебѣ лисенка, выростетъ, такая же лиса будетъ". Молодецъ взялъ лисёнка, унесъ домой и посадилъ въ амбаръ. И по омъ къ сестрѣ его духъ нечистый повадился и сжился съ ей. И сговорился духъ нечистый, велѣлъ притвориться ей нездоровой. „Скажи, *гыть*, своему брату, что сходи къ Змѣю Горыновичу, убей его, выпь его сало, промажь меня и я оздоровлю". Отправился братъ, даже и не поѣлъ разочка съ горя, что сестра занемогла. Зав дѣлъ Змѣй Горынычъ охотника и вышелъ изъ норы и *возрычалъ*:*) „Не бей меня, молодецъ; я тебѣ дамъ змѣенка и змѣинаго сала дамъ". И тогда она вынула ему, разорвала змѣенка и дала ему сала. А духъ нечистый узналъ, что онъ Змѣя Горынычя покорилъ, далъ ему сала, и сказалъ: „Когда онъ придетъ, ты почни его

*) Удареніе на ѣ.

на дьявольскую мельницу, чтобы принесъ тебѣ крупы". Приходитъ братъ домой. Сестра говоритъ: „Я видала сегодня въ сновидѣньи, что мнѣ легче не будетъ съ этого сала. Ступай на дьявольскую мельницу и принеси оттуда крупы". Братъ горчае того зарыдалъ, что сестра, чѣмъ дальше, тѣмъ больнѣе. И не пошла брату ѣда на умъ. Отворилъ онъ амбаръ, выпустилъ свою охоту и пошелъ онъ на дьявольскую мельницу. Приходитъ на дьявольскую мельницу, у его охота вся разбѣжалась лизать муку. На дьявольской мельницѣ просить крупы не у кого, никого невидать. Нагребъ онъ полны карманы крупы и вышелъ онъ изъ мельницы. И схлопнула мельница двѣнадцатью дверями желѣзными. Охота, какъ *состукали* двери, подскочила къ дверямъ и заревѣла. Иванъ-царевичъ и слёзно заплакалъ, и жаль ему: „Худо мнѣ будетъ безъ охоты!" Змѣй началъ на дверяхъ дыру вертѣть. Змѣй провертѣлъ желѣзную дверь, а легъ съ мелкѣдемъ запустили въ эту дыру лапы и двери разорвали. Зайчикъ тутъ же оторвалъ клочекъ и легъ на бочекъ и полеживаетъ. „Усталъ, говоритъ, я!" Летѣлъ воронъ, *возрычалъ**) ему громкимъ голосомъ: „Иванъ-царевичъ, не торопись скорымъ сѣхомъ къ своей хижинѣ; твоя охота одне двери изломала". Потомъ воронъ рычитъ ему: „Иванъ-царевичъ, не торопись, твоя охота уже шесть дверей изорвала, за шестыми**) осталась". Сталъ онъ подвигаться близко къ хижинѣ своею. Воронъ ему надлетѣлъ, *взрычалъ*: „Иванъ-царевичъ, твоя охота за одними осталась дверями". Иванъ-царевичъ подходитъ къ своей хижинѣ, бросается змѣй трехглавый на его съ пастью. Иванъ-царевичъ выстрѣлилъ изъ своего ружейца самострѣла и обсѣкъ ему крылья. А воронъ надлетѣлъ и рычитъ ему: „Иванъ-царевичъ, собирайся со своими силами, не поддавайся духу, охота твоя бѣжитъ уже недалеко". Охота живо явилась. Скричалъ Иванъ-царевичъ: „Охота, не выдай меня!" Охота разорвала змѣя. Потомъ сказалъ Иванъ царевичъ, вывелъ её***) изъ хижины и взялъ хижу у зажегъ. И приковалъ её на цепелищѣ на цѣпь. И подставилъ ей два корытца и сказалъ: «Вотъ, сестра, это корыто тебѣ *объ полюбовникѣ* твоемъ, а это корыто по мнѣ. Все-таки попровѣдаю я тебя. Объкмъ ты больше въ корыто наплачешь, *толи объ полюбовникѣ*, *толи* о мнѣ." И потомъ онъ пошелъ со своей охотой куды глаза глядятъ.

---

*) Удареніе на ѣ.

**) Вмѣсто шестью; числит. кол. *В. Б*

***) Сестру.

И потомъ онъ нашелъ на морскомъ берегу стоитъ теремъ, и въ *эфтомъ* теремѣ сидитъ прекрасная дѣвица, царская дочь. И спрашиваетъ дѣвица его: Чей ты, молодой, храбрый витязь, какого роду—племя? „Я не помнящій своего сродства, а меня зовутъ Иваномъ.“ Назвала его красавица Иваномъ царевичемъ. «Уйди отсюда, Иванъ царевичъ,— я, *нешшасная*, здѣсь страдаю». Почему ты меня гонишь? Развѣ ты не рада мнѣ, что я *понаслѣдовалъ* тебя? «Почему не рада! Мнѣ жаль тебя: прилетитъ мой губитель, двѣнадцати главый змѣй, погубитъ тебя.» — *Об*скажи, какъ сгубилъ тебя змѣй? - спросилъ Иванъ-царевичъ её. „Летаетъ кажныя сутки и сосетъ мои груди.“ Сказалъ: „Не бойся, красавица, великій защитникъ буду я твой, избавлю тебя отъ змѣя; не въ первый разъ побѣждать мнѣ змѣя. Потрудись, красавица, поищи у меня въ головѣ. Когда будетъ выходить змѣй, такъ скажи мнѣ попроворнѣй“. Уснулъ Иванъ-царевичъ у царевны на колѣняхъ. Уже змѣй выходитъ. Постыдилась царевна будить Ивана царевича, зарыдала она слезами. Пала ему горячая слеза отъ её на щеку. Иванъ царевичъ пробудился. „Что, сказалъ Иванъ царевичъ, о чемъ ты плачешь, красавица?“ —А ужъ змѣй подходитъ, Иванъ-царевичъ, къ моей палатѣ. „Не бойся царевна, сказалъ Иванъ царевичъ: Богъ выше дьявола бываетъ“. Выскочилъ Иванъ-царевичъ на крыльцо. Змѣй сказалъ: „Эхъ, б...ь, даже съ защитникомъ,—и съ защитникомъ вмѣстѣ проглочу!“ Сказалъ: „Врешь, дьяволь*шш*ина, и однимъ подавишься“! И хотѣлъ змѣй ударить своимъ хвостомъ Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ выстрѣлилъ изъ своего ружейца и отсѣкъ ему хвостъ. Змѣй даже, отъ поношенья хвоста, кругомъ обернулся. Сказалъ Иванъ царевичъ: „Охота, не выдай меня!“ Не поспѣлъ змѣй вытерпѣть пораженье отъ ружейца, даже всѣ двѣнадцать головъ были сорваны. Увидѣла *побѣжденье* змѣя царевна и бросилась ему на шею и сказала: „Иванъ-царевичъ, будешь нерушимымъ моимъ мужемъ. Пойдемъ мы съ тобой въ наше государство, къ отцу моему.“ Потомъ Иванъ-царевичъ заставилъ убрать змѣя—свою охоту. Охота убрала змѣя пòдъ мостъ. И сами отправились онѣ въ государство. Увидалъ государь съ балхона, что идетъ дочь его съ какимъ-то ероемъ и обрадовался; стрѣтилъ и цѣловалъ ихъ обѣхъ государь. И сталъ спрашивать (у?) дочери: «Что съ тобой за витязь храбрый такой?» Ему дѣвица отвѣчаетъ: «Родитель мой, спаситель жизни моей этотъ (г) ерой. Побѣдилъ змѣя, мучителя моего». И потомъ сказала отцу своему, что „я отдалась въ его руки, быть его супругой“. Государь сталъ выспрашивать: „Чей ты, какого роду—племен*ія*? „Я не помнящій своего срод-

ства; ну, только знаю свое имя, что Иванъ." Тогда государь пожаловалъ ихъ *обрѣнить*. Иванъ-царевичъ сталъ со своей молодой супругой жить да поживать. И въ *одно время* сказалъ: «Супруга моя, чѣмъ намъ напимать горничную, есть у меня сестра, поѣдемъ отъѣздимъ за ей». И отправились они къ прежней его хижинѣ, гдѣ его сестра прикована. И увидала братъ, что изъ другѣ изъ корыта слезъ бѣжитъ, а изъ ёмъ ни единой слезинки нѣтъ. Сказалъ Иванъ-царевичъ: „Впрь, сестра, обо мнѣ сколько наплакала слезъ-то, изъ корыта бѣжитъ. Я еще, сестра, тебя пожалѣлъ" Отковалъ свою сестру съ цѣпи. Посадилъ съ собой и поѣхалъ въ свои царскія палаты. И началъ онъ разсказывать: „Какую мнѣ жичнь, сестра, Господь создалъ: я вѣдь — не знаешь? — царскимъ зятемъ. Похитилъ я двѣнадцатиглаваго змѣя и женился я на царской дочери". Сказала сестра: „Эта самая, братецъ, и царская дочь съ тобою?" Да, сестрица, это супруга моя. „Какъ ты, братецъ, показалъ бы мнѣ, великъ ли двѣнадцатиглавый змѣй былъ?" А вотъ изволь, вотъ онъ лежитъ свалянный подъ мостомъ. „Я схожу, братецъ, посмотрю, великъ ли онъ". Моментально сестра спустилась и вырвала у змѣя зубъ и завязала въ платокъ. Когда она запримѣтила, братъ на которую сторону лежитъ на перину, и взяла зубъ воткнула ему въ перину. Зубъ зашелъ ему въ голову. Поутру встали рано, смотрятъ глаза, а самъ ни живой, ни мертвый. Сейчасъ же дали государю знать объ *эфтимъ* несчастьи. Государь приказалъ положить его въ бочку и повѣсить надъ царскими дверями въ церкви. И тогда повѣсили его въ бочкѣ надъ царскими дверями въ церкви. И тогда сказали: „Куды же мы будемъ дѣвать? *таперь* охота не при чемъ; убить её жалко". Сказала: „Не дамъ я убивать; лучше выпустить на вольный воздухъ: куда она *хотѣть*, туды идетъ". Опустили охоту Охота побѣжала рыскать. Убѣжала въ темный лѣсъ всей кучей. Приходитъ вечеръ, и стали думать: „Гдѣ будемъ *разслышиваться*, гдѣ нашъ хозяинъ?" Лисица распорядилась: „Ты, волкъ, ступай по лѣсу; а ты, заяцъ, бѣги по разнымъ кустамъ, по лугамъ; а ты, левъ, ступай по селевьи; а мы съ тобой, медвѣдушко, пойдемъ на дѣвичью вечерку". Подошли они къ дѣвичей вечеркѣ, дѣвки выжали пѣсни. Перестали и захохотали и сказали: «Какъ царская то дочь пойдетъ къ обѣднѣ-то? вѣдь её то мужъ передъ царскими дверями въ бочкѣ засмоленый вѣситъ» Медвѣдь выслушалъ, рявкнулъ, и дѣвки пали съ лавокъ всѣ полумертвыми. И на медвѣжій ревъ сбѣжались всѣ звѣри. И пошли они, убѣжали изъ деревни въ дремучій лѣсъ. Распорядилась лисица: «Ступай ты сѣрый волкъ, найди *волóваго**) быка, зарѣжь его, *требушину* (внут-

*) Отъ волъ? величиной съ вола? *В. Б.*

ренности) выпусти. И въ эту *требушину* залѣзь, когда прилѣтитъ воронъ съ вороненкомъ. Вороненокъ будетъ говорить: харчъ! А воронъ будетъ кричать: обманъ! Когда вороненокъ сядетъ на быка и ты ухитвися, поймай его. Тогда ты пошли ворона, чтобы онъ намъ принесъ живой—мертвой воды: тогда, скажи, я тебѣ отдамъ вороненка".

Побѣжалъ сѣрый волкъ и какъ велѣно было, такъ и сдѣлалъ. Воронъ говоритъ: „Опусти моего дитя." А волкъ сказалъ: „Принеси живой—мертвой воды, тогда я опущу твоего дитя". Воронъ полетѣлъ и принесъ обману. Сѣрый волкъ взялъ, разорвалъ его на двѣ части, вороненка. „Не неси, сказалъ, обману. Еслибъ тебѣ жаль дитя, принеси живой—мертвой воды, я его оживлю". Воронъ полетѣлъ и принесъ живой—мертвой воды. Волкъ помазалъ его мертвой, и онъ сросся. Живой спрыснулъ, вороненокъ полетѣлъ. Сказалъ сѣрый волкъ ворону: „Благодарю тебѣ, воронъ, за твои помощи." Пришелъ онъ къ своемъ звѣрямъ—товарищамъ. Спрашиваетъ лисица: *Доступилъ* ли, сѣрый волкъ, чего намъ нужно? „*Доступилъ, доступилъ* лисица!" И это времени дошло опеть до ночи. Подошли они къ церкви. Церковь была заперта крѣпко на замкѣ. Змѣй провертѣлъ на двери дыру, а медвѣдь со львомъ разворочали двери. Зашли они въ церковь и оторвали цѣпи и утащили Ивана царевича въ лѣсъ. Распоряженье лисица сдѣлала зайцу, всѣмъ велѣла: *наперемѣнку* (поперемѣнно) лизать по три раза. А дѣло-то было въ родительскій день. Лиса распоряженіе дала зайцу, а сама отправилась, подбѣжала подъ окно гдѣ женщина родителямъ печетъ блины. Женщина испечетъ блинъ да положитъ на окошко, а лисица возьметъ его да съѣстъ. *Осерчала* женщина да и сказала: „Вотъ каки родители-то жадны! настрядатъся не могу." Высунулась женщина по самый поясъ въ окно, посмотрѣть, кто у ей воруетъ блины, а лисица въ ту пору заскочила въ избу и сковороду украла. Прискочила она опять къ своему хозяину со сковородой. Прибѣжала, а зайчикъ лежитъ мертвымъ.—Ну, что у васъ, товарищи, случилось? „Да мы всѣ поредизали, всѣ были мертвыми. Вотъ теперь никому не охота во второй разъ лизать, зайца оживлять". Сказала лисица: «Вотъ я сейчасъ и зайчика оживлю». Лисица разъ лизнула, и второй, третій разъ лизнула и поставила къ лобу [ко лбу) свою сковороду. Зубъ вылетѣлъ изъ заячьяго лба да прямо лисицѣ въ сковороду и отлѣтѣлъ въ сторону. Тогда лиса приступила. Взяла намазала Ивана царевича мертвой водою, живой спрыснула; Иванъ царевичъ всталъ и сказалъ: «Охъ; какъ я, охота, долго палъ». Сказала ему охота: «*Кабы* (сокр. изъ *какъ бы*; если бы) не

мы, Иванъ-царевичъ, такъ вѣкъ бы ты спалъ». Тогда охота зачала ему разсказывать, какое ему было происхожденье. Все ему высказала. Тогда Иванъ царевичъ поблагодарилъ свою охоту и пошелъ къ своей царевнѣ Тогда увидѣла жена его и бросилась; обрадовалась, бросилась съ балхона. Охота не дала на землю пасть и приняла ее на лапы. Поднесла прямо къ Ивану-царевичу. Потомъ отъ испуга прыгнула съ балхона сестра его. И потомъ охота въ мелкіе куски разорвала на полетѣ ее. Потомъ Иванъ-царевичъ сталъ со своей охотой жить, поживать. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало. Вамъ сказка, а намъ кринка масла.

38. О Кривомъ Ерахтѣ и объ отцѣ—дьяконѣ.

Сошлись мышь и воробей въ одно мѣсто и совѣтуются между собой. Мышь и говоритъ воробью: Воробей, станемъ пашню пахать. «Станемъ». А что посѣемъ? «А рѣпку,—ни густу, ни рѣдку». Посѣяли рѣпку—ни густу, ни рѣдку. Время приходитъ осень. Нужно рѣпку выдергивать. Мышь и говоритъ: «Воробей, что ты возьмешь?» Не знаю. «Бери *вѣршне*, а я возьму нижнее». Когда мышь обсѣла мякину, а рѣпку себѣ взяла. Зима приходитъ. Мышь выйдетъ на *улю* (уменьш. отъ улица], жирна не жирна, а воробушекъ чуть живой. Когда зиму прозимовали, весна приходитъ. Сошлись *вмѣсто* (вм. вмѣстѣ).—Воробей! «Что?» —Будемъ пашню пахать? «Будемъ». А что будемъ сѣять? «А посѣемъ пшенку» Когда они распахали пашню, посѣяли пшенку. Время наспѣло пшенку жать. Сошлись они вмѣсто и говорятъ промежъ собой. «Воробей!» Что? «Надо дѣлиться» Какъ же, надо. «Которо возьмешь?» А не знаю. „Беря нижню, а я возьму верхню. Ты, потому что, въ прошломъ годѣ бралъ верхню". Тогда раздѣлили. Мышь обсѣкла колосочки, стаскала себѣ въ нору. Остался воробушекъ на соломкѣ. Стали они зиму зимовать. Мышь разъѣлась жирна. А воробушекъ—чуть живой. Зиму прозимовали, весна подходитъ. Сошлись вмѣсто. Мышь и говоритъ: „Воробей" Что? „Будемъ пашню пахать?" Нѣтъ, я пашню не оулу пахать. „А что?" А будемъ воевать? „Будемъ". Когда къ мышѣ собирался всякій—разный звѣрь, а къ воробью всякая—разная птица. У ихъ была битва промежъ собой часа три. Побить другъ у дружки силу никого не могли. Прилетѣлъ Воронъ Вороневичъ къ воробью на *подмогу*. Только у Ворона Вороневича подшибли правое крыло что онъ летѣть не могъ. Отецъ дьяконъ былъ охотникъ за охотой ходить. Пошолъ за охотой и видитъ его—подъ дубомъ бьется. Прицѣлился стрѣлить. Воронъ

Вороневичъ вскричалъ громкимъ голосомъ: „Отецъ—дьяконъ, не стрѣляй меня, возьми къ себѣ на бѣлыя руки, неси домой.“ Отецъ дьяконъ подошелъ, взялъ его на бѣлыя руки, понесъ его къ себѣ домой. «Корми меня, отецъ дьяконъ, цѣльный годъ; я за это тебѣ заплачу“. Когда онъ ему (вм. его) началъ кормить. Съѣдалъ по быку *на выть* и по десяти ведерь пива выпивалъ. Трудно казалось отцу дьякону кормить его. Кормилъ его цѣльный годъ. И *когда*, черезъ годъ время говоритъ: „Отецъ дьяконъ, возьми меня на бѣлыя руки, вынеси на паратное крыльцо.“ Отецъ дьяконъ взялъ его на бѣлыя руки и вынесъ на паратное крыльцо. Воронъ Вороневичъ поднялся выше лѣса стоялаго, а ниже облака ходячаго. Надлетѣлъ надъ сырой дубъ, ударитъ своимъ *соколо́мъ* (грудью): дубъ не здрожалъ. Обратился *вобратво* къ отцу дьякову. „Корми меня цѣльный годъ еще.“ Кормилъ онъ его опять цѣльный годъ. Когда годъ покончился, воронъ говоритъ: «Отецъ дьяконъ, возьми меня на бѣлыя руки, вынеси на паратное крыльцо.“ Отецъ дьяконъ взялъ его на бѣлыя руки, вынесъ на паратное крыльцо. Воронъ Вороневичъ поднялся выше лѣса стоялаго, а ниже облака ходячаго. Надлетѣлъ надъ сырой дубъ, ударился своимъ *соколо́мъ*: дубъ *пошатну́лся*. Обратился *вобратно* къ отцу дьякону. „Корми меня еще третій голъ“. Отцу дьякону *тяжело* было, но кормилъ онъ его третій годъ. Когда онъ его прокормилъ третій годъ, онъ и говоритъ: „Отецъ дьяконъ, возьми меня на бѣлыя руки и вынеси на паратное крыльцо“. Воронъ Вороневичъ надлетѣлъ надъ сырой дубъ, ударился своимъ *соколо́мъ* и дубъ расшибь на мелкія части. Обратился къ отцу дьякону. «Ну, отецъ дьяконъ, запасай мяса шесть полубочьевъ, для себя тоже; я на третьи сутки прилечу къ тебѣ». *Когда* онъ запасъ шесть полубочьевъ мяса и для себя пищи. На третьи сутки онъ прилетѣлъ къ нему. „Что, отецъ дьяконъ, готовъ-ли?“ Да, готовъ, поправился. «*Извяжи* (вм., очевидно, повяжи) ихъ, эти полубочья, вѣшай на меня и самъ тоже садись на меня“. *Извязали* полубочья, и сѣлъ онъ на Ворона Вороневича, Вихря Вихревича, и полубочья повѣшали на его же. Когда сѣлъ отецъ дьяконъ на ворона, воронъ сталъ подыматься выше лѣса стоялаго, а ниже облака ходячаго. И отправился въ свою сторону. И говоритъ отцу дьякову. „Смотри, отецъ дьяконъ, если я *гись* захочу, буду озираться назадъ, ты кидай мясо мнѣ въ ротъ, а садиться не будемъ“. И *когда* онъ мясо кидалъ на-легу ему въ ротъ. Стали подлетать къ его жительству, къ Ворону Вороневичу, начинаетъ озираться назадъ. Онъ началъ ему мясо въ ротъ кидать. Не хватило ему мяса. Отецъ дьяконъ взялъ по-

жикъ, обрѣзалъ у себя икры и бросилъ ему въ ротъ, и м гли этимъ долетѣть. И онъ и говоритъ: „Отецъ діяконъ, видишь-ли что впереди?“ А вижу: какъ отъ мѣсяцъ лучъ. „А это не отъ мѣсяца, а отъ моей сестры, отъ терему“. Когда не долетавши версты съ полторы, спустя лись на землю. „Отецъ дьяконъ, слѣзай съ меня, садись подъ кус(т)ъ, а я полечу къ своей сестрѣ». Отецъ дьяковъ слѣзъ, на ногахъ пойти не можетъ.--„А ты что не можешь?“ А я икры обрѣзалъ у себя. „А что жъ ты обрѣзалъ“? А когда мяса не хватило. „Эхъ, *кабы* зналъ, что твоё мясо, я бы тебя съѣлъ“. Взялъ харкнулъ, мясо его выхаркнулъ. Приложилъ икры, икры его пр кипѣли къ его ногамъ. Отецъ дьяковъ пошелъ. Когда онъ сѣлъ подъ кус(т)ъ, Воронъ Воронёвичъ, Вихорь Вихорёвичъ пошелъ къ своей сестрѣ. Онъ приходитъ къ своей сестрѣ. Сестра его не съ радостью встрѣтила. «Ты вотъ что, сестра, дай мнѣ хоть два калача хлѣба на дорогу». Та даетъ ему два калача хлѣба. „Ну, вотъ что, сестра: у тебя есть отеческое благословеніе, отдай мнѣ его“. —„А я куда безъ него?“ Когда она не дала ему отеческаго благословенія, онъ *осерчалъ* и пошелъ отъ неё. Приходитъ къ отцу дья кону, отца дьяконъ накормилъ этимъ хлѣбомъ. „Садись на меня, тамъ ещё къ сестрѣ“. Когда онъ сѣлъ на его, онъ поднялся и полетѣлъ къ своей сестрѣ. Не долѣтавши версты три, отца дьякона спрашиваетъ: „Что отецъ дьяконъ, видишь-ли что нибудь впереди?“ —А вижу--какъ отъ солнца лучъ. „А это не отъ солнца, а отъ моей сестры отъ терему, у нея теремъ золотой.“ Спустились они на землю. „Отецъ дьяконъ, слѣзай съ меня, садись подъ кустъ“. Отецъ дьяконъ сѣлъ подъ кустъ, а воронъ пошелъ къ своей сестрѣ. Весьма рада была сестра ему, встрѣтила его съ радостью. «Вотъ что, сестра, —есть у тебя отеческое благословеніе, отдай мнѣ его». А я то куда же безъ него дѣнусь? „Отдай“. Та выноситъ ему серебряный погребокъ, вродѣ *ящичка*, значитъ, не большого и подаетъ ему на руки. «Ну ещё дай мнѣ, сестра, на дорогу два калача хлѣба». Та поцастъ ему. Приходитъ онъ къ отцу дьякону, накормилъ отца дьякона. „Ну, теперь, *гыть*, садись, я повезу тебя домой“.Когда онъ сѣлъ на его, онъ поднялся и полетѣлъ домой. Не долетавши тридцати верстъ до его жительства, опустился на землю. «Ну вотъ что, отецъ дьяконъ, жертвую я тебя за хлопоты, что ты меня три года кормилъ. Вотъ тебѣ серебряный погребокъ. Иди домой, а дорогой его не отворяй. Когда придешь домой, тогда отвори“. И онъ отошелъ какихъ-нибудь пятнадцать верстъ и думаетъ самъ себѣ: „Дай-ка, я его отворю, посмотрю, что въ *немъ* дѣется“. Отворилъ этотъ погребокъ; сдѣ-

лался *восударемъ*, передъ имъ полки, армія стоитъ и всякое начальство и всѣ кланяются ему. И онъ любовался, любовался, сталъ запирать, запереть не можетъ его никакъ; какъ бы ни заперъ, онъ о*ть* отворится. И дум*атъ* самъ себѣ: «Хоть бы мнѣ чортъ пособилъ запереть». Отошелъ съ *полувѐрстѣ*, попадается ему человѣкъ встрѣчу. „Ты что, отецъ дьяконъ“?—А *ништо*. «Нѣтъ, *гытъ*, однако»? А вотъ погребокъ запереть не могу. Думалъ, хоть бы чортъ пособилъ запереть. «А отдай то, что дома не знаешь,—я запру и научу запирать тебя». Тотъ дум*атъ* самъ себѣ: „Что я дома не знаю? я все знаю“. Думалъ, думалъ. «Ну, что жъ, возьми». Онъ взялъ у него погребокъ. Въ тотъ уголъ *шшелчкомъ* ударилъ, въ другой, въ третій, въ четвертый. „Вотъ такъ навсегда запирайте, если не знаете“. Приходитъ домой, а у его четырехъ лѣтъ мальчишка. И онъ и думатъ самъ себѣ: „Да, я его вѣдь отдалъ“. И *ничѐ* не сказалъ. Мальчишка *возмотался* до совершенныхъ лѣтъ, годовъ до двадцати, и говоритъ: „Ну, теперь, тятенька, маменька, благословите меня“. А куд*ы*? „А куд*ы* отданъ, туд*ы* долженъ пойти“. Отцу, матери жалко было его опускать, но дѣлать *нѐшто* (нечего). Кладутъ ему рубаш*ковъ*, подорожничковъ, значитъ, хлѣба. Благословили его, и мальчикъ пошелъ. И пошелъ куд*ы* глаза глядятъ. Шелъ онъ много-ли, мало-ли врем*я*, доводится ему чистымъ мѣстомъ пойти. Подходитъ къ морю, у моря стоитъ избушка на курьей ножкѣ, не повертывается. «Избушка, избушка, стань по старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задо̂мъ, къ намъ передо̂мъ!» Избушка стала по старому, какъ мать поставила; къ лѣсу задо̂мъ, къ нему передо̂мъ. Отворяетъ двери, заходитъ въ избушку, стоитъ Яги́шна.—Фу, фу, русской *ко̀стки слыхо̀мъ* не слыхать, *видо̀мъ* не видать, а нынче сама на дворъ пришла. Хамъ-съ ѣмъ! „Цыцъ, стара ...б....ь., сама себя ѣшь“.—Куд*ы* ты пошелъ, куд*ы* побрелъ? „А прежде напой, накорми, а потомъ вѣстей разспроси.“ Старуха столъ поставила, накормила этого молодца. Кладетъ на колѣни, начинаетъ въ головѣ искать, начинаетъ вѣстей выспрашивать. Я *бабынька*, Кривому Ера̀хтѣ отданъ и не знаю, гдѣ онъ живетъ, какъ къ ему попасть. „Ступай впередъ, подлѣ этого же моря стоитъ избушка, живетъ моя вторая сестра“. *К*огда пошелъ подлѣ моря, такъ что, версты съ три отошелъ, увидѣлъ избушку. «Избушка, избушка, стань по старому, какъ мать поставила: къ лѣсу задомъ, къ намъ передо̀мъ!“ Отворяетъ двери, заходитъ въ избушку, стоитъ Ягишна.—Фу-фу, русской *ко̀стки слыхо̀мъ* не слыхать, *видо̀мъ* не видать, а нынче сама на дворъ пришла. Хамъ-съ ѣмъ! «Цыцъ, стара ...б..ь, сама себя ѣшь.»

Куды ты пошелъ, куды побрелъ? «А прежде напои, накорми, а потомъ вѣстей разспроса". Старуха столъ поставила, накормила этого молодца. Кладетъ на колѣни, начинаетъ въ головѣ искать, начинаетъ вѣстей выспрашивать.—Я, *бабынька*, Кривому Ерáхтѣ отданъ и не знаю, гдѣ онъ живетъ, какъ къ ему попасть. „Вотъ что, дитя, иди, подлѣ этого же моря; въ трехъ верстахъ стоятъ двѣнадцать ракитовыхъ кустовъ. И зайди, въ середній кустикъ сядь. Когда сядешь въ середній кустикъ, прилетятъ двѣнадцать *толпи̂цъ* (волпицъ?), а ударится о землю, сдѣлатся двѣнадцать дѣвицъ; одиннадцать дѣвицъ пойдутъ въ море, двѣнадцата останется у этого *куска* (кустка). Когда одиннадцать выйдутъ изъ моря, одѣнутся, обернутся толпи̂цами, улетятъ, а эта скинетъ съ себя рубашку, пойдетъ въ море купаться, ты рубашку скрадь у ей." Когда онъ распростился съ своей бабынькой, пошелъ подлѣ этого моря. Отошелъ версты три. Стоятъ двѣнадцать ракитовыхъ кустовъ. Зашелъ въ середній кустъ, сѣлъ. Въ самый полдень прилетѣли двѣнадцать *толпи̂цъ*, ударились о землю, сдѣлались дѣвицами. Одиннадцать дѣвицъ пошли въ море, двѣнадцата осталась у этого куста. Когда онѣ вышли изъ моря, она скинула съ себя рубашку, пошла въ море. Этотъ мальчикъ скралъ у ей рубашку. Выкупалась, вышла изъ моря, рубашки нѣтъ. И она спрашиваетъ: „Изъ мужескаго пола, изъ старыхъ людей—будь отецъ родной; ежели изъ женскаго пола, изъ старыхъ людей—будь мать родная; ровня мнѣ—будь сестрица моя родная, изъ мужескаго же пола ровня мнѣ—будь братъ родной. Отдай мнѣ рубашку". Выкинулъ когда изъ кусту рубашку, она сдѣлалась какъ слѣдующимъ порядкомъ. Тогда онъ вышелъ изъ кусту къ ей и спрашиваетъ ее: Прекрасная дѣвица, меня родитель отдалъ Кривому Ерáхтѣ и я не знаю, гдѣ онъ живетъ и какъ попасть къ ему, гдѣ разыскать его? „Вотъ я улечу, иди же версты три отъ этихъ кустовъ, подлѣ этого же моря. И сѣдь (вм. сядь) на берегъ къ морю. Море *раскулыбатся* неизвѣстно отчего. И будетъ валъ ходить на морѣ. Восемь валовъ пройдутъ къ берегу, ты пойди въ море, очути̂шься у его, у Кривого Ерáхты на лугахъ. Ежели ты явишься къ ему, такъ ты желай ко мнѣ. У его въ крѣпостѣ наединѣ стоитъ моя избушка." Когда распростилась, улетѣла отъ его. И онъ пошелъ отъ этихъ кустовъ, отошелъ версты три и сѣлъ подлѣ моря. Море *раскулыбалось* неизвѣстно отъ чего. Восемь валовъ прошли къ берегу, девятый пошелъ къ берегу, онъ не обробѣлъ, палъ въ море, очутился у Кривого Ерáхты на лугахъ. Попалась ему тропинка, онъ пошелъ этой тропинкой. Завидѣлъ домъ огромнѣ*шшій* и вокругъ дома крѣпость, крѣпость—тынъ

желѣзный вокругъ его дома. И по всякой тынинѣ по молодецкой головушкѣ. Одна тынинка стоитъ у воротъ, на ней головы нѣтъ. „Должно быть, моей тутъ быть головѣ“. Заходитъ къ ему въ крѣпость и является къ своему барину, Кривому Ерахтѣ. И онъ увидѣлъ его. «А, самъ явился, сынокъ, не дожидался къ себѣ посла. Вотъ спасибо тебѣ, что самъ явился. Ну, *теперь* къ кому желаешь на квартеру?» Я желаю, баринъ, къ той дѣвицѣ на квартеру, у которой наединѣ избушка и одна живетъ она тамъ. Я желаю къ ей. «Ну, ступай, теперь, сынокъ, сутки отдыхай». Когда сутки минули, отдохнулъ онъ, посылаетъ къ нему человѣка. „Ступай, являйся, васъ баринъ звалъ“. Явился онъ къ ему. „Ну вотъ что, сынокъ“. Что, баринъ? „У меня есть конь. Выучи, верхомъ чтобы онъ могъ возить. Стоитъ въ конюшнѣ за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками и на двѣнадцати цѣпяхъ. Никто его выучить не могъ. Сколько *призыскивалъ*, никто не занимался за его. И онъ задумавши, и пошелъ къ этой дѣвицѣ. Дѣвица спрашиваетъ его: „Что ты задумавши(съ)?“ Да, нашъ баринъ задалъ мнѣ задачку. «А что онъ тебѣ задалъ?» А задалъ мнѣ коня выучить. „А ты проси у него двѣнадцатифунтову проволочну плеть и когда ты пойдешь въ конюшню, будешь замки отворять, онъ будетъ цѣпи рвать. До послѣдняго замка дойдешь, послѣдній замокъ отворишь, онъ послѣднюю цѣпь порветъ. Отворишь у конюшни двери, кинется онъ на тебя со всѣхъ ногъ,— и не робѣй, промежъ уши (—*ей*) ударь его этой плетью, сколько въ тебѣ силы хватитъ. Зазѣдлаешь, и онъ подымется подъ облака съ тобой; и дуй его промежъ уши: убьешь, *взыску* не будетъ съ тебя“. И онъ обратился къ своему барину.—Что тебѣ надо? „А дай мнѣ двѣнадцатифунтову проволочну плеть“. Онъ говоритъ: „Слуги, дайте ему двѣнадцатифунтову проволочну плеть, сѣдло, подпруги крѣпкія и всѣ, что требуется“. Слуги дали ему всѣ. Пошли, приводятъ его къ конюшнѣ. Сталъ онъ замки отворять, конь началъ цѣпи рвать. До послѣдняго замка дошелъ, послѣдній замокъ отворилъ, конь послѣднюю цѣпь порвалъ. Отворилъ у конюшни двери, кинулся онъ*] на него со всѣхъ ногъ. Онъ не оробѣлъ, ударилъ его промежъ уши этой плетью, сколько силы было. Онъ остановился. Зазѣдлалъ онъ его, натянулъ подпруги. Конь поднялся подъ облака съ нимъ, леталъ, леталъ, а онъ дулъ его промежъ уши. Сталъ тихнуть, садиться, садиться къ низу и потомъ сѣлъ на землю и могъ рѣшиться (издохнуть) этотъ конь, пропалъ. Снимаетъ сѣдло, уздечку и отправляется обратнымъ путемъ къ этому же морю. Море *раскулы-*

(* Конь.

балось, расходилась *съ нимъ* волна. Восемь валовъ прошли, девятый идетъ, палъ въ море, очутился у Кривого Ерахты на лугахъ. Приходитъ къ *ему*. Кривой Ерахта спрашиваетъ его: „Что, сынокъ, выучилъ копя?“ А выучилъ его добро. „А что?“ Я его убилъ. „А, убилъ, спас бо. А я сколько *призыскивалъ* учить этого коня, никто не занимался, и всѣмъ головы отсѣкали. Молодецъ ты за это! Теперь отдыхай ты цѣльныя сутки.“ Когда сутки прошли, посылаетъ къ нему человѣка. „Ступай, являйся, баринъ з ветъ“. Явился онъ къ нему. „Ну, вотъ что, сынокъ.“ Что, баринъ? „Распаши сегодняшней ночью пашню, посѣй *ленъ*, вырви и вытки мнѣ салфетку, чтобы къ свѣту готова была“. Онъ опечалился и пошелъ домой. Дѣвица спрашиваетъ его: Что ты печальный? „Да нашъ баринъ опеть задалъ мнѣ задачу“. А что онъ тебѣ задалъ. „А задалъ мнѣ распахать сегодняшней ночью пашню, посѣять ленъ, вырвать и выткать ему салфетку, чтобы къ свѣту готова была“. Дѣвица беретъ [illegible]вѣникъ, выдергиватъ три прутка. „Неси къ своему барину: изъ трехъ прутковъ пущай сдѣлаетъ тебѣ соху и борону, а мнѣ всю *красѣнную снасть* *)“. Приноситъ онъ къ Ерахтѣ три прутка и говоритъ: „Вотъ сдѣлай мнѣ изъ трехъ прутковъ соху и борону, а той дѣвицѣ, у которой я живу, всю *красѣнную снасть*; тогда я сдѣлаю тебѣ салфетку“. Кривой Ерахта говоритъ: „А что сдѣлаю изъ трехъ прутковъ?“ А я черезъ ночь что сдѣлаю? „Ступай отдыхай еще сутки“. Когда сутки миновали, является онъ къ барину. Тотъ говоритъ: „Ну, вотъ что, молодецъ. Распаши сегодняшней ночью пашню, посѣй пшеницу, къ свѣту чтобы булки готовы были“. Пошелъ онъ домой печальный, *обсказываетъ* дѣвицѣ. Дѣвица говоритъ: „Ну, эту намъ службу не снесть. Теперь мы съ тобой должны бѣжать *отседова*“. Когда дѣвица береъ огниво, и беретъ брусъ, и беретъ *щетъ* **), и заливаетъ въ пузырекъ воды, беретъ съ собой. И плюнула слюну въ передній уголъ, и потомъ дѣвица съ этимъ мальчикомъ отправились *оттедова*. Этотъ же баринъ поутру посылаетъ человѣка къ этому мальчику. И спрашив его: „Готовы ли булки?“ Слюна отвѣчаетъ ему: „Булки пекутся“. Помѣшкалъ немного, опять посылаетъ человѣка. Тотъ спрашиваетъ: „Ну, что, готовы булки?“ Слюна отвѣчаетъ: „Допекаются.“ Въ третій разъ посылаетъ человѣка. „Готовы-ли булки?“ Слюна стала истекать и тиховько отвѣчаетъ: „Допекаются“. Помѣшкалъ онъ и въ четвертый разъ посылаетъ. Человѣкъ

*) Т. е. весь ткацкій станокъ, называемый *красна*.

**) Щеть, употребляемую для расчески льна.

спрашиваетъ: «Готовы ли булки»? Отвѣту нѣтъ никакого. Обсказываетъ Кривому Ерахтѣ: „Нѣтъ никого!" Этотъ Ерахта говоритъ: „Нужно ихъ догнать". Живо снаряжаетъ своихъ слугъ въ погоню. Вотъ дѣвица говоритъ: „Припадай къ землѣ, послушай, нѣтъ-ли погони"? Онъ припалъ, послушалъ, говоритъ: Да, какъ комары пищатъ. „Это не комары пищатъ, а это погоня за нами. Возьми, брусъ наотмашь кинь. сдѣлается отъ земли до самыхъ небесъ каменная гора, что имъ пройти нельзя." Онъ взялъ кинулъ брусъ на-отмашь, сдѣлалась каменная гора до самыхъ небесъ. Добрались они до этой горы, никакъ пройти не могутъ, Обратились съ жалобой къ своему барину. Кривой Ерахта говоритъ: «Ахъ, вы! Берите койлу, лопатки, ройте гору, ступайте за *ними вослѣдъ.*» Побѣжали они опять. Прорыли эту гору, догоняютъ ихъ. Дѣвица и говоритъ: „Ну-ка, припадай къ землѣ, послушай, нѣтъ-ли за нами погони"? Онъ припалъ, послушалъ. Да, *гонятъ*, точно комары пищатъ. „Это не комары пищатъ, а погоня за нами На, брось *шесть* на-отмашь, сдѣлается роща отъ земли до самыхъ небесъ непроходимая". Слуги добрались до этой рощи, дальше попасть не могутъ. Обратились къ Кривому Ерахтѣ. Онъ говоритъ: „Берите топоры, просѣкайте эту рощу, догоняйте ихъ." Вотъ дѣвица и говоритъ: „Припадай, нѣтъ ли погони за нами"? Да, какъ комары пищатъ. „Это—погоня. Брось огниво—сдѣлается огненная рѣка, имъ черезъ нее не перейти." Слуги добѣжали до огненной рѣки и воротились съ жалобой къ хозяину. Ерахта говоритъ: „Вотъ вамъ мой посохъ, дойдете до рѣки—это она, шельма, ухитряется—бросьте мой посохъ въ рѣку, не будетъ ничего." Дѣвица по времю знаетъ, что погони близко, и говоритъ: „Я оверпусь (вм. оберну́сь) мельницей, тебя мельникомъ, возьми топоръ, стой подъ крышкой, что-нибудь теши." Вотъ слуги подъѣжаютъ; стоитъ мельникъ у мельницы, работаетъ топоромъ.—Господинъ мельникъ, не проходили-ли здѣсь мужчина съ женщиной? „Нѣтъ, никто не проходилъ". Вотъ пошли они обратно къ Кривому Ерахтѣ.—Никого, говорятъ, не могли найти: стоитъ мельница, и мельникъ подъ крышкой тешетъ что-то топоромъ. «Да это они были, а не мельникъ съ мельницей. Ступайте, берите ихъ скорѣй». Вотъ они побѣжали опять. Дѣвица говоритъ: „Я сдѣлаюсь *церковой* (вм. церковью), а тебя—караульщикомъ церковнымъ, ты стой въ оградѣ, возьми метелку, какъ будто соръ подметаешь." Вотъ они прибѣгаютъ.—Эй, дѣдушка, не видалъ-ли, не проходили ли тутъ мужчина съ женщиной? «А видѣлъ». А когда? „А когда *церкву* клали". Когда она кладена, *церква*? «А назадъ тому 75 лѣтъ». Онъ и думаетъ самъ себѣ: „У-у, когда"!

Воротились *в*обратно. Ера́хта разсердился, что они не взяли *церквы* съ караульшшикомъ. „Теперь, говоритъ, я самъ пойду“. Вотъ услыхали они, что за ними погоня. Черезъ рѣчку былъ мостъ. Дѣвица говоритъ: „Что будемъ дѣлать?“ Не знаю. „Я *о*вернусь уткой, а тебя селезнемъ, пойдемъ въ эту рѣчку, будемъ плавать“ прибѣжалъ Ерахта. Съ мост*у* смотритъ, не можетъ узнать ихъ, селезня съ уткой. Она и поплыла къ его хвосту и потомъ выдернула изъ хвоста правильное перо и взяла стрѣлила изъ этого правильнаго пера*) ему въ глазъ и послѣдній глазъ могла *вышибчи*, какъ изъ хорошей винтовки. Ухватили его слуги, начали излѣчать. Они успѣли въ это время уйти до рѣчки; и по рѣчкѣ былъ камень и щ*и*ли (вм. щели), можно было имъ спастись тутъ. „*О*вернемся теперь ершам*и*, пойдемъ въ рѣчку, будемъ ходить, а онъ *о*вернется щукой, будетъ обманывать, что повернись головой ко мнѣ и поговоримъ что—нибудь, а ты не повертывайся.“ Вотъ Ера́хта догналъ ихъ, палъ въ рѣчку щукой.—Ершъ, повернись ко мнѣ головой, поговоримъ что-нибудь! „Ладно, щу а ерша куш*атъ* съ хвоста“! И забрались они въ щ*и*ли, одни хвостики видать. Щука билась, билась, выманить не могла, отступилась отъ ихъ. Пошелъ Кривой Ера́хта домой. А они вернулись къ отцу дьякону. Отецъ, мать признать ихъ не могли. Тогда онъ обсказалъ какъ слѣдующимъ порядкомъ, сынъ, отцу своему дьякону, Тогда дьяконъ могъ его признать. Остановился дьяконскій сынъ у своего отца, матери. Дѣвица говоритъ: «Я больше отъ его не пойду, я за него замужъ согласна пойти». Тогда они могли между собой законъ принять, повѣнчались. И жили они преспокойно.

---

39. О Настасѐѣ Прекрасной.

Жила старушка, и потомъ у ей былъ одинъ сынъ. „Маменька, дай мнѣ сто рублей денегъ, я пойду на базаръ, куплю хлѣба.“ Даетъ она ему сто рублей денегъ, идетъ на базаръ. Несутъ собаку на наземъ бить. „Вы куда съ ей?“ А на наземъ бить. „А продайте мнѣ ее. А сколько за неё“? „А сто рублей.“ Онъ отдаетъ сто рублей, а собаку опускаетъ въ поле: „Гуляй, а на́ время ко мнѣ годись“. Обратился онъ *в*обратно. Мать его спрашиваетъ: Что, сынокъ купилъ хлѣба? „Да, купилъ.“ Черезъ недѣлю врем*я* опеть: «Маменька, дай мнѣ сто рублей денегъ, я пойду на базаръ, куплю хлѣба». Да вы взяли. „А еще взять“. Даетъ

---

*) Вмѣсто твор. пад.; этимъ и пр.

ему сто цѣлковыхъ, и отправился на базарь. Не доходя до базара, несутъ кота на базарѣ. „Вы куда съ ёмъ?“—А на базарѣ бить. „А продайте мнѣ его. А сколько за него“? „А сто рублей“. Дастъ сто рублей, а кота опускаетъ въ поле. „Ступай, котикъ, гулять, а на время ко мнѣ годись“! Обратился онъ *собратно*. Мать его спрашиваетъ: Что, купилъ хлѣба? „Купилъ, вотъ скоро привезутъ.“ Къ которому время? „Вотъ черезъ недѣлю время привезутъ хлѣбъ.“ Черезъ недѣлю время *полтинкалъ*. „Маменька, *гыть*, дай мнѣ еще сто цѣлковыхъ“. Что ты, сынокъ, куда тебѣ? „Да купить хлѣба“. Та даетъ ему сто рублей. Пошелъ на базарь, купилъ хлѣба, назначилъ имъ время, въ которо время привезти хлѣбъ. Обратился назадъ къ матери своей. И когда назначено было время имъ, привезли хлѣбъ. Принялъ онъ хлѣбъ къ себѣ. Когда онъ во время праздника, можетъ быть, такъ что воскресенье,—пошелъ онъ на гуляньe въ поле, Табунщики скота пасли, и сидятъ подъ дубомъ. И подошелъонъ сзади ихъ, и сталъ подъ дубъ и слушаетъ ихъ разговоръ. Одинъ другому разсказываетъ табунщикъ: „Да, вотъ въ такимъ-то мѣстѣ, подъ дубомъ, похоронена Настасѣя Прекрасна“. А что *изъ ей*? „Да, на ей есть перстень, *однозолотный*, и перстень колшебный: кто бы, *гыть*, этотъ перстень досталъ, много бы счастливъ былъ“. Когда онъ выслушалъ, тайно отъ ихъ опять скрылся. Ушелъ, разыскалъ её могилу, гдѣ она похоронена, На могилѣ судовъ въ пять лежитъ плита чугунная. *Подпачавши* посокъ поги, и спихнулъ эту плиту. Спустился къ ей въ могилу, лежитъ она во гробѣ разметавши(сь). Снялъ съ руки её перстень. Выскочилъ изъ могилы, набросилъ плиту, а кипулась она за имъ. „Ну, успѣлъ ты выскочить. Сумѣлъ перстень снять, и сумѣй имъ орудовать.“ А что жъ имъ работать? «А имъ работать: съ руки на руку перемѣнить этотъ перстень: тридцать молодцовъ вылетять, всѣ крылатые, что прикажешь, то будутъ работать.» Тогда онъ ушелъ. Приходитъ домой во время вечера, перемѣнилъ перстень, Вылетаютъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. Что, голый баринъ, прикажете дѣлать?—«А ничего не нужно, только я такъ попытался васъ.» Во время утра говоритъ своей матери: Маменька, ступай къ *сосударю*, сватайся его дочь за меня замужъ. „Что ты, сыночекъ, это взумалъ? Да гдѣ же *сосударь* отдастъ свою дочь за тебя замужъ?“ Когда мать не могла отъ него отвязаться, пошла къ *сосударю* свататься очь. Приходитъ, сватается. Этотъ *сосударь* видитъ такъ, какъ будто, что онъ съ усмѣшкой. „Ну, вотъ что, бабушка,—пущай себѣ отстроитъ домъ, чтобъ такого дома и въ какомъ царствѣ, ни въ какомъ *сосударствѣ*—чтобъ такого дома

не было. И черезъ одну ночь къ свѣту чтобъ было готово. Тогда дочь замужъ отдамъ". Старуха пошла печальная. Приходитъ, своему сыну *обсказывать*. „А это, маменька что! Это не служба, а службишка; это я за службу не считаю. Молись Спасу, *лежись спать*". Стала молиться Богу, *лежиться* спать. Выходитъ *) во время вечера на крыльцо, перемѣнятъ перстень съ руки на руки; вылетаютъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые „Что, новый баринъ, прикажете?" Сработайте сегодняшней ночью, къ свѣту чтобы -домъ, чтобъ такого дома ни въ какомъ царствѣ, ни въ какомъ *государствѣ* не было. „Ладно, *гытъ*, хорошо, баринъ; всё будетъ готово." И потомъ они начали строить и выстроили къ свѣту *дѣйствительно* этотъ домъ готовый. Во время, значитъ, утра прибѣгаютъ онъ, будятъ хозяина. «Хозяинъ, вставай, принимай нашу работу къ себѣ на руки.» Поднимался хозяинъ, выходилъ на улицу; *дѣйствительно* домъ отстроенъ, что ни въ какомъ царствѣ, ни въ какомъ *государствѣ* такого дома нѣтъ. „Ступай ротъ по лѣс(т)ницѣ, поднимись къ карнизу, и на углу прибита одна *тесина* (тонкая доска), ступай колоти её; когда *государь* услышитъ, выйдетъ на балконъ, увидитъ твою постройку и подойдетъ къ тебѣ. Спросятъ онъ тебя: Что, сыночекъ, отстроили домъ? --Да, отстроилъ. Только въ томъ извините, Ваше Императорство Величество, вотъ на углу одна тесина не прибита. „А это ничего." Когда *государь* отъ его ушелъ, онъ спустился съ лѣс(т)ницы. „Ступай, маменька, сватайся.", Старушенка не раза своему сыну, пошла опять свататься. Приходитъ старуха, этотъ *государь* опять ей и говоритъ: „Вотъ что, бабушка: пущай отъ своего дома до моего дворца отстроитъ хрустальный мостъ, и *по-подъ мосту* чтобы протекала рѣка и въ рѣкѣ чтобы всяка разна была рыба. И на мосту всяки разны чтобы были *балясы*". Старушенка отправилась, приходитъ къ своему сыну, обсказывать своему сыну. „Что маменька"?Да, сынокъ, задалъ онъ опять задачку. «Хорошо, маменька, молись Спасу, *лежись* спать. Это дѣло не твое. Утро вечера мудренѣе.» Тогда во время вечера выходилъ на крыльцо, перемѣнилъ перстень съ руки на руку. Выходили тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. „Что, новый баринъ прикажете дѣлать?" Сдѣлайте отъ моего дома до дворца хрустальный мостъ, и *по подъ мосту* чтобы протекала рѣка и въ рѣкѣ чтобы всяка разна была рыба. И на мосту всяки разны чтобъ были *балясы*. „Хорошо, всё будетъ готово." Отстроили они мостъ, оставили одну *балясину* на этомъ

*) Сынъ старухи.

мосту. Утромъ будятъ своего хозяина. „Ступай, хозяинъ, принимай нашу работу. Вотъ въ этомъ мѣстѣ одна балясина не заложена, гдя закладывай.“ Этотъ пошелъ закладывать балясину, стучитъ. *Во*сударь услыхалъ, поднялся на балконъ, смотритъ. „Да, какой хитрый! Смотри-ка! Устроилъ мнѣ мостъ хрустальный отъ своего дома до моего дворца.“ *Во*сударь идетъ по этому мосту, что у его ноги катаются. Подходитъ къ нему. „Какъ, сынокъ? Устроилъ?“ Да, устроилъ. Извините, Ваше Императорство Величество, одна *балясина* не заложена. «Да, это ничего.» Когда *во*сударь уходилъ отъ его, и онъ отправился къ своей матери. „Иди, маменька, сватайся“. Старуха пошла свататься къ *во*сударю. Этотъ же *во*сударь наложилъ опять службу: «Пушшай, *слышь*, черезъ ночь отстроитъ *церкву* и весь церковный причтъ: были бы священники и караульшшики, что требуется, и чтобъ были колокола и звонъ разный отъ нашихъ (подраз. колоколовъ).“ Старуха приходитъ печальная, обсказывать своему сыну. „А ничего, маменька, молись Спасу, *ложись* спать“. Во время вечера старуха молится Богу, *ложится* спать. Когда она легла спать, сынъ сё выходилъ на улицу, перемѣнялъ кольцо съ руки на руки. Явились тридцать молодцовъ, всѣ крылатые. «Что, баринъ, прикажете?“ Черезъ ночь отстройте *церкву*, нужно намъ вѣнчаться. „Ладно, хорошо, слушаемъ, баринъ, всё будетъ готово“. Когда къ свѣту приготовили, бѣгутъ своего хозяина. „Но (ну), хозяинъ, дай намъ сплюй. Иди-же къ воротамъ, одна *штафѣтина* не заложена, иди закладывай.“ Отправился къ воротамъ къ церковнымъ, одна *штафетина* не заложена, сталъ закладывать, своимъ молоткомъ стучитъ. И потомъ караульшшики ударили въ колоколя, по городу пошелъ звонъ разный. *Во*сударь услыхалъ. И слышитъ, что звонъ разный. Поднялся на балконъ. смотритъ. «Да, отстроилъ *церкву*.» Подходитъ къ нему. Онъ извиняется: Ахъ, извините. Ваше Императорство Величество, одна *штафѣтина* не заложена у воротъ. „Ничего“. Тогда *во*сударь ушелъ отъ него. И онъ приходитъ къ своей матери, „Иди, маменька, сватайся.“ Тогда старуха пошла свататься. *Во*сударь же наложилъ на нихъ службу: „Пушшай черезъ ночь отстроитъ себѣ карету и тройку лошадей и чтобъ были лакеи, *форѣтуры* (испорченное: форейторы) всѣ свои. Когда отстроитъ, пушшай пріѣзжаетъ, тогда я дочь свою замужъ выдамъ“. Старушка была печальная, приходитъ своему сыну, обсказывать. „Ничего, молись Спасу, ложись спать.“ Вышелъ на крыльцо, перемѣнилъ перстень: являются тридцать молодцовъ всѣ крылатые. Что, новый баринъ прикажете дѣлать? „Отстройте мнѣ черезъ ночь карету и тройку лошадей, и

чтобъ были лакеи, *фолетуры*, и *одёжи* чтобъ была отъ нашихъ разная." Утромъ разбудили они своего хозяина. Онъ выходитъ; дичтвительно, всё готово. Когда поутру свою мать посылаетъ свататься къ *государю*, дочь. Старуха пошла свататься и дичтвительно высватала. „Ну, когда если готово, пушшай пріёзжаетъ." Когда обратилась старуха къ своему сыну, сыну обсказывать. Сынъ одёвается и потомъ садится въ эту карету, пріёзжаетъ къ *государю*. *Государь* дичтвительно ужъ не могъ тогда отказаться, выдалъ свою дочь за его взамужъ. Повёнчались въ этой въ новой своей церкви. И сколько бы она ни жила, а былъ у неё *столюбовникъ* изъ-за тридевять земель, изъ-за тридевять морей, изъ тридевятаго государства. И говоритъ своему папашё: „Папаша, я со своимъ мужемъ жить не буду." А что жъ ты не будешь? Когда ты замужъ пріяла, а жить не будешь? „Ныть, не буду." *Мышкала* она послѣ этого много время, вышитывала своего мужа. „Ахъ ты, мужъ мой, милый мой, говорай мнѣ всю истинную правду: какая въ тебѣ хитрость, какая въ тебѣ мудрость?" Онъ ей отвѣчаетъ: „Ахъ ты, дура: волосы долги, умъ коротокъ. Вотъ у меня перстень *одноволотный*." Да, перстень. „Если его съ руки на руки перемѣнить, прилетятъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые, и что прикажешь, то и сдѣлаютъ". Дичтвительно-ли правда? „Да, правда". Во время вечера, когда они легли спать, у сонного возьметъ сниметъ этотъ перстень, выйдетъ на улицу, перемѣнивать съ руки на руку: прилетаютъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые.—Что, наша барыня, прикажете дѣлать? „А унесите меня со всѣмъ домомъ, мостомъ за тридевять морей, за тридевять земель, въ тридевятое государство." Хорошо, барыня, всё готово будетъ. „А моего мужа выпихните въ старую избёнку". Когда они взяли у ей мужа, унесли, положили въ старую избенку, а её со всѣмъ съ домомъ, съ мостомъ унесли за тридевять морей, за тридевять земель, въ тридевятое государство, къ её *столюбовнику*. *Государь* утромъ всталъ, смотритъ: ни дома, ни мосту, ничего нѣту, стоитъ старая его избенка. *Государь* на его *осерчалъ*: „Стало быть, онъ водится съ нечистымъ духомъ, волшебникъ. Заклясть его въ каменный столбъ, пушшай онъ тутъ вздыхаетъ." Дичтвительно, взяли его, взятя, заклали въ каменный столбъ. Часовой солдатъ ходитъ у оконечка въ карауле, и онъ*) и думать самъ себѣ: „Была бы кошечка, собачка, могли бы онѣ достать перстень этотъ *оттудова*." Во время вечера онѣ являются къ своему хозяину. Цитаться ему

*) Мужъ Настасеи Прекрасной.

нечѣмъ было, *запасе́нья* онѣ дѣлали ему; во̀ровски таскали хлѣба. *Запасѐнья* дѣлали ему на три года и потомъ отправились онѣ отъ его въ походъ. И когда онѣ переплывали эти всѣ рѣки и моря, пробирались за тридевять морей, за тридевять земель, въ тридевятое *в*осударство. Разыскали его жену и приласкались къ имъ и жили съ мѣсяцъ такъ-что *время* и не могли у ей *сглядѣть* этотъ перстень никакъ. Такъ что въ одно прекрасное время истопили баню, и пошли они въ баню париться. Эта собачка и говоритъ: „Вотъ что! Они пошли въ баню париться, нужно *за имя* пойти въ баню". Когда зашли они*) въ прихожу, она сняла этотъ перстень, не побереглась, положила на платье. Котъ взялъ этотъ перстень себѣ. „Ну, собачка, пойдемъ теперь домой." Когда онѣ пошли домой. И нужно было попасть имъ черезъ послѣднее море. Собачка и говоритъ: „Котъ, дай мнѣ перстень, а то садись на меня." Котъ не отдалъ собачкѣ и на собачку не сѣлъ. Попало въ ротъ ему воды, онъ *спрыскалъ* (вспрыснулъ), и перстень вылетѣлъ *изъ ро̀ту* (изо рта) въ море. Вышли на берегъ и сѣли, и сидятъ и думаютъ. Собачка и говоритъ: „Ну что ты, котъ, мнѣ перстень не далъ и самъ не сѣлъ на меня. Пойдемъ къ рыбакамъ: перстень не попадетъ-ли бѣлугѣ? Можетъ, бѣлуга подхватитъ этотъ перстень, а рыбаки, можетъ, подхватятъ эту бѣлугу,—тогда мы можемъ украсть этотъ перстень." Пришли къ рыбакамъ, приласкались къ имъ. И рыбаки возлюбили кошечку съ собачкой, *сколь* они были ласковые. И потомъ запустили невода въ море, начали неводить. Когда стали *выта̀ниться* (вынимать неводъ) и увидали бѣлугу въ неводу. Добыли эту бѣлугу, стали свидѣтельствовать эту бѣлугу: нѣтъ ли человѣка съѣденнаго въ ей? И попался рыбакамъ перстень. Одинъ другому говоритъ: „Когда перстень попалъ,— должно быть, человѣкъ съѣденъ." А товарищъ ему говоритъ: „Ежели бы человѣкъ былъ съѣденъ, были бы кости, а то костей нѣтъ. Должно быть, шелъ корабль, можетъ быть кто-нибудь съ корабля этотъ перстень обронилъ. Сталъ, можетъ—быть, умываться, и онъ могъ, этотъ перстень, упасть въ море„. А кошечка съ собачкой слѣдятъ за этими рыбаками, куда перстень положатъ. Вымыли этотъ перстень, положили въ избушку на полочку. Ушли неводить на море. Собачка говоритъ коту: „Котъ!" Что? „Вонъ перстень на полочкѣ; лѣзь за имъ." Котъ *въ тѣмъ же разѣ* залѣзъ на эту полочку, взялъ этотъ перстень, соскочилъ съ этой полки. „Но, собачка, пойдемъ теперь домой". Когда онѣ пошли въ по-

*) Настасея Прекрасная съ своей свитой.

ходъ опять домой. Приходятъ, чуть живого своего хозяина застаютъ; пищи ему не хватило, мало. Передастъ котъ своему хозяину этотъ перстень. Во время вечера *ихній* хозяинъ съ руки на руку перемѣняетъ этотъ перстень. Вылетаютъ тридцать молодцовъ, всѣ крылатые.—Что, старый баринъ, прикажете дѣлать? „Раскидать этотъ столбъ по камнямъ, чтобъ его званью *ихъ* не было. И принесите мою жену, чтобъ къ свѣту она здѣсь была со всѣмъ домомъ и съ мостомъ, со всей постройкой моей". Когда они раскидали этотъ столбъ, по всѣмъ четыремъ сторонамъ, по одному камню, чтобъ не собрать его, и принесли его жену со всѣмъ домомъ, и съ мостомъ, и съ *полюбовникомъ*,—и спятъ они на одной кроватп съ нимъ. Поутру всталъ, у нихъ всѣ готово, принесено. Этотъ зять его прибѣгаетъ къ своему тестю „Спунай, тятенька, принимай свою дочь, гдѣ она была. Она была у своего *сполюбовника*". *Государь* сталъ, смотритъ: что такое? домъ тутъ и мостъ тутъ. И тогда заходитъ къ нимъ въ этотъ домъ и они лежатъ на одномъ ложѣ со своимъ съ другомъ. *Государь* осерчалъ на свою дочь и на сѣ *сполюбовника*, поднялъ сашку кверху, хотѣлъ обоимъ головы сѣчь. Зять ему и говоритъ: Ахъ, тятенька, царски лица не казнятъ, ни вѣсятъ, потому что онъ не виноватъ,—а сука манитъ, такъ кобель пдетъ; потому что она манитъ. „А это правда, сыночекъ". Разбудили ихъ. Приказалъ *государь*: „Вы отправляйтесь изъ моей державы въ свое мѣсто, какъ знаете. Да, я думалъ, что ты, дочка, хорошаго поведенья, что когда я своего зятя изумалъ сгубить". Тогда онъ повѣрилъ своей дочери. Приказалъ ей, что, какъ можно, и честно, благородно живя со своимъ мужемъ. Да, тогда они остались, живутъ преспокойно. Покончилась и она *).

---

40. О солдатѣ, царской дочери и объ Идолищѣ.

Государь призыскивалъ: „Кто мою дочь можетъ укараулить, во время ночи куда уходить?" *Призыскался* изъ военныхъ людей, изъ солдатъ. „Я могу, Ваше Императорство Величество, укараулить". Тогда во время ночи его заперли въ залу, въ которой залѣ она могла спать и уходить. Потомъ начинали они въ карты играть съ этимъ солдатомъ. Играли много время ночи, она угощала его виномъ. До тѣхъ поръ мучила солдата, что могъ онъ крѣпко уснуть. А солдатъ имѣлъ себѣ шапку—невидимку, сапоги—скороходы и коверъ—самолетъ. И потомъ сол-

*) Т. е. сказка.

дать до тѣхъ поръ намучился, что какъ будто онъ уснулъ, игралъ и карты упали изъ рукъ. Она говоритъ ему: „Давай, еще поиграмъ въ карты. „Нѣтъ, я спать хочу". Когда легли они спать; солдатъ середь полу легъ, безо всякой постилки, а государыня, царская дочь, легла на кровать. Уснулъ какъ будто крѣпкимъ сномъ, самъ прикинулся. И эта же царская дочь и говоритъ: „Да, такая бз..ха хочетъ меня покараулить, спитъ крѣпко! гдѣ ему меня покараулить!" Зажигала лампу и спускалась подъ кровать, отворила западню и спустилась она подъ полъ. И этотъ солдатъ надѣлъ сапоги—скороходы, шапку—невидимку, сѣдомъ за ей. Не могла она его увидѣть, какъ онъ прошелъ за ей. Зашла въ мѣдный садъ, гуляетъ она. Солдатъ зашелъ сзади её въ саду и свис(т)нулъ. Та обернулась: „Не солдатъ-ли ходитъ, меня караулитъ?" А онъ сорвалъ изъ мѣднаго сада яблоки, положилъ къ себѣ въ карманъ. Убѣжалъ впередъ её и легъ середь полу, опять спитъ какъ будто крѣпкимъ сномъ. Она вышла. „Гдѣ такому покараулить?" Легла на кровать. Поутру встала, обсказывать своему родителю: «Гдѣ, тятенька, такой бз..ю..ѣ меня покараулить. Онъ спитъ крѣпко, разметавши середь полу». Потомъ въ другую ночь запираютъ ихъ въ это же зало. Начинаютъ они въ карты играть. Она говоритъ: «Давай, водочки выпьемъ». Онъ на это не согласился. Она до тѣхъ поръ мучала солдата, что могъ онъ крѣпко уснуть. Онъ опять какъ будто уснулъ, карты упали изъ рукъ. Она зажгла лампу, отворила западню и спустилась подъ полъ. Солдатъ за ей. Пошла она въ серебряный садъ, а солдатъ зашелъ сзади её и свис(т)нулъ. Та обернулась: „Не солдатъ ли меня караулитъ"? А онъ сорвалъ серебряныя яблони, положилъ къ себѣ для знаку. Убѣжалъ впередъ её и легъ. Она пошла назадъ, приходитъ. «Гдѣ такой гов..хѣ меня покараулить». Поутру обсказывать своему родителю: „Онъ спалъ всю ночь, гдѣ такой г...ъ меня покараулить». На третью ночь опять заперли ихъ въ зало. У солдата опять карты валятся изъ рукъ. Она говоритъ: «Давай, поиграмъ: ночь долга, ещё выспимся. „Нѣтъ, спать хочу". Легъ солдатъ середь полу, а царская дочь на кровать. Онъ прикинулся, что какъ будто заснулъ. Она подвернулась подъ кровать, отворила западню и спустилась подъ полъ. Солдатъ надѣлъ сапоги скороходы, шапку—невидимку, и за ей. Она заходитъ въ золотой садъ. Онъ сорвалъ золотыя яблони, свис(т)нулъ сзади её, вернулся впередъ и легъ середь полу. На четвертую ночь когда запираютъ, послѣдняя его ночь Стали они играть въ карты, онъ водки выпивалъ. Опять какъ будто заснулъ. Она зажгла лампу, подвернулась подъ кровать, отворила западню и спустилась подъ

полѣ. Солдатъ за ей. Она отправилась къ морю. Добѣгавши до моря, пріѣзжаетъ кучеръ изъ-за моря, тройка лошадей. Садится въ эту каретy, а солдатъ на запятки къ имъ. Выѣхали середь моря. Онъ *взайкнулъ* и свис(т)нулъ. Та обернулась. „Это голосъ солдатскій, гдѣ онъ есть, находится?“ Когда перевозили черезъ море, ѣдутъ сухимъ путемъ, подъѣзжаютъ къ дворцу. Когда Идолище выходитъ, встрѣчаетъ эту дѣвицу, беретъ ее за руку, снимаетъ съ этой кареты. И ведетъ ее къ себѣ въ комнаты. «Да, милочка моя, вотъ я для васъ досталъ волшебный перстень». Досталъ шкатулку, вынулъ изъ шкатулки, даетъ ей. „Вотъ что желаете, можете достать черезъ этотъ перстень“. Заводитъ во вторую комнату: „Вотъ я вамъ приготовилъ подѣшечное платье“. Заводитъ въ третью комнату. «Я тутъ досталъ бутылочку и стаканчикъ: сколько желательно водки выпейте, *изъ ее* не убудетъ“. И когда они ходили по комнатамъ, солдатъ у нихъ все обобралъ. Когда повели ее садить назадъ, отвозить за это же море, онъ успѣлъ на запятки къ нимъ пасть, и повезли ее оттудова. Выѣхали середь моря, этотъ свис(т)нулъ. «Погоняй, кучеръ, поскорѣй“. Та царская дочь могла испугаться: „Это, вѣрно, солдатъ за мной сидитъ“. Видитъ, никого не видитъ. Опять переѣхали черезъ это море. Пошелъ съ этой царской дочерью, обогналъ ее и легъ на прежнее мѣсто. Поутру она обсказываетъ государю: „Гдѣ эдакой бы ли меня укараулить. Я думала, что онъ за мной идетъ, а онъ спитъ безъ ума“. Этотъ солдатъ и говоритъ ей: Не я б....., ты б....; когда выѣхали середъ моря, свис(т)нулъ и скричалъ, что кучеръ погоняй а ты испугалась, а я сидѣлъ рядомъ съ тобой“. Не можетъ быть! это не мыслимо, что ты ѣхалъ со мной“. Какъ, почему? Если не увѣряетесь, такъ вотъ: гдѣ ты была, я привезъ тѣ же вещи.— «Какъ?» —Выбросилъ, значитъ, перстень ее, и выбросилъ платье, и выбросилъ бутылку, что водки изъ которой пить и не выпить. Тогда государь повѣрилъ „Это правильно, укараулилъ“. Даетъ ему за это награды, увольняетъ его въ домашнюю сторону.

---

41. О трехъ братьяхъ—двухъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ и о третьемъ—простомъ.

Былъ одинъ государь холостой, и дѣвица шла за его замужъ, обѣщала трехъ сыновъ родить ему. «Двухъ сыновъ рожу я не простыхъ: по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ, во лбу красное

солнце, а въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды: а третьяго — простого сына». А Ягишнѣ хотѣлось было свою дочь замужъ отдать. Имѣла она *насёрдку* на его (была сердита), когда онъ взялъ эту дѣвицу. Когда онѣ годъ время пробыли, значитъ, она дѣйствительно брюхатая была до тѣхъ поръ, что нужно ей родить. Пошла тогда она на муки, потребовали бабушку, эту Ягишну, котора навеливала свою дочь за его замужъ. А родила она этого сына, дѣйствительно какого обѣщала. Возьметъ скроетъ этого сына, отправитъ на высочайши горы, а ей подвернетъ *шшенёнка* (говорится про Ягишну). И говоритъ: „Вотъ она обѣщала, что по локотъ руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ, во лбѣ красное солнце, въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды, а она родила тебѣ *шшенёнка*. Это все обманъ отъ неё былъ". Ну, когда онъ на это *ничё* не сказалъ. Чирезъ годъ, можетъ быть время опеть же родитъ такого, какъ и перваго. Она опеть подсунула вмѣсто его *шшененка*. На третій годъ родила простого. Она (т. е. Ягишна) того не скрала, подаетъ его отцу на руки. „А что этихъ двухъ обманула, она родила тебѣ двухъ кобелёй". Государь осерчалъ на это, что она обманула. Приказалъ ей глаза выкопать, съ простымъ сыномъ посадить въ бочку, опустить на море. Когда её, глаза выкопали, посадили въ бочку, опустили на море, И повыкачало ихъ волной на островъ. Её сынъ простой былъ изъ *осилковъ* (т. е. изъ сильныхъ), росъ не по годамъ, а росъ не часамъ. Когда повыкачало ихъ на островъ, онъ пошатался въ этой бочкѣ, слышитъ, что подъ бочкой песокъ хруститъ. — Маменька благослови, *гытъ*, дно *вышибчи*. «Ахъ, сыночекъ: если вышибешь да мы потонемъ вовсе?» Онъ пошатался въ этой бочкѣ. „Нѣтъ маменька, хруститъ подъ бочкой песокъ, благослови её *вышибчи*". Когда она его благословила, онъ головой въ то дно, а ногами — въ друго, выпихнулъ это дно, и вышли у острова дѣйствительно на пескѣ, повыкачало ихъ волной. Вывелъ свою мать на берегъ и ходитъ по острову, — искалъ такую траву, что своей матери излѣчить глаза. Дѣйствительно натокался такую траву, принесъ, излѣчилъ свою мать. Здѣлалась мать его здрава. Нужно было бы имъ огня достать, а огня взять негдѣ. Во время вечера видятъ, въ острову, дальше, горитъ огонь. Подходитъ къ этому огню, лежитъ старикъ у огня и онъ сталъ просить: Дѣдушка родной, дай мнѣ огня. „А скажи, гытъ, небыль — небылицу, дамъ огня, а не скажешь небыль — небылицу; тогда изъ спины ремень, изъ жилы пряжку". Онъ ему сказалъ небыль — небылицу, онъ тогда далъ ему огня. Приходитъ и раскладываетъ огонь. Питаться чѣмъ? Питаться было не-

чемъ. Питались они [к]*окосовыми* орѣхами. И говоритъ своей матери: „Маменька, по нашему прошенью, по Божьему велѣчью былъ бы домъ; ни въ какомъ *государствѣ*, ни въ какемъ к'ролевствѣ такого дома не было бы". Дѣствительно черезъ ночь, по Б жьему *изво́лу*, построился домъ неизвѣстно отчего. Онъ опять и говоритъ своей матери: „Маменька, я еще этимъ не доволенъ». А что же? «А поперекъ остров*у* текла бы рѣчка молока, кисельны берега, бери ложку, садись ѣшь—не хочу!» Тогда черезъ ночь появилась поперекъ остров*у* рѣка молока, кисельны берега, бери ложку, садись, ѣшь сколько влѣзетъ. На второй вечеръ онъ опять говоритъ: «Маменька, я и этимъ еще не доволенъ». А что же? „А с оялъ бы столбъ, на этомъ столбѣ стоялъ бы кузнецъ, молотомъ билъ; на одну сторо у валится серебро, а по другу—золото". Послышали поутру-стукъ, смотрятъ, стоитъ столбъ, на столбѣ кузнецъ молотомъ бьетъ, по одну сторону серебро валится, по другу золото. „Вотъ у васъ жизнь *тапэрь* хорошая!" Тогда опять во время вечера онъ и говоритъ: «Маменька, а я все не доволенъ»? А что? «А былъ бы салъ и стояло бы яблочное дерево, и по *этому* яблочному дереву хо тилъ бы котъ—*баюнъ*: впередъ бы шелъ, онъ пѣсни пѣлъ, а назадъ бы шелъ, чтобъ, значитъ, сказки сказывалъ". Дѣствительно поутру встаютъ: стоитъ посередь сада яблочное дерево, и по этому *яблочному* дереву ходитъ котъ—*баюнъ*; идетъ впередъ пѣсни поетъ, назадъ идетъ сказки сказываетъ. „Вотъ это жизнь наша хорошая, да ещѣ я не доволенъ, маменька". А что жъ? „А *поперекъ* моря сдѣлалась бы крѣпость; никакой корабль, ни флоты не прошелъ бы безъ приказанья нашего". Дѣствительно, черезъ ночь сдѣлалась *в* поперекъ моря крѣпо сь, и который корабль идетъ—прямо къ ихъ острову съ докладомъ, и бралъ онъ дары, пропускалъ ихъ. И опять и говоритъ: «Маменька, благослови меня своихъ братьевъ разыскивать". А гдѣжъ ты ихъ найдешь? „А гдѣ бы ни нашелъ, а можетъ быть найду". Ну, Богъ благословитъ. „Ну, такъ ты мнѣ испеки подорожничковъ; двѣ булочки сострипай на *своемъ* грудномъ молочкѣ". Она состряпала булочки, завязала въ салфетку бѣлую, и онъ беретъ. Оверпулся ястребомъ и могъ летѣть съ этого острова. И прилетѣлъ на эти на волшебныя горы, на высочайшія и разыскалъ *ихній* домъ. Залетѣлъ въ слухов*ую* окно, спустился въ домъ, въ домѣ нѣту никого. Разо (р)азалъ салфетку на стоъ и разрѣзалъ булочки на 4 части: накрылъ своей опять бѣленькой салфеткой, а самъ спрятался въ скрытное мѣсто. Не черезъ много время его братья прилетаютъ голубями. Въ эт*у* же слухов*ую* окно спустились въ домъ, и смотритъ старшій братъ на столъ.

„Что же, братъ, кто у насъ есть? *Эти* булочки, ровно, маменькины". Малый братъ и говоритъ: „Не знаю". Старшій братъ сталъ вызывать: „Кто есть у насъ здѣсь? Если изъ мужескаго пола, изъ старыхъ людей — будь отецъ родной, если изъ женскаго пола — будь мать родная; если ровня, изъ мужскаго пола — будь братъ родной, изъ женскаго пола — будь сестра родная". Когда (*тогда*) этотъ братъ вышелъ, и онъ могъ его признать своего брата, слезно *слёзкалъ* надъ нимъ.—Какъ ты, братецъ, попалъ къ намъ *сюды*? «А такъ попалъ, что я полетѣлъ васъ разыскивать и увезти домой». Какъ же ты повезешь насъ, когда наша злодѣйка догонитъ насъ, тѣхъ прибьетъ. «Нѣтъ, не прибьетъ». Когда они оттудова могли обернуться голубями и полетѣли съ этой горы. Не много время миновало у нихъ, опъ и говоритъ: „Братцы, оберитесь маленькими пташечками и *спрятайтесь* на полу, подъ какіе-нибудь листочки". Оборнулся самъ соколомъ и поднялся вкше его, а Ягишна летитъ ястребомъ, когда узнала, что онъ ихъ повёлъ. И когда налетѣла, хотѣла пробить ихъ, онъ поднялся выше её, этотъ соколъ, ударилъ её своимъ *соколо́мъ* [грудью] и могъ сразу на смерть её захлопнуть. Тогда вызвалъ своихъ братьевъ, повёлъ домой къ своей матери. „Вотъ, маменька, разыскалъ своихъ братьевъ, привелъ я ихъ домой". Когда они остались, жили на этомъ островѣ много-ли, мало-ли время. Слухи (слухи) несутся этому же *государю*, что живутъ на этомъ островѣ трое изъ мужескаго пола. Двое—не простые, третій изъ простыхъ людей.—А двое какіе? „А двое—по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ, во лбѣ красное солнце, а въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ часты звѣзды". И этотъ *государь* *думать* самъ себѣ: „Это не дѣти-ли мои угадали на этотъ островъ? Этотъ же простой нхній братъ: „Маменька, благословьте меня къ своему и нашѣ слетать, узнать— что онъ, какой разговоръ имѣетъ,—ужъ навѣрно у его есть *сголюбовница*". Тогда она его благословила. Оборнулся голубемъ и полетѣлъ къ своему родителю. Прилетѣлъ къ двору, оборнулся мухой. Оборнулся мухой, залетѣлъ въ комнату, въ которой комнатѣ онъ сидѣлъ, и сѣлъ въ скрытное мѣсто. И *слушать*, что они говорятъ. Сидитъ на стулѣ и держитъ свою *сголюбовницу* на колѣняхъ и говоритъ ей: „Изъ-за твоей старой чертовки, изъ за матери, я свою жену и дочь сгубилъ. Что она надѣлала? Еслибы разыскать мнѣ эту жену, я бы обоимъ намъ съ матерью головы бы сѣкъ за это". Когда онъ выслушалъ это все у нихъ, потомъ скрылся у нхъ изъ комнаты и опять *собратно* прилетѣлъ къ своей матери и обсказалъ своей матери. Когда они жили на этомъ островѣ много ли, мало-

ли время, всѐ слыхи несутся этому же *восударю*, что *вноперекъ* моря крѣпость, и живутъ трое людей, и безъ поклада никого не пропускаютъ. Этотъ *восударь* потребовалъ корабль себѣ, ставалъ на корабль. «Нужно узнать, каки тамъ проживаются люди». Когда прибѣжали на этотъ островъ, подвалилъ къ берегу на своемъ кораблѣ и вышелъ съ корабля на берегъ. Онѣ увидали въ окно, что *дистви*тельно их*ній* родитель пріѣхалъ. «Вонъ, маменька, нашъ тятенька пріѣхалъ на кораблѣ». Когда мать, было, *осерчала* сперва на своего мужа на этого, и потомъ дѣти стали упрашивать. „Что—же, маменька, сердишься? стало быть, намъ Господь такъ велѣлъ". Когда смиловалась, эта их*няя* мать, запустила его къ себѣ въ домъ. Сталъ ее упрашивать, и упросилъ; она была согласна съ имъ опять *вобратно* ѣхать съ этого острова. Тогда онѣ согласились, смирилися. Остановилась она съ имъ жить.

---

42. О томъ, какъ два царя на одной женѣ женились.

Одинъ былъ купецъ, и сынъ былъ у его красивъ. Этотъ купецъ поѣзжалъ въ иное королевство. Прибѣжалъ въ иное королевство, пошелъ къ королю съ дарами. И онъ потомъ началъ угощенье ему дѣлать. И разговорилась. „Да, у меня ни въ какой державѣ такой красавицы нѣтъ, какъ у меня дочь красива". А купецъ говоритъ: Нѣтъ, у меня сынъ красивѣе напротивъ твоей дочери? «Как»? Такъ. „Послать надо *лехкаго* кульéра, достать твоего сына. Если означится твой сынъ красивѣе, то я тебѣ награду—много; если означится *плошая* (сравн. ст. вм. плоше), я тебя казню". Посылаетъ кульера въ шлюпкѣ. Во время вечера пріѣзжаетъ. Когда кульеръ заходитъ къ ему въ комнату и смотритъ, что *дист*вительно онъ красивѣе напротивъ ее будетъ. И приказалъ ему строго: „Давай собирайся". И онъ могъ испу*жа*ться. Ну, *дист*вительно, когда человѣкъ испу*гатся*, и кровь перемѣнится въ лицѣ у его. Собрался когда, выходилъ на море; садятся въ шлюпку, и онъ и говоритъ: „Вотъ что, господинъ, уволь меня еще домой сходить". Когда онъ его уволилъ домой сходить, и онъ подходитъ къ дому, подставилъ лѣс(т)ницу къ окну и смотритъ въ окно. У ихъ жилъ *кыргызъ* (киргизъ), ни на какаго звѣря не *на*ходилъ (т. е. не походилъ). Жена его подзываетъ этого *кыргыза* и подаетъ стаканъ водки. Стаканъ водки выпилъ этотъ *кыргызъ*. Она и говоритъ: „Давай *лежись* на одну *ложу* со мной". *Когда кыргызъ* легъ съ ей на одну кровать. И онъ съ этого раз*у*, значитъ,

вовсе перемѣнился въ лицѣ, палъ съ лѣс(т)ницы, приходитъ къ этому кульеру; садятся въ шлюпку и отправляются по морю. Пріѣхали, его отецъ и сажень былъ въ замкѣ. Сынъ вовсе могъ печальный быть и вовсе почернѣлъ въ лицѣ. Вывели дѣвицу и выпустили его отца изъ замка И поставили ихъ рядомъ. Этотъ *государь* и говоритъ: „Ну, вотъ ты сказалъ, что твой сынъ красивѣе моей дочери, а смотри-ка онъ какой блѣдный. Теперь только стоитъ взять головы сѣчь". А этотъ кульеръ стоитъ и говоритъ: „Нѣтъ, Ваше Императорство Величество, потому что васъ хватите въ путь когда—нибудь во время вечера, и вы можете испужаться". Какъ? „Какъ же я когда зашелъ къ ему въ комнату, и мнѣ-то онъ красивѣе вашей дочери былъ". Этотъ *государь* и говоритъ: „Когда (если) онъ въ испугѣ, посадите его въ замокъ, онъ пущай посидитъ и отойдетъ". Когда посадили въ замокъ. Черезъ недѣлю время выпускать его: онъ еще хуже сталъ. „Это отчего онъ почернѣлъ вовсе"? Этотъ же кульеръ подходитъ и говоритъ: „Ваше Императорство Величество, васъ посадить въ замокъ—и вы похудѣете". А что дѣлать надъ нимъ? „А вы пустите, чтобы онъ гулялъ, всякими забавами забавлялся, тогда человѣкъ отойдетъ". Когда онъ его опустилъ въ садъ. И онъ ходилъ въ саду, забавлялся всякими фруктами, вишнями. Выпускалъ изъ саду, сличалъ съ его дочерью, поставилъ въ рядъ: и сдѣлался *вполовину* красотой ея. Этотъ же кульеръ подходитъ и говоритъ: «Ну, что, Ваше Императорство Величество, правильно—ли, отходитъ человѣкъ»? Да, отходитъ. „А вотъ еще на недѣлю опустите, и онъ еще будетъ красивѣе". Когда еще на недѣлю опустили, и онъ опять ходитъ, всякими фруктами забавлялся. Вы устили его изъ саду, поставили съ его дочерью въ рядъ: и она много отстала, и онъ *перезвышалъ* ея красотой. Тогда этотъ кульеръ подходитъ. «Ну что, правильны, Ваше Императорство Величество, наши рѣчи»? Да, правильны. „Ну, какъже: одно въ печали, а другое на водѣ". Тогда этотъ *государь* приказалъ его отцу: «Вы ступайте домой, а вашъ сынъ пущай остается у меня». Этотъ купецъ обратился домой, а его сынъ остался. И когда онъ его держалъ *вмѣсто* (вмѣсто) брата. И онъ ходилъ гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ заднымъ. И нашелъ середь сада избушку, окна большія, и она въ землю вросла. Подходитъ къ окну и видитъ: самоваръ кипитъ, и самоваръ—царской руки подпись, и посуда тутъ поставлена. Онъ и думаетъ: „Кто ходитъ въ эту избушку"? Вокругъ кровати занавѣсы, онъ залѣзъ подъ кровать. Не черезъ много время прибѣгаетъ трехаршиннаго роста человѣкъ, трехчерпковыя руки, четырехвершковыя

ноги. Зацицкалъ, затопалъ, что этотъ флигель весь потрёсся. Не черезъ много время прибѣгаетъ царская жена. Онъ её давай, эту *государыню*, по щекамъ возить. „Что, *туды* твою *растуды*, гдѣ долго была“? И она говоритъ: „Ахъ ты, милочка, я все-таки замужняя жена, какъ могу пойти скоро“? Ну, дѣйствительно, сѣли за столъ, покушали онъ чаю, легли на кровать отдыхать. Когда отдохнули и ушли съ этой кровати, тогда купеческій сынъ вышелъ изъ-подъ кровати. И думаетъ самъ себѣ: „У меня жена полюбила *кыргыза*, всѣ—таки хоть человѣкъ. А эта кого полюбила? а еще не изъ простыхъ людей, *государыня*“. Приходитъ и обсказываетъ *государю*: „Ваше Императорство Величество, середь сала нашелъ я у васъ флигель, и во флигель ходитъ человѣкъ. Пойдемъ, вы выглядите, а что будетъ, не пугайтесь. А своей женѣ скажите, что куда — нибудь поѣдете полки Гарміи смотрѣть; скрытно уйдемъ въ этотъ садъ“. Дѣйствительно, *государь* сказалъ своей женѣ: „Я поѣду полки, Гарміи смотрѣть“. И когда онъ скрытно ушли въ этотъ садъ. И онъ приводитъ въ этотъ флигель. „Вотъ что, Ваше Императорство Величество; видите сами, чей кипитъ самоваръ“? Да, нашъ. „Вотъ залѣзайте подъ кровать, будете лежать; что будетъ, смотри не выскакивай“. Когда легли подъ кровать, прибѣгаетъ тотъ же человѣкъ. Зацицкалъ, затопалъ, что флигель потрёсся. „Что, *гыть*, она долго не идетъ“? Прибѣгаетъ *государыня*, онъ её давай по лицу возить. А она говоритъ: „Ахъ ты, милочка, я все-таки замужняя жена, какъ могу пойти скоро“? Сѣли за столъ, покушали чаю и легли на кровать отдыхать. И онъ тычетъ его въ бокъ, этого *государя*. „Видишь что“? Да вижу. „Смотри лежи“. Когда отдохнули, ушли съ этой кровати. Они вышли изъ—подъ кровати.— Ну, что? „Да, вы обсказывали про свою жену, что она *кыргыза* полюбила; *кыргызъ* все-таки человѣкъ, а это что“? Черезъ это онъ и пришелъ, значитъ, этотъ *государь*, сказалъ свою жену, что кого она полюбила. Когда сказалъ и потомъ: «Вотъ что, *гыть*, будь ты братъ мнѣ названный. Сдѣлаемъ документы, чтобъ двоимъ на одной женѣ жениться“.—Да вѣдь этого нельзя, законъ не позволятъ. „А мы поддѣлаемъ, что *государямъ* можно жениться“. Ну, когда сдѣлали документы, что два царя на одной женѣ женятся. Поцаютъ *священникамъ*, *священники* говорятъ: „Какъ же, этого не дозволятъ законъ, чтобы двое на одной женѣ женились“. Онъ говоритъ: „Нѣтъ, царямъ можно жениться“. Ну, дѣйствительно, не могли *священники* переспорить его. Когда повѣнчали ихъ на одной женѣ. „Ну, кому перву ночь спать съ ей“? Купеческій сынъ и говоритъ: «Ваше Императорство Величество, вы по-

старше меня будете, вы лежитесь перву ночь." Когда онъ легъ, этотъ *государь*, перву ночь, этотъ же самый человѣкъ прибѣгаетъ. Сбросилъ этого *государя* на полъ и запиналъ его подъ кровать, а самъ съ *ихней* женой легъ на кровать. Утромъ спаетъ и говоритъ: Ну, братъ названый, не спасибо тебѣ.—„А что"? А пришелъ, сбросилъ меня съ кровати, запиналъ подъ кровать и самъ легъ съ женой. „Я никогда слова не перемѣню, я не *лежился*". Когда этотъ купецъ самъ легъ съ женой, ночью никого не видалъ. На третью ночь *лежится* этотъ *государь*. Опять то же само. Купеческій сынъ говоритъ: „Вы къ моей комнатѣ, въ которой я сплю, поставьте часовыхъ солдатъ, а я не хожу". Поставили часовыхъ солдатъ, *дѣйствительно* изъ комнаты онъ не выходилъ, а тотъ человѣкъ опять сбросилъ *государя* съ кровати. Купеческій сынъ говоритъ: „Это неправда ваша, вы пре(д)логъ какой—нибудь дѣлаете Вотъ что, братъ: если онъ придетъ, *поймать* тебя и ты его лови за руку, не отпускайся отъ его руки и кричи, что, братъ, ты? и я буду кричать, что, братъ, держа"! Когда ночью пришелъ этотъ человѣкъ, хотѣлъ сбросить *государя* съ кровати, онъ схватилъ его за руку и кричитъ: „Братъ, ты"? А онъ кричитъ: „Братъ, держи"! Этотъ купеческій сынъ прибѣгаетъ съ огнемъ и видитъ, что этотъ самый человѣкъ трехаршиннаго *росту*, съ трехвершковыми руками, съ четырехвершковыми ногами. И взялъ сѣчку, этому человѣку голову всѣкъ. Этотъ *государь* и *думать* „И эта тоже имѣетъ себѣ *сполюбовника*. Вотъ что, братъ, нужно и этой голову всѣчь". Ухватилъ сѣчку и женѣ отрубилъ голову. „Теперь что будемъ дѣлать"? Не знаю. „Зажемъ дворецъ, сами уйдемъ, и скажутъ, что царя сгорѣли". И *когда* они этотъ зажгли дворецъ, сами скрылись и пошли. Шли много-ли, мало ли время, подходятъ къ морю, *приставаетъ* ихъ темная ночь. Нужно имъ ночевать, ночевать на полу не смѣютъ. У моря стоялъ дубъ. Залѣзли на этотъ дубъ и сидятъ на этомъ дубу. И приходитъ левъ—звѣрь. Ударился о землю, сдѣлался человѣкомъ; подходитъ къ дубу, отворяетъ дверь: выходитъ *оттуль* дѣвица. Сѣла на землю и беретъ этого человѣка, кладетъ себѣ на колѣни, начинаетъ въ головѣ искать. Этотъ человѣкъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Дѣвица сняхнула его съ колѣнъ и смотритъ на море: отъ этихъ людей на морѣ *стинь* (т. е. тѣнь), и она смотритъ на эту *стинь*. Пошла въ это море, *имала*, *имала* эту *стинь*, поймать её не можетъ. Зглячула на дерево, увидала ихъ на деревѣ, *маячитъ* (машетъ) рукой. «Спускайтесь *оттуль* на землю». Когда они спустились на землю и смотрятъ, такая что *прилѣпчи* (прелестная, великолѣпная?) красавица. И кег-

да она приласкалась къ нимъ, могли онъ *любодѣйство* сдѣлать съ ей. И залѣзли на это дерево онъ, опеть сидять на этомъ деревѣ *до врéмя* (до поры до времени). И когда онъ *проснулся* этотъ человѣкъ, сталъ эту дѣвицу садить въ дубъ, она ни какъ не проходить. Онъ ударилъ о землю сѣ. „Что ты? Раньше проходила, а теперь ты не проходишь въ этотъ дубъ“. *Когда* (*тогда*) взглянулъ на это дерево, эти цари сидять на деревѣ. Онъ *маячитъ* рукой. „Слѣзайте *оттуль* ко мнѣ“. Когда *они* спустились къ ему на землю, онъ говоритъ имъ: „Какъ сказали, что цари сгорѣли? Они живые. Изъ-за чего вы пошли *бродяжить*, чего вамъ не хватало“? Мы изъ-за этого пошли, что по неволѣ, такой-то человѣкъ, сказнили своихъ женъ. „А я свою дочь пять насилъ тридцать лѣтъ, въ дубу *её содарживалъ*, человѣка она никогда не видала, а вы пришли, она и то увидала васъ, сманила съ дубу и сдѣлала художество съ вами, я и то не сержусь. Ты, царь, ступай на мѣсто, гдѣ ты былъ, а ты, купеческій сынъ, ступай тоже на мѣсто, у тебя есть жена“. Этотъ *государь* дѣйствительно образумился. «Дѣйствительно, правда это». Обратился онъ *вобратно* домой. И этотъ, то же само, купеческій сынъ выѣхалъ домой, гдѣ онъ находился. И тогда всѣ въ Андронiи сказали: «Какъ сказали, что царь сгорѣлъ, а царь явился домой». Тогда построилъ себѣ дворецъ и поступилъ на старыя права.

Преданія,

записанныя Г. Потанинымъ въ д. Уймонъ бійск. у. томск. губ.

43. Преданіе о томъ, что прежде цари доставлялись чортомъ съ востока. *]

Прежде царей брали на востокѣ. Ихъ приносилъ дьяволъ. Былъ одинъ бѣдный человѣкъ; загорюнился надъ своимъ положеніемъ; дьяволъ увидѣлъ его, спрашиваетъ, отчего онъ загорюнился. Человѣкъ отвѣчаетъ ему: «Какъ мнѣ не горевать? Ничего у меня нѣтъ; и въ работѣ нѣтъ удачи». Дьяволъ говоритъ ему: «Поклонись мнѣ, я сдѣлаю тебя царемъ»! Человѣкъ думаетъ: „Вретъ онъ. Какъ онъ сдѣлаетъ царемъ“? Но дьяволъ уговариваетъ: „Вотъ я ступлю впередъ, а ты ступи въ мой слѣдъ и поклонись мнѣ и я сдѣлаю тебя царемъ“. Дьяволъ ступилъ нѣсколько шаговъ, человѣкъ вступилъ въ тѣ же слѣды и поклонился дьяволу въ землю. Тогда дьяволъ говоритъ человѣку: „Садись на меня, я понесу тебя“. Человѣкъ сѣлъ и дьяволъ полетѣлъ. У человѣка съ головы слетѣлъ каблукъ *). «Стой»! кричитъ онъ дьяволу. «Каблукъ потерялся»? Гдѣ за каблукомъ возвращаться! Мы уже въ трехстахъ семидесяти верстахъ отъ него улетѣли.—Пока человѣкъ слово говорилъ, дьяволъ успѣлъ отлетѣть на 370 верстъ. Прилетѣлъ дьяволъ въ царство, гдѣ царя не было. Тамъ ждутъ царя. Какъ только дьяволъ принесъ человѣка, поставилъ на землю, тотчасъ же его посадили на царство Оставляя царя, дьяволъ сказалъ ему, что онъ предупредитъ его о его смерти за минуту. Царь сталъ просить, чтобъ онъ сказалъ ему о смерти за три часа. Дьяволъ уступилъ. Царь женился на крещеной; у него родилось три сына. Жена замѣчаетъ, что царь не молится, не крестится, не носитъ креста и пояса. Она спрашиваетъ царя, почему онъ не молится; царь отвѣчаетъ, что у него есть три тайныхъ завѣта.

У царя былъ балъ. На балъ является дьяволъ и говоритъ царю, что ему осталось жить только три часа. Тогда царь собралъ своихъ трехъ сыновей, отвелъ въ особую комнату, гостей оставилъ въ залѣ, и говоритъ своимъ сыновьямъ, что ему осталось три часа жить. Потомъ выставляетъ ногу и спрашиваетъ: „Нога, ты зачѣмъ ступала въ слѣдъ дьявола? Старшій сынъ, бери топоръ, рубя мою ногу“! Старшій сынъ отрубилъ ему ногу. Потомъ царь протягиваетъ руку и говоритъ: „Рука, ты зачѣмъ подписала рукоприкладство дьяволу? Средній сынъ, бери топоръ, руби мою ру-

*) №№ 43—47 записаны безъ точнаго соблюденія говора.
*) Клобукъ.

ку"? средній сынъ отрубилъ царю руку. Царь снова говоритъ: „Голова, ты зачѣмъ поклонилась дьяволу? Младшій сынъ, отруби мнѣ голову"! Младшій сынъ взялъ топоръ и отрубилъ отцу голову. Тогда явился ангелъ, подхватилъ душу царя и понесъ на небо, а дьяволъ спохватился. Не надо было уступать, надо было ему обѣщать сказать о смерти только за минуту. Такъ онъ и остался не при чемъ. *)

---

44 Царица Романа и царь Скарида.

Іоаннъ Богословъ благословилъ Романовыхъ на царство. Когда Господь Іисусъ Христосъ уходилъ на небо, онъ указалъ своимъ двѣнадцати апостоламъ, кому въ какую землю идти учить народъ. Іоанну достался самый худой участокъ и онъ „побѣдновался", что ему досталась худая земля. Тогда Господь сказалъ: «Если вы недовольны, то бросьте безъ меня жребій» и самъ «взялся» на небо. Апостолы сдѣлали двѣнадцать жеребьевъ, бросили и имъ рыпали тѣ самыя земли, какія указалъ Господь. Апостолы разошлись. Іоаннъ Богословъ взялъ себѣ помощникомъ Прохора и пошелъ проповѣдывать. Они подошли къ морю. Іоаннъ Богословъ говоритъ Прохору: „Я провинился и не достоинъ войти на корабль и должень утонуть. Ты садись на корабль. Черезъ шесть недѣль (40 дней) корабль пристанетъ къ острову и ты съ него сойдешь. А я здѣсь сяду на камень; если Господь проститъ меня, камень вынесетъ меня изъ моря". Іоаннъ сѣлъ на камень, оттолкнулся и ушелъ въ море, а Прохоръ поѣхалъ на кораблѣ. Черезъ шесть недѣль Іоаннъ Богословъ приплылъ на камнѣ къ тому же острову, гдѣ высадился Прохоръ. Тутъ они отдохнули, потомъ пошли и пришли къ царицѣ Романѣ и царю Скариду. Они стали просить царицу Роману пріютить ихъ. Царица Романа говоритъ. „У насъ слугъ множество и намъ болѣе не надо. Если будете топить баню, то живите въ банѣ". Іоаннъ и Прохоръ согласились. Они живутъ въ банѣ и топятъ ее. Въ банѣ жилъ въ колодѣ **) дьяволъ. У царицы Романы былъ сынъ Домна; онъ зашелъ въ баню. когда въ ней не было ни Іоанна, ни Прохора; дьяволъ выскочилъ изъ колоды и задавилъ царевича. Слуги увидали, побѣжали къ Романѣ и говорятъ ей: „Романа, сына твоего Домну дьяволъ задавилъ въ банѣ".

*) Записана отъ крестьянина Онис. Павл. Черновя.

**) Въ сибирскихъ деревенскихъ баняхъ холодная вода наливается въ колоды.

Романа схватила свои волосы, реветъ, деретъ волосы. Велѣла привести Іоанна Богослова, стала его ругать; схватила его за волосы, варвала ему ихъ и «ишшо» пнула его. Іоаннъ Богословъ говоритъ: „Да что случилось? Покажите мнѣ его". Принесли Домну. Іоаннъ помолился и оживилъ его; тогда Романѣ стало стыдно. Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Домну: «Кто тебя задавилъ»? Домна говоритъ: „Дьяволъ, который въ колодѣ сидитъ". Іоаннъ вывелъ дьявола изъ колоды и прогналъ его. Дьяволъ побѣжалъ къ царю Скаридѣ, который былъ при войскѣ и задавилъ его. Слуги прибѣжали, сказали Романѣ. Тогда Домна говоритъ Іоанну Богослову: «Ты меня оживилъ, оживи и моего отца". Іоаннъ оживилъ и царя Скариду, мужа Романы. Царицѣ Романѣ стало еще стыднѣе. Скарида палъ къ Іоанну Богослову въ ноги. Іоаннъ спрашиваетъ: „Вѣруешь ли ты въ Бога живого"? Вѣрую, говоритъ Скарида. Тогда Іоаннъ погналъ ихъ всѣхъ трехъ, царя Скариду, царицу Роману и ихъ сына Домну креститься. Послѣ Скариды царемъ сталъ Домна; отъ него пошелъ домъ Романовыхъ, названный такъ по царицѣ Романѣ. *)

---

45. Папа римскій, Миконъ и Арсентій.

Когда Господь спускался въ адъ, онъ заключилъ сатану въ цѣпи на тысячу лѣтъ. Святой Касьянъ тысячу лѣтъ „буцкалъ" сатану по головѣ „трое пудовымъ" молотомъ. Видно крѣпкая была у него голова; не могъ „угóить" его. „Бѣси" круглый годъ пилили цѣпи, хотѣли перепилить годъ приходитъ къ концу, „бѣси" такъ перепилятъ, что цѣпи вотъ развалятся, но только въ Христову заутреню въ церквахъ запоютъ: Христосъ воскресе! цѣпи опять сольются, какъ было прежде. Такъ они тысячу лѣтъ „юзгались". Сатана вышелъ изъ ада и видитъ: „Гдѣ благодать"? Благодать была въ Римѣ; папа римскій былъ столбъ всѣмъ священникамъ. Пошелъ папа къ обѣднѣ; ему встрѣтилась „пригожая" женщина и поплясала передъ нимъ. Онъ поглядѣлъ на нее; она ему понравилась. Папа римскій отслужилъ обѣдню, помолился, пошелъ домой. Опять женщина поплясала передъ нимъ. Папа соблазнился на нее; говоритъ ей: „Сотвори со мной грѣхъ"! Та согласилась и пошла съ нимъ; пришла и говорилъ ему: «Я согласна съ тобой сотворить грѣхъ, если ты отрѣжешь себѣ бороду». Папа отрѣзалъ себѣ бороду. Тогда женщина

---

*) Записано отъ крестьянина Онисима Павл. Чернова.

стала говорить: „Какъ тебѣ не стыдно! Какой же ты папа, когда захотѣлъ сотворить грѣхъ и рѣшился бороды". Умна, такъ и не сотворила съ нимъ грѣха.

Стыдно было папѣ римскому показаться народу; шесть недѣль (40 дней) онъ не выходилъ изъ дому. Въ это время онъ пріучалъ къ себѣ голубей. Положитъ пшеничку себѣ къ уши; прилетятъ голуби, одинъ сядетъ на лѣвое плечо, другой на правое; одинъ клюетъ изъ лѣваго уха, другой изъ праваго. Народъ, не видя папы, думаетъ, что папа боленъ. Черезъ шесть недѣль папа римскій вышелъ обѣдню прослушать: пришелъ въ церковь, всталъ у открытаго окна. Влетѣли въ окно голуби и стали выклевывать пшеничку изъ ушей. Папа римскій говоритъ народу: „Ангелы въ видѣ голубиней говорятъ мнѣ, что грѣхъ носить бороду. Нужно ее брить". Съ этого пошелъ обычай брить бороду. Тогда одни согласились съ папой, другіе не согласились; сдѣлалось между ними разъѣленіе. Это было тысячу лѣтъ спустя послѣ того, какъ Господь сходилъ въ адъ.

Одинъ монахъ пошелъ за водой; когда принесъ другіе монахи спрашиваютъ его, благословясь онъ взялъ воду. Тотъ говоритъ: „не благословясь". Такъ „ступай", говорятъ ему, вылей эту и принеси другую, возьми ее благословясь. Монахъ опять пошелъ за водой, дорогой вылилъ старую воду, взялъ благословясь другую, шелъ назадъ и видитъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была вылита вода, лежитъ маленькій ребенокъ. Принесъ монахъ воду и разсказалъ монахамъ, что видѣлъ ребенка. Монахи взяли ребенка и стали воспитывать въ монастырѣ, окрестили и дали ему имя Арсентій. Учился Арсентій хорошо; научился хорошо пѣть, голосомъ покрывалъ всѣхъ монаховъ. Только монахи замѣчаютъ, что Арсентій всякій разъ выходитъ изъ церкви передъ тѣмъ, какъ читать Апостола и Евангеліе и приходитъ только къ „Вѣрую". Монахи спрашиваютъ его, зачѣмъ онъ выходитъ изъ церкви, когда читаютъ Апостолъ и Евангеліе, когда законъ велитъ стоять твердо, съ ноги на ногу нельзя переступить. Послѣ этого Арсентій скрылся изъ монастыря. Его поймали и заложили въ каменный столбъ. Проходилъ мимо столба тринадцати-лѣтній мальчикъ Миковъ. Арсентій говоритъ ему: „Преосвященный Миковъ! Когда будешь патріархомъ, помяни раба Арсентія". Миковъ говоритъ: „Что онъ говоритъ! Когда я буду патріархомъ, когда я еще и причетникомъ не сдѣланъ"? Это было при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого умеръ патріархъ Іосифъ, Никона выбрали въ патріархи. Онъ вспомнилъ Арсентія; если предсказаніе его исполнилось, дума-

етъ Миконъ, должно быть это святой. Онъ написалъ письмо царю, который былъ въ это время при войскѣ: „У васъ сидитъ въ каменномъ столбѣ святой человѣкъ. Его нужно выпустить“! Царю съ войскомъ было недосужно разбирать дѣло, отдалъ приказъ выпустить Арсентія. Вышелъ Арсентій и вмѣстѣ съ Микономъ стали выправлять службу. Возвратился царь съ „войсковъ“, вошелъ въ церковь и удивился: и звонъ не такъ, и поютъ не попрежнему и иконы не такія. Что это значитъ? Онъ сослалъ Микона. Съ этого началось второе раздѣленіе вѣры. *)

46. Давидъ и Голіафъ.

Невѣрный царь Голіафъ наступилъ на царя Палестина и требуетъ поединщика. Голіафъ былъ три аршина между крыльцевъ и шесть аршинъ ростомъ. Царь Палестинъ сдѣлалъ завѣтъ, кто покоритъ Голіафа, за того выдастъ свою дочь. Давидъ былъ пастушокъ; приходитъ къ царю и проситъ допустить его выйти на поединокъ. Царскіе слуги говорятъ, гдѣ же ему? Голіафъ «вонъ кака копна“. Давидъ говоритъ, что у него тоже есть сила; онъ схватилъ лисенка, взялъ за „ртишше“ и разорвалъ его; схватилъ львицу и ей „саики“ (челюсти) выворотилъ. Онъ всегда холилъ съ пычкомъ; положитъ камень на пычко и пощупаетъ. Ангелъ принесъ Давиду съ неба три камня. „Однимъ, сказалъ онъ, ты убьешь собаку, другимъ Голіафа, а третій камень всему міру на покореніе“. У Голіафа была собака. Голіафъ какъ увидѣлъ Давида, говоритъ собакѣ: „Сѣрунька, ну-ка возьми его“! Давидъ бросилъ камень, собака какъ вѣкъ не бывала. Разсердился Голіафъ: „Ахъ, ты убилъ мою Сѣруньку“! Выхватилъ мечъ изъ ноженъ, бросился на Давида. Давидъ бросилъ другой камень въ Голіафа; его какъ вѣкъ не бывало. Тогда Давидъ показываетъ третій камень войску Голіафа и говоритъ: „Ангелъ мнѣ принесъ три камня, одинъ убить собаку, одинъ убить Голіафа, а третій всему міру на покореніе. Покоритесь! если не покоритесь, этимъ камнемъ всѣхъ васъ выбью“! Они покорялись. Этотъ камень теперь въ коронѣ у русскаго царя. Имъ весь міръ будетъ покоренъ. Этотъ камень для русскаго царя одинъ солдатъ добылъ. Онъ принесъ корону, «киноръ», то есть золотой костыль, который оставилъ послѣ себя Христосъ, когда былъ распятъ и взнесся на небо, и этотъ камень. *)

*) Записано отъ крест. Онис. Павл. Черно а.
*) Записано отъ крест. Оп. П. Чернова.

47. Каликарская земля.

Есть на свѣтѣ Каликарска земля; въ ней живутъ каликары. На „плантахъ“ ея вѣтъ: ученые объ ней ничего не знаютъ. Есть озеро Лобъ норъ; около него протекаетъ рѣка, которая порусски называется Егорьевскій протокъ, а по каликарски Богорча—рѣка. За этой рѣкой Кукушьи горы: по одну сторону рѣки живутъ каликары, по другую русскіе. Это и есть Бѣловодье **), которое ищутъ русскіе люди. ***)

**) Обѣтованная земля старообрядцевъ.
***) Записано отъ крест. Огнева.

Татарская сказка,

записанная г. Вал. Булгаковымъ въ 1904 г.
въ Камляжской волости.

48. Шаньжара.

Былъ богатырь Шаньжара. Ѣздилъ онъ на соловомъ конѣ, который имѣлъ восемь ушей. Отцомъ Шаньжары былъ Золотой бѣлокъ*), матерью —Молочное озеро. Жилъ онъ за дворцѣ, окруженномъ семью рѣками. Шаньжара былъ царь, и за этими семью рѣками поселялся его народъ. Былъ онъ холостъ. Поднялся этотъ богатырь одинъ разъ на Золотой бѣлокъ. „Погляжу, говоритъ, въ чистое поле, на свой народъ“. И увидѣлъ слѣды четырѣхъ коней богатырскихъ. Вотъ онъ говоритъ своимъ людямъ: „Я пойду, узнаю, кто эти четыре богатыря: не воевать ли съ нами пріѣхали?.. Благослови меня, отецъ—Золотой бѣлокъ, благослови меня мать—Молочное озеро“! Взялъ онъ съ собой лукъ, у котораго было сто изводовъ, копьё о семи граняхъ и саблю съ бѣлымъ ядомъ. Поскакалъ за этими богатырями, да такъ, что отъ пыли солнца не стало видно. Подъѣзжаетъ къ городу и видитъ—желѣзная гора. Онъ залѣзъ на неё. Тамъ и нашелъ жилище четырехъ богатырей, слѣды которыхъ видѣлъ на Золотомъ бѣлкѣ. Во дворѣ дворца стояли и кони ихъ. Побоявшись войти, Шаньжара превратился сначала въ маленькаго бѣлняка, покрытаго струпьями. Коня же оставилъ въ настоящемъ его видѣ. Привязалъ его и вошелъ во дворецъ. Тѣ четверо сидятъ и играютъ въ тресетъ. Здороваются и спрашиваютъ: „Откуда ты заявился, малышъ“?—„Мѣсто, гдѣ я жилъ, покрылось ледяной корой... Жить нельзя, я и пришелъ“. Зовутъ его играть. Онъ сѣлъ, не испугался. Они говорятъ: „Мы на щелчки играемъ, и если ужъ проиграешь, такъ не гнѣвайся“. Шаньжара соглашается, самъ проситъ, чтобы не забывали уговора. Изъ этихъ четырехъ богатырей двое были хозяева, а другіе двое гости. Одного гостя звали Каратыкачъ, а другого, сына его Кускунакъ. У Каратыкача конь былъ каре-пѣгій, у Кускунака—вороной. Одного изъ хозяевъ звали Земляной богатырь, такъ какъ родился онъ изъ земной сырости, другого Каленый уголь. Первый ѣздилъ на рыже-пѣгой лошади, второй—на каурой Шаньжара выигралъ и щелкнулъ всѣхъ по разу. Они отъ боли съѣста не взвидѣли. Разсердились. Пошли посмотрѣть коня: „Не богатырь-ли какой пріѣхалъ“? Видятъ—стоитъ конь большого богатыря: ихъ кони ростомъ ему по стремена; и у коня этого восемь ушей. Одинъ изъ этихъ четырехъ богатырей спрашиваетъ коня: „Какого богатыря ты конь“? Этотъ отвѣчаетъ: „Меня отецъ сотворилъ, а мать родила богатырю, а какой-то, не знаю, поймалъ да и ѣздитъ на мнѣ. Никакъ не могу отъ него вы-

*) Бѣлокъ—снѣжная гора.

ваться. Если вы добрые богатыри, убейте его, ѣздите на мнѣ. А онъ худой человѣкъ, никогда съ моей спины сѣдла не снимаетъ". Богатыри уговорились: кто убьетъ карлика, тотъ и коня возьметъ. Вернулись опять во дворецъ. Схватились съ малышомъ поодиночкѣ, никто не можетъ его съ земли поднять; сильно тяжелъ. Наконецъ, оторвали кое-какъ общими силами и вытащили во дворъ. А Шаньжара обратился опять въ богатыря, схватилъ одной рукой всѣхъ ихъ за косы, въ другую взялъ плетей и говоритъ: „Зачѣмъ были вы на Золотомъ бѣлкѣ, шибко тамъ ѣздили, побили его копытами?" Они отвѣчаютъ: Мы не со зломъ ѣхали, не знали, что ты, богатырь, тамъ живешь. . Видимъ Золотой бѣлокъ, поѣхали прогуляться. „Нѣтъ, я васъ не отпущу, а пролью кровь—убью: вы биться ѣхали, войну открывать". Они и говорятъ: Какая же тебѣ выгода насъ убивать? Лучше мы перейдемъ въ твое подданство. „Не надо мнѣ". Стали обѣщать ему золота. „Не надо". У одного изъ хозяевъ была дочь. Держалъ онъ ее подъ землей, тамъ ее сто пятьдесятъ дѣвокъ учили. Зоветъ отецъ: „Дочь, выходи сюда". А съ Шаньжарой уговорился: если тотъ поцѣлуетъ дѣвушку, значитъ она ему понравилась, и всѣ четыре богатыря останутся въ живыхъ, если нѣтъ—онъ убьетъ ихъ и ее. Приходитъ дочь. Понравилась она Шаньжарѣ. Онъ взялъ ее правой ручкой, поцѣловалъ и говоритъ: „Будешь моя". Семь лѣтъ праздновали они свадьбу. Когда кончилась гулянка, Шаньжара собрался съ женой домой. Отецъ благословляетъ дочь и говоритъ: „Въ приданое увези половину моего народа и половину всей скотины". Я далеко живу, —отвѣчаетъ она, —трудно пригнать, не надо. „Если этого не хочешь, то вотъ тебѣ двѣнадцать богатырей". Всѣ они были въ рыжей одеждѣ. Изъ нихъ первый—въ восьми-гранатасй кольчугѣ, второй въ черно-чешуйчатой одеждѣ, третій въ желтой одеждѣ. Звали перваго: Байдыръ-сплачъ. Шаньжара взялъ этихъ трехъ богатырей и посадилъ въ карманъ. Жену обратилъ въ сережку и положилъ въ другой карманъ. Отецъ хотѣлъ тоже ѣхать съ ними, но увидавъ, что сдѣлалъ Шаньжара съ другими своими спутниками, побоялся. Онъ послалъ проводить дочь съ зятемъ своего сына. Поѣхали. Зять такъ побѣжалъ, что лишь туманъ, вмѣсто него, сталъ виденъ,—пыли облако. Шуринъ отсталъ, заблудился и пріѣхалъ къ другому царю. Онъ такъ разсердился на своего зятя, что принялся всѣхъ бить въ чужомъ царствѣ. Перебилъ людей и скотину. Отецъ ожидалъ своего сына семь лѣтъ. Наконецъ, явился къ зятю и сталъ спрашивать: Убилъ-ли ты моего сына или онъ потерялся?.. Тотъ отвѣчаетъ: „Онъ сзади ѣхалъ. Не знаю; можетъ заблудился. А мнѣ ждать его долго было". Собрался

Шаньжара искать шурина. Доѣхалъ до того мѣста, гдѣ онъ убилъ богатыря съ рыжимъ конемъ. На золотой саблѣ убитаго богатыря было написано имя его: Канару. Шаньжара сталъ спрашивать раненыхъ: Кто это васъ разбилъ, завоевалъ? „Самъ молодой, а конь вороной, не спрашиваетъ никого, всѣхъ разитъ и въ подданство не беретъ". Зять дальше поѣхалъ. „Ахъ ты,—думаетъ,—дуракъ глупый! За что онъ народъ губитъ напрасно". Видитъ—человѣческой крови по колѣна, а конской по поясъ. Пріѣхалъ, наконецъ, до того мѣста, гдѣ Канару, старшій братъ убитаго Кокару и тоже на рыжемъ конѣ, бьется съ Кускунакомъ. Сошлись они на штыкахъ—штыки сломались, сошлись на саблях -сабли сломались. „Стрѣляться,—говорятъ,—будемъ". Одинъ взобрался на одну гору, другой—на другую. Кускунакъ стрѣлилъ въ грудь Канару, но кремень разбился о кольчугу. „Теперь вставай ты,—говоритъ Канару,—я буду стрѣлять". Подъ бѣлымъ полотномъ у Кускунака тоже была кольчуга. Канару стрѣлилъ, кремень ударился, лишь огонь сверкнулъ, и разбился. Вотъ они, съ двухъ горъ, схватились врукопашную. Боролись семь дней, обломали лѣсъ, сравняли горы съ землей. Море отъ ихъ движенія взволновалось. Кускунакъ поднялъ Канару выше себя, ударилъ о землю и разбилъ въ прахъ. Тутъ Шаньжара подошелъ къ нему и спрашиваетъ: „Что это ты, шуринъ, дѣлаешь,—напрасно людей бьешь"? Тотъ отвѣчаетъ: „Конь у тебя хорошій, угнаться за тобой я не могу: вотъ и убилъ богатыря, чтобы добраго коня получить". Драться ты больше—не дерись, а коня этого убей. „Нѣтъ, не стану убивать—уведу его". Зять говоритъ: „Если такъ, садись и побѣжимъ въ бѣгъ". Побѣжали. Шаньжара плетью ударилъ Кускунакова коня и убилъ его: „По закону,—говоритъ Шаньжара,—разъ убилъ богатыря, такъ и коня его надо убить". Я тебѣ голову отсѣку за то, что ты убилъ моего коня, закричалъ Кускунакъ. „Отсѣки", говоритъ Шаньжара и наклонилъ шею. Кускунакъ поднялъ саблю выше себя, но не рѣшился отрубить голову зятю и ударилъ саблей въ землю, такъ, что вонзилась она по самую рукоятку. Шаньжара и говоритъ: „Ты землю поразилъ, это—все равно, что меня поразилъ. Съ этихъ поръ, пока мы живы, мы недолжны съ тобой встрѣчаться. Когда же умремъ, тамъ- какъ Богъ велитъ". Зять сильно разсердился на шурина. Превратился въ черную муху и улетѣлъ домой. Послѣ этого Кускунакъ ужъ не пошелъ къ нему въ гости, а вернулся домой. Приходитъ, отца дома нѣтъ, все разбито, разрушено. Сказали ему, что это три богатыря приходили и завоевали его мѣсто; отца же они подтянули къ его рыже-пѣгому коню, и конь увезъ его къ зятю. Кускунакъ отправился

отыскивать убійцъ. Вдругъ на пути выскочилъ изъ-подъ земли богатырь, перерубилъ Кускунача въ семи мѣстахъ, его коня въ семи мѣстахъ и скрылся. Между тѣмъ рыжій конь привезъ отца Кускунакова, уже умершаго, къ зятю. Конь этотъ и говоритъ коню Шаньжары: «Пусть хозяинъ твой воюетъ за насъ». Второй конь отвѣчаетъ: «Мы съ Кускунакомъ сильно разсорились и, пока въ живыхъ, не можемъ видѣться». И самъ говоритъ Шаньжарѣ: «Если ты не пойдешь воевать, то я тебѣ—не слуга; убей меня, если хочешь». Зять упалъ на землю и расплакался: „Вотъ какое горе: если не пойду воевать, останусь безъ коня, а пойду—придется въ битвѣ вѣчно находиться". Наконецъ, рѣшилъ отправиться. Сѣлъ на коня и говоритъ: „Прощайте, семь рѣкъ, прощай, отецъ—Золотой бѣлокъ! Благослови меня, мать „Молочное озеро"! А народу сказалъ: „Гдѣ убьютъ меня, тамъ и кровь моя прольется, тамъ и кости лежать останутся, но душа моя вернется къ вамъ"! Поѣхалъ Шаньжара. Догналъ этихъ трехъ богатырей съ плѣнными и съ имуществомъ. Ѣдутъ они на чубарыхъ коняхъ и зовутъ каждаго изъ нихъ: Иючмысъ. Увидѣлъ ихъ Шаньжара и сказалъ такія слова: „Если угодно Богу, чтобы я ихъ побѣдилъ, то пусть скотина ко мнѣ повернется головами". Тотчасъ скотъ повернулся въ его сторону. Тогда онъ закричалъ: «Безстыжіе вы! Куда безхозяйный скотъ ведете, безмужныхъ женъ везете»? Тѣ обернулись и кричатъ ему: Трехгранное копье сквозь тебя пройдетъ, трехгранной пулей пристрѣлимъ тебя! „Чѣмъ пугать такъ, выходите лучше на бой: на кулачный или на желѣзный". Тѣ соглашаются стрѣлять изъ луковъ. Шаньжара всѣхъ троихъ убилъ и скотъ погналъ назадъ. Вернулся, а докторa сживали Кускунака съ отцомъ. Ему передали письмо отъ дяди Иючмысъ: зоветъ съ нимъ на бой. Поѣхалъ Шаньжара. На полпути лошадь остановилась и говоритъ: „Здѣсь самая середина земли: живетъ здѣсь богатырь, который можетъ убить тебя". Шаньжара слѣзъ съ коня; тотъ превратился въ сокола и улетѣлъ въ облака. Шаньжара взошелъ на гору. Отсюда видетъ съ одной стороны бѣлокъ и озеро, съ другой—черный дымъ поднимается. Шаньжара пошелъ къ тому мѣсту и увидѣлъ, что озеро—это были глаза, а дымъ идетъ изо рта: лежитъ чудовище. Увидѣло оно богатыря и побѣжало къ нему навстрѣчу. Шаньжара выравнялъ двѣ стрѣлы и одну бросилъ въ глаза чудовищу, а другую—въ ротъ. Потомъ сѣлъ на него, взялъ за уши и ноги на клыки, какъ на стремена, поставилъ. „Кто меня поймалъ? кричитъ чудовище. Убей или отпусти меня". Шаньжара отвѣчаетъ: Поймалъ я тебя не для того, чтобы зло сдѣлать, а потому, что сильно ужъ испугался. «Отпусти меня,—про-

спитъ чудовище,—друзьями будемъ". Послушался богатырь, отпустилъ его, а самъ отправился дальше. Пріѣхалъ. Дядей у Шучмысъ было двое. Съ первымъ сталъ драться Шаньжара—убилъ его, а со вторымъ боролся семь дней и не могъ справиться. Взали этого второго: Декъ-богатырь. Онъ схватилъ Шаньжару, поднялъ вверхъ и хотѣлъ ударить о землю, а тотъ превратился въ камень. „Худой и помираетъ худо", говоритъ Декъ. Возгордился своей побѣдой и закричалъ: „Кто спорщикъ, выходя на бой"! Пришли Кускунакъ и его отецъ. Отецъ первый сталъ драться и былъ тоже убитъ Декомъ. Вышелъ Кускунакъ. Этотъ былъ хитеръ: какъ только Декъ подниметъ его за опояску, хочетъ бросить, а она развяжется, и Кускунакъ убѣжитъ. Такъ провели они въ битвѣ девять дней. Наконецъ, въ послѣдней схваткѣ удалось Деку повалить Кускунака. Придавилъ онъ богатыря къ землѣ и саблей распоролъ ему брюхо. Вышло на поединокъ съ Декомъ чудовище, которое обѣщало Шаньжарѣ быть его другомъ, и тоже было убито. Но вотъ спустилась соколомъ съ неба лошадь Шаньжары, а въ зубахъ-то у нея были двѣ черныя выдры—жизнь Дека-богатыря. Разорвали эту выдру, и Декъ умеръ. Шаньжара взялъ все имущество убитаго и отвезъ къ тестю, а самъ вернулся домой. Пріѣзжаетъ: Золотой бѣлокъ на половину превратился въ туманъ, а Молочное озеро въ грязь, народу же вовсе не оказалось. Видитъ, стоитъ лишь одинъ очагъ изъ трехъ камней. Онъ одну ножку сломалъ, и она превратилась въ книгу съ черной обложкой. Читаетъ Шаньжара: „Завоевали наше царство Алмысъ—ханъ и Дельмысъ—ханъ. А если ты, мой мужъ, погонишься за мной, то умрешь; лучше женись на другой и живи здѣсь". Шаньжара говоритъ: «Къ чему останусь, если я свой скотъ не пропилъ и не проѣлъ, а жену зачѣмъ другому оставлю? Поѣду»! Но кругомъ мѣста, гдѣ жена его была, камни лежатъ громадные, никакъ пробраться нельзя. Въ одномъ только мѣстѣ прудъ протекалъ. Шаньжара превратился въ палима четырнадцати четвертей длиной. Прудъ былъ заграженъ (?) -ловили бѣлуг. Вмѣстѣ съ ними и проскользнулъ Шаньжара. Вышелъ на берегъ, превратился въ лисицу, а конь—въ птицу; одинъ пекалъ по землѣ, другой по воздуху. Видитъ вездѣ стража. Шаньжара обернулся опять въ палима и подплылъ къ тому мѣсту, гдѣ воду черпали. Пришли царскіе слуги, увидали палима, испугались и убѣжали. А жена Шаньжары догадалась, кто это былъ. «Ахъ вы, говоритъ, рыбы испугались". Пришла на берегъ, и начали они оба плакать. Зачѣмъ только ты и пришелъ? говоритъ она: ужъ у меня здѣсь ребенокъ... „Убей ребенка, какъ—нибудь и убѣжимъ и заживемъ счастливо". Онъ превра-

тился въ богатыря, вышелъ на берегъ и подземельемъ прошелъ подъ ту комнату, гдѣ спалъ ребенокъ. Жена дала знать ему, въ какомъ мѣстѣ находится зыбка, и Шаньжара копьемъ проткнулъ ее и ребенка. «Отчего это ребенокъ плачетъ»? спрашиваетъ отецъ. „Ѣсть хочетъ, говоритъ жена Шаньжары". Надо жеребенка заколоть, дать ему мяса.—Привезли жеребенка, закололи и положили мясо въ зыбку, а оно черезъ дыру внизъ упало, и Шаньжара пѣлся. Конь Шаньжары, который леталъ соколомъ, отыскалъ, гдѣ находится жизнь хозяина этого дома; она была въ яйцѣ, это яйцо лежало въ ящикѣ, а ящикъ у емана (козла). Вмѣстѣ съ нимъ лежали еще два яйца, въ одномъ была жизнь брата хозяйскаго, въ другомъ—племянника. Шаньжара съ женой поймали этого емана у водопоя, достали ящикъ, вынули яйца, разбили ихъ, и всѣ трое враговъ ихъ умерли. Шаньжара взялъ домой жену, весь народъ и сталъ жить счастливо.*)

*) Записана отъ жителя д. Аилы, Камляжской в., Бійскаго у., Томской г. Семена Васильевича Тадышова—новокрещеного татарина, черезъ переводчика.

Тунгузская сказка,

записанная г. Григ. Бондаремъ въ енисейск. губ.

49. Кирундышъ.

Жилъ былъ старикъ со старушкою. Кирундышъ прилетѣлъ, старичка утащилъ. Осталась одна старушка въ желѣзной юртѣ. Жила, жила она одна. Пошла по берегу, гусиное г..но нашла. Качала, качала—очудился мальчикъ. Этотъ мальчикъ растетъ не по годамъ, по минутамъ—часамъ. Выкачала она этого мальчика. Онъ спрашиваетъ: „Оюко́ (мать)! гдѣ амака̀ (отецъ)!“ Она ему сказала: „Онъ попалъ на гору, да съ горы укатился въ воду,—утонулъ“. Мальчикъ пошелъ на эту гору и съ нея скатился да не убился. Пришелъ къ матери и говоритъ: „Ты, мама, меня обманываешь; нѣтъ у горы амака“. Она стала говорить ему, что онъ еще въ малыхъ лѣтахъ; что къ нимъ прилетатъ Корундышъ,[1]) на эту юрту садится, и юрта изломатся наша.

Мальчикъ сталъ желѣзну шубу ковать. Сковалъ онъ желѣзну шубу. Мать доспѣла [2]) ему лукъ съ томаромъ (стрѣлою). Онъ сталъ ходить по лѣсу. Сталъ стрѣлять тамъ рябковъ [3]), жуланчиковъ и всячину. Мать рада; кормитъ его; птицу палитъ. Онъ сталъ оленей да сахатыхъ [4]) добывать. Лабазише [5]] накопилъ этого мяса.

Потомъ Корундышъ прилетѣлъ, сялъ на юрту и заглядыватъ имя въ юрту. Парень стрѣлилъ его изъ своего изъ лука стрѣлой съ зазубремъ въ грудь. Полетѣлъ Кирундышъ, ахатъ, стонетъ. Этотъ мальчикъ полетѣлъ за нимъ, шубу надѣлъ желѣзну. Заря-зарница, красная дѣвица начала этого мальчика кликать домой къ себѣ. Онъ залетѣлъ къ ней. Она стала у него вшей искать въ головѣ и стала ему говорить: Куды ты, говоритъ, добрый молодецъ, поднялся? „А Кирундыша искать“. Она ему отвѣтила: „Кирундыша искать не хитро, да только сдержишь ли ты самъ себя. Есть, говоритъ, дубъ. На этомъ дубу въ три ахвата сукъ. Кирундышъ тутъ все обѣдаетъ на немъ. Ты будешь на этотъ сукъ садиться. Какъ онъ не зниметъ (не выдержитъ), такъ лети. Дальше есть море. У этого моря камень. Кирундышъ на этомъ камнѣ ужинаетъ. Ежели ты будешь на камень садиться, камень не зниметъ тебя, такъ лети къ Кирундышу. Мальчикъ полетѣлъ. Летѣлъ, летѣлъ; прилетаетъ къ дубу, сялъ на сукъ въ три обхвата. Сукъ не знялъ его, надломился. Мальчикъ полетѣлъ дальше. Прилетатъ къ морю. Сялъ на камень, гдѣ Ки-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ: Кирундышъ.
[2]) Мѣстное слово; иначе—сдѣлала.
[3]) Рябчиковъ.
[4]) Сахатый—лось
[5]) Лабазъ—амбаръ, устроенный на столбахъ или на деревьяхъ.

рундышъ ужинаетъ. Камень не взялъ его. Мальчикъ полетѣлъ дальше. Легѣлъ, летѣлъ, долетѣлъ до юрты Кирундыша У юрты стоитъ лукъ со стрѣлою. Онъ сейчасъ спустился на полъ. Подрѣзалъ у лука силку. Кирундышъ охатъ въ юртѣ. Отъ мальчикъ и запѣлъ:

Кирундышъ, кирундышъ!
Амáкаля мàкаль (выходи сюда)
Тырѐльбы тырунджемъ (воеваться)!
Хургúнъ, хургúнъ, хургúнъ!

Кирундышъ:

Да, да, старуха,
Эвонека джерòмъ (кто тамъ реветъ)?

Мальчикъ:

Бая яй, бая яй (ты чево говоришь)?
Амàкаля мàкаль
Торгúнъ, тургúнъ, тургинъ
Тырельбы тырунджемъ.

Кирундышъ вылетѣлъ. Беретъ съ собою этотъ лукъ и стрѣлу. Поднимается туды же вверхъ. А мальчика вверху чуть видно. Мальчикъ опустился, Кирундыша хватилъ. Онъ увернулся. Потомъ Кирундышъ спустился; мальчикъ увернулся. Потомъ мальчикъ опять спустился, Кирундыша подрѣзалъ. Кирундышъ упалъ въ море. Мальчикъ опять запѣлъ:

Кирундышъ, кирундышъ,
Амакаля макаль,
Тырельбы тырунджемъ,
Хургинъ, хургинъ, хургинъ!

Кирундышиха:

Да, да, да, *Эвонека джеромъ.*

Мальчикъ:

Бая яй, бая яй.
Амакаля макаль
Торгúнъ, тургúнъ, тургúнъ
Тырельбы тырунджемъ.

Старушка схватила крюкъ желѣзный. Поднималася, поднималася вверхъ; п'етъ. Мальчикъ опустился, она увернулась. Потомъ она опустилась, мальчика хватила было таганомъ, тотъ увернулся. Потомъ опять мальчикъ опустился. Подъ правымъ крыломъ у ней была не застегнута застежка; онъ тутъ и подрѣзалъ ее. Потомъ опять онъ потребилъ ее. Она упала въ море. Опять мальчикъ летаетъ надъ юртой, напѣваетъ:

Кирундышъ, кирундышъ,
Амѣкаля мѣкаль,
Тырельбы тырунджемъ,
Хургинъ, хургинъ, хургинъ!

Пѣлъ, пѣлъ, никого нѣтъ. Онъ спустился къ юртѣ. Взялъ свою стрѣлу, которой въ Кирундыша стрѣлялъ и юрточку эту сожегъ. Полетѣлъ домой. Къ зорѣ къ зорницѣ, ко красной дѣвицѣ опять залетѣлъ. Замужъ ее взялъ за себя и потащилъ домой къ матери. Мать ужъ худая стала; съ голоду пропадатъ.

Записана безъ измѣненій [кромѣ перестановки кое гдѣ словъ] со словъ кр—ки с. Павловскаго Екатерины Корнилонны Коверзиной.

Сказки,

записанныя экспедиціей г. Швецова по изслѣдованію быта инородцевъ въ 1900 г. въ Кузнецкомъ районѣ.

---

50. Алтынъ-Арыхъ (Богатырь дѣвка). Записана г. Шардецкимъ.
51. Алатай-богатырь. Зап. Е. В. Проскуряковой.
52. Байчокъ-Ратылъ-Паражегонъ. Зап. С. А. Бжозовскимъ.
53. Три брата. Зап. Е. В. Проскуряковой.
54. Алтынъ-ханъ Зап. Е. В. Проскуряковой.
55. О синемъ богатырѣ. Зап. С. П. Швецовымъ и Е. В. Проскуряковой.
56. Золотой конь. Зап. А. С. Бжозовскимъ.
57. Лежачій богатырь. Зап. С. А. Бжозовскимъ.

№ 50. Алтынъ арыхъ(*)

(Богатырь-дѣвка)

Жила была царь-дѣвица. У ней была стрянка Алтынъ-Муркавъ. Дѣвица открыла окно и взглянула въ него. Около моря жилъ ея народъ, а около горы скотина. Немного осталось народу, немного осталось и скотины. Алтынъ-Арыхъ спрашиваетъ у стрянки, отчего такъ мало стало народу и отчего такъ мало скотины, откуда взялась скотина и откуда народъ. Три дня спрашиваетъ она стрянку и не можетъ добиться отвѣта. На третій день Алтынъ-Муркавъ говоритъ: „Ступай за шесть земель и увидишь навозъ, что наросъ толщиной въ девять саженъ. Сама обернись травкой, а коня оберни глызкой **] и стой девять дней, меньше нельзя. Неслыханное услышишь и невиданное увидишь". Вышла Алтынъ Арыхъ, сѣла на коня и поѣхала за шесть земель, какъ велѣла стрянка. Сама обернулась травкой, а коня обернула глызкой. Три дня она простояла, на третій день затряслась земля, и видитъ она, ѣдетъ на гору богатырь на пѣго-саврасомъ конѣ. Взъѣхалъ богатырь и остановился. Остановился и говоритъ коню: «Сердечный! Бѣлый царь (***) держалъ эту скотину. Богатыри Пустуй-Казъ и Тюрю-Казъ убили Бѣлаго царя». Конь отвѣчаетъ: «Если бы сынъ остался у царя, отомстилъ бы онъ имъ, а то дѣвка осталась; видишь, стоитъ, обернулась травкой, а лошадь свою обернула глызкой". Богатырь говоритъ коню: «Если бы дѣвка вышла ко мнѣ сюда на гору, я бы ей разсказалъ." Алтынъ-Арыхъ не могла утерпѣть, вскочила на ноги, сѣла на коня и поѣхала къ нему. Когда она подъѣхала къ богатырю, онъ взялъ ее съ конемъ въ горсть и привязалъ въ торока. Привязалъ ее и пустилъ своего коня, а плетью разъ по коню, а другой по дѣвицѣ. Ѣдетъ богатырь по площади и видитъ, сидятъ два желтыхъ волка, большой и малый, и воютъ. Конь спрашиваетъ богатыря: знаешь-ли ты, кто это роетъ волкомъ? «Это Бѣлаго царя сердце бѣгаетъ,» отвѣчаетъ богатырь. Ѣдетъ богатырь и бьетъ Алтынъ-Арыхъ и уже не по мясу, а по костямъ. Плачетъ Алтынъ-Арыхъ голосомъ. Девятый день ѣдетъ богатырь. На десятый день такой туманъ навалился, что хоть глазъ выколи, ничего не видно. Богатырь заблудился въ туманѣ, не знаетъ куда ѣхать и говоритъ пѣго-саврасому: „Мы въ девять дней девять земель пробѣгали, а теперь никуда не

[*] Алтынъ „золотой", арыхъ „свѣтъ," „блескъ". *Г. П.*
(**) Конскій помет.
[***) Въ подлинникѣ вѣроятно: Акъ-канъ. *Г. П.*

можемъ уѣхать". Отвѣчаетъ конь: Время подходитъ умирать намъ хозяинъ. „Изъ-за чего же умирать намъ", говоритъ богатырь. „У Бѣлаго царя былъ пастухъ, который пасъ его скотину. У пастуха родился сынъ и теперь наговяетъ тебя на этихъ двухъ желтыхъ волкахъ, на старомъ и на маломъ». Только сказалъ онъ это, нагоняютъ его два желтыхъ волка, и мальчикъ сидитъ на нихъ. Догналъ и говоритъ: «Ты на нѣго-саврасомъ конѣ, Албанъ-Часъ! Ты куда везешь, привязалъ Алтынъ-Арыхъ? Отвяжи ее и отпусти, она не мужчина, чтобы съ тобой драться". Отвязалъ богатырь Алтынъ-Арыхъ, и какъ только отвязалъ, та сразу отскочила отъ него на своемъ конѣ за шесть земель и за шесть морей. Соскочила она съ коня, засучила рукава, подоткнула полы и бѣжитъ сражаться съ богатыремъ. Подбѣжала, схватила Албанъ-Часа за воротъ и подняла подъ небеса, повернула раза два и ударила о каменную гору такъ, что онъ въ шести мѣстахъ разорвался. Сѣла на коня и уѣхала домой. Туманъ, въ которомъ блуждалъ Албанъ-Часъ, былъ половина силы Алтынъ-Арыхъ. Онъ вышелъ изъ нея, когда богатырь везъ ее. Это сказалъ Алтынъ-Арыхъ мальчикъ, который пріѣхалъ на волкахъ. „Если бы ты выстояла девять дней, вся сила осталась бы при тебѣ, а теперь половина силы вышла туманомъ". Алтынъ-Арыхъ пріѣхала домой и вошла въ ту комнату, гдѣ сидѣла прежде, а мальчикъ пошелъ въ берестяную юрту возлѣ моря. Зашла Алтынъ-Арыхъ въ комнату и поздоровалась съ Алтынъ-Мурканъ. Поздоровалась съ ней Алтынъ-Мурканъ и говоритъ: «Почему ты не простояла столько дней, сколько я тебѣ велѣла? Вотъ половина силы въ тебя и не вошла». Сѣли онѣ за столъ, стали закусывать. Стрянка и говоритъ: „Вотъ завтра мальчикъ будетъ себѣ имя нарекать, а когда онъ будетъ нарекать имя, ты выйди на площадь, воткни копье въ землю и гляди». Назавтра, какъ сказала стрянка, мальчикъ налилъ себѣ чашку воды и бѣжитъ на площадь. Вышелъ онъ на площадь, никто не нарекаетъ ему имени. Вдругъ выходитъ бѣлый, какъ заяцъ, старикъ, подошелъ къ нему и говоритъ: „Давай, я нареку тебѣ имя: будь пастуховъ сынъ на свѣтло-игреневомъ конѣ Канъ-Бергенъ». Только повернулся Канъ-Бергенъ, Алтынъ-Арыхъ ударила по землѣ саблей. Непроходимый туманъ снова навалился. Поглядѣла она въ разрубленную землю и видитъ сквозь щель, что перерубила пополамъ Канъ-Бергена. Заплакала Алтынъ-Арыхъ: „Еслибы я была мужчиной, я сама-бы возвратила отцу скотину; если-бы Канъ-Бергенъ возвратилъ, если бы выросъ большой?" Вошла она къ себѣ въ комнату и три дня плакала по Канъ-Бергеню. Когда три дня прошло

Алтынъ Муркань налила чашку водки и подноситъ Алтынъ-Арыхъ. «Что ты, что ты дѣлаешь, стряпка, я сроду не пила водки, стану- ли теперь пить»? Тебѣ легче будетъ плакать, отвѣчаетъ Алтынъ-Муркань. Выпила одну, двѣ и три чашки, говоритъ: „Будетъ теперь, больше не подавай". Однако, когда водка разошлась по тѣлу, Алтынъ-Арыхъ потребовала налить себѣ цѣлое ведро. Что по немногу пить, ужъ пить, такъ пить. Налила стряпка ведро, Алтынъ-Арыхъ сразу выпила все и говоритъ: „Мало, налей пять ведеръ". И пять ведеръ выпила разомъ и въ голову не ударило. „Еще мало, говоритъ, принеси сороковую бочку"! Алтынъ-Муркань намѣшала въ водку зелья, чтобы охмѣлѣла Алтынъ-Арыхъ и принесла сороковку. Алтынъ Арыхъ сама взяла ведро, стала черпать и пить водку. Пила, пила и выпила все въ десять сутокъ. Глаза не стали хорошо видѣть: подчялась Алтынъ-Арыхъ, оперлась объ стѣну, вышла изъ комнаты на площадь, взяла вмѣсто подушки черную гору и свалилась. Четырехугольная земля пошевелилась, когда она упала. Когда она упала, Алтынъ-Муркань закричала своему мужу: „Вотъ, рубя ее теперь, когда она готова». Отворилось подполье и мужъ стряпки вылезъ изъ него, выскочилъ и побѣжалъ прямо къ Алтынъ-Арыхъ и сталъ копьемъ колоть ее въ грудь, разтянувъ тридцать пуговокъ. Въ девяти мѣстахъ поломалось копье. Онъ размахнулся своей острой саблей-и сабля переломилась въ трехъ мѣстахъ. Алтынъ-Арыхъ почувствовала ударъ и подняла руку. Мужъ стряпки попалъ ей между пальцами да такъ и остался тамъ. Закричалъ, сталъ звать жену на помощь. „Окій дьяволъ! Развѣ ты человѣкъ? Не можешь мертвое тѣло взрѣзать»! ругается жена, а ему конецъ приходитъ. Прибѣжали большой и малый волки и говорятъ Алтынъ-Арыхъ. „Что ты, отецъ или мать ему, что держишь его между пальцами и не прикончишь»? Алтынъ Арыхъ поднялась и сѣла, а глазами не можетъ еще смотрѣть. Потомъ протерла глаза, видитъ, между пальцами богатырь сидитъ. «Ты какъ попалъ ко мнѣ въ руку и зачѣмъ»? Онъ признался по совѣсти, что вмѣстѣ съ женой хотѣлъ убить ее и завладѣть ея домомъ. Поглядѣла Алтынъ-Арыхъ, плюнула на палецъ и щелкнула имъ мужу стряпки въ лобъ. Проломила ему лобъ и бросила самого въ сторону. Пришла въ комнату и говоритъ: „Хорошо-же ты, Алтынъ-Муркань, дѣлаешь! Хотѣла меня прикончить". Взяла ее за волосы, вытащила на дворъ и повѣсила за волосы на коновязь. Сама сѣла на коня и поѣхала по той дорогѣ, по которой угнали у ней скотину. Ѣхала она, ѣхала, шестьдесятъ земель проѣхала и уголила на то мѣсто, гдѣ ея отецъ, Бѣлый царь, обратился

въ бѣлую гору. Поплакала на отцовскихъ костяхъ, выѣхала на гору и увидѣла свою скотину. Увидѣла, что два дома у двухъ братьевъ стоятъ, какъ двѣ горы. Какъ сто богатырей вмѣстѣ, закричала она одна: „Пустугъ-Казъ и Тюрлю-Казъ, если вы богатыри, выходите на бой со мной, пострѣляться или на кулачки"! Тюрлю-Казъ вышелъ, подошелъ и сталъ говорить: „Ты дочь Бѣлаго царя, зачѣмъ сюда пріѣхала? Мы вѣдь тебѣ, какъ дѣвкѣ, оставили немного; зачѣмъ-же ты, какъ богатырь, ѣдешь отомщать обиду"? Вы моего отца убили, говоритъ, а меня зачѣмъ оставили? „Ну, говоритъ Тюрлю-Казъ, гони свою скотину и живи на своемъ мѣстѣ". „Нѣтъ, говоритъ Алтынъ-Арыхъ, убейте меня, я не мужчина, чтобы пасти скотину"! Разсердилась Алтынъ-Арыхъ, ударила Тюрлю-Каза кулакомъ, и тотъ кубаремъ черезъ голову коня полетѣлъ по землѣ. Поднялся съ земли Тюрлю-Казъ, а Алтынъ-Арыхъ слѣзла съ коня, и они схватились. Боролись они девять лѣтъ. На девятый годъ спребла Алтынъ-Арыхъ Тюрлю-Каза въ горсть, подняла подъ небеса и ударила объ черный камень такъ, что онъ разорвался въ трехъ мѣстахъ. Кричитъ другому брату: „Покончила я съ Тюрлю Казомъ! теперь выходи ты, Пустугъ-Казъ"! Отворилъ дверь Пустугъ-Казъ и бѣжитъ, рукава засучиваетъ и полы подтыкаетъ. „Ты что Алтынъ-Арыхъ хвастаешь? Повалила гнилой пень! Вотъ ты со мной поборись"! Сошлись, схватились за ворота. Эти горы-не горы имъ, эта вода-не вода, и такой туманъ навалился, что ничего не видно. Боролись они, боролись на чугунной площади изъ плитъ въ девять рядовъ тридцать лѣтъ. Черезъ тридцать лѣтъ проломили они эту чугунную площадь и провалились подъ землю. Тамъ также свѣтло, такая же площадь въ девять рядовъ плитъ и тамъ они борются опять тридцать лѣтъ. Слышитъ Алтынъ-Арыхъ, съ земли какой-то богатырь кричитъ: „Какъ-бы Пустугъ-Казъ не убилъ Алтынъ-Арыхъ, пока я не приду"? Не успѣла она слова вымолвить, какъ ужъ и самъ богатырь является на сивомъ конѣ. Соскочилъ онъ съ лошади и говоритъ: „Ну-ка, Алтынъ-Арыхъ, давай его мнѣ въ руки, я съ нимъ поборюсь"! Какой ты богатырь просишь зайца, что у меня въ рукѣ? говоритъ Алтынъ-Арыхъ. „Я на сивомъ конѣ Оттугъ-ерь", (*) отвѣчаетъ богатырь. „Ну, когда ты Оттугъ-ерь, такъ и ты не уйдешь отъ меня, какъ я съ этимъ кончу! Ты лучше убѣгай, а то я какъ подыму его, да объ тебя ударю, такъ и порѣшу обоихъ сразу". Зажала она Пустугъ-Каза въ горсть, подняла подъ небеса и хотѣла ударить имъ Оттугъ-ерь, но промахнулась и хватила объ землю, и Оттугъ-ерь далъ тягу. Сѣла

(*) Оттугъ „огниво; ерь „мужъ", „витязь".

она на коня и погналась за нимъ. Догнала, но не можетъ поймать, пока не выбрались на землю. „Стой, Оттугъ-ерь! Сейчасъ у меня сердце отошло“, говоритъ Алтынъ-Арыхъ, „поговоримъ“! Онъ обернулся, стали они говорить. „Ты очень-то не запирайся! Отгони свою скотину и скотину Тюрлюгъ-Каза и Пустугъ-Каза къ себѣ. У тебя дома есть пастухъ Аку. Его надо женить (а пастухъ уже старикъ). Ты угони эту скотину, а онъ самъ знаетъ, гдѣ ему взять за себя дѣвку. Ты гони, а я поѣду къ Желтому царю, у него есть дочь дѣвка, чтобы онъ ее за другого не отдалъ„. Завернула дѣвица свою скотину и погнала домой. Прогнала и послала стряпку за старикомъ Аку: „Приведи его, я посмотрю, каковъ онъ“. Привели его; сопли по нижней губѣ, слюни по бородѣ. „Ну-ка, иди сюда“! говоритъ ему Алтынъ-Арыхъ. А онъ шапку подъ мышку и подходитъ «Что угодно, хозяюшка“? Я тебя женить хочу. «Что-ты! что-ты! Какая мнѣ женитьба! не сегодня, завтра конецъ мнѣ, а я буду жениться. Хоть голову отрѣжь, не женюсь». Нѣтъ, женишься, если я захочу.—Тутъ она принесла изъ сѣней плеть и давай его пороть. Драла, драла она его трое сутокъ. „Не хочется мнѣ умирать, говоритъ старикъ; ну ладно, женюсь„. Отдала старика стряпкѣ на руки, а сама поѣхала къ Желтому царю за невѣстой. Много-ли, мало-ли ѣхала, пріѣхала къ Желтому царю. Взошла. Собралъ царь столъ, усадилъ ее и угощаетъ хлѣбомъ-солью. «Куда ѣдешь, Бѣлаго царя дочь“? спрашиваетъ. Недалеко, хотъ къ тебѣ за твоей дочерью пріѣхала. „За кого-же хочешь брать ее? Въ стряпки-ли взять или замужъ отдать“? Царь боится, вѣдь двухъ братьевъ богатырей она порѣшила. „Ну веди,“ говоритъ, она, свою дочь. Если хороша, я увезу, а если нѣтъ, она останется». Привелъ царь дочь; какъ мѣсяцъ, бѣла и какъ солнце, румяна. Понравилась она Алтынъ-Арыхъ. „За кого ты меня везешь“? спрашиваетъ царевна Алтынъ-Арыхъ. „Богатырь у тебя тамъ есть или кто“? Я сама знаю, за кого тебя выдать, говоритъ Алтынъ-Арыхъ, а сама схватила ее, обернула кольцомъ и надѣла на руку. Пріѣхала домой въ отцовскій домъ, вошла въ комнату, а тамъ старикъ сидитъ подъ порогомъ. Бросила она кольцо на полъ, и передъ старикомъ встала дѣвушка. Гдѣ-же мой женихъ? спрашиваетъ. „А вотъ старикъ“, говоритъ Алтынъ-Арыхъ. Голову отрубя, не пойду за него. „Почему ты не пойдешь? Жениха помоложе»? Вышла Алтынъ Арыхъ на крылечко, принесла плеть и спрашиваетъ: «Такъ ты не пойдешь»? и стала ее бить. Бьетъ чуть не до смерти. Наконецъ дѣвушка соглашается и какъ только говоритъ пойду, Алтынъ-Арыхъ перестаетъ бить. Теперь старикъ отказыва-

стся: „Я помирать хочу, а ты велишь мнѣ брать такую молоденькую. Отъ Бога мнѣ будетъ грѣхъ, отъ людей стыдъ". Алтынъ-Арыхъ принялась за старика. Драла, драла и добилась того, что онъ опять согласился жениться. Постлала Алтынъ-Арыхъ постель на кровати, дѣвушку положила къ стѣнѣ, а старика на край, покрыла шубой и наказала старухѣ стрянкѣ караулить ихъ всю ночь; на утро доложить, какъ молодые вели себя. Встаютъ они утромъ, и старуха ужъ докладываетъ Алтынъ-Арыхъ, что дѣвушка повернулась къ старику и обняла его, а старикъ ее не обнялъ. Алтынъ-Арыхъ опять схватила старика и стала бить: „Зачѣмъ не повертываешься?" Когда она задрала его чуть не на смерть, онъ сказалъ: „Ну не отъ меня грѣхъ, а отъ тебя, беру я за себя дѣвку". Снова Алтынъ-Арыхъ уложила и снова наказала старухѣ слѣдить за нимъ, на утро разказать всю правду. Приходитъ утромъ и спрашиваетъ у старухи, какъ они ночевали. „Теперь вмѣстѣ хорошо ночевали", отвѣчаетъ старуха. «Молодуха давно ужъ стряпаетъ, бѣгаетъ, а старикъ разчесалъ волосы на прямой проборъ и разхаживаетъ по комнатѣ отъ порога въ передній уголъ, какъ молодой». Когда Алтынъ-Арыхъ вошла къ нимъ, Аку беретъ ее подъ руку и сажаетъ за столъ, потчуетъ. Быка сегодня колютъ, байгу (*) дѣлать, народъ весь угощать. Байга прошла. Они жить да быть, а я вотъ домой пришелъ.

---

51. Алатай Богатырь.

Жилъ старикъ Акань*). Пошелъ промышлять на гору. Нѣтъ ни звѣря, ни птицы. Потомъ пошелъ на другую сторону горы — тоже ничего нѣтъ. Есть только свѣжій слѣдъ: кто-то прошелъ и всѣхъ звѣрей убилъ. Онъ поглядѣлъ — вдали идетъ человѣкъ. Онъ постоялъ, подумалъ и рѣшилъ его догнать. Догналъ его сзади, ударилъ разъ, а тотъ идетъ, не глядитъ; другой разъ ударилъ — тотъ идетъ. Этотъ рѣшилъ, что въ правой рукѣ силы мало; ударилъ — тотъ идетъ; наконецъ тотъ повернулся, ударилъ старика и убилъ его. Убилъ этого старика и боится, чтобы не пришелъ еще кто другой. Хотѣлъ итти дальше, но пошелъ назадъ и потащилъ съ собой трупъ убитаго. Кастеякъ притащилъ его къ женѣ Акава и велитъ работникамъ хорошить. Жена его Марь была беременна. Кастеякъ и говоритъ ей, что у нея родится Алатай-бергезь (сынъ Ака-

(*) Байга, „пиръ", „конскія бѣга".
*) Акъ-Канъ (т. е. бѣлый царь)?

ная), такъ чтобы тотъ не гонялся за нимъ. За тѣмъ она родила сына. „Вѣтеръ дуетъ, вдали идетъ богатырь и погубитъ моего сына“. Богатырь пришелъ, привязалъ коня, подошелъ къ окну. Хотѣлъ зайти въ избу, съѣсть маленькаго. „Кусочекъ мяса, ложка щербы“! **) Хотѣлъ войти, да дверь слишкомъ мала, никакъ не войти; онъ сѣлъ на дворѣ и говоритъ, чтобы этотъ Алатый-бергенъ*) сзади за мной не ходилъ, пусть лучше ходитъ за Кастеякомъ. Сказалъ это, сѣлъ на коня и ушелъ. Потомъ Алатай выросъ, прошло лѣтъ десять. У него носить одежды нѣтъ, и коня нѣтъ, и ѣды нѣтъ. Сидитъ онъ дома. Вышелъ онъ на улицу и говоритъ человѣку, надо ростить, чтобы было два уха прямо. Зашелъ въ избу, плакалъ и уснулъ. Потомъ слышитъ шумъ. Выскочилъ на улицу, видитъ, стоитъ пѣгій конь. Подошелъ его смотрѣть, а въ торокахъ привязано ружье, лопать, все готовое. На сѣдлѣ лежитъ бумага, гдѣ написано, что это его (Алатый-бергеня) конь. Онъ сѣлъ на этого коня, поѣхалъ догонять Кастеякъ-бергеня, чтобы убить его, такъ какъ тотъ убилъ его отца. Проѣхалъ онъ одну гору, глядитъ впередъ и видитъ деревню Кастеякъ бергеня. Улусъ большой, скотины много. Домъ Кастеяка выше всѣхъ, домъ его высотою до тучи („морогъ“). Онъ пошелъ, привязалъ коня къ оградѣ, вошелъ въ одинъ домъ, никого нѣтъ; пошелъ въ другой—тоже нѣтъ. Много ли, мало избъ обошелъ, въ одной сидитъ за столомъ дѣвица. Сидитъ у стола, кроитъ шелковую рубаху. Онъ спрашиваетъ, куда Кастеякъ ушелъ. Она говоритъ, что онъ уѣхалъ далеко, онъ ушелъ сватать Алатай—бергеня. Онъ ей и говоритъ: „Ты меня обманываешь, мошенничаешь“! и сталъ ее драть: деретъ, деретъ, сталъ поджигать огнемъ. Она говоритъ: „Оставь меня живой: онъ къ тебѣ ушелъ“. Алатай и говоритъ: „Можетъ быть онъ ушелъ ко мнѣ: я пойду домой, погляжу; потомъ тебя убью, если ты меня обманула“. Онъ поѣхалъ догонять Кастеяка. Кастеякъ узналъ, что онъ идетъ за нимъ, ударилъ плетью по землѣ и ушелъ, а на этомъ мѣстѣ осталась дыра. Алатай видѣлъ только хвостъ коня, какъ тотъ уходилъ подъ землю. Думалъ, то-ли подъ землю итти за Кастеякомъ, то ли вернуться къ дѣвицѣ. Рѣшилъ поѣхать сватать дѣвицу. Шелъ, шелъ, вѣтеръ дуетъ, не можетъ дойти; мѣшаетъ погода. Три ночи ночевалъ на дорогѣ, не можетъ дойти. Оттуда тоже идетъ богатырь; тотъ тоже ночевалъ три ночи и не можетъ дойти. Вѣтеръ дуетъ. Потомъ они сошлись. Немуртань-бергень говоритъ: „Ты куда идешь“? Я, говоритъ, иду Акана дѣвицу смотрѣть, а ты куда

**) Щерба—уха (сиб. провинц.).
*) Въ рукописи мѣстами Алатай, мѣстами Алатый.

идешь? „Тебя смотрѣть; меня послалъ Аканъ; пришелъ къ намъ Кастеякъ сватать дѣвицу для Алатая; онъ, говоритъ, хорошій парень“. Алатай-бергень и говоритъ ему: „Коли ты пришелъ ко мнѣ, такъ ударь меня“. Тотъ ударилъ, онъ упалъ, всталъ и ударилъ Немуртань-бергеня. Тотъ полетѣлъ черезъ шесть горъ и упалъ на седьмой горѣ, всталъ и идетъ къ Алатаю. Тутъ они давай драться. Алатай-бергень его убилъ и поѣхалъ впередъ, заѣхалъ къ Акану. Тамъ собралось семьдесятъ семь богатырей сватать дѣвицу Акана. Сидятъ. Алатай вошелъ и видитъ: сидитъ богатырь, который заѣзжалъ къ его матери послѣ Кастеяка. Онъ, Алатай, давай драться съ Каргадай-бергенемъ и убилъ его. Потомъ хотѣлъ войти въ избу. Около самой двери сидитъ одинъ мужиченко, маленькій, худенькій, на немъ коротная курточка; вскочилъ и ударилъ Алатая. Они вышли на улицу и стали драться,—не могутъ поймать другъ друга. Какъ подойдутъ одинъ къ другому, столкнутся—одинъ летитъ на одну, другой на другую гору; опять сойдутся, опять разлетятся—одинъ на одну гору, другой на другую. Наконецъ сошлись, стали бить другъ друга, ни одинъ не можетъ побѣдить. Потомъ Аканъ вышелъ изъ избы и говоритъ: „Перестаньте! вы, говоритъ, будете свояками, не надо драться“! Они не слушаютъ, очень разсердились. Аканъ говоритъ: „Лучше не деритесь; я лучше привезу вамъ камень большой съ корову, вы кидайте, кто выше кинетъ, тотъ возьметъ себѣ дѣвицу. Камень нужно три раза кинуть кверху и поймать въ руки“. Они перестали драться. Аканъ привезъ имъ камень. Изъ семидесяти семи богатырей одни не могли поднять камня, другіе приподнимали его немного, а кинуть не могли и всѣ ушли домой. Остался только Аканъ да мужиченко въ курточкѣ. Подошелъ мужиченко, кинулъ кверху, не могъ поймать въ руки. Алатай кинулъ камень версты двѣ кверху, можетъ больше, можетъ немного меньше, бросилъ и поймалъ. Потомъ онъ (Алатай) женился на этой дѣвицѣ, а мужиченко женился на сестрѣ Акана; стали они свояками. Аканъ и говоритъ Алатаю: „Ты не гоняй теперь Кастеяка; онъ теперь тебѣ вмѣсто отца, онъ сватался тебѣ дѣвицу“. Алатай его не послушалъ и погнался за Кастеякомъ, а жену положилъ въ кисетъ; пошелъ, ударилъ по землѣ саблей и ушелъ подъ землю догонять Кастеяка. Идетъ онъ, а тамъ, гдѣ прежде шелъ Кастеякъ, по той дорогѣ кипитъ деготь, оставленный Кастеякомъ. Алатай разсердился еще больше и пошелъ другой дорогой; идетъ, а на дорогѣ стоитъ маленькая юрта. Вышла изъ юрты старушка, грудь у нея выжжена. Она зоветъ его къ себѣ. „Иди, говоритъ, я скажу тебѣ одно слово; я старуха и много знаю, а ты молодой - ничего не

знаешь". Онъ не слушаетъ и проѣхалъ мимо. Онъ идетъ—стоитъ на дорогѣ желѣзный домъ, въ немъ девять окошекъ, въ каждомъ окошкѣ девять головъ; онѣ другъ въ друга ударяются, поютъ пѣсни; тутъ собираются со всей земли всѣ птицы и звѣри, играютъ и пляшутъ и веселятся. Эти головы зовутъ Алатая: „Иди, говорятъ, сюда! Сколько ты исходилъ, сколько земли видѣлъ, а видѣлъ ли ты такую игру? иди сюда!" Онъ не слушаетъ и не глядитъ туда, а проѣхалъ мимо. Потомъ онъ идетъ, глядитъ стоитъ одинъ богатырь на рыжемъ конѣ. Рыжій конь длиною въ сорокъ пять аршинъ. Стоитъ конь четырьмя ногами на четырехъ камняхъ. Алатай увидалъ богатыря, шапку снялъ, упалъ на колѣни, кланяется ему три раза, а богатырь и не глядитъ на него. Тогда Алатай одумался да и говоритъ: „Ты богатырь и я богатырь, чего я буду тебѣ кланяться". Разсердился, повернулся и пошелъ назадъ къ той старухѣ, которая его звала. „Я, говоритъ, богатырь, чего я буду бояться старухи". Оставилъ коня и пошелъ къ ней пѣшкомъ. Шелъ, шелъ, тяжело ему стало, онъ сдѣлался какъ заяцъ и поскакалъ; потомъ обернулся горностаемъ, потомъ сдѣлался комаромъ, потомъ сдѣлался мухой и такъ добрался до старухи. Подошелъ подъ окошко мухой, видитъ—старуха спитъ; изъ одного уха сдѣлала постель, а изъ другого подушку и спитъ. Спитъ она семь дней, семь ночей. Онъ снова сдѣлался горностаемъ, взошелъ въ избу и засунулъ старухѣ въ носъ свой хвостъ. Старуха ничего не слышитъ, спитъ крѣпко; сунулъ ей хвостъ въ ухо, она все спитъ. Вышелъ на улицу, сдѣлался снова богатыремъ Алатай-бергенемъ, вошелъ въ избу, вытащилъ ножикъ, зарѣзалъ старуху и выпустилъ кишки; изъ кишокъ вышло девять ножиковъ; два изъ нихъ Алатай сломалъ, а изъ семи вышло семь богатырей и давай бить Алатая. Алатай одинъ дерется съ ними. Алатай ничего не можетъ подѣлать съ ними; онъ одинъ, а ихъ семеро. Потомъ идетъ одинъ богатырь, котораго прежде видѣлъ Алатай на сорока-пяти-аршинномъ конѣ; идетъ и давай драться съ семью богатырями. Стало ихъ двое противъ семи. Дрались они долго-ли, коротко-ли, годъ, два, никакъ они двое не могутъ одолѣть семерыхъ. Подулъ вѣтеръ, пріѣхалъ Буйля Алтынъ гость; выстрѣлилъ онъ въ семь богатырей и убилъ всѣхъ сразу, потомъ повернулся и сѣлъ въ карманъ къ Алатаю. У него есть записка, чѣмъ оставлять семь богатырей, такъ я лучше ихъ всѣхъ убью и оставлю одного Алатая. Алатай съ другимъ богатыремъ поѣхалъ назадъ. Тотъ и говоритъ Алатаю: „Ты не трогай Кастеяка!" А Алатай не слушаетъ его и снова пошелъ искать Кастеяка. Потомъ онъ усталъ и пересталъ ѣздить за Кастеякомъ. Послѣ этого они

устроили байгу. Буйля пошелъ вмѣстѣ съ Алатаемъ въ гости къ Кара-Ютколѣ, къ сильному богатырю. Пріѣхали къ Кара-Ютколѣ, а тамъ сидитъ одна дѣвица, плачетъ и говоритъ: „Кара Юткола уѣхалъ къ богатырю Кыркану и у нея нѣтъ его сорокъ лѣтъ, должно быть онъ совсѣмъ пропалъ“. Дѣвица говоритъ: „Хорошо-бы было, если бы Алатай пріѣхалъ, я бы стала съ нимъ жить“ (а она не узнала Алатая). Алатай говоритъ: „Алатай уже умеръ“. Дѣвица стала еще пуще плакать. Тогда Алатай говоритъ дѣвицѣ: „Я самъ Алатай“. Дѣвица говоритъ ему: Правда ты Алатай? „Правда“. Алатай женился на ней, поѣхалъ домой, мать его дома, но люди Алатая кормятъ его мать навозомъ. Алатай устроилъ домъ изъ дудки, и теперь у Алатая двѣ (бабы) жены. Двѣ бабы его ночевали въ избѣ, а самъ Алатай ночевалъ на улицѣ. Утромъ всталъ Алатай и поѣхалъ искать богатыря Кара-Ютколу и дорогою встрѣтилъ его; онъ ѣхалъ домой. Поздоровались и поѣхали вмѣстѣ къ Кара-Ютколѣ, напились у него чаю. Видитъ Кара-Юткола, что его сестры нѣтъ, но Алатай молчитъ, ничего не говоритъ. Потомъ напились чаю, и Алатай началъ звать Кара-Ютколу къ себѣ въ гости. Поѣхали къ Алатаю, доѣхали. Двѣ жены Алатая сидятъ. Тогда Кара-Юткола взялъ себѣ въ жены прежнюю жену Алатая, и Алатай сталъ жить съ сестрою Кара Ютколы. Устроили байгу, убили сорокъ лошадей, выпили сорокъ ведеръ вина и до сихъ поръ живутъ.

Сказка записана въ улусѣ Кермесъ Шелкальской волости 13 сентября 1900 года отъ сказочника Шелкальской волости улуса Содринскаго Низрака Тажковича Курусканова.

---

52. Байчокъ-Ратылъ-Паралегонъ.

Жилъ былъ богатырь Ратылъ-Паралегонъ. Онъ былъ главнѣе всѣхъ, богаче всѣхъ и сильнѣе всѣхъ. Но у него не было ни сыновей, ни дочерей. Долго жилъ онъ, наконецъ состарѣлся, а дѣтей все нѣтъ. Задумалъ старикъ взять вторую жену и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ долго-ли, коротко-ли, до другого государства не дошелъ, а конь его на дорогѣ рѣшился. Пошелъ пѣшкомъ. Шелъ долго ли, коротко-ли, до другого царства не дошелъ и самъ рѣшился. А сынъ-то у него былъ да старикъ не зналъ объ этомъ. Сынъ этотъ назывался Чултукъ-Купрутукъ-Чуръ-Кайралогъ и былъ при отцѣ старшимъ работникомъ. Жена Байчокъ-Ратыла забеременила отъ него, но узнала объ этомъ уже послѣ его отъѣзда. Вотъ Чултукъ и думаетъ: „Старикъ рѣшился; если придетъ дру-

гой богатырь, то будетъ плохо, у насъ никого главнаго нѣтъ. надо пока мнѣ быть главнымъ". Ну рѣшилъ итти искать и сватать жену еще не родившемуся сыну старика. Онъ пошелъ, куда глаза глядятъ. „Какую дѣвицу встрѣчу, ту и посватаю"! Идетъ онъ долго, наконецъ видитъ домъ, и у ограды стоитъ сивый конь. Онъ тутъ-же привязалъ своего коня и вошелъ въ избу. Одно окошко открыто, а около него лежитъ богатырь и куритъ мѣдную трубку. И спрашиваетъ его тотъ богатырь: «Ты куда, Чултукъ-Купрутукъ, идешь»? Я поѣхалъ искать старика: онъ куда-то ушелъ, скота не ому кормить, народомъ некому управлять, вѣрно онъ рѣшился. Я иду искать его кости. «Врешь, говоритъ. у тебя будетъ младшій братъ, ты идешь сватать ему дѣвицу». Сказалъ это богатырь, бросилъ на полъ трубку, которую держалъ въ рукахъ. Чултукъ-Купрутукъ-Чуръ-Кайралокъ испугался, убѣжалъ изъ дому, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, заѣхалъ въ другую землю къ другому царю, который назывался Тельмеганъ-богатырь. Тотъ спитъ дважды девять дней. Жена Тельмегана угощаетъ Купрутука чаемъ. положила на столъ хлѣбъ, мясо и араку. Купрутукъ хлѣбъ, мясо ѣстъ, чай пьетъ, а араку не пьетъ.—Ты что вина не пьешь, какой ты такой богатырь? Неужто въ вашемъ царствѣ арака не пьютъ. „Пить-то пьютъ, и я пью, только я, какъ выпью, такъ бываю шибко дурной". А если ты вина не пьешь, такъ зачѣмъ ты ѣздишь въ чужую землю? „Зачѣмъ ѣду? Мой хозяинъ давно ушелъ, можетъ быть рѣшился; ѣду искать его кости". Жена Тельмегана кланяется ему: „Выпей чашку! тебѣ чашка же непомѣшаетъ". Выпилъ онъ одну чашку, выпилъ двѣ, выпилъ три, сталъ совсѣмъ пьяный. Ходитъ онъ по юртѣ взадъ и впередъ и видитъ, что хозяинъ спитъ. „Ты что, говоритъ, спишь, когда я къ тебѣ въ гости пріѣхалъ"? Тотъ все спитъ. Онъ ударилъ его ладонью, а тотъ все спитъ, только правый глазъ открылся немного. Пьяному показалось, что онъ надъ нимъ смѣется. Обидно ему стало. Разсердился онъ и ударилъ Тельмегана кулакомъ. Тельмеганъ схватилъ его за шиворотъ, схватилъ и хотѣлъ ударить его объ стѣну. а жена ему и говоритъ: „Постой, ты его не бей; онъ сразу говорилъ, что не можетъ пить, такъ какъ пьяный бываетъ дурной; я его просила и онъ выпилъ, а роду онъ должно быть хорошаго". Тельмеганъ и говоритъ: „Утромъ, когда онъ проснется, мы его и спросимъ, правда ли это"? И велѣлъ своимъ солдатамъ связать его и бросить въ грязь. Тѣ его связали и бросили въ грязь. Утромъ тотъ проснулся, его притащили въ избу. Тельмеганъ его и спрашиваетъ: „Зачѣмъ ты ходишь, что тебѣ нужно"?

„Мой хозяинъ, говоритъ, давно ушелъ, должно быть рѣшился, и я иду сватать дѣвицу его младшему сыну“. Тутъ какъ изъ подъ земли вышелъ богатырь, который лежалъ съ мѣдной трубкой; ударилъ его, изъ того и духъ вонъ, рѣшился. А жена Тельмегана и говоритъ: „Эхъ, зачѣмъ вы его рѣшили? не надо было его рѣшать. Черезъ три дня у него родится братъ; онъ придетъ, но не убьетъ васъ сразу, а долго будетъ мучить, тогда жалѣть будешь объ этомъ. Три дня пройдетъ и три ночи, онъ родится“. Родился черезъ три дня богатырь Камблекъ; жилъ онъ девять годовъ и былъ у него рыжій конь. Задумался тутъ богатырь: „Мой братъ уже девять лѣтъ какъ ушелъ сватать мнѣ жену. Гдѣ онъ? Пойду искать его“. А въ другой землѣ жилъ богатырь Челмоганъ; пришелъ онъ въ землю Камблека, отдѣлилъ половину людей и скота и забралъ себѣ. А Камблека дома нѣтъ, онъ ничего не знаетъ и ѣдетъ. Пришелъ въ избу, гдѣ живетъ богатырь съ мѣдной трубкой, а тотъ и спрашиваетъ его: Камблекъ, куда ты идешь? „Мой отецъ Паралеонъ ушелъ куда-то сватать себѣ жену, должно быть рѣшился; иду искать его кости; послѣ него ушель Купрутукъ сватать мнѣ жену, и тоже нѣтъ его, не знаю гдѣ онъ? У насъ скота много, смотрѣть за нимъ некому; народу много, а управлять имъ некому; я самъ иду искать ихъ“ Ты ѣдешь не отца и брата искать, а невѣсту смотрѣть—время! ты недалеко проѣдешь, тебѣ хорошая дѣвица попалется. „Врешь, говоритъ, я иду не невѣсту искать, а отца своего и Купрутука“. Сѣлъ на коня и поѣхалъ. Ѣдетъ онъ по дорогѣ къ Тельмегану, слышитъ голосъ человѣка, который говоритъ: «Возьми меня въ товарищи»! Поглядѣлъ онъ вокругъ, никого нѣтъ. Ну, онъ все-таки сказалъ: „Хорошо, принимаю“. Такъ сказалъ и идетъ онъ себѣ дальше одинъ, никого около не видно. Навстрѣчу ему попадается молодой человѣкъ на кауромъ конѣ. „Дядя, говоритъ, возьми меня въ товарищи, я тебѣ при случаѣ пригожусь“. А Тельмеганъ между тѣмъ узналъ, что идетъ Камблекъ и приготовилъ девять богатырей и послалъ ихъ встрѣчать Камблека, далъ имъ пороху и пуль и велѣлъ стрѣлять въ Камблека. Идетъ Камблекъ съ товарищемъ: на одномъ мѣстѣ устроили балаганъ и живутъ. Жили долго-ли, коротко-ли, вдругъ пріѣзжаетъ тотъ, чей голосъ Камблекъ слышалъ на дорогѣ, а была это дѣвица золотая. Зажили они на этомъ мѣстѣ втроемъ. Дѣвица и говоритъ ему: „Постой, я полечу и посмотрю, что дѣлаетъ Тельмеганъ“. Обернулась она мухой; сѣла на окошко къ Тельмегану и слушаетъ. А тамъ говоритъ Тельмеганъ: „Однако онъ идетъ? прошелъ половину дороги. Идите двое впередъ и стрѣляйте въ него“. Услышала

это муха, полетѣла назадъ и говоритъ Камблеку: «Идутъ двое отъ Тельмегана стрѣлять тебя; смотри, берегись»! Послала золотая дѣвица молодого человѣка на кауромъ конѣ. „Ты, говоритъ, одного изъ нихъ застрѣли на-готово, а другого такъ, чтобы онъ только доѣхалъ до Тельмегана и сказалъ ему, что и мы стрѣлять умѣемъ“. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Поѣхалъ онъ впередъ, одного застрѣлилъ совсѣмъ, а другого подстрѣлилъ такъ, что онъ только доѣхалъ до Тельмегана. „Зачѣмъ, говорятъ, ты насъ послалъ“? Да тутъ и рѣшился. А дѣвица опять полетѣла мухой слушать, что говорятъ у Тельмегана. Прилетѣла она къ окошку и слышитъ, что Тельмеганъ говоритъ: „Ступайте вы теперь всѣ семь и стрѣляйте всѣ сразу какъ можно лучше“. Она прилетѣла назадъ и разсказываетъ это Камблеку: „Берегись! теперь идутъ семь богатырей и они будутъ въ тебя стрѣлять всѣ сразу; ты шесть человѣкъ убей, а седьмого подстрѣли, чтобы онъ ѣхалъ назадъ и разсказалъ все Тельмегану“. Камблекъ сталъ ихъ ожидать; и видитъ, что идутъ семь богатырей; онъ шесть изъ нихъ убилъ, а одного подстрѣлилъ. Тотъ вернулся къ Тельмегану и говоритъ: „Зачѣмъ ты насъ послалъ? Мы были бы тебѣ товарищами, а теперь придетъ Камблекъ и тебя убьетъ“. Сказалъ это и рѣшился. У Тельмегана была дочка. А золотая дѣвица опять полетѣла мухой слушать, что теперь говоритъ Тельмеганъ.

Сѣла она на окно и слушаетъ. Тельмеганъ и говоритъ: „Есть еще два богатыря: Тагданакъ и Кульденекъ; пошлемъ ихъ, они свяжутъ Камблеку руки и притащутъ его сюда“. Пришла золотая дѣвица назадъ и говоритъ: „На васъ посылаютъ двухъ богатырей“. А сама сдѣлалась старой старухой, надѣла войлочную шубу и войлочную шапку, сдѣлала пиво изъ лошадиной мочи, а хлѣбъ изъ коровьяго кала. Пришли Тагданакъ съ Кульденекомъ и говорятъ: „Что ты, Камблекъ, живешь на дорогѣ? Шелъ бы къ намъ, пива бы напился, хлѣба бы наѣлся“! А Камблекъ и говоритъ: „У насъ у самихъ пива и араки много: каждый день пьяный и веселый бываю“. Подалъ онъ имъ пиво; они пьютъ. Пьютъ они пиво и хлѣбъ ѣдятъ. Стали они ссориться и драться другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы брать Камблека. Ждалъ ихъ, ждалъ Тельмеганъ и посылаетъ богатыря Чельмезеня: „Ты, говоритъ, полетай выше и посмотри, что они тамъ дѣлаютъ“? Поднялся тотъ высоко и видитъ, что они пьютъ лошадиную мочу, ѣдятъ коровье кало и дерутся между собой. Вернулся онъ къ Тельмегану и говоритъ: «У твоихъ богатырей нѣтъ ума: они пьютъ лошадиную мочу и ѣдятъ коровье кало и дерутся между собою». Полетѣла муха слушать, что теперь говоритъ Те-

льмеганъ и слышитъ, что Тельмеганъ хочетъ самъ итти съ Чельмезеемъ на Камблека. Полетѣла она назадъ и говоритъ Камблеку: „Тельмеганъ самъ идетъ съ богатыремъ; берегись“! Камблекъ съ товарищами стали ихъ ждать. А жена и говоритъ Тельмегану: „Не ходи вдвоемъ! онъ тебя убьетъ, а собери больше народу да и убей его“! Тельмеганъ послушалъ ее, собралъ тысячу человѣкъ народу и идетъ на Камблека. Золотая тѣвица полетѣла кверху и видитъ, что идетъ Тельмеганъ съ тысячей народа и прошелъ уже половину дороги. Народъ впереди, а Тельмеганъ съ товарищемъ сзади. Сказала Камблеку, а Камблекъ на одну сторону сдѣлалъ жаркое лѣто, а на другую навалилъ снѣгу на девять аршинъ; и морозъ красный, такъ что всѣ тысяча человѣкъ замерзли, остались только Тельмеганъ съ товарищемъ въ живыхъ. Вотъ Тельмеганъ рѣшилъ мириться съ Камблекомъ, подошелъ онъ близко къ Камблеку, снялъ шапку, кланяется и спрашиваетъ, почему тотъ не идетъ къ нему въ гости. „Зачѣмъ, говоритъ, ты сдѣлалъ съ одной стороны зиму, а съ другой лѣто? ты убилъ много моего народа; лучше шелъ бы ко мнѣ, пилъ пиво и араку, да ѣлъ—бы хлѣбъ“. А Камблекъ прикинулся пьянымъ, будто не слышитъ его рѣчей, по землѣ валяется. Тутъ они примирились. Камблекъ и говоритъ имъ: „Вы домой ступайте, а я приду завтра“. Тельмеганъ забралъ двухъ своихъ богатырей назадъ: «Чего вы тутъ пьянствуете, идите домой»! Пришелъ Тельмеганъ домой. По одну сторону дороги поставилъ пятьдесятъ человѣкъ, по другую тоже пятьдесятъ. Разостлалъ онъ по дорогѣ сукно, длиною въ одну версту, велѣлъ, какъ только подъѣдетъ Камблекъ и въѣдетъ на сукно, подхватить сукно съ двухъ сторонъ и нести Камблека на рукахъ. Утромъ Камблекъ говоритъ племяннику: «Ступай съ девятью крысами, сдѣлай ихъ ямщиками. Тельмеганъ тебя спроситъ: почему дядя не пришелъ? а ты ему скажи, что онъ взялъ за себя замужъ старуху, лежитъ съ ней и обнимается, а итти къ тебѣ ему стыдно“. Ушелъ племянникъ съ девятью крысами вмѣсто ямщиковъ, а сто человѣкъ его увидали, сняли шапки, кто за пазуху спряталъ, а кто въ рукахъ держалъ; подхватили его съ крысами въ сукно, притащили въ избу къ Тельмегану. Тельмеганъ въ это время спалъ. «Ой, говорятъ, вставай! Камблекъ пришелъ“, Разбудили его Онъ всталъ, протеръ глаза и глядитъ: „Нѣтъ, это не тотъ, это племянникъ его». Посмотрѣлъ онъ съ двухъ сторонъ и увидѣлъ девять крысиныхъ рожъ. *) „Что, говоритъ, твой дядя не пришелъ?“ Да онъ, го-

*) Въ рукописи, съ которой сказка переписана, это слово написано не разборчиво; можетъ быть „кожъ“.

оритъ, взялъ за себя замужъ старуху, лежитъ съ ней и обнимается, а птги къ тебѣ ему стыдно. „Ты, говоритъ (Тельмеганъ), ступай домой ни приводи завтра съ дядей". На другой день пришли они съ Камблекомъ. Тельмеганъ вышелъ имъ навстрѣчу, посадилъ ихъ за золотой столъ; тутъ они много пили и стали пьяны. Началъ Камблекъ сватать за себя дѣвицу Тельмегана, тотъ согласился. Тутъ они опять мирились другъ съ другомъ. Разговорились они и рѣшили на завтра свадьбу. А Камблекъ и говоритъ: „Не можетъ быть свадьбы безъ веселья, нужно, чтобы кто-нибудь поборолся, пусть борется Чельмезень съ моимъ племянникомъ". Пошли они въ степь. Племянникъ сталъ бороться съ Чельмезенемъ *), тотъ придавилъ племянника. Камблекъ увидѣлъ, что племянника сейчасъ убьютъ, отдернулъ онъ племянника и самъ сталъ бороться. Долго боролся онъ и наконецъ разбилъ Чельмезена надвое. Тотъ оказался сдѣланнымъ изъ желѣза. Тельмеганъ пожалѣлъ товарища и задумалъ убить Камблека, хотѣлъ ударить его, но попалъ въ племянника, убилъ его сразу. Тогда Камблекъ сталъ съ нимъ драться. Долго они дрались, наконецъ Камблекъ разбилъ его на двѣ части. Оказался онъ сдѣланнымъ изъ камня. Остался на лугу одинъ Камблекъ. Дѣвица золотая, а была она послана Богомъ,—полила племянника живой водой и онъ ожилъ. Камблекъ посадилъ свою жену на коня, а племяннику поручилъ забрать народъ и скотъ и итти домой, а самъ легъ подъ пихту и заснулъ. Спитъ Камблекъ крѣпко; пришла золотая дѣвица и говоритъ: „Что ты, дуракъ, остался, своего коня послалъ домой, а самъ спишь здѣсь"? Камблекъ посмотрѣлъ на нее, повернулся на другую сторону и снова заснулъ. Опять пришла золотая дѣвица и говоритъ: „Я знаю, зачѣмъ ты здѣсь спишь; я знаю, что ты хочешь сдѣлать изъ меня коня. Лови меня! если поймаешь, то будешь ѣздить на мнѣ. Только помни,—я летаю по воздуху, а ты ходишь по землѣ". Дѣвица полетѣла птицей, а Камблекъ побѣжалъ по землѣ догонять ее. Бѣжалъ, бѣжалъ Камблекъ, прибѣжалъ къ тому же мѣсту, гдѣ спалъ подъ пихтой. Такъ онъ возвращался три раза. Не можетъ ее поймать. Пошелъ онъ снова, встрѣтилъ медвѣдя и подумалъ, что вѣдь медвѣдь скорѣе человѣка бѣгаетъ и рѣшилъ обратиться въ медвѣдя. Такъ и сдѣлалъ. Побѣжалъ ловить дѣвицу, встрѣтилъ на дорогѣ оленя, олень скорѣе медвѣдя бѣгаетъ. Обратился въ оленя, опять пошелъ ловить дѣвицу; встрѣтилъ на дорогѣ козла и обратился въ козла, побѣжалъ дальше, встрѣтилъ лисицу и рѣшилъ обратится въ лисицу, такъ и

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсказчикъ произноситъ Чельмезени, въ другихъ Чельмезенъ.

сдѣлалъ. Какъ только сдѣлался лисицей, такъ и поймалъ птицу; она тотчасъ обратилась въ рыжаго коня. Этотъ конь оказался тѣмъ-же самымъ, на которомъ онъ пріѣхалъ. „Ты меня поймалъ; я знаю, что ты думаешь птти теперь на Челмогана. Сколько онъ утащилъ у тебя скота и народа, ты не это хочешь отнять. Но у Челмогана девять сыновъ, всѣ они богатыри и три дѣвицы, тоже богатыри. Смотри, они пожалуй убьютъ тебя. Послушаемъ, что тамъ говорятъ, тогда и рѣшимъ, что цѣлать“! Ѣхали они, ѣхали и видятъ, стоитъ изба. Привязали они коней, зашли. А въ избѣ сидятъ четыре человѣка у четырехъ столовъ и читаютъ четыре книги. Вошли они и сказали: „Вычитайте въ книгѣ, есть ли кто больше Челмогана, можно-ли убить его“? Они прочитали по всѣмъ четыремъ книгамъ и говорятъ, что Челмоганъ больше всѣхъ, никто его убить не можетъ. Подумалъ Камблекъ: „Птти домой—смерть, птти на Челмогана—тоже смерть“, и рѣшилъ птти на Челмогана. Послѣ смерти Паралегопа остался вороной жеребецъ. Когда Челмоганъ забралъ себѣ половину скота и народа, то забралъ и того жеребца. Какъ его ни привязывали, онъ девять разъ угонялъ скотъ и народъ домой, наконецъ его посадили за желѣзную ограду, онъ сломалъ ее и снова пригналъ скотъ и народъ домой. Снова взяло раздумье Камблека, долго онъ думалъ и рѣшилъ все-таки птти на Челмогана; стыдно такъ вернуться домой. Шелъ, шелъ Камблекъ, сдѣлался маленькимъ, такимъ маленькимъ, чтобы его никто не могъ замѣтить. Пришелъ онъ въ деревню Челмогана и видитъ—сидитъ старикъ. Онъ боялся, что старикъ закричитъ, задушилъ его и бросилъ въ яму, а самъ сдѣлался старикомъ; его лошадь сдѣлалась старухой и учитъ его новому языку. На утро стучатъ, пришли собирать ясакъ, а онъ говоритъ: „Я старъ, не могу много работать, нечѣмъ мнѣ платить“. Такъ они и ушли. На другое утро Челмоганъ послалъ за нимъ демичу*), а демича сказалъ Челмогану: „Если это нашъ старикъ, такъ онъ не можетъ ѣздить на конѣ, придетъ пѣшкомъ, а если это чужой богатырь сдѣлался старикомъ, такъ онъ сядетъ на коня“. Такъ и рѣшилъ послать за нимъ ворного коня. Баба муха сообщила все это Камблеку. Утромъ прислали ему коня. „Я, говоритъ, на немъ когда ѣздилъ? приду пѣшкомъ„. Его все-таки посадили. Не можетъ усидѣть, свалился. „Ну, иди пѣшкомъ“! Взялъ онъ палку и пошелъ Пришелъ прямо къ Челмогану пѣшкомъ. Челмоганъ и говоритъ: „должно—быть нашъ старикъ, а вы все—таки стащите его на кухню, пусть тамъ поживетъ„. Его подхватили, стащили его на кухню, дали ему хлѣба и полфунта мяса.

*) Мелкій сельскій чинъ въ Алтаѣ.

Онъ ѣлъ, но ему этого мало. На ночь онъ обратился богатыремъ, поймалъ марала и отдалъ стряпкѣ зажарить и всего съѣлъ; остались одни рога. Стряпка испугалась, бѣжитъ къ Челмогану и разсказываетъ. Челмоганъ рѣшилъ самому итти на кухню. А тотъ снова обратился старикомъ, зажарилъ мышь, которую поймалъ тоже ночью, и лежитъ. Челмоганъ спрашиваетъ: кто ѣлъ марала? „Незнаю, говоритъ, я мышь жарилъ, пришла стряпка, увидала, заревѣла и убѣжала, я не знаю, куда". Челмоганъ много смѣялся и ушелъ домой. „Это нашъ старикъ"! рѣшилъ Челмоганъ и велѣлъ отправить того домой. А старуха его и говоритъ: „Ты тутъ лежи, а я пойду на гриву, тамъ есть двѣ дѣвицы Челмогана. Большая росту большого; я посмотрю, какая она, такою и сдѣлаюсь". Пошла на гриву, тамъ юрта, въ ней сидятъ обѣ дѣвицы. Она сдѣлалась, какъ большая и пошла въ гости къ третьей, самой старшей дочери Челмогана, что живетъ на морѣ и спрашиваетъ ее, что новаго, какіе ходятъ слухи. А та и говоритъ: „Идетъ, говоритъ, слухъ, что хорошій человѣкъ Камблекъ; что прошелъ онъ полдороги, а больше никакихъ слуховъ нѣтъ, а все-таки онъ долженъ рѣшать нашъ народъ, потому что онъ хорошій человѣкъ, а нашъ народъ плохой. Я подарю тебѣ золотой стаканъ и чашку". Затѣмъ старуха хотѣла итти домой, а та ее не пускаетъ. На полкѣ стоялъ ящикъ. Старуха его толкнула, та пошла смотрѣть, что это упало, а старуха тѣмъ временемъ улетѣла. Та задумалась: „Это меня надулъ Камблекъ". Между тѣмъ старуха пришла домой, а Камблекъ уже раздумалъ драться, валяется пьяный, и около него хлѣбъ и арака на землѣ. Вотъ она и говоритъ ему: „Когда третій мѣсяцъ народится, выйдутъ изъ средины моря два гуся. Одного ты убей, а другому подстрѣли правое крыло. Послѣ этого ты убьешь Челмогана". Тотъ такъ и сдѣлалъ. Идетъ онъ къ дому Челмогана, а девять богатырей всѣ рѣшились. Самъ Челмоганъ (Челбоганъ) лежитъ хворый. Вызываетъ онъ Челбогана; тотъ вышелъ, а Камблекъ выставилъ гуся впередъ. Челбоганъ схватилъ гуся за шею да и оторвалъ ему голову, да тутъ-же и самъ рѣшился. Пошелъ рыжій конь на гриву слушать, какіе тамъ слухи, а на гривѣ собрались всѣ три дочери Челбогана. Старшая и спрашиваетъ среднюю: Куда ты дѣла ту чашку, которую я тебѣ дала, когда ты приходила ко мнѣ въ гости? „Что ты, говоритъ, я у тебя ужъ давно не была и никакой чашки ты мнѣ не давала". Поднялся тутъ у нихъ споръ. Долго онѣ говорили и рѣшили, что это ихъ надулъ Камблекъ и что вѣрно онъ уже рѣшилъ Челбогана, „Народъ нашъ былъ очень плохой, вотъ Богъ и послалъ на насъ Камблека". Камблекъ рѣшилъ, что народъ плохой,

надо ихъ всѣхъ убить, а себѣ взять только скотину. Три пая людей онъ убилъ, а четвертый пай оставилъ дѣвицамъ въ приданное, давъ имъ, сколько приходилось на ихъ долю скота. „Васъ, сказалъ, никто не троетъ и не будетъ обижать"! Забравъ къ себѣ остальную скотину, ушелъ домой. Долго-ли, коротко-ли онъ шелъ домой, только, придя, видитъ, что народу стало вдвое больше, скота тоже стало вдвое больше, чѣмъ было при отцѣ. Сдѣлалъ онъ племянника своимъ помощникомъ, а самъ сталъ большимъ царемъ.

Записана 13 сентября 1900 г. Улусъ Бойголъ (Кондомско-Шелкальск. волости). Сказочникъ Султукъ Кампачаковъ Сумыджаковъ (аилъ Шакма).

---

53. Три брата.

Были три брата. Старшій посѣялъ хлѣбъ; пашня была отгорожена. Но однажды онъ пріѣзжаетъ на пашню и видитъ хлѣбъ съѣденъ. Видны копыта, но не видно, откуда вышла лошадь. Средній братъ тоже посѣялъ рожь; и этотъ снялъ ее, сложилъ въ кладь и загородилъ ее и каждый день ходилъ караулить, и тоже видитъ, что кто то ѣстъ его хлѣбъ, но откуда заходитъ лошадь, не видно. Тогда братья устроили очередь; первый караулилъ старшій братъ, но ему не хотѣлось, онъ проспалъ ночь на дворѣ и подъ утро зашелъ въ избу. На другой день очередь среднему брату; онъ караулилъ пока свѣтло, а потомъ и говоритъ: „Теперь никто не придетъ, если придетъ, то меня съѣстъ"! зашелъ въ избу и проспалъ. Почти вина хлѣба въ эту ночь была съѣдена, а когда его спросили, караулилъ ли онъ?—онъ говоритъ, что караулилъ, но никого не видалъ. На третій день очередь третьему брату дураку. Онъ говоритъ братьямъ: „Давайте мнѣ мѣшокъ сухарей, тогда пойду". Братья согласились, дали ему. Пришелъ дуракъ, закотѣлъ спать, но сталъ жевать сухарь. Ночью приходитъ игреневая кобыла и начала хлѣбъ топтать. Дуракъ поздоровался съ нею, говоритъ: „Здравствуй, игреневочка". Тогда дуракъ предложилъ побиться объ закладъ и говоритъ: „Если игреневая кобыла съѣстъ раньше кладь, чѣмъ онъ съѣстъ мѣшокъ сухарей, тогда онъ не будетъ ее ловить„. Тотъ и другая ѣдятъ сухари и кладь, тотъ доѣдаетъ и другая доѣдаетъ. Немного ужъ остается хлѣба и сухарей. Но вотъ дуракъ доѣдаетъ послѣдній сухарь и игренева беретъ послѣдній хлѣбъ; но дуракъ раньше успѣлъ проглотить. Дуракъ и спрашиваетъ: „Кто раньше съѣлъ". Игренева говоритъ: „Ты, и можешь меня ловить".

Поймалъ ее дуракъ и говоритъ: „Я тебя заколю и съѣмъ“ Игрениха и говоритъ: „Сведи меня въ черпь *), привяжи меня на три аркана, я тебѣ въ три дня принесу трехъ жеребятъ“. Дуракъ такъ и сдѣлалъ. На другой день приходитъ и видитъ двухъ соловыхъ жеребятъ. На другое утро приходитъ и видитъ тѣхъ же двухъ жеребятъ, а третьяго нѣтъ. Приходитъ домой и смотритъ, братьевъ его нѣтъ дома. Онъ подумалъ, что они замѣтили, куда онъ ходилъ и увели соловковъ. Приходитъ къ игренюхѣ и спрашиваетъ, гдѣ соловко? Она говоритъ, что братья его увели ихъ продавать. На третій день приходитъ и говоритъ игренюхѣ: „Ты мнѣ обѣщала трехъ, а родила только двухъ“. Игренюха и говоритъ: „Вотъ посмотри, и третій соловко“! Смотритъ дуракъ, лежитъ маленькій жеребеночекъ, такой маленькій, что его и не видать. Игренюха и говоритъ: „Теперь отпусти меня, я родила тебѣ трехъ жеребятъ“. Дуракъ отпустилъ ее. Хотѣлъ поднять жеребенка и не могъ и рѣшилъ его заколоть и съѣсть. Но жеребенокъ говоритъ: „Садись на меня и догонимъ съ тобою твоихъ братьевъ“. Онъ сѣлъ на лежачаго. Пока садился, еще немного соображалъ, но какъ сѣлъ, такъ и соображать не могъ, ѣдутъ они или нѣтъ. Тогда соловко говоритъ ему: „Вотъ твои братья, что ты смотришь“? Видитъ дуракъ, что братья передъ нимъ, схватилъ топоръ и давай обухомъ гонять братьевъ; они и отъ соловковъ отступились. Взялъ ихъ дуракъ и повелъ продавать въ деревню. Ѣдутъ они, впереди на дорогѣ что-то свѣтится. Говоритъ дуракъ: „Я его возьму.“ Не бери“, говоритъ соловокъ, но дуракъ не послушался, подъѣхалъ и видитъ, лежитъ крыло. Онъ его взялъ, положилъ въ карманъ. Пріѣхалъ въ городъ и заѣхалъ ночевать къ одному купцу. На другой день онъ предлагаетъ купцу купить его лошадей. Но купецъ отказывается и говоритъ: „Вотъ есть купецъ, онъ своихъ лошадей продалъ, навѣрное онъ купитъ у тебя“. Повелъ дуракъ къ нему коней и онъ согласился купить ихъ. Приходитъ дуракъ къ купцу и запросилъ за нихъ по 100 р. за каждаго. Но купецъ далъ только по 50 руб. На другой день опять торгуетъ и даетъ уже 75 руб., но дуракъ стоитъ на своемъ. На третій день купецъ далъ по 100 руб., 200 руб. за двухъ и увелъ лошадей къ себѣ. Живетъ дуракъ въ городѣ и платитъ за себя за квартиру по 1 р. въ день, 30 руб. въ мѣсяцъ, а у купца соловки совсѣмъ захирѣли, не ѣдятъ, не пьютъ, стоятъ—„кыръ-кыромъ“ (значитъ, онѣ плохо выглядятъ). Приходитъ купецъ къ дураку и говоритъ: „Я буду за тебя 30 руб. платить, а ты ихъ корми“! Кормитъ ихъ дуракъ мѣсяцъ, а соловки

*) Лѣсъ.

день ото дня все хуже становятся, едва-едва не пропадаютъ. Вспомнилъ тогда дуракъ о своемъ маленькомъ соловкѣ и спрашиваетъ его, что ему дѣлать. Тотъ посовѣтовалъ отрѣзать по маленькому кусочку крыла и скормить имъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. На другое утро онъ не узналъ соловковъ; такіе крѣпкіе и сильные. Онъ говоритъ купцу: „Вотъ какъ я умѣю кормить ихъ“. Купецъ радъ и далъ ему тридцать руб. заплатить за квартиру. Ушелъ дуракъ на прежнюю квартиру и опять сталъ платить по 1 рублю въ день. Прошло нѣсколько дней. Лошади у купца опять стали пропадать. Купецъ опять посылаетъ къ дураку, проситъ его кормить его лошадей, а самъ приказываетъ людямъ присматривать за дуракомъ. Началъ дуракъ кормить ихъ крыломъ; люди схватили его, отобрали крыло и отдали крыло купцу. Купецъ и говоритъ дураку: „Вотъ крыло, а гдѣ же птица? Найди мнѣ ее“. Дуракъ говоритъ: „Не знаю, гдѣ эта птица“. Приходитъ дуракъ къ своему маленькому соловку и говоритъ ему: „Заставляетъ меня купецъ птицу поймать, что мнѣ дѣлать“? Соловко посовѣтовалъ ему взять мѣшокъ сухарей и идти на верхушку земли; тамъ растетъ береза съ золотыми листьями и туда прилетаетъ эта птица. Взялъ дуракъ мѣшокъ сухарей, сѣлъ на соловка, перескочилъ черезъ сорокъ лѣстницъ и доѣхалъ до вершины земли. Соловко остался у березы, а дуракъ взялъ сухари и полѣзъ на верхушку березы, гдѣ было гнѣздо этой птицы. Залѣзъ дуракъ на березу и сидитъ тамъ. Въ полночь прилетѣла птица, дуракъ схватилъ подъ мышку птицу и поѣхалъ опять. Пріѣзжаетъ къ купцу и говоритъ ему: „Вотъ тебѣ птица“! Купецъ обрадовался и предложилъ дураку жить въ его домѣ. Но проходитъ три дня. Купецъ проситъ дурака сыскать ему невѣсту. Онъ слышалъ, что есть дѣвица, которая ходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ, вотъ ее-бы онъ хотѣлъ; и говоритъ ему: „Если не найдешь, то я голову срублю“! Приходитъ дуракъ къ соловку и говоритъ ему, что велитъ ему купецъ найти невѣсту. Соловко говоритъ, что это возможно, но необходимо взять съ собой пѣну, снятую съ вина, находящагося въ сорока-ведерной бочкѣ, и взять еще съ собой кусочекъ выброшины изъ сорока закусокъ. Купецъ далъ ему пѣну и закуски. Сѣлъ дуракъ на соловка и поѣхалъ. Ѣдутъ по пути, видятъ—море, а по срединѣ лежитъ китъ. Поѣхали они по киту, а китъ и говоритъ: Кто это ѣдетъ по мнѣ? Умеря вся внутренность дрожитъ. „Это я, дуракъ, ѣду искать невѣсту, дѣвицу, которая ходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ“. Тогда китъ и говоритъ ему: „Я проглотилъ корабли съ людьми и за это солнце велѣло мнѣ лежать; попроси у него пр щенья“. Ѣдетъ дуракъ дальше, видитъ, сидитъ молодя—

ца и переливаетъ молоко и воду и спрашиваетъ дурака: Куда ты ѣдешь? „Ѣду я искать невѣсту купцу, ту дѣвицу, которая ходитъ рядомъ съ солнцемъ“. Попроси, говоритъ молодца, прощенья у солнца; я продавала молоко и воду. „Ладно, попрошу“, говоритъ дуракъ. Ѣдутъ дальше, встрѣчаютъ молодца, который переливаетъ водку и воду и опять проситъ попросить у солнца прощенья, такъ какъ солнце обрекло его всю жизнь переливать за то, что онъ продавалъ разбавленное вино. Проѣхали дальше, перескочили черезъ сорокъ лѣстницъ. Говоритъ ему соловко: „Мы пріѣдемъ опять на вершину горы и тамъ стоитъ домъ на двѣнадцати цѣпяхъ; не знаю, заскочу ли я туда. Ты зажмурь глаза и не смотри“. Скакнулъ соловко и очутился около самаго порога дома и говоритъ дураку: „Ты возьми бутылку вина и закуски и иди въ избу. Поставь все на столъ, а самъ спрячься въ избѣ и смотри, что будетъ“. Дуракъ такъ и сдѣлалъ. Слышитъ, идетъ человѣкъ и выходитъ эта дѣвица; походила, похлодила, увидала вино и закуски и говоритъ: „Откуда это? Неужели Богъ послалъ мнѣ? Человѣка вѣдь никакого не было“. Взяла, пальчикомъ лизнула вино, попробовала закуски. Нашла, что все очень вкусно. Налила себѣ полбутылки вина въ чашку, выпила, потомъ выпила и всю бутылку и свалилась, заснула крѣпкимъ сномъ. Соловко говоритъ ему: „Что же ты не берешь ее? вѣдь она протрезвится, тогда ее не взять“. Послушался дуракъ. Хочетъ взять ее въ охапку, не можетъ; но наконецъ изловчился, взялъ ее и по совѣту соловка положилъ ее на его спину и привязалъ арканомъ. Поѣхали, спустились сорокъ лѣстницъ и говоритъ соловко: „Вѣдь намъ нужно повидаться съ моимъ сватомъ“ (т. е. съ солнцемъ). Проснулась и дѣвица и говоритъ: „Куда вы меня везете?“ Дуракъ и говоритъ, что везетъ ее купцу, который хотѣлъ отрубить ему голову, если бы онъ не изловилъ ее. Нечего ей дѣлать. Осталась она подъ горою, а дуракъ съ соловкомъ опять поднялись на верхъ. Солнце тѣмъ временемъ уже начало сходить и вышло на крыльцо. Дуракъ увидалъ его, упалъ на колѣни и началъ просить прощенья за то, что увезъ дѣвицу. Солнце говоритъ, что на первый разъ прощаетъ его. Тогда онъ проситъ прощенья за человѣка, разливающаго водку и воду, воду и молоко и за кита. Солнце сказало, что всѣхъ прощаетъ и говоритъ, что кату нужно сказать о прощеньи, когда переѣдутъ на другой берегъ и тогда онъ уйдетъ на дно. Спустились съ горы, посадили дѣвицу и поѣхали. Ѣдутъ, на пути опять тотъ человѣкъ, который одной рукой воду льетъ, другой водку и говоритъ: Исполнили-ли вы мою просьбу? „Да, говоритъ, солнце сказало, что прощаетъ тебѣ твой первый грѣхъ, тоонче

больше не грѣши"! Ѣдутъ дальше, опять на пути тотъ человѣкъ, который переливаетъ молоко и воду, и спрашиваетъ: Попросили-ли вы у солнца прощенья? „Да, говоритъ дурачекъ, солнце сказало, что прощаетъ и тебѣ твой первый грѣхъ". Ѣдутъ дальше, видятъ рыбу-китъ и китъ тоже спрашиваетъ, простило-ли его солнце? „Простило", говоритъ дуракъ. Поплылъ китъ, но высунулъ голову и говоритъ дураку: „Будемъ вести дружбу! если тебѣ что понадобится въ морѣ, обращайся ко мнѣ, а если мнѣ понадобится на землѣ, я обращусь къ тебѣ". Дуракъ согласился. Пріѣхали къ купцу. Дѣвица сама соскочила съ соловка и говоритъ, что она выйдетъ за купца только тогда, когда онъ исполнитъ три ея просьбы. Купецъ говоритъ, что онъ самъ исполнять не будетъ, но у него есть дуракъ. Дуракъ вначалѣ не хотѣлъ, но купецъ сказалъ, что онъ отрубитъ ему голову. Дѣвица потребовала себѣ сундукъ съ предавнимъ. Пошелъ дуракъ къ соловку, соловко и говоритъ ему: „Вѣдь вотъ, я говорилъ тебѣ, не бери крыла, ты не послушался и вотъ теперь маешься вѣкъ вѣчный. Но ничего, поѣдемъ, розыщемъ". Поѣхали на гору и нашли тамъ ящикъ; дуракъ не могъ поднять его, но ему поднялъ соловко. Привезли ящикъ, отдали дѣвицѣ; она взяла его подъ мышку, начала надѣвать наряды, осталась довольна и говоритъ купцу, что теперь ей нужно найти гребень, который она уронила въ море. Купецъ говоритъ, что онъ не будетъ доставать его, а пошлетъ дурака. Дуракъ было не хотѣлъ, но купецъ обѣщалъ ему голову свести. Тогда дуракъ пошелъ къ соловку и говоритъ, что не знаетъ, какъ ему быть? Соловко говоритъ, что и онъ помочь не можетъ, но рѣшили ѣхать къ китъ-рыбѣ. Пріѣзжаютъ. Проситъ дуракъ сослужить ему службу, достать гребень. Китъ говоритъ, что онъ еще не знаетъ, сможетъ ли онъ помочь. Но призвалъ девять десятниковъ линей и велѣлъ имъ позвать всю рыбу. Десятники разошлись по всѣмъ морямъ и рѣкамъ, согнали всю рыбу, начали считать и одного ерша не досчитались. Опять девять линей пошли искать и нашли его подъ камнями, но онъ идти не захотѣлъ, говоритъ „пейну, а они меня съѣдятъ". Десятники привели его къ китъ-рыбѣ и онъ сказалъ, что гребень лежитъ подъ камнемъ. Онъ призвалъ девять богатырей-окуней и велѣлъ имъ пойти туда. Они пошли, подняли камень и нашли гребень, привезли его китъ-рыбѣ, та взяла его въ ротъ, вынесла на верхъ и отдала дураку. Дуракъ повезъ его къ купцу, купецъ передалъ его дѣвицѣ. Дѣвица обрадовалась и говоритъ: „Я не чаяла, что достану его". Тогда она говоритъ купцу, чтобы онъ вскипятилъ три котла: въ одномъ смолу, въ другомъ молоко, въ третьемъ спиртъ и

чтобы приготовили три сажени дровъ. Когда вскипѣли котлы, тогда она велитъ купцу скакать сначала въ смолу, потомъ въ спиртъ, а потомъ въ молоко. Купецъ говоритъ, что самъ онъ не будетъ и велитъ дураку. Дуракъ опять было не хотѣлъ, но купецъ пригрозилъ ему отрубить голову. Пошелъ дуракъ къ соловку. Соловко говоритъ „Ничего, скачи, только простись со всѣмъ міромъ и когда будешь скакать, потрепли меня по хребту". Собрался народъ. Дуракъ простился со всѣми, ударилъ соловко по хребту и вскочилъ въ смолу, все мясо сошло у него, онъ кое-какъ перелѣзъ въ спиртъ, вылѣзъ оттуда весь бѣлый и перелѣзъ въ молоко, а оттуда вышелъ въ десять разъ лучше, чѣмъ былъ. Дѣвица велѣла купцу теперь лѣзть въ смолу. Онъ думалъ, что ему также будетъ хорошо, залѣзъ туда и сварился. Дѣвица надѣла на дурака царское платье и вышла за него замужъ и теперь живутъ.

Записана въ улусѣ Тосхе 5 сент. 1900 г. отъ татарина сказочника изъ улуса Нижняго Кызая Еремея Чобиксевича Аднакова (30 лѣтъ, сеокъ Кызай).

54. Алтынъ-Ханъ. (*)

Алтынъ-Ханъ, у него соловой конь, у него скотины весь лугъ, у него и ролъ живетъ по всѣмъ берегамъ, но у него нѣтъ сыновей. Борода Алтынъ-Хана по поясъ. Жена Алтынъ-Хана говоритъ: „У меня нѣтъ сыновей, а много скота, куда мы его дѣвемъ"? У Алтынъ-Хана есть товарищъ Сары-Ханъ (**), живетъ въ срединѣ земли. Вдругъ подулъ вѣтеръ; къ Алтынъ-Хану идетъ богатырь на сѣрой лошади, зовутъ его Алтынъ-Глышъ (***). Алтынъ Глышъ говоритъ Алтынъ-Хану, что онъ намѣренъ угнать всю его скотину. Алтынъ-Ханъ взялъ его за воротъ и вскинулъ Алтынъ-Глыша за дверь. Алтынъ-Ханъ убилъ Алтынъ Глыша. Сѣрая лошадь Алтынъ-Глыша убѣжала, ея поводъ валяется на полу. Теперь идетъ къ Алтынъ-Хану каурая лошадь, прибѣжала и заржала въ окно. Алтынъ-Ханъ спрашиваетъ ее, зачѣмъ она ржетъ. Это была лошадь товарища Алтынъ-Хана Сары-Хана; она сказала, что пришла приглашать его идти на войну. Тогда Алтынъ-Ханъ спрашиваетъ свою жену, можетъ ли онъ поѣхать и помочь воевать Сары-Хану. Старуха сказала: „ступай помоги". Алтынъ-Ханъ одѣлся и пошелъ на войну; Алтынъ Ханъ сѣлъ

(*) Золотой царь.
(**) Желтый царь.
(***) Золотая сабля.

на свою собственную лошадь и ѣдетъ, пустилъ ее за ограду, и шагъ равенъ тремъ верстамъ. Доѣхалъ, смотритъ—война, народу черно, а лицо людей, какъ огонь горитъ. На каурой лошади сидитъ богатырь Сыры-Ханъ и рѣжетъ народъ саблею. Алтынъ-Ханъ тоже началъ воевать. Война длилась три дня. Богатырь Хапъ-Джекъ (*) стоитъ въ сторонѣ. Сыры Ханъ на своемъ кауромъ конѣ подъѣхалъ къ Ханъ-Джеку и убилъ Хань-Джека. Сыры Ханъ и Алтынъ-Ханъ входятъ въ домъ Сыры-Хана. Сыры-Ханъ угощаетъ Алтынъ-Хана. У Сары Хана старуха Алтынъ-Бурханъ (**); она тоже угощаетъ Алтынъ-Хана и Сыры-Хана. Алтынъ-Ханъ и Сары-Ханъ весь день пили вино. Алтынъ-ханъ зоветъ теперь въ гости Сыры-Хана. Переночевавши ночь, Алтынъ-Ханъ и Сыры-Ханъ поѣхали къ Алтынъ-Хану. Приходятъ въ комнату и слышатъ плачь ребенка (это у Алтынъ-Хана родился ребенокъ). Жена Алтынъ Хана родила сына. Теперь Алтынъ-Ханъ угощаетъ Сыры-Хана, пріѣхавшаго на каурому конѣ. Сыры-Ханъ почевалъ у Алтынъ-Хана семь ночей. Алтынъ-Ханъ проситъ Сыры-Хана дать имя его новорожденному сыну. Сары Ханъ говоритъ, что сынъ Алтынъ-Хана будетъ ѣздить на сѣрой лошади и имя ему Алтынъ Хартыга (***). Сыры-Ханъ говоритъ: „Когда вырастетъ Алтынъ-Хартыга, его нужно будетъ женить. Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя ни пройти, ни проѣхать, живетъ Улу-Ханъ (****), у него есть дочь по имени Алтынъ-Сабакъ, на которой нужно будетъ женить Алтынъ-Хартыгу". Жилъ, жилъ Алтынъ-Хартыга и сталъ настоящимъ богатыремъ. Тогда Алтынъ-Ханъ обращается къ нему и говоритъ: „Если ты, Алтынъ-Хартыга, хочешь жениться, то подними камень и тогда женись". Алтынъ-Хартыга поднялъ камень, который занималъ мѣсто на протяженіи девяти сажень и бросилъ его. Тогда Алтынъ-Хартыга сѣдлаетъ свою сѣрую лошадь на девять подпругъ; тогда мать Алтынъ-Хартыги говоритъ: " Поѣдете вы и встрѣтите трехъ богатырей, которые пришли сватать ту-же дѣвицу Алтынъ-Сабакъ". Поѣхали: Алтынъ-Ханъ, Сыры-Ханъ и Алтынъ-Хартыга: выѣхали, ударили бичами и улетѣли, какъ на крыльяхъ. Доѣхали и видятъ во дворѣ у Алтынъ-Сабакъ стоятъ три лошади. Въ домѣ девять оконъ. Алтынъ-Сабакъ отворила всѣ девять оконъ и смотритъ въ одно окно. Всѣ три богатыря доѣхали, привязали лошадей, заходятъ въ комнату. Алтынъ-Ханъ вынулъ девять чашекъ, наполнилъ ихъ виномъ и Алтынъ-Ханъ угощаетъ Улу-Хана. Улу-Ханъ говоритъ Алтынъ-

(*) Зачинщикъ войны.
(**) Золотой идолъ, золотая статуя.
(***) Золотой ястребъ.
(****) Великій царь.

Хану: „Зачѣмъ ты угощаешь меня виномъ"? Алтынъ-Ханъ и говоритъ Уллу-Хану: „Я пришелъ сватать Алтынъ-Сабакъ за Алтынъ-Хартыгу". Уллу-Ханъ говоритъ: „У меня уже были три богатыря; они меня уже поили виномъ, и всѣ три пріѣхали сватать за своего младшаго брата, котораго зовутъ Кангара-богатырь; у него каряя лошадь". Тогда сынъ Алтынъ Хартыга говоритъ, что нужно пробовать силу, кто переборетъ, того и будетъ Алтынъ-Сабакъ. Кангара-богатырь говоритъ, что онъ хочетъ бороться, но только въ чистомъ полѣ. Алтынъ-Хартыга и Кангара взялись за руки и вышли на улицу. На Алтынъ-Хартынѣ и на Кангарѣ надѣты чугунные сапоги. Вышли въ поле, а тамъ въ три ряда настланъ чугунный полъ и они начали бороться и искры только летятъ. На обоихъ богатыряхъ надѣта чугунная броня въ девять рядовъ, но какъ только богатыри возьмутся за нихъ, такъ они рвутся. Боролись Алтынъ-Хартыга и Кангара, но вдругъ туманъ покрылъ все. Алтынъ-Хартыга поборолъ и убилъ богатыря Кангару. Тогда старшій братъ Кангары говоритъ, если мой братъ не устоялъ, то моей силы и совсѣмъ не хватитъ. Тогда Алтынъ-Хартыга говоритъ старшему брату Кангары, что «если у тебя нѣтъ силы, то долженъ идти ко мнѣ въ подданство вмѣстѣ съ твоимъ братомъ. Братья Кангары плачутъ. Они вышли изъ дома и поѣхали домой съ тѣмъ, чтобы вернуться къ Алтынъ-Хартынѣ и привести все свое имущество. Алтынъ-Хартыга беретъ за руку Алтынъ-Сабакъ и говоритъ: „Хорошая дѣвушка, видно самъ Богъ велѣлъ намъ жить вмѣстѣ"! Теперь пьютъ вино Алтынъ-Ханъ, Уллу-Ханъ, Алтынъ-Хартыга и Сары-Ханъ. Пили они семь дней и семь ночей. Алтынъ-Хартыга говоритъ, что теперь нужно ѣхать уже домой. Уллу-Ханъ даетъ своей дочери Алтынъ-Сабакъ соловаго коня и золотое сѣдло, подтянулъ три подпруги. Прощаются и всѣ ѣдутъ въ домъ Алтынъ-Хана. Сѣли, ѣдутъ, доѣхали. Старуха Алтынъ-Хана выходитъ встрѣчать. Девять дѣвушекъ взяли Алтынъ-Сабакъ и ведутъ въ домъ. Сары-Ханъ уѣхалъ домой. Алтынъ-Ханъ приказалъ привести всѣхъ чалыхъ жеребцовъ со всего царства и велѣлъ ихъ бить, а потомъ велѣлъ убить всѣхъ гнѣдыхъ жеребцовъ, варить мясо и устроить байгу. *) Пили, гуляли семь дней, семь ночей и тогда отпустили народъ. И теперь Алтынъ Хартыга живетъ съ Алтынъ-Сабакъ.

Записана въ улусѣ В. Чувашки Мрасско-Бежбояковской вол. 16 авг. 1900 г. отъ сказочника инородца Павла Тоханова Кузьмина изъ улуса Себерге той же волости.

---

*) Байга—скачки, бѣга и другія народныя игры во время пира.

55. Сказка о синемъ богатырѣ.

Прежде жилъ богатырь храбрый Хаѣъ-Чокъ. Объ отцѣ-матери богатырь Хаѣъ-Чокъ ничего не зналъ и не помнилъ, самъ былъ холостъ, имѣлъ стряпку; стряпку звали Алты-Туркай. Стряпка говоритъ Ханъ-Чоку: „Худо такъ жить одному, ищи себѣ невѣсту. На чужой сторонѣ есть невѣста, дочь Карагола, Алтынъ-Манлыхъ **). Вотъ тебѣ невѣста“! У Карагола большая байга, съѣхались разные богатыри смотрѣть его дочь. Ханъ-Чокъ рѣшилъ искать невѣсту, вышелъ на улицу, гдѣ была его лошадь, осѣдлалъ ее и затянулъ три подпруги. Сѣлъ на коня Ханъ-Чокъ и поѣхалъ искать невѣсту. Ѣхалъ, ѣхалъ и нашелъ дорожку, которая должна была вести его туда, гдѣ была байга. Смотритъ Ханъ-Чокъ, а передъ нимъ по той-же тропѣ ѣдетъ на игренемъ конѣ богатырь какой-то. Понуживаетъ своего рыжаго и догоняетъ Хаѣъ Чокъ того богатыря. И спрашиваетъ тотъ богатырь Ханъ-Чока: „Ты куда направляешься“! Отвѣчаетъ Ханъ-Чокъ: „Ѣду смотрѣть дочь Карагола“. И спрашиваетъ потомъ Ханъ-Чокъ: Какъ твое имя, богатырь? „Мое имя Ахтышъ-Миргень, отвѣчаетъ тотъ. Я тоже ѣду къ Карагозу на байгу, гдѣ его дочь выдаютъ замужъ. Самъ женатый, мнѣ невѣста не нужна, мое дѣло смотрѣть байгу да ѣсть мясо. Недалеко отсюда есть синяя тайга; попробуемъ, чей конь сильнѣе? мой игренька или твой рыжко“? Поставили богатыри своихъ коней рядомъ рыжку да игреньку, понужнули и поѣхали. Ханъ-Чока рыжка съ мѣста такъ побѣжалъ, что игреньку оставилъ на нѣсколько верстъ сзади; Хаѣъ-Чокъ и поводъ бросилъ, схватился за гриву и ума рѣшился. Дождался Ханъ-Чокъ изъ Кунъ-тайги Ахтышъ-Миргеня и поѣхали вмѣстѣ, доѣхали до Карагола. Народу въ домѣ такъ много, что стать негдѣ; множество народа и на улицѣ. Въѣхали богатыри въ ограду, привязали коней и вошли въ домъ. Ханъ-Чокъ и Ахтышъ-Миргень какъ вошли въ домъ, ихъ сейчасъ-же пригласили въ передній уголъ. Какъ они сѣли за столъ, то увидѣли, что рядомъ съ ними сидитъ большой здоровый богатырь. Ханъ-Чокъ и спрашиваетъ: „Какъ тебя, богатырь, звать“? Зовутъ меня, отвѣчаетъ тотъ, Аксалгынъ, я на чаломъ конѣ; а ты куда поѣхалъ? „А вотъ поѣхали до невѣсты, пріѣхалъ я смотрѣть невѣсту, дочь Карагола Алтынъ-Мурганъ (**). Пришелъ смотрѣть; если пойдетъ за меня замужъ, возьму; если не пойдетъ, пусть остается

**) Манлыхъ или манлыкъ шелковая китайская матерія, на которой вытканы драконы и другія фигуры.

(**) По забывчивости разсказчика вмѣсто Алтынъ-Манлыхъ.

у отца". И начали богатыри о невѣстѣ (спорить). Девять богатырей подали свой голосъ: „Ты не сильнѣе всѣхъ; мы тожеприѣхали за невѣстой, можетъ быть наши копи будутъ сильнѣе. Пусть разсудитъ самъ Караголъ". Караголъ разбираетъ и даетъ о своей дочери такое распоряженіе: „Вы девять богатырей и ты, Хавъ-Чокъ, поставьте своихъ коней и поѣзжайте до границы чужого государства и назадъ возвращайтесь. Кто изъ васъ первый вернется, того будетъ и невѣста". Каждый богатырь пашелъ своего коня. Лошади бѣгутъ, земля дрожитъ. Солнце померкло, туманъ. Кони съ сѣдоками ушли впередъ, а богатыри ждутъ ихъ обратно. Наконецъ бѣгутъ изъ ..... (*) прибѣжало только два коня: рыжка Ханъ-Чока и чалка Аксалъ-Гына. Богатыри стали звать своихъ коней, и Ханъ-Чокъ кричитъ своему рыжкѣ: „Рыжка, постарайся, чтобы невѣста не попала въ чужія руки"! И Аксалъ Гынъ тоже кричитъ чалкѣ и онъ проситъ его потрудиться, чтобы невѣста была его. Ханъ-Чокъ и Аксылъ-Гынъ протянули веревку и ждутъ, чей конь скорѣе прибѣжитъ. Сѣдоки тоже бьютъ коней то правою, то лѣвою рукою и кони бѣгутъ, настороживъ уши. Первый добѣжалъ до веревки рыжка Ханъ-Чока. Аксылъ-Гынъ говоритъ Ханъ-Чоку: „Твой конь сильнѣе. Теперь посмотримъ, кто изъ насъ сильнѣе. Ты стой, а я тебя ударю кулакомъ въ лѣвую щеку; если ты выдержишь мой ударъ, то ты будешь настоящій богатырь". Сталъ нашъ Ханъ Чокъ, а Аксылъ-Гынъ поднялъ правую руку и ударилъ его кулакомъ по лѣвой щекѣ, и Хавъ-Чокъ, нашъ богатырь, упалъ на одно колѣно, сдѣлался нашъ Ханъ-Чокъ безъ чувствъ и когда пришелъ въ чувство, то нашъ Ханъ-Чокъ говоритъ Аксылъ-Гыну: „Теперь твоя очередь"! и ударилъ его правою рукою по лѣвой щекѣ, и Аксылъ-Гынъ упалъ на землю внизъ лицомъ и девять сутокъ пролежалъ безъ чувствъ. Черезъ девять дней Аксылъ-Гынъ говоритъ нашему богатырю Ханъ-Чоку: „Теперь невѣста твоя, спорить не буду". Но Канджалъ Тысъ, товарищъ Аксылъ-Гына на чубаромъ конѣ говоритъ Ханъ-Чоку: „Теперь помѣряемся мы съ тобой силами"! и рѣшилъ Канджалъ-Тысъ бить нашего богатыря Ханъ-Чока. Какъ ударитъ по головѣ, Ханъ-Чокъ съ мѣста не всталъ, но нашъ богатырь Ханъ-Чокъ говоритъ: „Теперь твоя очередь отошла, жди мой кулакъ"! Нашъ богатырь Ханъ-Чокъ какъ ударилъ Канджалъ-Тыса, такъ у него и голова долой слетѣла съ плечъ. Нашъ богатырь Ханъ-Чокъ заходитъ въ домъ послѣ убійства Канджалъ-Тыса. Караголъ выводитъ свою дочь и показываетъ Ханъ-Чоку Алтынъ-Мурханъ; такъ звали дочь Карагола. И Ханъ-Чокъ говоритъ Караголу, что если Алтынъ-Мурханъ выходитъ къ нему,

(*) Неразборчиво написано.

то она его невѣста, а онъ ея женихъ и они понравились другъ другу, и началось пиршество, которое длилось трое сутокъ. Ахтышъ-Миргень на игреневомъ конѣ и говоритъ своему товарищу Ханъ-Чоку: «Будетъ гулять»! Алтынъ-Мурханъ простилась съ отцомъ и получила воронаго коня и серебряное сѣдло. И всѣ сѣли на своихъ коней. Караголъ провожаетъ три дня свою дочь и своего зятя, а затѣмъ возвращается домой Ѣдутъ Ханъ-Чокъ, Алтынъ-Мурханъ и Ахтышъ-Миргень, и товарищъ говоритъ нашему богатырю, что ему нужно идти домой. А Ханъ-Чокъ ѣдетъ домой и какъ пріѣхалъ домой, его встрѣчаетъ его стрыпка Алтынъ-Турхай и взяла Алтынъ-Мурканъ подъ руку. Ханъ-Чокъ велѣлъ, чтобы втеченіе семи сутокъ было все время довольно мяса, хлѣба и соли и велѣлъ устроить байгу. Послѣ семидневнаго пиршества, на которомъ было великое множество народу, всѣ разошлись и невѣста стала раздавать всѣмъ золотыя и серебряныя вещи. И теперь Ханъ-Чокъ и Алтынъ-Мурханъ живутъ въ довольствѣ и покоѣ.

56. Золотой конь.

Былъ купецъ, у этого купца былъ одинъ сынъ. Этотъ сынъ торгуетъ съ приказчиками отца. Въ томъ же городѣ у крестьянина былъ вороной конь съ золотой шерстью. Этотъ конь до полнаго возраста не могъ вставать на ноги; хозяинъ его лежащаго кормилъ. Этотъ купеческій сынъ говоритъ отцу, что этого коня надо купить у этого крестьянина. Отецъ говоритъ: „Завтра пойду, сторгуюсь и куплю“. На утро сынъ идетъ въ лавку торговать, а отецъ пошелъ къ крестьянину покупать лошадь. Приходитъ купецъ къ нему торговать, а онъ запросилъ 30 рублей. Тому показалось дорого, и онъ лошадь и не купилъ. Сынъ приходитъ вечеромъ домой и спрашиваетъ: «Что, купилъ лошадь»? Нѣтъ говоритъ, она лежитъ, не встаетъ, и крестьянинъ за нее проситъ 30 руб. „Дешево проситъ, говоритъ сынъ, надо купить“. Пошелъ старикъ снова, и тотъ проситъ 60 руб. Старику показалось дорого, онъ опять не купилъ. Утромъ сынъ послалъ снова. „Надо, говоритъ, купить“. Крестьянинъ запросилъ съ него 100 руб. Старикъ согласился и купилъ лошадь за эту цѣну. Сынъ приходитъ, спрашиваетъ: «Купилъ лошадь»? Купилъ. «Ну ладно. Теперь надо запрягать пару лошадей да привезти этого коня». Привезли. Сынъ пересталъ ходить въ лавку торговать, все ходитъ около этого коня—поитъ, кормитъ и чиститъ его. Этотъ золо-

тошерстый воронко, когда сынъ хозяйскій проходилъ за нимъ трое сутокъ, всталъ на ноги. Ходитъ, не шевелится. Сынъ снова началъ торговать, а отцу наказалъ ходить за лошадью. Когда сынъ пришелъ изъ лавки, зашелъ въ конюшню, а этотъ золотошерстый воронко плачетъ. „Чего ты плачешь? говоритъ. Вѣдь у тебя все есть, все приготовлено". Лошадь и говоритъ ему: „Тебѣ приготовлена всякая ѣда, такъ ты не ѣшь ее, а дай сначала попробовать собакѣ". Идетъ сынъ домой, а мать и говоритъ ему: «Ты, говоритъ, торгуешь, а ѣды настоящей не видать. Вотъ поѣшь, я для тебя приготовила". Онъ сѣлъ за столъ, и подкликиваетъ собаку, немного отломилъ и бросилъ ей. Собаченка какъ съѣла, тутъ и перевернулась и испустила духъ. Онъ не сталъ ѣсть эту пашу, вышелъ изъ-за стола и ушелъ спать. Утромъ самъ приготовилъ себѣ чай и ушелъ въ лавку торговать. Вечеромъ приходитъ, а его золотистый воронокъ плачетъ и говоритъ:" Вотъ тебѣ мать сшила рубаху, собрала изъ всякихъ шелковинъ. Мать тебѣ скажетъ: вотъ ты торгуешь, а рубахи хорошей нѣтъ у тебя. Вотъ я тебѣ сшила. Ты не надѣвай ее, а повѣсь на (столбикъ?) и затопи печь пожарче, закрой трубу, тогда и увидишь, что будетъ". Приходитъ сынъ домой, а мать и говоритъ ему: „Ты у насъ торгуешь, а рубахи хорошей не имѣешь, вотъ я тебѣ сшила, надѣнь и будешь торговать въ ней". Онъ, какъ ему было сказано, повѣсилъ на (столбикъ?); закрылъ трубу; тогда изъ этой рубахи поползли всякіе гады. Онъ взялъ ее и сжегъ. На утро напился, наѣлся и ушелъ торговать въ лавку. Онъ приходитъ вечеромъ домой, идетъ къ коню, а золотистый воронко опять плачетъ. Что ты, говоритъ, добрый конь плачешь? «А вотъ, говоритъ, вѣрно кончина моя настала! твоя мать захворала, такъ меня теперь убьютъ". Сынъ идетъ домой, пришелъ и видитъ, что мать его дѣйствительно хвораетъ, Онъ пошелъ къ каму *), тотъ покамлалъ и говоритъ, что она не хвораетъ, а такъ, прикинулась, —лежитъ. Приходитъ сынъ отъ кама и спрашиваетъ: „Что? тебѣ лучше?" А она еще хуже этого застонала. Говоритъ, что «вотъ воронка убейте, сердце его выньте, да мнѣ скормите, тогда выздоровлю я". Отецъ съ сыномъ на утро выходятъ и говорятъ, что надо ее лѣчить, а для этого нужно коня заколоть. Идутъ колоть коня, а отецъ и говоритъ: „Стой! говоритъ. Я прокачусь на ней немного по улкѣ". А лошадь идетъ иноходью, не тряхнетъ. Сынъ тоже поѣхалъ на ней прокатиться; она идетъ, волосъ на головѣ не тряхнется. „Ну, говоритъ сынъ, это, отецъ, не твой грѣхъ, а материнъ". Одѣлся, сѣлъ на

*) Камъ—шаманъ.

золотистаго воронка и уѣхалъ. Конь остановился и говоритъ ему человѣческимъ языкомъ: «Теперь ты съ меня слѣзай»! Зачѣмъ? говоритъ. „Нѣтъ, слѣзай! Тутъ змѣиный царь живетъ; у него три дочери; сегодня сборъ, будутъ выбирать жениха, а ты какъ взойдешь, такъ гдѣ нибудь сядь и сиди, онѣ-де сами выберутъ, кто имъ понравится и выведутъ его за руку". Онъ слѣзъ съ коня и пошелъ, какъ ему велѣно было, къ этому змѣиному царю. Конь ему и говоритъ: „Какъ тебѣ меня нужно будетъ, такъ ты три раза свистни; я, говоритъ, готовый буду". Онъ дѣйствительно подходитъ къ этому царству. Народу, какъ чернь*), много стоитъ. Онъ подошелъ къ этому змѣиному царству и сѣлъ. Потомъ видитъ, дѣйствительно три царскія дочери ходятъ и выбираютъ себѣ жениховъ. Старшая подошла къ одному изъ людей и выбрала его себѣ. Средняя тоже выбрала себѣ, который понравился. Берутъ за руку и уходятъ. Купеческій сынъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Младшая дочь пошла, выбирала, выбирала, подошла къ купеческому сыну и говоритъ: «Вотъ я за этого иду». Всѣ стали надъ ней смѣяться, что она выбрала себѣ самого худого. Взяли и стали записывать въ книгу, считая ее какъ бы за мертвую, потому что все равно, что выйти за него замужъ, что умереть. Младшая дочь стала просить отца: «Мнѣ, говоритъ, хоть курятничекъ отведи жить». Отецъ подумалъ, подумалъ, дескать, имъ негдѣ жить, и отвелъ имъ курятникъ. Много-ли, мало-ли они тамъ жили, приходитъ время жребій кидать тремъ дочерямъ, дескать змѣй выходитъ изъ моря шестиголовый, надо ему одну царскую дочь на съѣденье. Бросили онѣ жеребій, старшая дочь и вытянула его. Царь собралъ дочерей и говоритъ: «Старшая вытянула жребій, ей надо и итти". Купеческій сынъ и говоритъ ему: «Вѣдь младшая—то у васъ записана за мертвую, такъ ей и надо итти». Они такъ и рѣшили. Нарядили ее какъ слѣдуетъ передъ смертью и поставили въ море по колѣно въ воду. Купеческій сынъ вышелъ, три раза крикнулъ, три раза свистнулъ, конь сталъ передъ нимъ и говоритъ ему: «Ты надѣвай скорѣй золотую шубу и золотую саблю! Я когда три раза его лягну, онъ перевернется вверхъ брюхомъ, ты ему и отсѣки всѣ шесть головъ сразу». Зачало море подниматься, когда змѣй сталъ выходить. Какъ змѣй подошелъ къ царской дочери, воронко золотистый три раза его лягнулъ, змѣй и перевернулся вверхъ брюхомъ. Купеческій сынъ не оробѣлъ, отрубилъ ему всѣ шесть головъ, послѣ чего змѣй пошелъ ко дну. Черезъ недѣлю опять три сестры бросаютъ снова жребій, опять надо одной выходить

*) Чернь – густой лѣсъ.

къ морю. Пришлось средней дочери выходить. Купеческій сынъ говоритъ: Вѣдь у васъ младшая дочь записана въ мертвую книгу, такъ ей и надо выходить. „Вѣрно, говорятъ, ее же надо поставить“. Взяли ее, одѣли на утро въ мертвую одежду и поставили по колѣно въ воду. Море снова стало подниматься. Сталъ выходить семиголовый змѣй. Купецъ снова три раза крикнулъ, три раза свистнулъ, вышелъ конь золотистый воронко и говоритъ ему: «Одѣвай золотую одежду и золотую саблю, я этого змѣя три раза лягну, онъ перевернется вверхъ брюхомъ, ты отрубай ему сразу всѣ семь головъ и онъ снова въ море уйдетъ». Когда змѣй сталъ подходить къ женщинѣ, конь подбѣжалъ къ нему, три раза лягнулъ, змѣй перевернулся вверхъ брюхомъ; купеческій сынъ отрубилъ ему всѣ семь головъ и змѣй ушелъ въ воду. Черезъ недѣлю снова стали кидать жребій, жребій выпалъ царской женѣ. Опять рѣшили было, что ей надо итти. Купеческій сынъ опять говоритъ, что надо итти младшей дочери, такъ какъ она записана въ мертвую книгу. Съ нимъ снова согласились. Одѣли ее и на утро поставили ее по колѣнъ въ воду. Стало море подниматься, поднялось до груди царской дочери. Купецъ снова три раза крикнулъ, три раза свистнулъ. Прибѣжалъ конь и говоритъ: «Что ты тутъ дѣлаешь? одѣвай скорѣй золотую одежду и золотую саблю и садись на меня. Какъ я его лягну, такъ ты ему шестнадцать головъ снеси, а семнадцатую оставь, а когда онъ въ море пойдетъ, ты на него садись“. Когда змѣй сталъ подходить къ царской дочери, конь подскочилъ къ нему, лягнулъ его, змѣй повернулся на бокъ. Купецкій сынъ отрубилъ шестнадцать головъ, а одну оставилъ и успѣлъ вскочить на змѣя. Змѣй схватилъ его зубами за руку. Жена это увидала, подбѣжала къ нему и подала ему шелковый платокъ; онъ этимъ платкомъ завязалъ себѣ руку. Онъ спустился подъ воду на этомъ змѣѣ. Тамъ у этихъ змѣевъ есть царь. Тѣ змѣи, которымъ онъ срубилъ головы, тутъ-же. Царь и говоритъ ему: „Раньше этого не было, чтобы нашимъославнымъ головы отрубали. Что это за новость? какъ только выйдутъ, такъ головы и отрубаютъ имъ“. Купецкій сынъ и отвѣчаетъ: А у васъ что за обычай выходить и людей съѣдать? Вотъ я спустился къ вамъ на расправу. «Ну, теперь сдѣлаемъ уговоръ, чтобы мои змѣи не ходили на землю, а отъ васъ чтобы никто не спускался сюда къ намъ». Даетъ ему два яйца и приказываетъ тому-же змѣю отвезти его обратно. «Когда, говоритъ, будешь входить въ свой домъ, одно яйцо брось, а другое тебѣ на твой вѣкъ хватитъ». Змѣй его повезъ обратно. Тотъ подходитъ къ своему курятнику, бросилъ, какъ было сказано, одно

яйно. Выросъ такой теремъ, что во всемъ царствѣ не было такого другого. Позвалъ свою жену. Она его сначала не узнала, потомъ только признала его по платку, который дала ему на дорогу. Тогда она пришла къ нему въ этотъ теремъ. Пришла. Онъ послалъ за водкой, ведро водки купить, послалъ за тестемъ и его семьей свою жену; тѣ тамъ сидятъ и пируютъ, пьютъ тоже водку, итти къ купцу не хотятъ. „Что, говорятъ, намъ къ нему, бѣдняку, ходить! у насъ, говорятъ, своего угощенья вдоволь“. Она приходитъ домой и говоритъ своему мужу, что они смѣются: «у нихъ-де у самихъ ѣсть-пить не его, а они насъ еще зовутъ»! Купецъ посылаетъ свою жену за ними снова. Они снова не пошли. «Чего у него тамъ ѣсть-пить, у насъ есть своего вдоволь, выде сами у людей собирается». Купецъ разсердился, послалъ ее въ третій разъ и велѣлъ сказать, что если не придутъ, такъ ихняго дома на мѣстѣ не будетъ, когда онъ самъ придетъ къ нимъ. Она пришла, позвала ихъ снова. Отецъ и говоритъ. «Надо сходить»! Они пошли. Когда увидѣли этотъ теремъ, то говорятъ, что это богатырь какой нибудь живетъ; страхъ ихъ взялъ. Пошли домой, переодѣлись въ лучшую одежду, идутъ. Первый пошелъ царь, да со страху ума лишился и свалился; тоже случилось и съ остальными тремя. Купецъ покамѣлъ надъ ними, тогда они встали. Привелъ онъ ихъ въ комнату и говоритъ: „Вы надъ кѣмъ ломаетесь“? Они упали на колѣни. Онъ поднесъ имъ по стакану и по другому, а по третьему они пить не стали и пригласили купца къ себѣ. «Я не буду надъ вами ломаться“, говоритъ онъ. Одѣлся въ новую одежду и пошелъ къ нимъ съ женой. Пришли они къ тестю въ гости. Тотъ наливаетъ купцу сразу четверть. «Пѣтъ, говоритъ тотъ, этого мало, этого я пить не буду». Наливаютъ они ему полведра, тотъ выпиваетъ. „Ничего, говоритъ, это мнѣ и въ головѣ не шумитъ“. Наливаютъ ему ведро. Тотъ и это выпилъ. Долго они гуляли, всѣ свалились пьяные, а купецкій сынъ послѣдній. Цѣлую недѣлю онъ спалъ. Черезъ недѣлю проснулся. Царь передаетъ ему свою корону; началъ онъ царствовать, а старикъ жилъ у него до смерти.

Разсказана 7 сентября 1900 г. въ улусѣ Усть—Кобырза кочегаромъ Захаромъ Обсковымъ изъ аила Упыпкелъ Кызыльской вол.

---

57. Лежачій богатырь.

Около высокой горы, около большой рѣки лежитъ розовое селеніе. Двадцать лѣтъ не встаетъ съ постели хозяинъ. Есть у него скотъ и народъ. „Чѣмъ меня Богъ зародилъ на этомъ свѣтѣ? Зачѣмъ мнѣ мучиться.

Двадцать лѣтъ лежалъ я". Одинъ молодецъ приходитъ къ больному и собирается отсѣчь ему голову; больной проситъ оставить ему жизнь на одинъ часъ.—Да, двадцать ты лѣтъ лежалъ, не могъ ходить, тебѣ сегодня смерть! „Меня не убивайте, я не сдѣлалъ никакого грѣха. Оставьте меня, можетъ быть я самъ встану на ноги". Нѣтъ, ни за что не оставлю, я тебѣ отсѣку голову, не проси меня. Одну вину оставляю, а другую, какъ обратно поѣду, не оставлю. „Я вамъ въ ноги поклонюсь за то, что вы меня освободите отъ этой смерти". Богатырь уѣхалъ. Приходитъ старушка: „Ну, говоритъ, дитятко, жизнь остался, можетъ быть увидишь бѣлый свѣтъ. Слушай меня, послушай меня, можетъ быть увидишь бѣлый свѣтъ, человѣкъ будешь прежній". На двадцать пятомъ голу больной человѣкъ сталъ поправляться. Старушка за нимъ ухаживаетъ. Пусть теперь приходитъ богатырь, я теперь съ нимъ посчитаюсь. Приходитъ снова богатырь. Ну, братъ, теперь поправился, можно побороться! „Прежде ты хотѣлъ меня убить, ну теперь, кто кого поборетъ. Я думаю, что теперь я тебя поборю. Если у тебя силы не хватитъ, то я тебя переброшу". Стали бороться. Кандырка побѣдилъ. „Теперь я тебя побѣдилъ. Приводи весь народъ свой и весь скотъ; ты теперь будешь моимъ пастухомъ за то, что ты прежде хотѣлъ убить меня".—„Ну, что же дѣлать, ты побѣдилъ меня, буду твоимъ пастухомъ". Старуха говоритъ ему: „Затѣмъ тебѣ чужая скотина, все у тебя благополучно, есть свой народъ и своя скотина, на что же тебѣ чужая"? А Кандырка и говоритъ: „Слушаю тебя, матушка; какъ говоришь, такъ и сдѣлаю; не надо мнѣ чужой скотины, надо сказать, чтобы ее гнали назадъ. Скажи мнѣ, я спрашиваю тебя, какъ мать, нѣтъ и лошади подо мной, я бы ѣздилъ къ кому нибудь въ гости". Привели ему бураго коня, натянули три подпруги, а четвертымъ натягиваютъ нагрудникъ. Тѣ, которые сѣдлали, и говорятъ: „Можно назвать тебя царемъ и господиномъ; конь готовъ, куда хочешь, туда и поѣзжай"! Въ чемъ былъ, такъ и поѣхалъ, одинъ только сагыръ (чарки) на босу ногу. „Я, говоритъ, не на войну ѣду, а въ гости". Изъ дому выѣхалъ, не выѣзжалъ—видитъ, люди бьются; какъ будто люди воюные. „Кабы я это зналъ, то во все убранство бы одѣлся, взялъ бы съ собой все оружіе. Если мнѣ Богъ судилъ смерть, то умру, если нѣтъ, то цѣлъ буду. А домой поѣду, стыдно, какъ баба буду". Бѣлымъ платкомъ слезы свои утеръ. „Живой или мертвый буду, а поѣду впередъ. Бурко мой, не спотыкайся подо мною, а врага бить стану, пусть не скользитъ моя рука. Убью всѣхъ или не убью, а четыре человѣка убиты будутъ. Кто успѣетъ—застрѣлитъ, а не

успѣетъ—падетъ отъ моей руки". Тутъ Кандырко слышитъ дѣвичій голосъ: Давай мнѣ свою бурку, я тебѣ привезу все твое убранство и оружіе. Ты будешь мнѣ нужемъ и хозяиномъ, а то бакъ-же ты будешь биться съ твоими врагами.— «Чѣмъ мнѣ пропадать, такъ пусть лучше бурка пропадаетъ! На коня, сходи и привези все, что у меня есть, какое оружіе и убранство». Они въ него стрѣляютъ, а онъ рукой отбиваетъ ихъ пули и бросаетъ въ нихъ назадъ. «Мнѣ, говоритъ, вашихъ пуль не надо. Вотъ вы теперь въ меня стрѣляете, я отбиваю рукой ваши пули, а сейчасъ привезутъ мое оружіе, я буду стрѣлять, тогда уже вы отбивайте. Лежалъ я двадцать пять лѣтъ въ постели, Богъ послалъ мнѣ встать, можетъ быть поможетъ и теперь». Долго-ли, коротко-ли они бились, половину ихъ онъ перебилъ. Черезъ долгое-ли, короткое время, пріѣзжаетъ дѣвица и привозитъ ему всю одежду и оружіе: „Ну, говоритъ, теперь отбивайся и воюй съ ними! Зачѣмъ только ты мнѣ не вѣрилъ? ну, теперь отбивайся и воюй! Если бы я была богатырь, то я бы помогла тебѣ одолѣть ихъ. Ну, я не богатырь и не могу этого сдѣлать. Ну, оставайся"! Онъ одѣлся во всю одежду, взялъ оружіе. «Ну, говоритъ, теперь я стрѣлять начну, а вы ловите»! Натянулъ онъ лукъ и пустилъ свои стрѣлы. Которые въ ряду стояли, всѣхъ онъ прострѣлилъ. «Не буду надѣяться на коня и пулю, а пойду на нихъ» (стычкомъ). Девять дней боролся онъ съ ними, всѣхъ убилъ, выбился изъ силъ, да и самъ упалъ тутъ. И будитъ его бурка носомъ: «Вставь, говоритъ, товарищъ! садись на меня скорѣе, поѣдемъ, куда глаза глядятъ. Какъ бы еще не пришли враги». Всталъ бурка на колѣни: „Ну, садись на меня". А Кандырка едва-едва приподнялся, кое-какъ сѣлъ на коня „Ну, теперь, говоритъ, поѣдемъ бурка полегоньку, чтобы мнѣ не упасть, да не убиться". Сѣлъ на коня и ѣдетъ. Ѣдетъ въ гости. „Все-таки, говоритъ, я доѣду, куда хотѣлъ, тамъ и поправлюсь". Съ шагу перешелъ въ рысь, съ рыси въ скокъ, сталъ понемногу крѣпнуть и поправляться. Перевалилъ небольшой перевальчикъ, видитъ, народы живутъ. „Вотъ это вѣрно тѣ самые, къ которымъ я ѣду въ гости? хорошо, что встрѣтилъ, а то бы умеръ, ѣсть нечего и пить нечего". Доѣхалъ, слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его къ оградѣ, входитъ въ домъ, „здравствуйте"! говоритъ. Хозяева обѣдаютъ. Хозяинъ всталъ изъ-за стола и говоритъ: „Ну, гость пріѣхалъ, надо снова садиться да угостить его хорошенько; хорошій человѣкъ пріѣхалъ". Закусываютъ молодцы и вина выпиваютъ. Хозяинъ и спрашиваетъ: „Откуда и куда ты ѣдешь"? Тотъ разсказываетъ. „А, говоритъ, я слыхалъ о тебѣ, что ты большой ле-

жалъ двадцать пять лѣтъ". Кондырка разсказываетъ ему про битву. Разговариваютъ они про дѣвку, „Не знаю, говоритъ, что за дѣвка оружіе мнѣ привезла". Что же ты не спросилъ ее? „Да мнѣ, говоритъ, не до того было". Плохо, братъ! ну да я тебѣ помогу ее розыскать. „Ну, поѣдемъ вмѣстѣ, я пойду до ея жилья, гдѣ она живетъ" «Ну, говоритъ, спасибо, пойдемъ»! Хозяинъ снаряжается ѣхать. Надо довести гостя до того мѣста, гдѣ, онъ знаетъ, живетъ дѣвка. Срядился и поѣхалъ хозяинъ (Каналакъ) на рыжемъ конѣ Доведешь-ли ты меня до мѣста? «Не бойся, говоритъ, доведу и пособлю тебѣ, если придется». На девятый день доѣхали они до мѣста. «Вотъ тутъ она живетъ», говоритъ Каналакъ. Слѣзаютъ съ коней, привязываютъ ихъ къ оградѣ, заходятъ въ домъ. А дѣвица имъ и говоритъ: „Жду я васъ третій день, что вы пріѣдете, третій день со стола не убирала". Садятся за столъ два молодца, разговоръ заводятъ. Выпиваютъ они и разговариваютъ. А дѣвица и говоритъ: „Что же ты, возьмешь меня за себя замужъ"? Да, говоритъ, возьму, я за тѣмъ и пріѣхалъ. „Если возмешь меня замужъ, то надо скотъ и народъ впередъ угнать. Мы поѣдемъ немного погодя, а то мы поѣдемъ скоро, такъ если пойдутъ съ нами, то маленькіе пропадутъ". На третій день выходятъ они на улицу, провожаютъ скотъ и народъ. „Ну, говоритъ, идите къ Кандыркѣ да какъ придете, мѣсто себѣ выбирайте поудобнѣе". Тѣ пошли, а они заводятъ свадьбу, на пятый день собираются ѣхать на Кандырково мѣсто. Говоритъ своему народу, чтобы все было готово, свадьбу проводить. Бѣдный и богатый, чтобы всѣ вмѣстѣ были. Свадьбу отводятъ, гуляютъ. Ведутъ слѣпыхъ, на рукахъ хромыхъ несутъ. Слѣпому, подали чашку, а кто-то ее пролилъ. „Кабы я видѣлъ, такъ узналъ бы, кто пролилъ мою чашку, а тамъ наклонился да хватилъ рукою одну землю"! Хромой взялъ кусокъ мяса, а кто-то схватилъ у него мясо да и убѣжалъ. Хромой хотѣлъ ударить его, да хватилъ мимо „Экъ, говоритъ если бы по темени попалъ, то разломилъ бы ему голову". Выходитъ хозяинъ на улицу и всѣхъ угощаетъ. «Чтобы не обижался на меня никто»! Девять дней гуляли на свадьбѣ, на десятый день всѣ расходятся по домамъ. Когда гости разъѣхались, хозяинъ съ хозяйкой ложатся, одѣяломъ покрываются. Встаютъ они на восходѣ солнца, опохмѣливаются. Молодуха и говоритъ: „Завтра утромъ бурка чтобы былъ готовъ, осѣдланъ". На утро лошадь стоитъ приготовлена, онъ снаряжается въ дорогу. Жена его спрашиваетъ: «Куда снарядился"? А онъ говоритъ: „Что тебѣ за дѣло, куда бы я не поѣхалъ"? Сѣлъ на коня и уѣхалъ. Какъ Абаканъ рѣку онъ переѣхалъ и нашелъ тутъ себѣ другую бабу. Жили

они всего шесть дней, ночевали шесть ночей. «У меня, говоритъ, дома жена, какъ бы она не дозналась»? Жена его и спрашиваетъ: „Куда же ты съѣздилъ по пустому, никого тамъ нѣтъ“. Прожилъ онъ съ женой полгода и задумываетъ снова ѣхать къ той бабѣ. Хотѣлъ переѣхать Абаканъ, не можетъ. Абаканъ большой, разлился—весна. Та хочетъ перейти на эту сторону и тоже не можетъ. Стоятъ на разныхъ берегахъ, а перейти не могутъ. Стоятъ и плачутъ. Разсердился, пустилъ онъ въ воду коня. „Иди! говоритъ. Я не могъ переѣхать, а ты привези ее ко мнѣ“. Пошелъ конь, дошелъ до середины Абакана, вода и раздѣлилась на двое. Положилъ Кандырка на себя сѣдло и пошелъ къ коню. „Хорошо, говоритъ что ты пришелъ сюда“! Подали другъ другу руки и крѣпко обнялись и поцѣловались такъ, что даже щелкнуло. Потомъ и конь перешелъ рѣку вода снова пошла, какъ прежде. Прошло полгода. Вода спала. Хочетъ онъ идти къ женѣ Переѣхалъ онъ назадъ и думаетъ, что теперь сказать женѣ и придумалъ сказать, что ходилъ на китайскую сторону. Пріѣхалъ къ дому, заходитъ въ домъ, здоровается съ женой. Скажи, мужъ мой родимый, куда ты ходилъ? „Что же мнѣ тебѣ сказать, жена родная? какіе есть у насъ враги, мы у нихъ желчь вынимаемъ, у коня на колѣняхъ чашки подрѣзали“. А женѣ кто-то и сказалъ: „Что ты мужа слушаешь, все онъ тебѣ врётъ. Обманываетъ онъ тебя; ходилъ онъ за рѣку Абаканъ, тамъ живетъ баба, къ ней онъ и ходитъ“. Она и говоритъ мужу: Если ты буркѣ шею не отрубишь, то я съ тобой жить больше не буду. «Чѣмъ лошади шею отрубать, говоритъ Кандырка, такъ я тебѣ лучше шею отрублю»! А потомъ и говоритъ: „А ну тебя къ чорту! пойду я по бѣлу свѣту, умру, такъ умру, живъ буду, такъ поживу“. Прощается съ женой да и говоритъ: „Стереги мою скотину и народъ охраняй, какъ все при мнѣ было, и сохраняй ихъ до тѣхъ поръ, пока мы увидимся съ тобой“. А жена ему и говоритъ: „Ворочаешься или нѣтъ, мнѣ все равно“! Сѣлъ онъ на коня и ѣдетъ за Абаканъ. Встрѣчаютъ его люди и говорятъ: Чего тебѣ ѣздить къ женѣ, есть у насъ и скотъ и народъ, живи съ нами! „Остановлюсь, говоритъ, у тебя, больше никуда не пойду! моего скота мнѣ не надо, пусть онъ останется у жены, все такъ я жилъ съ нею“. Внезапно приходитъ къ нимъ одинъ человѣкъ и говоритъ: «Твоя жена сына родила». Хоть бы десять, говоритъ, родилось, мнѣ, говоритъ, дѣла нѣтъ. „Ты напрасно такъ говоришь. Смотри, какъ-бы тебѣ не умереть отъ руки сына“. А тебѣ, говоритъ, какое дѣло? Придетъ, такъ придетъ, умру, такъ умру, а тебѣ какое дѣло? «А такое дѣло, что теперь народился такой человѣкъ, который будетъ си-

льнѣе тебя". Не только разъ, а хотя десять разъ, говоритъ, сильнѣ пусть будетъ, и то, говоритъ, не боюсь. «Смотри, кабы онъ тебя не убилъ и не разбилъ бы моего дома", говоритъ баба Кандыркѣ. «Если ты шибко боишься, такъ вотъ, говоритъ, на берегу стоитъ тополь (терекъ). залѣзь на вершину, можетъ быть не троетъ онъ тебя". А между тѣмъ мальчикъ отъ первой жены подросъ и пріѣхалъ на буромъ жеребчикѣ неосѣдланномъ. Плачетъ сынъ и говоритъ Кандыркѣ со слезами: „Вѣдь ты мой отецъ, зачѣмъ ты меня бросилъ"? Говоритъ это и стоитъ передъ нимъ не ногахъ. „Нѣтъ, говоритъ Кандырка, ты теперь мнѣ не сынъ, хоть умри, такъ мнѣ до тебя дѣла нѣтъ". Ударилъ сынъ себя по колѣнамъ: „Когда-нибудь, отецъ, я тебѣ понаблюсь". Заплакалъ и пошелъ домой со слезами.—Ударилъ бы я тебя, говоритъ отцу, да боюсь, не грѣхъ-ли мнѣ будетъ дѣлать это? „Очень мнѣ это обидно, говоритъ отецъ, догнать бы его да убить, а то онъ послѣ вырастетъ и убьетъ меня". Сѣлъ на своего бурку и поѣхалъ за сыномъ въ догонку И говоритъ вслѣдъ сыну: Вотъ я догоню да убью тебя! «Ужъ коли ты въ дому меня не убилъ, такъ въ полѣ меня не убьешь»! говоритъ сынъ. Отецъ догналъ сына и хватилъ его коня за поводъ. „Ну-ка, поборемся, кто изъ насъ сильнѣе"? Взялись сначала за пояса, потомъ взялись за грудь, дерутся другъ съ другомъ и начали бить другъ друга по щекѣ. „Тереби меня, говоритъ сынъ, за волосы, чтобы я высокій выросъ. бей крѣпче по бокамъ, чтобы былъ я въ плечахъ пошире". Терпѣлъ онъ, терпѣлъ, да потомъ схватилъ отца за шею и ударилъ о землю такъ, что тотъ рѣшился. „Умеръ отецъ, говоритъ, теперь я заберу у бабы, что за Абаканомъ, скотъ и народъ и весь перегоню къ себѣ. Убивать-же бабу мнѣ не слѣдуетъ, можетъ она когда приготовитъ мнѣ пищу и все, что мнѣ понадобится". Взялъ бурку, на которомъ прежде ѣздилъ отецъ, и идетъ за Абаканъ за скотомъ. „Родительскій конь! встань посреди рѣки и стой, пока я буду переходить, какъ это дѣлалъ ты для моего отца", говоритъ онъ коню. Гонитъ онъ скотъ домой; тутъ нижняя часть рѣки высыхала, а верхняя по полямъ расходилась, а бурко стоитъ посреди рѣки и смотритъ. Семь дней переходилъ скотъ черезъ рѣку, а бурко все стоитъ. Когда весь скотъ перешелъ черезъ рѣку, то онъ взялъ коня за поводъ и вывелъ его на берегъ. Пригналъ онъ весь скотъ домой, привелъ бабу тоже и говоритъ матери: „Живите между собей въ ладу". Устроили они втроемъ между собою совѣщаніе, какъ теперь быть, какъ имъ жить на свѣтѣ.

Примѣчанія.

1. **Безручка.** Этногр. Збірникъ у Львовѣ, IV, 117—121; кромѣ указанной тамъ литературы: Эти. Збірникъ, XIV, 181, № 25; Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 304, № 102 „Злая сноха"; Зап. Красн., Подъотдѣла Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 1, стр. 14, № 2 „Братъ и Сестра" и стр. 74, № 39 „Безручка".

3. **Пѣтушекъ.** Афан., Н. Р. Ск., I, 25 № 17: „Котъ, пѣтухъ и лиса".

4. **Иванъ дуракъ.** Ср. у Афан., Н. Р. Ск., I, 89—98 № № 62, 63; посрамитель злого существа или бабы-яги называется въ номерахъ Афанасьева Жихарькой, Чуфиль-Филюшкой, Чуфилюшкой (въ одномъ варіантѣ, Чувилихой, на оборотъ называется баба-яга), Фалеюшкой, Лутонюшкой, Теренничкой и Ивашкой.—Разбѣжавшіеся куницы изъ-подъ дуба у Афан., Н. Р. С,, II. № 233 „Удалой батракъ".

6. **Козликъ-золоты рожки.** Афан., Н. Р. Ск., II, 179, сказка № 156: „Соляной козелъ", записанная въ Нижегородской губ.

7. **Иванъ дурачъ.** Афан., Н. Р. Ск., II, 351. № 222 «Мертвое тѣло» и 356 № 223 „Шутъ".

8. **Марьюшна** Ср. у. Афанасьева, II, 322, сказка № 206 «Упырь».

Женщина Маруся троекратно отказывается сказать, что ходила къ церкви и разсказать, что въ церкви видѣла. Вопросы задаетъ не Мать Пресвята Богородица, а упырь. Тайна, которую она видѣла, по рожденіе и пеленаніе Христа и сажаніе его на престолъ, а вожданіе упыремъ тѣла покойника. Маруся за свое упорство теряетъ не трехъ дѣтей, а отца и мать, а наконецъ и сама умираетъ: на ея могилѣ вырастаетъ цвѣтокъ, который ночью обращается въ дѣвицу. Баричъ женится на дѣвицѣ. Упырь разсыпается прахомъ, когда дѣвица на повторенный въ четвертый разъ вопросъ о церкви, отвѣтила утвердительно, что была и видѣла.

Сюжетъ сказки, записанной г. Бондаремъ въ Енис. губ. т. е. разсказъ о гонимой матери, которую злое существо разлучаетъ съ ея тремя сыновьями поочередно, по мѣрѣ того, какъ они рождаются, а также и съ мужемъ, но которая потомъ находитъ своихъ сыновъ и соединяется съ мужемъ, болѣе распространенъ въ редакціи, извѣстной подъ названіемъ

„По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ“ (Афан., Н. Р. Ск., II, 188, № 159; см. также Зап. Красноярск. Подотд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 24, 63, 103 и 117 № 5 „О царевнѣ и ея трехъ сыновьяхъ“, № 35 „Короста“, № 35 „Иванъ, крестьянскій сынъ“ и № 59 „Кузнеченокъ“. См. также въ печатаемомъ сборникѣ ниже, № 36). Какъ въ сказкѣ „По колѣна ноги въ золотѣ“, такъ и въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, есть и жизнь злополучной матери съ тремя сыновьями въ уединеніи, и божественная сбывчивость желаній, и троекратные рейсы корабельщиковъ; въ сказкѣ, записанной г. Бондаремъ, даже есть у дѣтей одна диковинка та же самая, какъ и въ № 35: котъ, который ходитъ по дубу. Но въ сказкѣ г. Бондаря нѣтъ бочки, въ которой мать дѣтей была брошена въ воду.

Отдѣльно отъ сюжета „По колѣна ноги въ золотѣ“ стоитъ сюжетъ, извѣстный подъ названіемъ „Безручка“, но оба сюжета роднитъ сходство трагической судьбы героини. Безручка тоже несправедливо гонимая женщина; она тоже имѣетъ злого врага клеветника, тоже изгнанница изъ дома (брата или мужа), тоже нѣкоторое время живетъ въ пустынѣ и тоже наконецъ реабилитируетъ себя, а враждебное лицо несетъ кару. Въ сказкѣ „Безручка“ нѣтъ помѣны дѣтей щенками, нѣтъ бочки: безручка брошена въ лѣсу съ отрубленными руками.

Одинаковая трагическая судьба этихъ двухъ героинь соблазняетъ слить ихъ въ одно лицо. Сказка „Злая епоха“ у Садовникова, на которую указано въ примѣч. къ № 1 этого выпуска, представляетъ примѣръ такого слiянія; въ этомъ самарскомъ вариантѣ отцастен приказъ замолить Безручку въ бочку и пустить ее въ море. Исполнители приказанія пожалѣли ее и только изгнали ее изъ дома мужа; она въ лодкѣ переѣхала на другой берегъ моря. Здѣсь она встрѣтила разбойника Раха; имя Раха встрѣчается въ апокрифическихъ разсказахъ о Христѣ и такимъ образомъ ставитъ сказку о Безручкѣ въ связь съ новозавѣтными событіями и лицами такъ же, какъ сказку о Марьюшкѣ связываетъ съ тѣми же событіями появленіе въ ней Матери Пресвятой Богородицы.

Будущему изслѣдованію предстоитъ опредѣлить, какъ понимать эти вторженія въ народную сказку новозавѣтныхъ именъ. Господствующее въ наукѣ мнѣніе принимаетъ подобные факты за позднѣйшія похристіанскія усвоенія народной сказкой; это случайныя, отрывочныя включенія: каждое включеніе должно оправдываться содержаніемъ данной сказки, въ которой должно найтись что-нибудь наводящее для разсказчика; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ быть отдѣльный поводъ для вторженія новоза-

вѣтшаго отрывка и нѣтъ основанія объединять сказки, въ которыхъ замѣчены подобныя заимствованія, въ особую группу и представлять члены этой группы связанными общимъ происхожденіемъ. Но не мѣшаетъ, однако, въ ожиданіи новыхъ открытій, отъ которыхъ будетъ зависѣть окончательное рѣшеніе вопроса, имѣть въ запасѣ и другое мнѣніе, которое въ этихъ отрывочныхъ вставкахъ можетъ видѣть указаніе на то, что сказки, въ которыхъ эти вставки встрѣчаются, дѣйствительно составляли обособленную группу, объединенную центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ; можетъ быть это было собраніе дохристіанскихъ культовыхъ легендъ, которое вошло своимъ полнымъ составомъ въ апокрифическую литературу о новозавѣтныхъ лицахъ; значительная часть этого матеріала исчезла изъ памяти народной, связь между отдѣльными членами группы стала незамѣтной и имя Раха въ самарской сказкѣ явилось не случайно, а обусловлено генетической связью преданія о Рахѣ со сказками о Безручкѣ и о мальчикѣ по колѣно ноги въ золотѣ.

Имя матери золотоногаго ребенка упоминается только въ двухъ варіантахъ у Аѳанасьева: въ № 159, b—это Марѳа Прекрасная; въ № 159, c—Марья Додоновна. Отецъ въ варіантахъ Аѳанасьева называется Иванъ Царевичъ. Сынъ гонимой матери въ сказкахъ, записанныхъ въ Сибири, въ одной—Короста, въ другой Иванъ крестьянскій сынъ (Зап. Красн. Под., т. I,в. 1, стр. 63 и 103).

Обвиненіе, будто Марьюшка съѣдаетъ (своихъ) дѣтей сближаетъ ее съ Безручкой, которая будто зарѣзала любимую собаку, любимаго коня и сына. Въ одной ламайской легендѣ на женское божество Цаганъ—Дару клевещутъ, будто она зарѣзала любимыхъ царскихъ животныхъ; по другой той же богинѣ приписывается убійство собственнаго сына (см. Потанинъ, Очерки с.—з. Монголіи, IV, 319; Тангуто—тиб. окр. Китая, II, 271).

Въ сказкѣ „Упырь“ на мѣстѣ тѣла покойника не стояло ли тѣло младенца? и самое злодѣяніе упыря не было ли только кажущимся, какъ въ сказкѣ «Марьюшка» только казалось, будто Мать Пресвята Богородица отрываетъ дѣтямъ руки, ноги и голову и какъ въ апокрифической легендѣ царю Анфилогу кажется, будто пресвитеръ во время евхаристіи закалываетъ младенца (А. Весселовскій, Разысканія въ области дух. стиховъ. XVII, стр. 331–349). Появленіе церкви въ обѣихъ сказкахъ у Аѳанасьева и у Вендыря указываетъ на древній культовой характеръ сказанія. Сказка „Упырь“ пріурочена ко дню св. Андрея Первозваннаго (см. Потанинъ, Вост. мотивы въ средневѣк. евр. эпосѣ, 529).

На культовой характеръ сказки „По колѣна ноги въ золотѣ“ указываетъ металлическая природа мальчика; основой фантазіи какъ будто послужила статуя, слитая изъ золота и серебра. У Безручки сынъ тоже необыкновенный; у него на затылкѣ звѣзда и на спинѣ звѣзда.

9. **Два брата.** Афан. Нар. Русск. Ск., II, №№ 207 и 208, Ьис. Нижегородскій варіантъ („Николай Чудотворецъ и отрокъ“) помѣщенъ мною въ „Этногр. Обозр.“, LIII, стр. 12. Курганскій варіантъ „Чудо Николая Святителя“ въ Зап. Красн. Подъотд. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, № 63, стр. 125.

10. **Копылокъ.** Афан., Нар. Р. Ск., I, № 74 „Покатигорошекъ“, стр. 141. Этногр. Збірникъ у Львові, XIV, 213, № 30 „Про Катигорошка“. Чубинскій, II, 229—239; Драгомановъ, 260.

13. **Тархъ Тарховичъ.** Въ этой сказкѣ слиты два сюжета: 1) о исчезающей по ночамъ дѣвицѣ или женѣ и 2) о слугѣ, который помогаетъ добыть невѣсту. Первый сюжетъ у Афанасьева озаглавленъ „Ночныя пляски“ (т. I, стр. 223, № 167); въ двухъ варіантахъ исчезаютъ каждую ночь невѣдомо куда двѣнадцать дочерей царя; въ третьемъ пермскомъ варіантѣ исчезаетъ только одна дочь; узнаетъ тайну и уличаетъ преступницъ дворянинъ или солдатъ; дѣвицы уходятъ въ подземное царство къ заклятому царю. Второй сюжетъ у Афанасьева содержится въ сказкѣ, названной „Кощей Безсмертный“ (I, стр. 217, № 93), вар. с. Въ этомъ варіантѣ Булатъ-молодецъ добываетъ невѣсту для Ивана царевича, Василису Кирбитьевну; въ другихъ двухъ варіантахъ той же сказки невѣсту добываетъ самъ Иванъ Царевичъ. Помощь въ сватовствѣ является еще также въ сказкѣ, озаглавленной у Афанасьева „Безногій и слѣпой богатыри“ (т. I, стр. 339, № 116); въ этой сказкѣ невѣста добывается въ двухъ варіантахъ для Ивана царевича, въ третьемъ для царевича, не названнаго по имени, въ четвертомъ для грознаго царя; помощникъ въ одномъ варіантѣ Катома-дядька, въ другомъ Никита Калюма, въ третьемъ Иванъ Голый. Разсказъ о томъ, какъ Иванъ-царевичъ добываетъ для Тарха Тарховича дѣвицу Плеешну-Помоюшну, совершенно соотвѣтствуетъ эпизоду о Булатѣ-молодцѣ, добывающемъ Василису Кирбитьевну для Ивана-царевича. Иванъ-царевичъ окаменѣваетъ также, какъ и Булатъ-молодецъ и въ тѣхъ-же условіяхъ. Добываетъ-ли дѣвицу для Ивана-царевича помощникъ или онъ самъ ее привозитъ, во всѣхъ случаяхъ у Афанасьева дѣвица добывается для Ивана-царевича и онъ на ней женятся, только въ нашемъ варіантѣ роли переставлены—Иванъ-царевичъ добываетъ дѣвицу для богатыря Тарха Тарховича. Естественѣе

было-бы, если бы и здѣсь невѣста добывалась для Ивана-царевича, а Тархъ Тарховичъ игралъ бы роль помощника въ сватовствѣ; при этой перестановкѣ ролей окаменѣніе отнесется не къ Ивану царевичу, а къ Тарху Тарховичу. Въ преданіяхъ сѣверной Монголіи окаменѣніе также связано съ увозомъ женщины; шаманъ Тарханъ (онъ же можетъ быть въ другихъ сѣверно-монгольскихъ преданіяхъ подъ именемъ Гирхинъ или Терхе) увозитъ царскую жену или дочь и превращается въ камень (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. см. по индексу).

Конь, заточенный въ подземельѣ за двѣнадцатью дверями и стоящій на двѣнадцати цѣпяхъ изъ указанныхъ выше сказокъ у Афанасьева встрѣчается въ сказкѣ „Кощей Безсмертный“, вар. *a*, и въ сказкѣ „Безногій и слѣпой богатырь“, вар. а и къ нему полстрочный вариантъ. Въ степномъ ордынскомъ фольклорѣ представленіе о конѣ на цѣпяхъ связано съ Полярной звѣздой и созвѣздіемъ Большая Медвѣдица. (Потанинъ, Танг.-тиб. окраина Китая, II, 333)

Слѣпой богатырь, котораго въ нашей сказкѣ находитъ Иванъ-царевичъ, соотвѣтствуетъ слѣпому богатырю изъ указанной выше сказки Афанасьева, № 116, гдѣ также есть возвращеніе зрѣнія слѣпому; въ вар. *a* слѣпому выкололи глаза Анна Прекрасная, въ вар. b — Елена Прекрасная, т. е. та женщина, которая добывается для Ивана-царевича.

На вліяніе сказки о Кощеѣ указываетъ и такая мелочь, встрѣчающаяся въ сказкѣ о Тархѣ Тарховичѣ, какъ три кольца на коновязи, мѣдное, серебряное и золотое.

14. **Преданіе о Софійской звонницѣ въ Кіевѣ.** Володимиръ Лесевичъ, Оповиданя Ф. Ф. Чмихала въ Этногр. Збірникѣ, Львовъ т. XIV, стр. 235; въ запискѣ г. Лесевича женщина названа Пресвятой Богородицей. Тема о неудающейся или разрушающейся за ночь постройкѣ, принадлежащая, между прочимъ, къ постройкѣ Соломонова храма въ славянскихъ сказаніяхъ и къ постройкѣ храма въ Лассѣ въ тибетскихъ легендахъ имѣетъ другое заключеніе; отыскивается секретъ, послѣ чего постройка благополучно доводится до конца. Въ бурятскомъ преданіи не могутъ достроить дворецъ; одинъ уголъ остается не покрытымъ и зданіе разрушается; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не нашелся человѣкъ, который, не смотря на недостроенную крышу, объявилъ, что зданіе готово; тотчасъ же недостроенный уголъ самъ покрылся крышей (Извѣст. Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Р. Географ. Общества, т. XIX. № 3, стр. 22).

15. **О Иванѣ-царевичѣ и Русой Русѣ.** Вариантъ этой сказки записанъ въ бійскомъ уѣздѣ и напечатанъ въ Зап. Подъотдѣла по эти., т. I, в

1, стр. 111. Женщина въ бійскомъ варіантѣ называется Русая Руса, искатель ея Неугомонъ-царевичъ. Отмѣны бійскаго варіанта: Кощей убитъ въ дракѣ; поисковъ смерти Кощея нѣтъ; нѣтъ убивающей палицы, нѣтъ коня, стоящаго на цѣпяхъ подъ землей, подъ основаніемъ чугуннаго столба. Вмѣсто заточеннаго коня въ бійскомъ варіантѣ Кощей на цѣпяхъ; въ кузнецкомъ варіантѣ царевичъ отпускаетъ изъ заточенія коня, въ бійскомъ Кощея. Представленіе неподвижнаго положенія повторяется въ кузнецкомъ варіантѣ два раза; въ одномъ случаѣ дубъ, и подъ нимъ яйцо, въ другомъ чугунный столбъ и подъ нимъ конь; киргизы связываютъ представленіе о желѣзномъ столбѣ и конѣ на цѣпи съ Полярной звѣздой (Потанинъ, Тангуто-тибетск. окраина Китая, т. II, стр. 333). Встрѣчающаяся въ кузнецкой сказкѣ избушка, вращающаяся на курьей ножкѣ, дворецъ короля Гугона, вращающійся вокругъ центральной колонны (см. Потанинъ, Восточн. мотивы, стр. 51), небесный сводъ, вращающійся вокругъ Полярной звѣзды, въ которой народное воображеніе видитъ міровой столбъ—всѣ три представленія сходны между собою. Сказки о Кощеѣ изъ сборника Аѳанасьева указаны въ Этногр. Обозр., LVIII, 8).

У Садовникова (Сказки Самарск. края) въ сказкѣ № 61 „Про Кота Безсмертнаго и Марью Ерпѣевну“ вмѣсто дуба бѣлая береза; пособники: ворона, сука и щука. У Чубинскаго № 52 „Про Змія“ вмѣсто Кощея змѣй; вмѣсто дуба—столбъ желѣзный, стоящій подъ водой; въ столбѣ дырка, въ дыркѣ яйцо. Къ типу сказокъ о Кощеѣ можетъ быть отнесена и сказка у Садовникова, № 4 „Иванъ-царевичъ и Марья Краса, черная коса“, стр. 28—41. Въ сказкѣ два брата Василій царевичъ и Иванъ царевичъ; сообразно съ этимъ она распадается на двѣ части: въ первой половинѣ описываются подвиги Василія царевича; тутъ есть мотивы изъ сказки объ Еруланѣ Лазаревичѣ: 1) наѣздъ на спящаго въ полѣ богатыря; 2) вопросъ Василія царевича, обращенный къ женѣ: есть ли кто меня сильнѣе, тебя краше? Жена отвѣчаетъ: есть сильный богатырь Карка и есть красавица Марья Краса (ср. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣк. эпосѣ, стр. 289; Балаганскій сборникъ, Томскъ, 1903, стр. 272). Василій царевичъ на мѣстѣ князя Ивана сказки объ Еруланѣ варіанта Удольскаго, а самъ Еруланъ въ самарской сказкѣ носитъ имя Ивана-царевича; многочисленные примѣры приписыванія подвиговъ Еруслана Ивану-царевичу приведены мною въ „Восточн. мотивахъ“, стр. 313, 314, 318. Жена Василья царевича говоритъ мужу, что сильнымъ богатыремъ слываетъ Ивашка, бѣлая епанча, сорочинская [illegible]пка, сторожъ индѣйскаго царства, спящій сидя на конѣ (въ самар-

ской Каркъ), а краше всѣхъ царевна Солнечнаго царства (въ самарской сказкѣ Марья Краса; въ былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ, царевна Подсолнечнаго царства, жена Еруслана, называется Марья-лебедь). Въ самарской сказкѣ Василью-царевичу приписано спасеніе царевны отъ змѣя, выходящаго изъ воды; въ сказкѣ объ Еруланѣ этотъ подвигъ совершаетъ самъ Еруланъ, а не князь Иванъ, какъ слѣдовало бы по аналогіи. Во второй половинѣ самарской сказки описывается судьба Ивана-царевича; эта-то половина и относится къ типу сказокъ о Кощеѣ. На мѣстѣ Русой Русы Марья Краса, черная коса; на мѣстѣ Кощея двѣнадцать братьевъ Марьи; Иванъ-царевичъ женится на Марьѣ Красѣ и увозитъ ее; братья имѣютъ пѣгую кобылу о двѣнадцати пѣжинахъ; они садятся, каждый братъ на пѣжину, бьютъ, догоняютъ, убиваютъ Ивана-царевича, рубятъ его тѣло на мелкія части, разбрасываютъ ихъ по степи, а Марью Красу увозятъ. Василій-царевичъ добываетъ мертвой и живой воды изъ подъ Каракульскаго дуба и оживляетъ брата; Иванъ-царевичъ вновь идетъ добывать Марью Красу. Но ему нужно сначала добыть коня быстрѣе пѣгой кобылы о двѣнадцати пѣжинахъ; съ этой цѣлью онъ нанимается служить у бабушки Марьи Красы, которая заставляетъ его пасти по три ночи ея двѣнадцать кобылицъ; въ эти кобылицы были обращены ея двѣнадцать дочерей; каждый разъ бабушка, отсылая на пастьбу, даетъ ему усыпительную лепешку; каждый разъ онъ засыпаетъ и прокарауливаетъ,—кобылицы разбѣгаются по кустамъ; но ему помогаютъ за оказанное прежде милосердіе пчела, мышь и ракъ; созванныя ими пчелы, мыши и раки поочередно собираютъ кобылицъ и пригоняютъ къ Ивану-царевичу (въ бѣйскомъ варіантѣ о Русой Русѣ Иванъ-царевичъ служитъ у какой-то вдовы богатыря то же три ночи; у вдовы тридцать три кобылы: это обращенныя ея три дочери и тридцать черныхъ дѣвушекъ; пособниками Ивана-царевича являются пауты, волки и щука; послѣдняя нагоняетъ на кобылицъ большую воду. Зап. Подъогдѣла, т. I, в. 1, стр. 112, 113. У Аѳанасьева, № 95 Ѳедоръ Тугаринъ служитъ у бабы, пасетъ двѣнадцать ея кобылицъ и получаетъ жеребенка; стр. 236; въ моей статьѣ «Сказка съ 12 персонажами" въ „Этн. Об.", IVIII, 10 по ошибкѣ вмѣсто 12 поставлено 7 кобылицъ). Въ этомъ мѣстѣ въ сказкѣ появляется мотивъ изъ сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя (см. мою статью: «Сказка съ двѣнадцатью персонажами», Этн. Обозр., LVI, LVII, LVIII и LIX, въ которой сведены сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, о двѣнадцати ученикахъ Оха и друг.); Иванъ-царевичъ долженъ самъ выбрать одну изъ двѣнадцати ко-

былицъ; конечно, онъ ошибся бы и выбралъ бы лучшую по наружному обманчивому виду, но одна изъ кобылицъ подсказываетъ ему: „пасъ всѣхъ къ колодѣ разставятъ и насыплютъ всѣмъ овса; мы будемъ всѣ жирныя и гладкія, а наша младшая сестра бѣжать-то больно быстра, она будетъ въ колодѣ лежать; ты скажи бабушкѣ: ладно мнѣ гоняя-то! вынь ее изъ колоды, обратай мочалкомъ и привяжи за опояску». Иванъ-царевичъ такъ и дѣлаетъ.

Изъ всѣхъ сказокъ, сведенныхъ мною къ типу сказки о Кощеѣ (см. Эти. Об., LVIII, 8), самарская сказка пока единственная, въ которой я нашелъ затруднительный выборъ одной изъ двѣнадцати. Кончается самарская сказка финальнымъ мотивомъ изъ сказки о Кощеѣ; Иванъ-царевичъ увозитъ Марью Красу на кобылицѣ, полученной отъ бабушки; двѣнадцать братьевъ садятся на двѣнадцать пѣжинъ и догоняютъ его; кобылица подъ Иваномъ-царевичемъ, „взвилась, какъ бѣлый лебедь", пѣгая кобыла выше, а подъ Иваномъ-царевичемъ (у Садовникова подъ Васильемъ очевидно описка) кобылица еще выше. Смерть всадниковъ на двѣнадцати пѣжинахъ не досказана.

Сказки, построенныя по типу сказки о Кощеѣ дѣлятся на двѣ группы. Въ одной—смерть Кощея скрыта въ яйцѣ подъ дубомъ; чтобы убить Кощея, нужно добыть яйцо; противникъ Кощея совершаетъ поѣздку за яйцомъ, дорогой выказываетъ свое не нкодушіе одному, другому и третьему животному и потомъ, когда онъ три раза теряетъ свою добычу изъ подъ дуба, три животныя помогаютъ ему найти потерю. Сюда относятся сказки у Афанасьева №№ 93, *a*, 93, *b*, 93, *c*, 95 и 97; у Садовникова, № 61; у Романова, Бѣлорусск. сборникъ, № 8 (стр. 72) и въ этомъ выпускѣ Записокъ Подъотдѣла, № 16.

Во второй группѣ дуба и яицъ нѣтъ; чтобы убить Кощея, нужно достать коня, который взлеталъ бы на воздухъ выше коня подъ Кощеемъ; для этого противникъ служитъ у женщины, имѣющей дочерей, которыя обращены въ кобылъ; и здѣсь являются три помогающихъ животныхъ; они помогаютъ герою пасти кобылъ, и когда тѣ разбѣгаются и скрываются, они ихъ собираютъ и сгоняютъ. Къ этой группѣ принадлежатъ сказки: Афанасьевъ №№ 94 и 95 (послѣдній номеръ одинаково входитъ въ составъ и второй и первой группы); въ Записк. Подъотдѣла, т. 1, в. 1, № 55; Гринченко, Этногр. матеріалы Черниг. губ., в. 1, № 159. Сюда же относятся и самарская сказка, Садовниковъ, № 4.

Вмѣсто Кощея въ самарской сказкѣ двѣнадцать братьевъ, сидящихъ

на одной лошади. Подобное представленіе мнѣ извѣстно только изъ стараго французскаго романа: четыре брата, сыновья Aimon'a ѣдутъ на одномъ конѣ (Вост. мотивы, 186, 187) и изъ тибетской сказки: три дѣвицы, ѣдущія на одной лошади (см. Этн. Об. VIII, 142.) Русская былина и сказка знаютъ Соловья Разбойника, который сидитъ одинъ на девяти или двѣнадцати дубахъ и имѣетъ 12 роговъ (Вс. Миллеръ, Очерки, 105). Едва ли такое представленіе можетъ быть признано за продуктъ свободной индивидуальной фантазіи; трудно придумать, какимъ путемъ свободное человѣческое воображеніе, не стѣсняемое навязанными рамками, могло притти къ представленію о двѣнадцати всадникахъ на двѣнадцати пѣхинахъ т. е. на одной лошади. Мнѣ кажется, что это представленіе вынуждено наблюденіемъ надъ какою то двѣнадцати-членною реальностью, которая оформливалась то въ видѣ одной цѣльной фигуры, то въ видѣ двѣнадцати отдѣльныхъ фигуръ. На одномъ мѣстѣ въ разныхъ варіантахъ стоятъ: 1) Кощей Безсмертный, 2) змѣй (у Афан., въ подстрочномъ вар. къ № 93, *c*, въ подстрочномъ варіантѣ къ № 94 и въ № 95—двѣнадцатиглавый) и 3) двѣнадцать братьевъ на одномъ конѣ.

Отраженій Еруслана на второй половинѣ самарской сказки не замѣтно. Въ сказкѣ объ Русланѣ есть) «старый кряковистый» дубъ, у котораго слетаются птицы хохотуни, обращающіяся въ дѣвицъ, но Каракульскій дубъ самарской сказки обставленъ другими чертами; къ нему ходятъ за мертвой и живой водой. За перенесеніемъ эпизода о спасеніи царевны отъ змѣя въ число подвиговъ Василья царевича, Ивану царевичу отъ Еруслана осталась только поѣздка въ Солнечное царство и бой съ сыномъ; на этотъ эпизодъ въ самарской сказкѣ нѣтъ ни одного намека; въ свою очередь изъ спеціальныхъ деталей сказки о Кощеѣ ни одной не замѣчается въ сказкѣ объ Русланѣ. Но не мѣшаетъ отмѣтить, что въ персидской Рустеміадѣ, связь которой съ Русланомъ несомнѣнна, есть разсказъ о томъ, какъ Рустемъ тщетно борется съ Исфедіаромъ; тѣло послѣдняго для обыкновенныхъ орудій невредимо; жизнь Исфендіара связана съ вязомъ, который растетъ у Чинскаго моря; Рустемъ достаетъ вѣтвь этого дерева, дѣлаетъ стрѣлу и ею убиваетъ Исфендіара.

Въ яицѣ не всегда скрывается смерть Кощея; иногда въ немъ бываетъ заключена другая сила. У Афанасьева въ сказкѣ № 128 „Царь дѣвица“ вар. *a*: за окіянъ-моремъ дубъ, сундукъ, заяцъ, утка, яицо, въ яицѣ любовь Царь дѣвицы; Иванъ, купеческій сынъ добываетъ яицо и женится на Царь-дѣвицѣ (въ вар. *b* Царь-дѣвицу добываетъ Василій-

царевичъ; яица нѣтъ; ему помогаютъ три помощника: левъ, змѣй и воронъ; у льва повислыя вѣки, которыя ему поднимаютъ «семеры дѣти» желѣзными вилами; въ бійской сказкѣ отвислыя вѣки отнесены къ Кощею; передъ тѣмъ, какъ получить Царь-дѣвицу, Василій царевичъ вступаетъ въ троекратный бой съ Иваномъ, русскимъ богатыремъ—отголосокъ сказки объ Еруланѣ такъ же, какъ и пастухъ Ивашка, бѣлая япанча, сорочинская шапка, указывающій Ивану царевичу коня?)

Новое значеніе связано съ яицомъ въ сказкѣ Афанасьева № 97 «Хрустальная гора». Царевна заточена въ хрустальную гору; Иванъ-царевичъ, обратившись въ муравья, чрезъ малую трещину проникаетъ къ царевнѣ, узнаетъ отъ нея, что для ея освобожденія нужно достать сѣмячко, которое въ яичкѣ, въ уткѣ, зайцѣ, сундукѣ, сундукъ въ двѣнадцати-головомъ змѣѣ, который живетъ въ озерѣ, который и заточилъ царевну въ хрустальную гору. Иванъ-царевичъ убиваетъ змѣя, достаетъ сѣмячко, жжетъ его, приставляетъ къ горѣ и гора растаяла, царевна вышла (ср. съ монгольскимъ преданіемъ о горѣ Эргене—хонъ, въ которую были заточены монгольскія племена; бокъ горы былъ расплавленъ огнемъ и племена вышли). Яйцо - это талисманъ, который избавляетъ отъ напасти и насилія и доставляетъ жизнь, счастье, любовь царевны, и который хранится на серединѣ моря, на островѣ подъ дубомъ или на дубѣ, иногда плаваетъ въ кокорѣ (Афан., № 93, *b*), иногда хранится на днѣ моря. Въ сказкѣ у Чубинскаго № 52 яйцо въ желѣзномъ столбѣ, который находится въ морѣ глубоко подъ водой; искателю помогаютъ три его зятя; дмухнулъ старшій зять, вода разлилась, но столбъ не показался; дмухнулъ средній—все еще столба не видно, дмухнулъ третій и столбъ обнажился; выворотили столбъ и взяли яйцо. Въ другихъ случаяхъ талисманъ являлся въ видѣ камня (каменекъ, которымъ Ѳедоръ Тугаринъ убилъ змѣя, Афан., № 95) или въ видѣ перстня. Въ сказкѣ о богатырѣ Иванѣ Сучичѣ (Записки Красн. Подъотдѣла, I, в. 1, стр. 59) уже добытая царевна обращается въ кольцо, которое падаетъ на дно моря; чтобы найти его, пришлось удалить воду и обнажить морское дно, какъ въ № 52 у Чубинскаго. Это все талисманы неодушевленные, но по монгольскому и вообще ордынскому вѣрованію талисманы или онгоны бываютъ и живые; они бываютъ въ видѣ лошадей или людей. Во второй группѣ сказокъ о Кощеѣ мы имѣемъ разсказъ о добываніи живого талисмана подъ видомъ лошади, которую тоже иногда находятъ у моря, какъ у Афанасьева въ сказкѣ № 94 „Марья Моревна“; чудная кобылица гуляетъ у синяго моря; двѣнадцать косцевъ впереди

ся идутъ и сѣно косятъ, 12 гребцовъ сѣно гребутъ, а она все поѣдаетъ; каждый мѣсяцъ кобылица ржаетъ жеребенка, но за кобылицей ходятъ двѣнадцать волковъ, подкарауливаютъ и жеребенка съѣдаютъ (по киргизскому повѣрью два коня (или одинъ конь) ходятъ во кругъ Полярной звѣзды, которая представляется въ видѣ желѣзнаго столба, а за ними (или за нимъ) ходятъ и подкарауливаютъ семь воровъ, семь звѣздъ Большой Медвѣдицы). Иванъ-царевичъ улучаетъ моментъ и отбиваетъ жеребенка у волковъ; этотъ жеребенокъ превосходитъ въ быстротѣ и силѣ того коня, на которомъ ѣздитъ Кощей.

Бѣйская сказка о Русой Русѣ называетъ коней подъ Кощеемъ и Иваномъ-царевичемъ братьями. Это подробнѣе выясняется изъ сказки о Маріѣ Моревнѣ у Аѳанасьева (№94). Подобно другимъ похищеннымъ царевнамъ, лаской вывѣдывающимъ у Кощея тайну объ яйцѣ, и Марья Моревна выспрашиваетъ у Кощея, гдѣ онъ достаетъ своего коня. Кощей разсказываетъ, что за „огненной рѣкою" живетъ баба—яга; у нея есть кобылица, на которой баба—яга каждый день вокругъ свѣта облетаетъ; Кощей служилъ у ней три ночи пастухомъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то получилъ жеребенка отъ той кобылицы. Иванъ-царевичъ пасетъ по три ночи кобылицъ бабы—яги, воруетъ жеребенка и одолѣваетъ Кощея. Чтобы взлетѣть выше Кощея (этого мотива въ сказкѣ о Маріѣ Моревнѣ нѣтъ, но его можно предполагать по аналогіи), Иванъ-царевичъ обращается къ тому же источнику, гдѣ досталъ свое могущество самъ Кощей—подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ, (Samuel Krauss, Das Leben Jesu nach jüdischen Quellen, Berlin, 1902) Іешуа свой талисманъ, пергаментъ съ именемъ Бога, дающій ему возможность подниматься на воздухъ, воруетъ въ храмѣ, а его противникъ, чтобы взлетѣть выше его, отправляется въ тотъ же храмъ и тоже пріобрѣтаетъ пергаментъ съ именемъ Бога.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Кощей убиваетъ Ивана-царевича, но кто-нибудь воскрешаетъ убитаго. Въ бѣйской сказкѣ о Русой Русѣ Кощей разорвалъ Ивана-царевича и бросилъ; братья Русы заставляютъ воронихху принести живой и мертвой воды и оживляютъ царевича. У Аѳанасьева, въ сказкѣ № 95 змѣй убилъ Ѳедора Тугарина; зятья Ѳедора достаютъ цѣлющей воды и оживляютъ его (стр. 235). Въ сказкѣ «Марья Моревна» (Аѳан., № 94) Кощей три раза гонится за Иваномъ-царевичемъ, два раза оставляетъ живымъ, въ третій Кощей изрубилъ Ивана въ куски, склалъ въ смоленую бочку, оковалъ ее обручами и бросилъ въ море; три зятя воскрешаютъ Ивана; орелъ поднимаетъ вѣтеръ и волную-

щееся море выкатываетъ бочку на берегъ, соколъ поднимаетъ бочку на воздухъ и бросаетъ на землю; бочка разсыпалась; воронъ приноситъ цѣлющей воды; зятья перемыли кусви, склали, спрыснули, Иванъ-царевичъ ожилъ (стр. 233).

Въ сказкѣ „Про Кота безсмертнаго и Марью Ерндьевну“ (Садовниковъ, № 61) Кощей убилъ Иванъ-царевича, изрубилъ на мелки куски и раскидалъ по чистому полю. Прибѣжала собака со щенятами, собрала куски, приставила ихъ вмѣстѣ, сбѣгала въ горы, принесла живой и мертвой воды, спрыснула мертвой, тѣло срослось, спрыснула живой, царевичъ ожилъ (стр. 200).

Въ сказкѣ о „Марьѣ Красѣ, черной косѣ“ (Садовниковъ, № 42) двѣнадцать братьевъ Марьи догнали Ивана-царевича, изрубили на мелки куски, разбросали по степи; братъ Ивана, Василій-царевичъ оживляетъ его; его жена и ея двѣ сестры, слѣдовательно *три* сестры молятся со слезами „великому, старому Каракульскому дубу“ и дубъ отпускаетъ имъ живой и мертвой воды; тогда онѣ раскиданное мясо склали, по суставамъ расклали, мертвой водой помазали, живой спрыснули, Иванъ царевичъ ожилъ (стр. 38) Ср. съ русскимъ народнымъ повѣрьемъ о лунныхъ ущербахъ—Богъ крошитъ мѣсяцъ на звѣзды. Параллели къ разсказу о собираніи изрубленныхъ частей и о составленіи изъ нихъ цѣлаго тѣла см. Потанинъ, Танг-тиб. окр. Китая, II, 122).

Въ моей статьѣ: „Сказка съ 12 персонажами“ было указано, что сказка о Кощеѣ нѣкоторыми своими частями соприкасается со сказками, въ которыхъ разработанъ мотивъ: затрудненный выборъ. У Садовникова въ № 61 инцидентъ съ подобнымъ мотивомъ введенъ въ самое сказку о Кощеѣ. Конечно это еще неуказываетъ на органическую принадлежность этого мотива къ сказкѣ о Кощеѣ. Онъ могъ явиться случайно, по капризу разсказчика подъ вліяніемъ его большой наслышанности въ области сказокъ; дѣйствительно, въ одной изъ сказокъ, обрабатывающихъ мотивъ затрудненный выборъ, Иванъ, крестьянскій сынъ выбираетъ себѣ невѣсту изъ семи дочерей бабы-яги (Зап. Подъотдѣла, т. I, в. I, стр. 67). Не былъ ли этотъ мотивъ существеннымъ образомъ связанъ съ сказкой о Кощеѣ, другими словами, представленіе о кобылицахъ, которыхъ пасетъ Иванъ царевичъ, не было ли основано на той же реальной основѣ, какъ и представленіе о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, и не слѣдуетъ ли тѣ варіанты сказки о Кощеѣ, въ которыхъ нѣтъ затрудненнаго выбора, считать дефектными редакціями? Этотъ вопросъ остается открытымъ въ ожиданіи новыхъ матеріаловъ и новыхъ записей сказки о

Кощеѣ. Впрочемъ однимъ документомъ изъ этого ожидаемаго матеріала слѣдуетъ признать варіантъ еврейской легенды о Егошуа, напечатанный у Крауссa (1. c., стр. 105), въ которомъ разсказано, что Егошуа, опасаясь быть схваченымъ, бѣжалъ изъ Іерусалима въ другой городъ, но вновь возвращается въ Іерусалимъ со своими учениками; чтобы учитель не былъ узнанъ, и онъ, и его ученики явились въ Іерусалимъ—одѣтыми въ одинаковое платье; іерусалимскіе чины затрудняются узнать, который въ толпѣ подлинный Егошуа и понадобился предатель, чтобы выручить ихъ изъ затрудненія.

Появленіе въ еврейской легендѣ этого мотива, намекающаго на народную сказку о двѣнадцати ученикахъ Оха, похожихъ другъ на друга и одинаково одѣтыхъ (лицъ въ лицъ, башмакъ въ башмакъ), трудно объяснить вліяніемъ современной народной сказки. Авторъ еврейской легенды могъ внести въ ея составъ деталь изъ сказки объ Охѣ только въ томъ случаѣ, если ему ясно бросалось въ глаза сходство остовозъ этихъ двухъ произведеній народной литературы; между тѣмъ тутъ этого условія нѣтъ; чтобы установить связь между ними нужно сдѣлать рядъ сопоставленій, совершить сложный процессъ. Современный фольклористъ выполняетъ эту работу, понуждаемый интересомъ науки. Едва ли авторъ еврейской легенды имѣлъ потребность продѣлать тотъ-же самый сложный процессъ. А безъ этого появленіе въ еврейской легендѣ этой детали загадочно; ни остовъ легенды, ни деталя ея не могли напомнить ему сказку объ Охѣ. Въ виду этихъ соображеній появленіе интригующей детали нужно приписать не работѣ позднѣйшихъ разсказщиковъ, а первоначальной редакціи; мотивъ „затрудненный выборъ" зашелъ въ еврейскую легенду изъ народнаго фольклора, но не изъ современнаго, а болѣе древняго: онъ вошелъ въ нее въ моментъ ея возникновенія. Мы предлагаемъ такое предположеніе: основой для еврейской легенды послужила двухчленная народная сказка, т. е. сказка, состоящая изъ двухъ частей; такія сказки часто встрѣчаются: напримѣръ, русская сказка „Звѣриное молоко" состоитъ изъ двухъ половинъ; въ одной содержится разсказъ о дѣтяхъ, братѣ и сестрѣ, спасающихся бѣгствомъ отъ змія; во второй разсказъ о томъ, какъ змѣй соблазняетъ сестру и уговариваетъ ее убить брата. Сказка, послужившая источникомъ для еврейской легенды, вѣроятно въ одной части была построена по типу сказки о двѣнадцати ученикахъ Оха, въ другой по типу сказки о Кощеѣ. Но разсказъ о двѣнадцати ученикахъ и о затрудненномъ выборѣ одного изъ нихъ, выпалился изъ большинства варіантовъ еврейской легенды и намекъ на него сохранился только въ варіантѣ, напечатанномъ въ книгѣ Крауссa на стр. 88—117.

Г. Потанинъ.

26. О Вавилонскомъ государствѣ.

П. Н. Ждановъ, пригодя въ своей статьѣ „Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ Владимірскихъ“ (Русскій былевой эпосъ. Изслѣд. и мат. I-V. СПБ. 1895.) самарскую сказку о Бормѣ-Ярыжкѣ, записанную Д. Н. Садовниковымъ (Зап. Рус. геогр. об., по Отд. Этногр., т. XII, 1884 г., стр. 22—27), высказываетъ мнѣніе, что въ основѣ ея, подобно русско-византійской повѣсти о Вавилонѣ, разобранной акад. А. Н. Всеволовскимъ въ „Славянскомъ сборникѣ“ (т. III. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ), лежалъ текстъ аналогичный съ тѣмъ, который переработанъ былъ Генрихомъ von Neustadt въ поэмѣ „Apollonius von Tyrus“. Въ доказательство этого мнѣнія онъ указываетъ на параллелизмъ поэмы и сказки. Бердская сказка „О Вавилонскомъ государствѣ“ представляетъ почти совершенно точный сколокъ съ самарской. Какъ въ той, такъ и въ другой герой—добровольно вызвавшійся отправиться въ Вавилонъ за царскими вліяніями. Снаряженіе его въ путь, пустынное положеніе Вавилонскаго царства, погоня за обманувшимъ царь-дѣвицу посланцемъ, его дальнѣйшія приключенія—описаны въ самарской и бердской сказкахъ очень сходно. Есть, однако, одно значительное различіе между этими двумя сказками, именно: въ самарской отсутствуетъ эпизодъ встрѣчи возвращающагося изъ Вавилона посланнаго съ *Оплеталомъ*. По поводу этой встрѣчи мы имѣемъ высказать нѣкоторыя соображенія, съ цѣлью дополнить, быть можетъ, аналогію русской сказки и нѣмецкой поэмы. Существо, называющееся Оплеталомъ, описано въ сказкѣ такъ: „Нападаетъ Оплетало, воткнулъ свой носъ, начинаетъ изъ (и) его (солдата) кровь пить и говоритъ солдату: „Солдатъ, неси меня въ самое теплое мѣсто“! А солдатъ занесъ въ самое низкое мѣсто, холодное. Занесъ въ холодное мѣсто, Оплетало оборвался, съ солдата упалъ“. Только. Изъ этого описанія Оплетало представляется какимъ-то страннымъ и загадочнымъ существомъ, чѣмъ то вродѣ вампира народныхъ повѣрій, противнымъ, присасывающимся, любящимъ тепло и теряющимъ силы въ холодѣ гадомъ, но едва ли человѣкомъ. Цитируемъ далѣе сказку: „Потомъ солдатъ побѣжалъ на побѣгъ, побѣжалъ до Сайгановской грани и завернулся за столбъ. И Оплетало явился къ нему. И тогда рычалъ Оплетало солдату: „Завидишь домъ большой, не заходи въ него“. Изъ послѣдующаго разсказа явствуетъ, что въ этомъ домѣ жилъ одноглазый силачъ-Сайгачъ, который чуть не погубилъ солдата. Такимъ образомъ, мы можемъ установить слѣдующую версію помянутаго эпизода: только что спасшійся отъ змѣй посланный встрѣчаетъ животное, сначала враждебно отнесшееся къ

нему, но потомъ подавшее добрый совѣтъ для благополучнаго продолженія пути. Но такое же помогающее животное мы встрѣчаемъ и въ поэмѣ „Apollonius von Tyrus“: тамъ Лоній (Аполлоній), отправившійся по порученію короля Романіи Nemrot'a въ Вавилонъ, успѣваетъ благополучно выбраться оттуда, благодаря помощи инорога Milgot'a, который снабдилъ его какимъ то волшебнымъ зельемъ. П. Н. Ждановъ сравниваетъ Milgot'a со львомъ сказки, но онъ самъ не вполнѣ увѣренъ, что эпизодъ встрѣчи Бормы со львомъ отнесенъ въ заключительную часть сказки удачно. Намъ кажется, что еслибъ онъ зналъ эпизодъ съ Оплеталомъ, то не пренебрегъ бы этой новой параллелью между поэмой von Neustadt'a и русской сказкой. У Садовникова (ibid m) есть сходное имя въ сказкѣ объ Иванѣ Туртыгинѣ, но тамъ фигура *Заплатая Заплатанча* является совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи.

Что касается загадочныхъ терминовъ царскихъ инсигній—колона и челона, то ихъ значеніе разоблачается сравненіемъ бердской сказки съ различными редакціями русско-византійской повѣсти, въ которыхъ „знаменія Вавилона“ состоятъ, главнымъ образомъ, въ порфирѣ, царскомъ жезлѣ и шапкѣ Мономаховой. Въ большинствѣ варіантовъ сказки тоже добываются обыкновенно порфира, царскій костыль или скипетръ и корона. Въ бердской сказкѣ корона—налицо. Подъ колономъ, вѣроятно, разумѣется скипетръ, царскій костыль; эту догадку мы основываемъ на томъ, что въ серединѣ сказки перечисляются вмѣсто „колону, короны и челону“, какъ въ началѣ, „челонъ, *костыль* и корона“. Относительно челона остается уже предположить, что это ничто иное, какъ порфира.

27. О Иванѣ крестьянскомъ сынѣ. Имена Грузія, Грузинецъ (Грузинесъ)—новыя въ русской сказкѣ.

29. Объ Идолищѣ. Какъ въ этой сказкѣ, такъ и въ № 37 настоящаго сборника. „О двойнѣ- сестрѣ съ братомъ и его охотѣ“, представляющей варіантъ первой, имя Идолища впервые, насколько я знаю, пріурочено къ морскому чудовищу. Эпизодъ спасенія царевны напоминаетъ тему изъ народной сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ (см. № 355 у Аѳанасьева) и изъ духовнаго стиха о Георгіи Храбромъ. См. „Разысканія въ области русск. дух. стиха“, акад. А. Н. Веселовскаго, вып. I. Стихъ о св. Георгіи. Ср. съ нашей сказкой: № 1 въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ“ *Романова*, стр. 38; № 15 въ „Смоленск. этногр. сборникѣ“ *Добровольскаго*, стр. 495; у *Чубинскаго* въ „Трудахъ эти.-стат. экспед. въ зап.-русск. край“, т. II, № 49 (стр. 152), № 50 (159), № 75 (285), особенно № 48 (138); у *Гринченко*, Этногр. матеріалы, собран. въ Черниг. губ., вып. I, 1895, № 157 (стр. 149).

31. О Воронѣ Вороневичѣ. Какъ на очень сходный варіантъ этой сказки можемъ указать на сказки, помѣщенныя подъ № 71 въ сборникѣ Аѳанасьева (т. I) и записанныя въ Архангельской и Воронежской губерніяхъ. Тамъ есть почти всѣ темы бердской сказки: уносъ царицы, поиски ея тремя сыновьями, спускъ младшаго подъ землю, три металлическіе терема, свертываніе владѣній дѣвицъ въ клубки, споръ старшихъ братьевъ изъ-за красавицъ, чудесное перо и „молодцы“, съ помощью которыхъ герой, обманутый братьями, спасается изъ пропасти. Въ варіантѣ *c* (безъ обозначенія мѣста записи, быть можетъ—сводномъ) похититель царицы даже называется Воронымъ Вороновичемъ.

34. **О Маркѣ Скоробогатомъ.** Сказаніе о Маркѣ Богатомъ (Скоробогатомъ нашей сказки), источникомъ котораго была индійская повѣсть VI вѣка, очень распространено въ видѣ легенды въ Западной Европѣ и въ видѣ народной сказки въ восточной (Сумцовъ, „Этногр. Обозрѣніе“, кн. XX). Главный эпизодъ о юношѣ, которому достается счастье богача, въ бердскомъ варіантѣ въ полной неприкосновенности. Этотъ варіантъ, какъ и всѣ другіе русскіе, нарощенъ также началомъ, передающимъ легенду о Христѣ въ гостяхъ у мужика. Но въ немъ опущено окончаніе, приросшее на мусульманскомъ почвѣ и тоже довольно популярное въ Россіи, съ описаніемъ встрѣчъ и опросовъ эсхатологическаго характера. Но названо имя юноши, завладѣвающаго имуществомъ Марка Скоробогатаго: Василій Безсчастный или Василь Удовинъ сынъ. Весьма возможно, если не болѣе, что эти пропуски вполнѣ случайны, и потому мы воздержимся отъ высказыванія заключеній по ихъ поводу. Припомнимъ, однако, что на соединеніи двухъ темъ. 1) Богъ въ гостяхъ у человѣка и 2) встрѣчи и опросы, Г. П. Потанинъ („Извѣстія Об. археологіи, исторіи и этнографіи“, при казан. унив. XIII т. за 1895 г.) строитъ свою гипотезу объ общности источника русскаго и монгольскаго сказанія, также представляющаго собою соединеніе этихъ двухъ темъ; а на сходствѣ имени зятя Марка Богатаго съ именемъ *Василія Буслаева* основываетъ (ibidem) отчасти предположеніе, что и Василій Буслаевъ и зять Марка представляютъ собою одинъ и тотъ же персонажъ.

Ср. № 71 у *Аѳанасьева*; № 27 „Василь Удовинъ сынъ, богатаго Марочьи зять“, № 82 „Богъ въ гостяхъ“, № 83. „Марка Богатый“ у *Романова* („Бѣлорусскій сборникъ“); №№ 47 (стр. 133), 87 (стр. 341) „Мат. и изслѣд.“ *Чубинскаго*.

35. **О Львицѣ и двухъ царевичахъ.** Главнаго мотива этой сказки—львицы, воспитавшей царскаго сына—ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ

русскихъ сборниковъ сказокъ нѣтъ, включая сюда и Аѳанасьева. Между тѣмъ, годъ тому назадъ сказку о львицѣ я слышалъ также въ с. Коуракѣ Кузнецк. у. Томск. губ. (около 20 верстъ отъ Бердска). Повидимому, сюжетъ этотъ пользуется популярностью въ народѣ. Дѣло, однако, въ томъ, что существуетъ съ прошлаго десятилѣтія лубочное изданіе «Исторія о львицѣ, воспитавшей царскаго сына. Москва. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 3 к.". Очевидно, что раньше распространенія „Исторіи" Сытина въ народѣ ея не знали. Но на всякій случай я счелъ нужнымъ включить записанную въ Бердскѣ сказку въ это собраніе.

36. **По колѣнъ ноги въ серебрѣ.** Сказка о молодцѣ „по локоть руки въ золотѣ, по колѣнъ ноги въ серебрѣ" извѣстна всему читающему русскому люду въ стихотворной передѣлкѣ Пушкина (Сказка о царѣ Салтанѣ). См. слѣдующіе варіанты этой сказки: № настоящаго сборника; № 159 въ «Нар. русск. сказкахъ» *Аѳанасьева* (т. 2, изд. 1897); №№ 5, 26, 44 и 50 въ „Запис. Красноярск. Подъотд. Геогр. Общ., т. I, в. 1; 1902 г; № 61 въ „Бѣлорусск. сборникѣ" *Романова* (т. I, в. 3. Витебскъ, 1887).

37. **О двойнѣ.** См. сказку № 29 этого сборника.

38. **О кривомъ Ерахтѣ и объ отцѣ дьякончѣ.** Настоящая сказка, примыкая, несомнѣнно, къ сказаніямъ о человѣкѣ, обреченномъ дьяволу и спасшемся отъ него, приближается къ западной легендѣ о Робертѣ Дьяволѣ (Robert le Diable, Robb rt je Diable) и, слѣдовательно, къ циклу русскихъ сказокъ, указанныхъ И. П. Ждановымъ (Русскій былевой эпосъ, III. Василій Буславичъ и Волхъ Всеславьевичъ. Спб. 1895), какъ параллельныхъ западному преданію. Наиболѣе сходна бердская сказка со сказкой Аѳанасьева «Морской царь и Василиса Премудрая» (№ 125). Почти всѣ темы ея можно отыскать въ варіантахъ № 125-го, приведенныхъ Аѳанасьевымъ. Въ вариантѣ *а* событія слѣдуютъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и въ бердской сказкѣ. Для насъ въ послѣдней особенно интересенъ персонажъ Кривой Ерахта дьяволъ, которому продается, по незнанію, сынъ. Во всемъ обширномъ сборникѣ Аѳанасьева имя Ерахта встрѣчается лишь въ одной сказкѣ (№ 124 *а*), изъ которой извѣстно только, что это чортъ. Сходство между Ерахтой бердской сказки и Ерахтой Аѳанасьева заключается лишь въ томъ, что первый жилъ въ морѣ, а второй на островѣ среди моря. Впервые Ерахта выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго персонажа въ минусинской сказкѣ, записанной г-жей Адріановой (Зап. Краен. Подъотдѣла Геогр. Общ., т. I, в. 1, 1902 г., № 34). Здѣсь, какъ и въ бердской: (Ертхва

кривой; 2) онъ имѣетъ дочь; 3) задаетъ пришедшему къ нему герою сказки различныя трудныя порученія; 4) по разрѣшеніи всѣхъ задачъ герой женится на дочери Ерахты и, наконецъ, 5) увозитъ ее домой, гдѣ и заживаетъ счастливой жизнью. Продажи сына въ минусинской сказкѣ нѣтъ, но кончается она въ очевидной параллели съ бердской, что невольно соблазняетъ высказать предположеніе объ общности ихъ источника. Намъ возразятъ, что это стоитъ въ противорѣчіи съ другими варіантами, именно съ указанными сказками (подъ № 125) Афанасьева. Почему бердская сказка имѣетъ общій источникъ съ минусинской, а не со сказкой № 125 *в* Афанасьева, представляющей еще болѣе сходства съ ней и лишь не содержащей имени Ерахты? Чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить это несомнѣнное сходство? Эти вопросы и недоразумѣнія должно, по нашему мнѣнію, разрѣшить слѣдующее толкованіе. Общій источникъ бердской и минусинской сказокъ и есть именно сказка № 125 *в* Афанасьева. Только минусинская заимствовала конецъ (нѣсколько видоизмѣнивъ его) уже изъ бердской, еще прежде этого замѣнившей названіе злого существа—Морской царь болѣе подходящимъ—Кривой Ерахта т. е. чортъ. Таково, мы думаемъ, мѣсто бердской сказки въ исторіи разселенія сюжета о проданномъ дьяволу человѣкѣ.

Сообщу кстати другой варіантъ эпизода о ссорѣ мыши съ воробьемъ, слышанный мною также въ с. Бердскомъ, но отъ другого сказателя. „Жилъ былъ воробышекъ, леталъ онъ къ мужичку на гумно воровать зернышки. Мужичекъ ему перешибъ крылышко, безъ крылышка побѣжалъ воробышекъ подъ кладь, подъ лабазъ. Спрашиваетъ его мышка: „Объ чемъ плачешь, воробышекъ?“ И говоритъ воробышекъ: „Вотъ я у мужичка воровалъ зернышки, мужичекъ перешибъ мнѣ крылышко, кормиться безъ крылышка не могу. Пойдемъ со мной воровать, мышка“. Вотъ мышка прокопала нору подъ самый ворохъ. Натаскали они зернышекъ много и стали дѣлить. У ихъ одно зернышко осталось лишне. Воробей не отдаетъ и мышка не отдаетъ. И собрали свѣ судъ. Мышка—Змѣя Горыныча, воробышекъ—сизого орла. Затѣмъ между птицами и звѣрями начинается битва. Сл. № 21 „Сынъ продадзёный“ въ «Бѣлорусск. Сборн.» *Ромрнова*; № 28 на стр. 568 „Сунта мышки съ гирябьемъ“ и пр. въ „Смоленскомъ этногр. сборникѣ“ *Добровольскаго* (Спб. Изд. Геогр. Общ. 1891); № 5 (стр. 17) и № 54 (стр. 180) въ Матеріалахъ и изслѣд. П. П. *Чубинскаго* (Труды этн.-ст. эксп. въ Зап.-р. край. т. 2-й Спб., 1878); № 160 (стр. 165) въ Этногр. мат., собран. въ Черниг. губ. *Гринченко* (в. 1, 1895 г.).

39. **О Настасьѣ Прекрасной.** См. № 85 „Кунчикъ небогатый" въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ" *Романова* (1887 г.); №№ 14 и 13 (стр. 52 и 59) въ „Матер. и изслѣд." *Чубинскаго.*

41. **О трехъ братьяхъ по локоть въ золотѣ.** См. сказку № 36 этого сборника.

42. **Какъ два царя на одной женѣ женились.** Новыхъ сюжетовъ въ такомъ небольшомъ собраніи, какъ это, ожидать нельзя, но, кажется, сказка „О томъ, какъ два царя на одной женѣ женились", отзывающая, кстати сказать, какъ будто духомъ морали, не имѣла еще представителя въ напечатанныхъ до сихъ поръ матеріалахъ.

Вал. Булгаковъ.

27. **Иванъ крестьянскій сынъ.** Въ собраніи сказокъ, записанныхъ въ бѣлскомъ уѣздѣ и напечатанныхъ въ Запискахъ Красн. Подъотдѣла, т. I, в. 1, есть одна (№ 53), соединенная съ именемъ Крестьянскій сынъ, но бердская сказка напоминаетъ ее одной только подробностью; въ бѣлской сказкѣ родится мальчикъ по колѣна ногъ въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ; въ бердской прибѣгаетъ конь по колѣна ноги въ золотѣ, хвостъ и грива въ серебрѣ. Сюжетъ бердской сказки ничего общаго съ бѣлской не имѣетъ; онъ состоитъ изъ трехъ эпизодовъ; 1) пріобрѣтеніе покровителя; Иванъ крестьянскій сынъ выручаетъ какого-то какъ будто закодованнаго человѣка изъ огня и тотъ оказываетъ Ивану услуги, даритъ ему полезные сверхестественные подарки и воскрешаетъ Ивана, когда тотъ былъ убитъ; 2) вражда съ Концемъ изъ-за женщины и 3) превращенія Ивана, крестьянскаго сына (тема Аписа) и казнь женщины измѣнницы. Бердская сказка напоминаетъ схему египетскаго романа о двухъ братьяхъ. Иванъ, крестьянскій сынъ это Битью, дочь царя Грузина—та женщина, съ которою Битью живетъ, а Концей это фараонъ, который отнимаетъ женщину у Битью, а его самого убиваетъ. Иванъ крестьянскій сынъ отправляется къ Концею, чтобы отмстить ему за насиліе, подобно тому, какъ Битью съ тою же цѣлію отправляется къ фараону. Битью при этомъ превращается сначала въ быка; быкъ, убитый по навѣту бывшей подруги Битью обращается въ дерево; по требованію женщины измѣнницы дерево срублено; одна щепка попала въ ротъ царицы, она зачала и родила мальчика, который, выросши, отмститъ измѣнницѣ. Въ бердской сказкѣ вмѣсто быка конь съ серебряной гривой и золотыми ногами. Если конь бердской сказки съ необыкновенными признаками, то и быкъ египетской сказки то же необыкновенный; онъ съ признаками быка-писа. Важнѣйшее отличіе бердской сказки отъ египетскаго памятника въ

томъ, что въ послѣднемъ искрометельствующимъ лицомъ выставленъ Анпу, старшій братъ пострадавшаго Битью; Анпу оживляетъ убитаго брата и, когда тотъ превратился въ быка, ѣдетъ на немъ въ столицу фараона. Бердская сказка ничего не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ Ивана крестьянскаго сына къ человѣку, котораго онъ выручилъ изъ огня и который потомъ воскрешаетъ его самого.

Въ египетскомъ романѣ иначе происходитъ женитьба Битью; семь проходящихъ боговъ создаютъ ему подругу. Въ бердской на царя Грузинца напалъ Кощей, Иванъ крестьянскій сынъ побѣждаетъ Кощея и женится на дочери Грузинца. Подобный инцидентъ въ другихъ сказкахъ передается иначе; въ бердской сказкѣ Иванъ добровольно и случайно является на выручку царя Грузинца, обчасиловованнаго Кощеемъ; въ другихъ сказкахъ обчасиловованный царь самъ насылаетъ будущаго своего спасителя, силой заставляя его придти на помощь. Такъ въ тюрко-сибирской сказкѣ о Иръ-тушлюкѣ обчасиловованный змѣиный царь или, какъ надо полагать, ханъ, принявшій на этотъ случай видъ змѣи или царя змѣй, окружаетъ свернувшись кольцомъ, отца Иръ-тушлюка и не выпускаетъ изъ кольца до тѣхъ поръ, пока тотъ не далъ ему обѣщанія отдать ему сына. Намекъ на этотъ заколдованный кругъ слышится въ запретной чертѣ, которая мѣшаетъ Ивану, крестьянскому сыну подойти къ огню въ первомъ эпизодѣ сказки.

На схемѣ—увозъ жены, измѣна жены старому мужу и казнь ея—построенъ одинъ изъ выводовъ монгольской книжной повѣсти о Гэсэрѣ. Три ширайгольскихъ царя увозятъ у Гэсэра его жену Рогмо-гоа. Съ бердской сказкой монгольская повѣсть совпадаетъ въ числовыхъ данныхъ персонала; въ бердской сказкѣ двѣ женщины, дочь Грузинца, измѣнница и дѣвка-черкавка, доброжелательно относящаяся къ Ивану, крестьянскому сыну; въ Гэсэріадѣ также двѣ: измѣнница Рогмо-гоа и другая, дружелюбно относящаяся къ Гэсэру; въ бердской сказкѣ два царя, Грузинецъ, отецъ жены Ивана, и Кощей, увозитель; въ Гэсэріадѣ три царя, изъ которыхъ рельефно вырисовываются два: одинъ—претендентъ на руку увезенной женщины, другой—отецъ женщины, дружественно поступающей съ Гэсэромъ.

46. Давидъ и Голіафъ. Это преданіе вноситъ одну мелкую подробность въ сказку о Вавилонскомъ царствѣ. Соллатъ приноситъ для русскаго царя корону, „золотой костыль“, который оставилъ послѣ себя на землѣ распятый и вознесшійся Христосъ, и камень, который былъ полученъ Давидомъ отъ ангела и посредствомъ котораго будетъ покоренъ весь міръ.

Въ сказкѣ о Вавилонскомъ царствѣ, записанной г. Булгаковымъ въ с. Бердскомъ, солдатъ приноситъ русскому царю „челонъ“, корону и „колонъ“; въ другомъ мѣстѣ той же сказки вмѣсто „колона“ стоитъ костыль. Загадочному „челону“ бердской сказки въ уймонскомъ преданіи соотвѣтствуетъ камень. По монгольски камень *чилонъ* или *цолонъ* (русское названіе камня „кашолонъ“ образовалось изъ тюрко монгольскаго *хасъ* или *кашъ*, „нефритъ“ и монгольскаго *цолонъ*, *шолонъ*). По монгольскимъ преданіямъ Чингисъ-хану съ неба были спущены по одному варіанту чаша съ виномъ, по другому бѣлая лошадь, по третьему камень хасъ т. е. нефритъ съ печатью; съ печатью, какъ аттрибутомъ власти, а въ преданіи о Чингисъ-ханѣ нужно разумѣть власти надъ всѣмъ міромъ. На ту же сказку о Вавилонскомъ царствѣ намекаетъ и одна подробность въ № 43, т. е. въ преданіи о томъ что прежде царей приносилъ чортъ съ востока. Чортъ несетъ человѣка на царство; съ человѣка падаетъ клобукъ (въ текстѣ каблукъ), но по словамъ чорта возвращаться не стоитъ, клобукъ остался уже въ 370 верстахъ сзади. Въ бердской сказкѣ о Вавилонскомъ царствѣ (см. выше, стр. 98) левъ (на мѣстѣ чорта) несетъ солдата; упавшая съ солдата шапка мгновенно очутилась въ 30 верстахъ назади.

Г. Потанинъ.

Указатели

къ IV тому Записокъ по этнографіи Красноярскаго Подъотдѣла И. Р. Географическаго Общества.

УКАЗАТЕЛИ КЪ I ВЫПУСКУ

Указатель собственныхъ именъ.

Алевуй царь 4.
Афимья Маріамна 14.
Аю—бодисатта 6.
Барма воръ 7, 98, 120.
Башмаки (примѣриваются) 37.
Безпечальный монастырь 37.
Богородица 114.
Вавилонское царство 4.
Васька, котъ 37.
Вейнемейненъ 5.
Викрамъ 7.
Глашко (Сынко—) 78.
Глынышекъ 78.
Голь—Голета 96.
Гуменъ ханъ 7.
Гунга Занданъ 8.
Гэсэръ 2, 8.
Демьянъ 58.
Дмитрій царь 51.
Домна ворожейка 127.
Дубыня богатырь 85.
Егорій Храбрый 14.
Егоръ Святогоръ 114.
Елена 20, 91.
Ерахта кривой 8, 59.
Жихарко 79.
Иванушко 18.
Иванъ 15—17.
Иванъ—богатырь 85.
Иванъ дуракъ 72, 106.
Иванъ Дѣвичій 57.
Иванъ крестьянскій сынъ 4, 65, 69.
Иванъ Кристоферъ 8.
Иванъ купеческій сынъ 101.
Иванъ Сучичъ 8, 57.
Иванъ царевичъ 24, 51, 57, 77, 85, 117.
Иванка 50.
Илья Муромецъ 96, 114.
Иръ-Тушлюкъ 8.
Ирыдъ царь 8.
Касьянъ, св. 2.
Кокытъ царь 8.
Короста 3, 63.
Кощеева дочь 86.
Кощей безсмертный 2, 86, 111.
Кузнеченокъ 117.
Лѣнь 114.
Маранда Прекрасная 2, 90.
Маріамна 14.

Марьятта 5.
Микола 15.
Миколка работникъ 30.
Миколушка 32.
Незнайка 20.
Неугомонъ царевичъ 2, 111.
Николай Святитель 125.
Николай чудотворецъ 99.
Отетъ 114.
Петръ I. 97.
Петро 127
Роутусъ 5.
Русая Руса 2, 111.
Санка 7.
Сайнъ—Гальбинъ 6.
Сатана , отецъ Кощея 87.
Сатанишна 87.
Святогоръ 114.
Семерыя дѣти Кошея 111.
Сивка, бурка вѣщая каурка, конь. 105.
Соломонъ 7.
Спиря 127.
Ставръ Гадиновичъ 8.
Сучичъ 57.
Сынко—глинко 34.
Тархъ Тариховичъ 36.
Усыня богатырь 85.
Христосъ 114.
Черный царь 90.
Чингисъ—ханъ. 6.
Шингысъ 6.
Шутъ Яшка 79.
Яга Ягишна 66, 117.
Ягишна 63, 66, 78.
Яшка шутъ 79.

Предметный указатель.

Баба—яга 103.
Баня 85, 90, 95, 102, 117, 118.
Баранъ 30.
Барьеръ 106.
Бичъ оживляющій 69.
Блины 29, 39, 78.
Боронъ, сорящій пшеницей 4, 63.
Боярышный кустъ 106.
Боченокъ 89.
Бочка въ морѣ 5, 25, 63, 104, 118; б. со смолой 98.
Братъ молочный 114.
Брови повисшія111.
Булавка смертельная 92.
Быкъ 4, 97, 104.
Вдова, у которой три дочери—кобылицы 113
Веселко золотое 14.
Вихрь (дастъ три подарка) 88.
Вода живая 78; сильная 52, 113; безсильная 52.
Волки 3, 119; волкъ 37, 86, 112 117.
Волосъ 51.
Волченокъ 102.
Волчица 101.
Волъ 121.
Ворожейныя книги 80.
Ворона приносящая живую воду 112; воронъ, прин. ж. в. 78.
Ворота 65, 104, 120.
Вѣдьма 36, 50.
Вѣки опущенныя 2.
Вѣничекъ золотой 4, 26.
Вѣники 3, 119.
Голова отрублена 98.

Головы на копьяхъ 94.
Голубка 88.
Гробница, гробъ 12, 39, 91, 100, 125; гр. золотой на золотыхъ лѣняхъ 77.
Гусп 50; гусь 71.
Гусли 67.
Двадцать дѣвицъ 90.
Двадцать четыре замка 51, 52.
Двѣнадцата—главый змѣй 52.
Двѣнадцать замковъ 51; кузнецовъ сыновей Демьяна 58; лѣтъ 71; мельниковъ 5, 63; разбойниковъ 30, 81, 91; цѣпей 66; часовъ ночи 16; шубъ 97.
Девять братьевъ разбойниковъ 80; д. сутокъ (солнце не всходило) 14.
Дубъ 3, 26, 50, (смерть Кощея) 86 102; дубы 96.
Дудочка, изъ которой выбѣгаютъ солдаты 94.
Дудочка, заставляющая плясать 106, ср. флейта.
Дупло 3, 119.
Дымъ, Божій сынъ 49.
Ерстица 16.
Желѣзная дверь 51; ж. мука 102, желѣзный конь, скованный Демьяномъ 58.
Жеребенокъ (подъ его видомъ колдунъ) 87: ж., братъ Кощеева коня 113.
Живая вода 78, 86, 101, 112; живое море съ ж. в. 112.
Жилъ 40, 41.
Заяцъ 37, (смерть Кощея) 86.
Звѣзды 24, 63, 103, 117.
Зеркало, черньющее передъ бѣдой 111.
Змѣи въ челов. утробѣ 101.
Змѣй двѣнадцати головый 22, 52; девяти головый 57, 89; семи головый 77; трехглавый 20, 57, 64, 71, 89: шести головый 21, 57, 89; змѣй кольцомъ 4, 64; пожирающій людей 20, 104; соблазнитель 101.
Змѣя 44.
Золотая маковка 67.
Золотая гора 76; золотой вѣнчекъ 26; гробъ 77; дворецъ 51; золотыя ноги 25, 63, 117; руки 103; рожки 4. 26.
Икона Миколы 15, 99.
Карета, въ которой катается солнце 14.
Карета золотая, въ которой плаваетъ Афимья Маріамна 14.
Карты 57, 94.
Какимора 32.
Кисель 39.
Клубокъ 13
Книги ворожейныя 80.
Коверъ самолетъ 103.
Коготь змѣя смертельный 103.
Клеймо 99, 106.
Кремль 37.
Колобки на материнскомъ молокѣ 26, 118.
Колодецъ ядовитый 89.
Колодцы охранные 67, 71.
Кольцо на днѣ морскомъ 59, 71; к. ядовитое 91.
Конь 18, 105; заколдованный въ подвалѣ зарытый въ назьмѣ 51; подъ желѣзной плитой на 12 цѣпяхъ 66; к. Кощея 113.
Корабли 104. Корабль 51; к. самолавъ 70.

Коробочка неистощимая 88.
Коровка золотые рожки 26.
Коршунъ 86.
Кости (катанье на нихъ) 79; ср. стр. 50.
Костыль 5, 68.
Котенокъ 62, 103.
Котокъ 25.
Котъ 4, 37, 64.
Кошелекъ неистощимый 94.
Кошка 57.
Крестикъ 126; кр. начерченый 94.
Крестьянскій сынъ 65, 69, 76, 103.
Кровать ядовитая 57, 90.
Кровь 57, 58.
Кругъ зачерченый 100, 126
Кузнецъ 50, 85.
Кузница 58.
Лань златорогая 106.
Лисица 37.
Лодочка 50, 78, 104.
Львенокъ 102.
Лягушка 29.
Медвѣдь 37, 105.
Медвѣженокъ 102, 118.
Медвѣжья гора 105.
Мельница 5; м. чугунная 102.
Мертвое море съ мертвой водой 112.
Могила отцовская 105.
Молоко матери 26, 113, 114, 118; волчье 101; медвѣжье 102.
Монастырь 37, 99.
Море 20, 101; осушаемое до дна 59; см. мертвое м; живое м.
Мостъ 57; м. , на которомъ змѣй гремѣлъ 52; м. охраняемый змѣемъ 89; хрустальный построенный въ ночь 87.
Муха (указываетъ невѣсту) 2, 59, 90.
Мѣсяцъ 24, 63, 103, 117.
Мѣсячное платье 35.
Пора медвѣжья 104.
Образъ см. икона.
Огненная рѣка 66.
Огонь 33, 49; ог., въ которомъ сгораетъ Кощей 113.
Ожерелье, чернѣющее передъ бѣлой 112.
Озеро, въ которое обратились бѣглецы 88; въ которомъ живетъ змѣй 102.
Оплетай 8.
Орлиное гнѣздо 121
Островъ 100, 104; о., на которомъ 12мельниковъ и пр. 94.
Опурки въ котлѣ (души въ аду) 13.
Палецъ отрубленый 107.
Палаца 89.
Паутъ 112.
Перстень 127.
Платье подвѣнечное на днѣ морскомъ 72; царское 99; ядовитое 91.
Пляски 73, 106.
Понъ 30, 79.
Поцѣлуй забыдущій 88.
Преисподняя 51.
Пророки 119.
Прорубь 81,
Прутикъ изъ вѣника 117.
Прутья 100.
Птичка 70.
Разбойникъ 114.
Ремень изъ спины 107.
Рога 95.
Рубашка смертельная 18, 77.
Рука отсѣчены 15, 75.
Русскій 40.

Рыбки 17.
Рѣки огненная 66.
Рѣпа 72.
Рѣчка ядовитая 57.
Садъ, устроенный въ ночь 87.
Самокатка 35.
Свиная кожа 35, 42.
Свиныя золотыя щетинки 106; съ 3 поросятами 72; съ 12 поросятами 122.
Свѣтъ отъ ребенка 117.
Семиголовый змѣй 76.
Семь сестеръ, семь дочерей Яги, 66.
Семь братьевъ 76; сыновей 65.
Сердце сожжено 29.
Серебряный дворецъ 51; серебряныя руки 24, 63, 117; ноги 103.
Сибирякъ 41.
Симочка (охрана изъ колокольцовъ) 67.
Скатерть самобраная 103
Слѣпой богатырь 114.
Слюнки говорящія 87.
Смола кипящая 111.
Собака 71, 102.
Солдатъ 39, 40, 49, 51, 52.
Солнечное платье 35.
Солнце 13, 24, 103, 117.
Сорока 106; сороками теремъ обвѣшанъ 64.
Сорокъ бочекъ вина 77, 90, 98; волчатъ 101; дѣвицъ, моющихся въ банѣ 85 печей 90.
Старикъ 100, 125; за оченный 111.
Сума, въ которой половина земли 114.
Сумка съ молодцами 67.
Теремъ 3, 64.
Топоръ 85. Трехугольная избушка 118
Три бочки 102 головы 57; двери 51, дерева 70; дочеря 63, 117; д. вдовы въ видѣ кобылицъ 112; д. бабы—яги 57; д. Ягишны 78; д. попа 79 яди 100; загадки 44; колобка 58 118; коня заколдованыхъ 53; копейки 101; мальчика 26; молодца изъ боченка 89; ночи 89; 126; платья 35; поросенка 72; подарка вихря 88; прута 100; пули 29; серебренника 38; сестры 40, 88, 93, 103, сестры Яги 66; солдата Ивана 93; старца 42; сына 29, 72, 105, 120; топора 70; удара шапкой въ бѣгущаго коня 113.
Тридцать братьевъ 111; черныхъ дѣвицъ въ видѣ кабылицъ 112.
Тридцать пять замковъ 51.
Тридцать три кобылицы 112; молодца 68.
Тринадцать шубъ 97
Утка 71, 88, (смерть Кощея) 86.
Фасйта чертова 72
Хохлиха 122.
Хохолъ 40, 122.
Царевна 102.
Царская дочь 94, 100, 106, 125
Царскія врата 16.
Царь 37, 51, 93, 96, 100, 103 106, 111, 117, 125, 127; ц. Черный 90,
Церковь, построенная въ ночь 87; ц. въ которую обратились бѣглецы 88.
Черныя дѣвицы 112.
Четыря духовныя лица въ бѣлыхъ ризахъ 27; котла съ золотомъ 28; рыцаря 28.
Чертъ 42; ч. моркой 101.
Чурбанчикъ, чурка 25.

Шесть дверей 51; разбойниковъ 80; товарищей 59, 90.
Ширинка 66, 106
Шкатулка невидимка 94.
Шкурки лягушечьи 29.
Шенокъ 63 101, 117; щ.—кобелевъ 24.
Щука 86, 112; златоперая 57.
Яблоко сотворное 95; ябл.. отъ котораго вырастаютъ рога 95.
Яблоня ядовитая 57, 89.
Яга (баба) 24, 57.
Яицо 100; яицо—теремъ 64, 79; я., въ которомъ смерть Кощея 86.

Указатели

КЪ II ВЫПУСКУ

КЪ РУССКИМЪ СКАЗКАМЪ.

Указатель собственныхъ именъ.

Аimon 254.
Андрей Первозванный 248.
Авдонія (Европа) 86.
Анга—красавица 78; А. Прекрасная 250.
Анну 265.
Анфилогъ 248.
Арсентій 190.
Атисъ 264.
Баклашка (сучка) 1, 22.
Безручка 246, 247.
Битью 264.
Богородица 22, 250.
Богорча рѣка 192.
Большая Медвѣдица, созв. 250, 256.
Борма Ярыжка 259.
Булатъ молодецъ 249.
Бурка конь 79.
Бурмисъ, дочь лисы 8.
Буянъ островъ 75, 76.
Бѣловодье 192.
Вавилонское царство 94, 259.
Вавюшка 31.
Вавюшка, купеческій сынъ 136.
Василиса Кирбитьевна 249.
Василиса Протопопьешна 45.
Василій Безсчастный 261.
Василій Буслаевъ 261.
Василій, солдатскій сынъ 64.
Василій Царевъ 251.
Вихорь Вихоревичъ 132
Воронъ Вороновичъ 132, 159.
Голіафъ 191.
Грузинецъ 101, 265.
Грузія 101.
Гугонъ 251.
Гэсэръ 264.
Давидъ 191.
Домна 68.
Домна царевичъ 188.
Егорьевскій протекъ 192.
Егошуа 256, 258.
Елена Прекрасная 33, 250.
Ерахта Кривой 159, 162, 262.
Еруланъ Лазаревичъ 251, 254.
Жихарько 246.
Заплетай Заплетаничъ 260.
Змѣй Горыновичъ 154, 262.
Иванъ Голый 249.
Иванъ дуракъ 9, 18, 79, 81, 246.
Иванъ крестьянскій сынъ 98, 248, 264.

Иванъ майорскій сынъ 129.
Иванъ Сучичь 255.
Иванъ царевичъ 2, 45, 59, 75, 155, 248, 249.
Иванъ, царскій сынъ 115.
Ивашка 246; И., бѣлая епанча 251.
Идолище 116, 175; двухголовое 123; трехголовое 123.
Иръ—Тушлюкъ 264.
Исфендіаръ 254.
Іоаннъ Богословъ 188.
Каликарская земля 192.
Калтома 249.
Каракульскій дубъ 252, 257.
Карка богатырь 251
Касьянъ, св. 189.
Катома—дядки 249.
Каурка конь 81.
Климъ, воръ 69.
Копылокъ—царевичъ 33.
Короста 248.
Кощей (Кошшей) безсмертный 62. 101, 249, 251, 253.
Кузя, воръ 69.
Кукушьи горы 192.
Латынина кобылица 152.
Лобъ озеро 192.
Лоній 260.
Лутовюшка 246.
Марко Скоробогатый 144.
Маруся 246.
Марфа Прекрасная 248.
Марфида—царевна 89, 140.
Марьюшка 22, 246, 248.
Марья Дедоновна 248.
Марья Еридьевна 251.
Марья Лебедь 252.
Марья Краса 251.
Марья Моревна 256.
Мыть Пресвята Богородица 22, 246.
Микоръ 190.
Milgot 260.
Москва 41.
Мужъ Бурмисъ, дочь лисы 8.
Нагая птица 112.
Настасея Прекрасна 168; Н. Золота коса 75.
Невидимое государство 110.
Неугомонъ—царевичъ 251.
Никита Калтома 249.
Оплетало 95, 259.
Охъ 252, 258.
Палателка, дочь лисы 8,
Палестинъ царь 191.
Папа римскій 189.
Плеешна Помоишна 51, 249.
Подсолнечнее царство 252.
Покровъ, праздникъ 41.
Полярная звѣзда 250, 251, 256.
Помоишна 51.
Протопопьешна 45.
Прохоръ 188.
Рахъ разбойникъ 247.
Римъ 189.
Рогмо—гоа 264.
Романа царица 188.
Руса Руса, Рус я Руса 59, 250.
Рустемъ 254.
Сайтанъ Сайганычь 96.
Сатанинская грань 95.
Сивка бурка вѣщая коурка, конь 79.
Сіявская гора 50.
Скарида царь 188.
Солнечное царство 252.
Соловей Разбойникъ 254,

Соломоновъ храмъ 250.
Солопешное море 117, 118.
Софійская звонница 55, 250.
Суселка, дочь лисы 8.
Тарханъ 250.
Тархъ Тараховичъ, Т. Тарховичь 45, 249.
Терешичка 246.
Фалелюшка, Филюшка 246.
Христосъ 23, 144, 188, 246.
Цаганъ—Дара 248.
Челночекъ, дочь лисы 8.
Чингисъ—ханъ 266.
Чинское море 254.
Чувилиха 246.
Чуфиль—Филюшка 246.
Чуфилюшка 246.
Эргене—Хонъ 255.
Юхарь, Юхерь, островъ 150.
Яга, Яга—баба 10, 47, 49, 50; ея дочь 49.
Ягишишна 1, 10.
Ягишиваба (ба) 115, 162, 176.
Ѳедоръ Тугаринъ 252.
Ѳедосья 15.
Ѳенюшка 15.

Предметный указатель.

Алтарь 22
Ангелъ 188, 190, 191
Баба яга 47 49, 50, 60, 74, 81; ея дочь 49,; баба ягишна 115.
Баня 23, 121, 188.
Баушка задворенка 75, 78.
Безымянный перстъ 97.
Береза 51, 251. въ нее обратилась бѣглянка 77.
Вины 71, 158.
Богатырь 131 б. слѣпой 50.
Борзой 63.
Борода 189.
Ботинки подвѣнечные 51.
Бочка съ живой женщиной въ морѣ 149, 176, 247; б. съ трупомъ брошена въ море 256; бочка (гробъ), повѣшенная въ церкви 157.
Братья 31, 53 59, 61, 252.
Брусъ, обращающійся въ гору 165.
Булавица 46.
Булатные пруты 76; путы 76.
Бутылка неистощимая 175.
Быкъ 158; б. шелудливъ 118; б. аписъ 264.
Бѣлуга, проглотившая перстень 172.
Веретено 34.
Висилица 91
Вода 37; в. живая 50. 52, 105, 127, 158, 252; спльная 49; вода, въ которую обратилась бѣглянка 78.
Волкъ 70, 120, 122, 125, 154, 157, 252.
Волчиха съ волчатами 120.
Волъ 127.
Воробей 146, 159, 262. Воробьиха 146.
Ворожея (мнимая) 68.
Ворона 70, 251
Воронъ 52, 155, в. приносить живую воду 105, 127, 158.
Ворота (на нихъ разстрѣливаютъ) 108, 128.
Вѣнчальное платье 51; см. платье.
Галъ 17.
Глаза выколоты, выкололи 24, 50,

176; исцѣленіе ихъ жидкостью 50; травой 176; глазъ выбитъ стрѣлой 96. 167.
Голикъ 62.
Голова оторвана 24; головы на желѣзномъ тыну 61, 88, 111, 164; г-вы Идолища подъ камнями 126.
Голуби 177, 190; голубь 75; г. съ голубицей въ пирогѣ 78.
Гора 86, 132, 166; видъ съ горы на родину вызываетъ тоску по родинѣ 77; г. хрустальная 254.
Горы 34, 113; волшебныя высочайшія 176.
Горшокъ съ саломъ 121.
Гробъ 135; гр. желѣзный 31.
Гуси 133, 134.
Два брата 31; горшка 121; два камня 111 (см. мраморный столъ и стулъ).
Дворецъ 50, 116, дв. царскій 34, 110, 142; хрустальный 150.
Двѣ собаки 118.
Двѣнадцати-главый змѣй 156.
Двѣнадцать апостоловъ 188; богатырей въ 188; богатырей въ красныхъ фуражкахъ 129, 130; братьевъ 55, 149, 252; бутылокъ съ красными пробками 130; волковъ 256; дверей 60; дв. желѣзныхъ 155; дочерей морского царя 252; дубовъ 254; дѣвицъ 163, 249; (выборъ невѣсты изъ дѣвицъ 112, 114, 253); жеребцовъ золотогривыхъ 151; замковъ 60; кобылицъ 252; кустовъ ракитовыхъ 163; мушкетовъ, изъ которыхъ разстрѣливаютъ 108, 128; оконъ 35; поросятъ 150; пѣжинъ на лошади 252; разбойниковъ 130; роговъ 254; ружей 52; сестеръ 32; слугъ 48; телицъ (колицъ) 163; цѣпей 46, 60; часовъ ночи 31; яблоковъ 152.
Девять валовъ въ морѣ 163; головъ (бабы яги) 50.
Домъ, построенный въ ночь 169; построенный изъ ничего 177.
Доспѣхи 46.
Дочь бабы яги 49.
Дубъ 11, 25, 63, 151; д. Каракульскій 252; кряковистый 254; вывороченный 147; д. у моря 182, у озера 119, 120; д., въ которомъ заключена дѣвица 182; подъ дубомъ похоронена Настасья 160.
Дупло 145.
Дьяволъ 187, 188.
Дьяконъ 159.
Дѣвица 94; прикованная 142, 155, 157; по грудь зарытая въ землю 111; д. богатырица 96, 97.
Дѣвка чернавка 106.
Ершъ 51, 167.
Желѣзные пруты 76; ж. путы 76; ж. тынъ 61.
Живая вода 50, 105, 127, 158, 252, 254, 256, 257.
Жребій 188.
Заводъ мыловаренный 145.
Зайчиха съ зайчатами 119.
Замокъ 99, 100.
Западня 88, 114, 174.
Заяцъ (ушканъ) 19, 120, 122, 154, 155, 158.
Звонница 55.
Земля спящая 120.
Зеркало волшебное 114.

Змій 251.
Змѣи 17; семиглавыя 32.
Змѣй 154, 155; двѣнадцати-главый 156; трехглавый 155; зм. въ воротахъ 94; въ пещерѣ 65; уносящій дѣвицу 33.
Змѣя, которая обвилась вокругъ человѣка 99.
Золото 117. По колѣна въ золотѣ: мальчикъ 149, 176, 247; платье 78; конь 106, 264.
Золотая коса 75; щетинка 150.
Золотогривая кобыла 121.
Золотое кольцо 47, 48; золотой садъ 174; золотые рожки 15; яблоки 174.
Золото хвостая лисица 121.
Зубъ злой 122, 127, 157, 157.
Иголки 32.
Избушка на курьихъ ножкахъ 14, 33, 60, 70, 115, 162, 251; изб, въ которую запрещено входить 111; въ которую обратилась бѣглянка 35.
Икры отрѣзаны 161.
Каблукъ (клобукъ) 187.
Камень драгоцѣнный 109; самосвѣтный 85; плывущій по водѣ 188; два камня 111.
Карета 171.
Карты игральныя 130, 173.
Кипоръ (скипетръ?) 191.
Китъ—рыба 112.
Клеймо 80.
Клобукъ 266; см. каблукъ.
Клубокъ катится впереди пѣшехода 34; превращается въ лѣсъ и горы 74; теремъ свернутъ въ клубокъ 134.
Книга Божья 31.
Книги волшебныя 87, 113, 114.
Кобеля борзые 133, 134, 144.
Кобыла золотогривая 151; она же кобылица латынца 152.
Коверъ самолетъ 149, 173.
Ковры сорочинскіе 99, 101.
Кожучекъ 16.
Коза 36.
Козликъ 15.
Козлы (яманы) 96.
Колесо огненное 91.
Колодецъ 93.
Колонъ 94, 260.
Колпины 75; см. толпица.
Кольцо золотое 47, 99; серебряное, мѣдное 47; издающее свѣтъ 31; дѣвица обратилась въ кольцо 51.
Комаръ 41.
Коновязь 47, 106.
Конь 99; сивый въ видѣ огненнаго цей 76; конь по колѣна въ золотѣ колеса 91; богатырскій, 116; шестокрылый 50; соропѣгій 76; за 12 замками 164; за 12 дверями 48, 60, 164, 250; въ подвалѣ 46, 48, 60, 250; на 12 цѣпяхъ 46, 60, 164, 250; за девятью путами 76; подъ плитой 60; подъ палицей и плицей 106, 264, укрощеніе коня 76, 164.
Корабельщики 108, 145.
Корабли 85. Корабль 31, 94, 109, 139, 140, 147, 150, 188.
Коровка (щепка?) 107.
Коровы 50.
Король 86.
Корона 94, 191, 260.
Коршунъ вѣстунъ 121.
Коса золотая 75.

Костеръ, на которомъ сжигается злое существо 49.
Кости Ивана крестьянскаго сына 104, 105.
Костыль 94, 260, 264; желѣзный 115; к. Христа 191.
Котелъ 145.
Котъ 168, 171; котъ баюнъ, говорунъ, сказки сказывающій 25, 151, 177, 247.
Кошелекъ 31.
Крестъ 33.
Кровать у горы 87.
Кровь дѣтская 52; выплеснутая въ море 106, зарытая въ землю 107.
Кровянная дорожка 90.
Кругъ зачерченый 31.
Крупа съ дьявольской мельницы 155.
Кузнецъ 115, 177.
Купеческій сынъ 85, 108.
Купцы 150; см. корабельщики.
Лампа 138.
Левъ 154, 155, 157; л.—звѣрь 97, 113, 117, 182.
Лиса 7, 122, 125, 127, 154.
Лисица золотохвостая 121, 157.
Лось см. сахатый.
Лукошко съ сороками и кошками 80.
Лукъ 133, 134.
Львица 147; львица на цѣпи 92.
Мальчикъ пересѣченный 88, 89; разорванный 97.
Мать 20.
Медвѣдица съ медвѣжатами 120.
Медвѣдь 20, 120, 122, 123, 127, 154, 155, 157.
Медвѣдь—царевичъ 12.
Мельникъ, въ котораго обращенъ бѣглецъ 166.
Мельница 121; дьявольская 155; м., въ которую обратилась бѣглянка 166.
Мечъ 49.
Могила 168; отцовская 79.
Молоко заячье 119, волчье 120, медвѣжье 120; м. матери ское 177.
Молотъ 189.
Молотятъ мужики (силу Ягѣ копятъ) 49.
Молочная рѣка 177.
Море 63, 106, 115, 116, 123, 134, 147, 162, 163, 164, 172, 175, 188; Соловецкое 117; море—океанъ (осушеніе его) 76.
Мостъ 116, 118, 119, 134, 156, 167; хрустальный 80, 169.
Мраморный столъ и стулъ 139; ср. два камня.
Муха 140, 150, 178; м. указываетъ невѣсту 77.
Мучная дорожка 90.
Мышка 71.
Мышь 159, 252, 262.
Мѣдное кольцо 47; мѣдный садъ 174; мѣдные пруты 76; путы 76; яблоки 174.
Небеса (поднятіе на нихъ) 72.
Нога оторвана 24.
Ножъ 97.
Огарокъ Божій (отъ свѣчи) 31; ог. отъ лучины 31.
Оглядываться запрещено 31.
Огненная рѣка 166, 256; огненное колесо 91.
Огниво обращающееся въ огненную рѣку 165.
Огонь 36; добывается за небылицу

176; человѣкъ ходитъ въ огнѣ 99.
Ограда желѣзная 88.
Озеро 119.
Окаменѣніе 52.
Орелъ 37.
Островъ 109, 119, 147, 176, 188; волшебный 139; остр. Буянъ 75; остр. Юхарь 150.
Отмашь (на отмашь) 32, 166.
Отрубаніе рукъ, ногъ и головы 187, 188.
Павлиное перо 111.
Палица 46, 48, 49, 59, 61.
Пальникъ (косачъ) 18.
Паутъ 41, 252.
Пашня 165.
Перо павлиное 111; правильное 134, 135. 167.
Перстень 14, 123, 127; волшебный 168, 171, 175.
Пещера съ 12 братьями 56; со змѣемъ 65.
Пирогъ съ живыми голубями 78.
Платокъ превращающійся въ рѣку 74.
Платье вѣнчальное 51, 175; пл. по колѣнь въ золотѣ 78.
Плеть проволочная 164.
Плита, подъ которой конь 60; пл. на могилѣ 168.
Плотъ 97.
Пляска 189.
Погребокъ серебряный 161.
Подвалъ 46, 48; запечатанный 92.
Подвязки шелковыя 133.
Подземный міръ 50; см. провалье.
Попь 5; бѣглецъ, обращенный въ попа 78.
Порохъ 95.
Порфира 260.
Поясокъ шелковый 45.
Прапорщикъ 95.
Превращенія 35, 51. 77, 140, 167; рядъ превращеній гонителя и гонимаго 65, 167. Превращеніе бруса въ гору 165, клубка въ лѣсъ и горы 74, огнива въ рѣку 165, платка въ рѣку 74, человѣка въ березу 77, въ избушку 35, въ мельницу 166, въ кольцо 51, въ воду 78, въ селезня 78, 167, въ церковь 78, 166; обращеніе салфетки въ мостъ см. салфетка.
Провалье 49, 50.
Прогалище 86, 132.
Прорубь 21
Пруты 76.
Прятанье 112.
Пташка 136, 137.
Путы 76.
Пучина морская 109.
Пчела 252.
Пшено бѣлоярое 133, 134.
Пьяницы 112.
Пѣтухъ 32.
Пѣтушокъ 6.
Разбойники 74, 130.
Райскія птицы 80
Ракъ 252.
Рожки з лотые 15.
Роща непроходимая 166.
Рубашка 75. 163; волшебная 101, 104, 105, 111.
Рука оторвана 23; изломана 51; руки отсѣчены 2, 166.
Рѣка огненная 166, 256.
Рѣпа 9.

Рѣчка 147.
Садъ мѣдный, серебрянный и золотой 174.
Сало змѣя 154; см. горшокъ съ саломъ.
Салфетка 125, 165; салфетка (мостъ) 116, 118, 119, 133, 134.
Сапоги скороходы 173.
Свинка золотая щетинка 150.
Свѣча сама загорается 88.
Свѣчка волшебная 65.
Селезень, обращенный бѣглецъ 78, 167; с. золотопёрый 107.
Серебро 177.
Серебрянное кольцо 47; —ный садъ 174;—ныя яблоки 174.
Сковорода 158.
Сильная вода 49.
Слезы 122, 156, 157.
Слѣдъ человѣчій 86, 147; звѣриный 147: см. мучная дорожка.
Слѣпой богатырь 50, 250.
Слюни говорящія 165.
Сновидѣніе 119, 146, 155.
Снѣгъ (цвѣты цвѣтутъ въ снѣгу) 144.
Собака 167, 171, 191;собаки 118, 120, 122.
Соколъ 178.
Солдатъ 173, 191, 249.
Солдаты (изготовленіе ихъ посредствомъ молотьбы, тканья) 49.
Сонныя капли 51.
Сонъ 25, 62.
Сорока 45, 51, 80.
Сорокъ баушекъ 59, 62; дней плаванія 188.
Сохатый (лось) 19.
Спящая земля 120.
Старецъ 146.
Старикъ 31, 70, 87, 105, 139, 145, 153; дающій огонь за небылицу 176; въ котораго обратился бѣглецъ 36.
Старуха 14, 33, 45, 46, 59, 70, 75.
Столбъ желѣзный 251; чугунный 60, 251; каменный, въ который заложенъ человѣкъ 171, 190; по которому кузнецъ молотомъ бьетъ 177; съ котораго видно въ тридесятомъ царствѣ 149; столбъ среди морской пучины 109; столбъ съ кольцами (коновязь) 47, 99; съ ширинкой 79; съ прикованной се- строй 122, 127.
Стрѣла желѣзная 133, 134.
Сука 251.
Сумка безпрожитная 101, 103, 105.
Теремъ 47, 75, 133, 134, 150, 156; т. свѣтится 161.
Ткутъ дѣвицы (Ягѣ силу копятъ) 49.
Толпица (колпица) 163.
Трава исцѣляющая слѣпоту 176; бѣгляика прячется подъ траву 74.
Три апостола 144; бабы—яги 60, 61 брата 85; булки 13; волшебницы 149; года 98, 161, 172; года сна 59; дня 146; дочерей 15; дуба 86; дѣвицы 45, 133; женщины (двѣ бабы яги и мать Тарха) 47; избушки на курьихъ ножкахъ 34;
калача 144; камня 191; 250; кольца 47,
куска хлѣба 133; матери 59; 62; ночи 31, 252; обруча 31, подносителя подарковъ царю 31;

прута 76; прутка изъ вѣника 165; раза 45, 55, 105, 128; сестры 257; старухи 34; сына 18, 25, 45, 79. 81, 132, 187; табуна 99; туевова (бадажка) 13; цѣни 34.
Тридцать братьевъ 59, 61, 62; дѣвицъ 87; молодцовъ 86, (крылатыхъ) 135, 168.
Тридцать три дѣвицы, тр. три колпицы 75.
Трое сутокъ 13, 105, 110, 112, 114, 128, 135, 136, 142.
Троекратность 246.
Трои чарки (башмаки) 13; путы 76.
Троянка 139, 153, 163.
Туфля 67.
Тынъ желѣзный 61, 111, 134, 164.
Узда (конь безъ узды не продается) 106.
упырь 246.
Утка 51, 63, 167.
Уши 46.
Ушканъ (заяцъ) 19.
Хмѣль 98.
Храмъ Божій (постройка его) 76.
Хрустальная гора 255;—ный мостъ 80, 169.
Царица 66.
Царская дочь 32, 137, 156, 174.
Царь 12, 23, 33. 67, 76, 102, 136.
Цвѣтокъ обращающійся въ дѣвицу 246.
Цвѣты въ снѣгѣ 144,
Церковь 22, 31, 61, 158, 248; выстроенная въ ночь 170, обѣзянка обратилась въ церковь 78, 166.
Цѣпочка серебряная. 124.
Чеботарица 67.
Чеботарь 66.
Челонъ 94, 260.
Челпанъ 93.
Чернавка дѣвка 106.
Чертенокъ 35.
Четыре мастера дѣлаютъ статую 137, 138.
Чортъ 36, 74, 162.
Шапка невидимка 173.
Шарикомъ дѣти играютъ (Ягѣ силу копятъ) 49
Шашка (сашка) волшебная 101, 103. 105
Шершень, въ него обратился бѣглецъ 77.
Шестокрылый конь 50.
Шипнака 34, 79.
Шкатулка 87.
Шкафъ 137.
Щенокъ 176.
Щепка см. коровка.
Щеть (щиеть) обращающаяся въ рощу 165.
Щука 51, 63, 167, 251, 252.
Яблоко 2, 107.
Яблоня, выросшая изъ крови 107; яблочное дерево 177.
Яйца 69; въ яйцѣ (смерть Кощея) 63, 253, 255;
въ яйцѣ любовь 254.
Яманы (козлы) 96.
Ястребъ 51, 140, 177.
Ящикъ 62.

КЪ ИНОРОДЧЕСКИМЪ СКАЗКАМЪ.

Указатель собственныхъ именъ.

Абаканъ рѣка 243.
Аканъ 214.
Аксалгынъ 234.
Аку пастухъ 213.
Алатай-Бергень 214.
Албавъ-Часъ 210.
Алмысъ-ханъ 199.
Алты Туркай 234.
Алтынъ см. Буйля.
Алтынъ-Арыхъ 209.
Алтынъ-Бурханъ 232.
Алтынъ-Глышъ 231.
Алтынъ-Манлыхъ 234.
Алтынъ-Миргенъ 234.
Алтынъ Мурганъ (Алтынъ Манлыхъ) 234.
Алтынъ Мурканъ 209.
Алтынъ-Сабакъ 232.
Алтынъ-ханъ 231.
Алтынъ-Хартыга 232.
Арыхъ 209.
Байдыръ силачъ 196.
Байчокъ-Ратылъ-Паралегонъ 218.
Буйля Алтынъ 217.
Бурханъ 232.
Бѣлый царь 209.
Глышъ 231.
Декъ богатырь 199.
Дельмысъ-ханъ 199.
Джекъ см. Ханъ-Дж.
Желтый царь 213.
Земляной богатырь 195.
Змѣиный царь 238, 239.
Золотой бѣлокъ, отецъ богатыря 195.
Нючмы ъ богатыри 198.
Каленый уголь богатырь 195.
Камблекъ 220.
Каналакъ 243.
Канару богатырь 196.
Кавгара 233.
Конджалъ Тысъ 235
Кандырка 241.
Канъ-Бергень 210.
Караголъ 234.
Каралогъ 218.
Каратыканъ 195.
Кара Югвола 218.
Каргалай бергень 216.
Кастеякъ-бергень 214.
Кирундышъ 203.
Кульденекъ 221.
Кунъ тайга 234.
Купрутукъ 218.
Кускуракъ 195.
Кырканъ 217.
Манлыхъ 234.
Марь, женщина 214.
Молочное море, мать богатыря 195
Мурганъ 234.
Немуртань бергень 215.
Оттугъ-ерь 212.
Паралегонъ 218.
Пустугъ-Казъ 209.
Ратылъ 218.
Сабакъ 232.
Сары-ханъ 231.
Тагданакъ 221.
Тельмеганъ богатырь 219.
Туркай см. Алты Т.

Тысъ см. Канджалъ Т.
Тюрлю-Казъ 209.
Уллу-ханъ 232.
Ханъ-Джекъ 232.
Ханъ-Чокъ 234.
Хартыга 232.
Челбоганъ (Челмоганъ) 225.
Челмоганъ 220.
Чельмезень 221, 223.
Чокъ см. Ханъ ч.
Чултукъ -Купрутукъ -Чуръ-Каралогъ 218.
Чуръ-Каралогъ 218.
Шаньжара 195.

Предметный указатель.

Береза съ золотыми листьями 228.
Бѣгъ коней 234.
Верхушка земли 228.
Вершина горы 229; ср. в- земли.
Волки желтые 209.
Вороной жеребецъ 224;
Восемь ушей у коня 195.
Выдра, въ ней жизнь богатыря 199.
Гады 237.
Гнѣздо на вершинѣ земли 228.
Горностай, превращеніе въ него 217.
Гребешъ, уронешый въ море 230.
Грудь выжженая 216.
Гуси изъ моря (смерть Челбогана) 225.
Два желтыхъ волка 209.
Двѣнадцать богатырей 196; цѣпей 229.
Девяти саженный камень 232.
Девять богатырей 220, 224, 235; головъ 217.; дней 199, 209, 210, 219, 242, 243; дѣвушекъ 233; крысъ 222; лѣтъ 212, 220; ножей 217 (два изломаны, семь обращаются въ богатырей); оконъ или окошекъ 217; 232; окуней—богатырей 230; подпругъ 232; разъ 224; рядовъ чугунной брони 233; рядовъ чугунныхъ плитъ на мѣстѣ богатырскаго боя 212; саженъ навозу 209; саженъ снѣгу 222; сутокъ 224; сыновей 224; чашекъ вина 232.
Деготь 216.
Домъ на двѣнадцати цѣпяхъ (въ немъ невѣста) 229.
Дубъ 203.
Дѣвица подъ землей 196; дѣвица обращается въ муху, въ коня 220, 223; ходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ 228.
Ершъ 230.
Жаръ и снѣгъ, вызванные волшебствомъ 222
Желѣзная гора 195; юрта 203; шуба 203;—ный богатырь 223, домъ 217.
Живая вода 223.
Заяцъ, превращеніе въ него 217.
Земля, ея середина 198; верхушка 228.
Змѣй семиголовый 239; шестиголовый 238.
Золотая дѣвица 220, 22[illegible]
Золотошерстый конь 236.
Игренія лошадь 226.
Каменный богатырь 223.
Камень 203; девяти-саженный 232; съ корову 216; черный 212; обращеніе

въ камень 199; четыре камня, на которыхъ стоятъ 4 ноги коня 217.
Каурый конь 231, 232.
Китъ 228, 230.
Книга 199; четыре книги 224.
Козелъ, обращеніе въ него 223.
Кольцо, въ него обращена дѣвица 213.
Комаръ, превращеніе въ него 217.
Коновязь 211.
Конь золотошерстый 236; рыжій 217, 220, 225; стоящій на четырехъ камняхъ 217; дѣлающій сухой проходъ черезъ рѣку 244, 245; дѣвица обращается въ коня 223.
Котлы 230.
Крыло свѣтящееся 227.
Линя 230.
Лисица, превращеніе въ нее 199, 223.
Ловля коня 223, 227.
Лошадь топчетъ ниву по ночамъ 226.
Маралъ 224.
Медвѣдь, обращеніе въ него 223.
Молоко 229.
Море 203, 228, 238.
Муха подслушивающая 220, 224; превращеніе въ муху 197, 217.
Мышь 224.
Налимъ, превращеніе въ него 199.
Окунь 230.
Олень, обращеніе въ него 223.
Очагъ изъ трехъ камней 199.
Пастухъ 213.
Пиво изъ мочи 221.
Платокъ 239.
Подземный міръ 212.
Превращеніе 217, 223; въ горностая и зайца 217, коня 220, 223, лисицу 199, 223; медвѣдя 223, муху 197, 217, 220, 223, налима 199; оленя 223; въ сережку 196; обращеніе ножей въ богатырей 217.
Пѣна съ вина 228.
Рубашка ядовитая 237.
Рѣка (образуется сухой проходъ) 244, 245.
Семиголовый змѣй 239.
Семнадцать головъ змѣя 239.
Семдесятъ семь богатырей 216.
Семь богатырей изъ ножей 217, 221; горъ 216; граней у копья 195; дней 197, 199, 217, 233, 245; лѣтъ 196; ночей 232, 233; рѣкъ 195, 198; сутокъ 236; въ семи мѣстахъ тѣло разсѣчено 197.
Середина земли 198, 231; мѣсто, гдѣ собираются со всей земли звѣря и птицы 217.
Сережки (обращеніе въ нее) 196.
Слѣпой 243.
Смерть или жизнь богатыря въ гусѣ изъ моря 225; въ выдрѣ 199.
Смола кипящая 230, 231.
Снѣгъ и жаръ, вызванные волшебствомъ 222.
Соколъ, обращеніе въ него 198.
Солнце 229.
Сороковедерная бочка 228.
Сорокъ лошадей убатыхъ 218; лѣстницъ 228, 229.
Старикъ, варѣкающій имя 210; ср. Сарыхапъ, 232.
Старуха съ выжженой грудью 216.
Сынъ (бой съ отцомъ) 245.
Товарищи навязывающіеся 220.
Трехгранное копье 198.

Три богатыря 196, 197, 232; брата 226; дня 209, 210, 220, 227, 228, 232, 243; дочери змѣинаго царя 238; дочери Челбогана 224, 225: дѣвицы 224; жеребенка соловыхъ 227; камня очага 199; к тла 230; ночи 215; подруги 233, 234, 241; просьбы 230; раза 216, 217; свиста 238; вътри пріема ловля лошади 223; дубъ въ три обхвата 209.
Тридцать пуговицъ 211.
Трое сутокъ 213, 236, 237.
Туманъ отъ конскаго бѣга1 96, 235; отъ богатырскаго боя 212, 233; подъ видом тумана сила богатыря 209.
Хлѣбъ изъ кала 221.
Хромой 243.
Царь змѣиный 238.
Черный камень 212.
Четыре богатыря 195; камня, на которыхъ стоятъ ноги коня 217; четыре стола, ч. книги, ч. человѣка за чтеніемъ 224.
Четырехугольная земля 211.
Чугунная площадь, мѣсто богатырскаго боя 212;—ный полъ въ три ряда 233.
Чудовище 198.
Шести головый змѣй 238.
Шестнадцать головъ змѣя 239.
Шесть дней и ночей 244; земель 209, 210; морей 210; въ шести мѣстахъ разорвано тѣло 210.
Шестьдесятъ земель 211.
Юрта берестяная 210.
Ядовитая рубашка 237.
Ядъ 237.
Яицо, въ немъ жизнь богатыря 200; въ немъ теремъ 240.
Ящикъ съ приданымъ 230.

Опечатки.

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ.
19	14	До что ты	Да что ты.
51	4	спрашиваютъ	спрашиваетъ
85	29	амосвётный	самосвётный
38	6	камснь	камень
	7	иыъ	ихъ
	14	Воударь	Восударь
	20	вссь	весь
	23	можете	можете
	28	берегу	берегу
87	1	сацогу	сапогу
	8	книгу	книгу
	12	выхсдилъ	выходилъ
	15	вобратнб	вобратно
88	13	найдешч	найдешь
	24	спустисья	спустисься
	28	нересёки	нересёки
	30	принее	принеси
	33	лежитъ	лежитъ
89	11	ивартеру	квартеру
	13	какой-нябуль	какой-нибудь
	16	чисна	числа
	18	скрытноо	скрытно
	19	царевна	царевна
	24	явилея	явилея
	26	явилои	явился
	28	пособлю	пособлю
	37	мальникъ	мальчикъ
91	8	Такѣ	такъ
	10	подай	подай
	18	иодалъ	подалъ

	25	сторону	сторону
	28	ничего	ничего
	31	товаряшшъ	товарищшъ
	32	твубки	трубки
92	2	сиваро	сивого
	4	найти	найти
	12	нѣшкомъ	нѣшкомъ
	20	занесля	занесли
	24	поисъ	понесъ
		пошелъ	пошелъ
93	9	хитрость	хитрость
	14	купилъ	купи ъ
94	14	поставили	поставили
	18	попадемъ	попадемъ
	27	спрашивала	спрашивала
	29	не надъ	не надъ
95	18	вогон	вогонь
	19	прапоршшкъ	прапоршшикъ
	30	оглянулся	оглянулся
	32	никоро	никого
	38	побѣжалъ	побѣжалъ
96	2	иро	него
	15	накрѣнко	накрѣнко
99	12	сорочинскіе	сорочинскіе
	27	не той	не той
100	2	и Заби	Заби
	3	заверты	заперты
	15	рукн	руки
	33	Я и хлопотать	Я и хлопотать
	34	хозяин	хозяина
104	10	миого	много
	11	сынова	сына
105	5	ворочъ	воровъ
	25	привелъ	привялъ
106	20	смотри	смотря
	35	ведутъ	ведутъ
		и говоритъ	и говоритъ
108	33	орговля	торговля

110	18	дкорецъ	дворецъ
111	7	дѣвичцу	дѣвицу
112	6	красивыи	красивыя
113	37	спрячь	спрячь
117	33	дервъ	древъ
121	2	всятими	всякими
122	5	бѣню	баню
	24	призыскиваешъ	призыскиваетъ
	32	дитъ	сидитъ
124	16	пролежали	пролежали
	22	вести	вести
126	26	никогда	никогда
130	12	сапсь	садись
	16	лиграть	играть
131	28	берещься	берешься
	36	еребра	серебра
132	31	гиру	гору
133	14	поналъ	поналъ
135	33	восудврь	восударь
137	21	мого	могъ
143	1	подписки	подписки
	2	поставьте	поставьте
	13	ходилъ	ходилъ
	31	мезенилъ	мезенинъ
145	19	и выдалъ	и выдалъ
151	20	Эго то	Эго что
154	10	молодедъ	молодецъ
158	25	ама	сама
	26	родпители	родители
	27	блины	блины
161	30	подаетъ	подаетъ
162	12	запирайте	запирайте
	14	возмотался	возможался
	24	передоомъ	переломъ
	32	впередъ	впередъ
164	9	минули	минули
165	10	меѣ	мнѣ
166	6	Возьии	Возьми

	26	мельникомъ	мельникомъ
169	12	прибѣгаютъ	прибѣгаютъ
		принай	приннай
170	8	Беличество	Величество
	19	баринъ	баринъ
171	4	дичтвительно	дистивтельно
	19	мололцовъ	молодцовъ
	29	соолюбовнику	сполюбовнику
173	17	экгь	зять
175	18	никоге	никого
176	22	не часамъ	по часамъ
	27	благослевила	благословила
177	4	чорезъ	черезъ
	26	пропускалъ	пропускалъ
178	37	нхъ	ихъ
	38	своей	своей
179	2	никого	никого
	22	Ели	Если
	36	кыргывъ	кыргызъ
180	24	в онъ	и онъ
187	13	ионесу	понесу
	24	спришиваетъ	спрашиваетъ
189	32	говорилъ	говоритъ
197	5	никоге	никого
	6	поѣхелъ	поѣхалъ
199	32	вовдуху	воздуху
203	29	ужинаетъ	ужинаетъ
205	6	Кирундыша	Кирундуша
209	25	своеге	своего
220	18	много	много
221	18	товарящами	товарищами
	38	телерь	теперь
222	10	девять	девять
223	1	гоорить	говоритъ
	3	ви приходи	и приходи
	7	они	они
224	12	больще	больше
226	26	захотѣлъ	захотѣлъ

229	3	геворитъ	говоритъ
237	34	немпого	немного
238	21	жять	жить
239	5	подпнматься	подниматься
	25	зубями	зубами
240	2	другоге	другого
	17	Иошли	Пошли
	22	третьиму	третьему
241	23	матушиа	матушка
242	3	пужемъ	мужемъ
	14	и воюй	и вою̀й
	24	приподнялся	приподнялся
243	26	иролилъ	пролилъ
244	27	ясе	все
	33	къ пимъ	къ нимъ
247	16	клевстника	клеветника
248	2	предетавлять	представлять
	20	Иванъ, крестьянскій сывъ	крестьянскій сынъ
	36	Бендыря	Бондыря
254	12	наблюденіомъ	наблюденіемъ
	22	сказли	сказки
	26	эпизодъ	эпизодъ
	30	Исфедіаромъ	Исфендіаромъ
258	12	трудне	трудно
	18	ироцессъ	процессъ
	26	но ве изъ	но не взъ
	30	встрѣаются	встрѣчаются

Записки по этнографіи.

Томъ 1, выпускъ 1, 1902 г. Русскія сказки и пѣсни въ Сибири и другіе матеріалы.

Томъ 1, выпускъ 2. Русскія и инородческія сказки Енисейск. и Томск. губерній.

Записки по антропологіи.

Томъ 1, выпускъ 1, 1905 г. *К. И. Горощенко.* Матеріалы по антропологіи Сибири.

Записки по метеорологіи.

Томъ 1, выпускъ 1, Наблюденія метеорологическихъ станцій Енисейск. губ. За 1901 годъ.

Томъ 1, выпускъ 2. Тоже за 1902 г.

Записки по статистикѣ.

Томъ 1, выпускъ 1, 1901 г. *В. Ю. Григорьевъ.* Перемѣны въ условіяхъ экономической жизни населенія Сибири.

– 7 МАЯ 1941

Изданія Красноярскаго Подъотдѣла.

Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества.

ЦѢНА.

1. **Извѣстія.** Томъ 1, выпуски 1, 2, 3, 4, 5 и 6 . . . . . 3 руб. — к.

2. **Записки по этнографіи.** Томъ 1, выпускъ 1. Русскія сказки и пѣсни въ Сибири и другіе матеріалы . . . . . 2 руб. — к.

Томъ 1, выпускъ 2. Русскія и инородческія сказки Енисейск и Томской губерній . . . . . 3 руб. — к.

3 **Записки по антропологіи.** Томъ 1, выпускъ 1. Гороценко. Матеріалы по антропологіи Сибири . . . . . 1 руб. — к.

4 **Записки по метеорологіи.** Томъ 1, выпуски 1 и 2 . . . 1 руб. 20 к.

5 **Записки по статистикѣ.** Томъ 1, выпускъ 1. В. Ю. Григорьевъ. Перемѣны въ условіяхъ экономической жизни населенія Сибири . . . . . — 50 к.

3 рубля.

2007051284